

Нью
ЖАКОММО

БЕРЕГ
ЧЕРНОГО ДЕРЕВА
И СЛОНОВОЙ КОСТИ

БИБЛИОТЕКА ПРИКЛЮЧЕНИЙ

БИБЛИОТЕКА ПРИКЛЮЧЕНИЙ

**БЕРЕГ ЧЕРНОГО ДЕРЕВА
И СЛОНОВОЙ КОСТИ**

КОРСАР ИНГОЛЬФ

ГРАБИТЕЛИ МОРЕЙ

Дру

ЖАКОЛЛО

**БЕРЕГ
ЧЕРНОГО ДЕРЕВА
И СЛОНОВОЙ КОСТИ**

БИБЛИОТЕКА ПРИКЛЮЧЕНИЙ

Пермь 1993

**ББК 84.4 Фр.
Ж 12**

**Текст печатается по изданиям:
Черный Штурман.— Л.: СП «СМАРТ», 1990.
Жаколио Л. Корсар Ингольф.—
М.: Бук Чембэр Интернешнл, 1991.
Жаколио Л. Грабители морей.—
М.: Бук Чембэр Интернешнл, 1991.**

Перевод с французского

Оформление А. Филиппова

Часть первая ПОСЛЕДНЕЕ НЕВОЛЬНИЧЬЕ СУДНО

ШХУНА¹ «ОСА»

25 июня 185 * года шхуна «Оса», принимавшая в Ройяне груз для Габона, Конго, Лоанго, Анголы и Бенгелы, получила от своих отправителей в Бордо, братьев Ронтонаков, приказание выйти в море.

Трехмесячная стоянка этого судна на рейде давала пищу для разговоров рыбакам, которые занимались ловлей сардинок и часто посещали небольшой порт Жиронды. Они находили, что корпус шхуны слишком поднят, водорез чересчур

¹ Ш х у н а — парусное морское судно с двумя и более мачтами и косыми парусами.

тонок, мачты с их принадлежностями слишком высоки и чересчур уж кокетливо наклонены к корме для простого торгового конвоира, а борт, хотя и без малейшего намека на люки, высок, как на военном судне. Два румпеля¹ — один впереди мачты, другой на задней части кормы под гиком грота² — ясно обозначали, что при постройке шхуны арматоры³ имели в виду, чтобы она в любую погоду могла смело идти на все опасности морских переходов. В ней было около шестисот тонн, что необычайно для простой шхуны; над ней развевался флаг, усеянный звездами Америки.

Одно обстоятельство еще более усиливало недоумение моряков, собиравшихся по вечерам в кабачках на морском берегу: за всю долгую стоянку шхуны ни один человек из ее экипажа не сходил на берег. Каждое утро капитан садился на один из пароходов, ходивших по реке, ехал в Бордо и каждый вечер тем же путем возвращался на свое судно. Каждый день можно было видеть, как помощник капитана молча расхаживает на корме, в то время как вахтенные под надзором боцмана⁴ убирают судно, чинят паруса или покрывают палубу тройным слоем смолы.

Любопытные пытались разговориться с негром, корабельным поваром, который аккуратно каждый день отправлялся за провизией в деревню, но им скоро пришлось отказаться от попыток, потому что повар ни слова не понимал по-французски, по крайней мере никогда не отвечал, когда с ним заговаривали на французском языке, что, впрочем, нимало не мешало ему в торговых сношениях, так как он отлично объяснялся с торговцами с помощью международного языка, заключавшегося в трех словах: франк, доллар и шиллинг. Закончив свои покупки, он знаками приказывал перенести все в шлюпку, окрещенную моряками оригинальным прозвищем «Капустная почта», и, искусно управляя задним веслом, приближался к борту шхуны, а минуту спустя бывал уже поднят

¹ Р у м п е л ь — рычаг для поворачивания руля судна.

² Г и к — горизонтальная балка, одним (передним) концом подвижно укрепленная в нижней части мачты (в данном случае грот-мачты) и идущая по направлению к корме; служит для растягивания нижней кромки паруса. Г р о т — самый нижний парус на второй от носа мачте (грот-мачте).

³ А р м а т о р, или к а п е р — лицо, занимавшееся каперством, то есть захватом (с ведома своего правительства) коммерческих неприятельских судов или судов нейтральных стран, занимавшихся перевозкой грузов в пользу воюющей страны. Было запрещено в 1856 году. В широком смысле каперство — морской разбой.

⁴ Б о ц м а н — лицо младшего командного состава, в обязанности которого входит содержание судна в чистоте, наблюдение за состоянием шлюпок, такелажа и другого оборудования.

на судно со своей провизией. А чего бы не рассказали добродушные ройянские рыбаки, если бы знали, что таинственное судно, значившееся по формальным документам американским, было заполнено разноплеменным экипажем и находилось под командой американца французского происхождения капитана Ле-Ноэля!

После самых странных предположений общественное любопытство успокоилось из-за отсутствия фактов. Однако все пришли к единодушному выводу, что это загадочное судно со своими изящными формами, продолговатым и узким корпусом, высокими, как на корвете, мачтами, роскошными парусами должно быть первоклассным ходоком и что все эти достоинства очень редко встречаются на скромных береговых судах, предназначенных для меновой торговли по берегам Сенегамбии и Конго.

Однажды к шхуне подвели на буксире шесть плашкоутов¹, которые были размещены вдоль борта, и привезенные грузы стали немедленно выгружать на шхуну; все это были обыкновенные товары для торговли с африканскими берегами: ром, куски гвинейской кисеи, медный и железный хлам — ножи, старые сабли, литихские ружья по шести франков за штуку, стеклянные изделия, ящики с сардинками, одежды, обшитые галуном, для вождей, трубки глиняные и деревянные, удочки, сети и прочее. Мало-помалу «Оса» погрузилась до грузовой ватерлинии² и после разгрузки последнего плашкоута могла оставить порт по первому сигналу.

Утром, накануне того дня, когда шхуна должна была сняться с якоря, капитан Ле-Ноэль, сойдя с парохода на Балканскую набережную, направился, по обыкновению, прямо в магазины своих арматоров. Лишь только он переступил порог, Ронтонак-старший молча махнул ему рукой, чтобы он следовал за ним в кабинет.

Дверь тихо затворилась за ними, и негоциант³ сказал моряку без всякого предисловия:

— Капитан, мы должны высадить четырех пассажиров в Габоне.

— Четырех пассажиров, господин Ронтонак? — повторил капитан, совсем ошеломленный. — Но вам известно...

¹ П л а ш к о у т — плоскодонное несамоходное судно (баржа) для перевозки грузов внутри порта, а также для устройства наплавных мостов (плашкоутных мостов) и пристаней.

² Г р у з о в а я в а т е р л и н и я — черта вдоль борта судна, показывающая предельную осадку судна, имеющего полную нагрузку.

³ Н е г о ц и а н т — оптовый купец, ведущий крупные торговые дела, главным образом с другими странами; коммерсант.

— Тише! — сказал арматор, приложив палец к губам. — Не было никакой возможности устранить эту помеху: я получил требование от главного комиссара адмиралтейства. Малейшее колебание подало бы повод к бесчисленным подозрениям, которые возбуждаются против нас недоброжелателями, они ожидают только случая, чтобы предать их огласке.

— Никто не знает, что «Оса» принадлежит вам, потому что в портовых книгах я записан как хозяин и капитан. Судно построено в Новом Орлеане, где я родился у французов, натурализовавшихся в Америке. Я плаваю по морям под флагом, усеянным звездами. Для целого мира вы только мой товаротправитель. Отсюда следует, что никто не имеет права навязывать нам пассажиров и что вы поступили очень неблагоприятно: это может вам стоить пятьсот или шестьсот тысяч франков, а меня со всею командою отправят на рей¹ английского фрегата!

— Говорят вам, я никак не мог отворотить эту беду. Известно ли вам, что мы обязались перевозить почту и легкие грузы между Бордо и французскими колониями Тихого океана?

— Не понимаю, какая связь существует между этим и...

— Дайте же мне закончить. Морское министерство, по заключенному между нами контракту, имеет право за условленную плату требовать отправления своих пассажиров, колониальных солдат и чиновников на всех судах, направляемых нами во все страны мира, в количестве двух человек на сто тонн груза. «Оса» — в шестьсот тонн, и правительство имело право заставить нас взять двенадцать пассажиров вместо четырех.

— Но, господин Ронтонак, вам следовало бы отговориться вашим мнимым званием простого отправителя товаров.

— Я так и сказал, что судно не мне принадлежит, но что я постараюсь заручиться вашим согласием.

— Что за загадки? Признаюсь, я не понимаю.

— Послушайте, капитан, вы так сметливы, что должны понимать с полуслова. Через каждые два года «Оса» приходит в Ройян за грузом, всегда по одному и тому же назначению, и вот в наших краях уже носят слухи, что в продолжение столь долгого отсутствия никогда никто не встречал ее у берегов Конго и Анголы; на этот раз клевета обозначилась еще резче...

¹ Рей, или рея — поперечный брус, прикрепленный к мачте судна; предназначен для крепления прямых парусов и поднятия сигналов.

— О! Вы могли бы сказать просто: злословие! — перебил его Ле-Ноэль, улыбаясь. — Мы свои люди.

— Ну вот вы и поняли, — подхватил Ронтонак, — пускай будет так — злословие... Я хотел разом ответить на него, согласившись принять этих пассажиров. Вчера, выставив на бирже объявление о времени отплытия шхуны, я мог уже лично убедиться, что эта мера произвела превосходное действие.

— Может быть, вы правы, однако мы подвергаемся большой опасности.

— Все уладится, если принять некоторые предосторожности. Кто мешает вам высадить этих почтовых господ в Габоне и потом уже продолжать путь?..

— Мне придется бороться со страшными опасностями, которых вы, кажется, не в состоянии и предвидеть. Если внешность моего судна успела возбудить здесь некоторые подозрения, то в море дело принимает совсем другой оборот. Когда шхуна идет под ветром, вся оснащенная парусами, со средней скоростью двенадцать узлов¹, глаз моряка не ошибется и тотчас поймет, что это не какое-нибудь дрянное суденышко на веслах, перевозящее арахис, буйволовые рога и пальмовое масло. Следовательно, весьма опасно приближаться к берегам, находящимся под надзором европейских крейсеров, в особенности с тех пор, как морские державы предоставили себе право осматривать чужие суда. Из этого вы можете понять так же хорошо, как и я, какой опасности мы подвергаемся. Нельзя иметь в трюме двенадцать нарезных орудий, ружья, аптеку со снадобьями на четыреста человек и целый склад цепей, которые совсем не похожи на те, которые изготовляют для быков. А эта винтовая машина, искусно скрытая в трюме, а эти железные кольца, привинченные на равных расстояниях под кубриком²!.. Неужели вы думаете, что самый глупый морской офицер мог бы обмануться в их назначении?

— Не можете ли вы снять их временно?

— К чему это послужит? И без них остается еще двадцать тысяч причин, чтобы повесить меня со всей моей командой! Первое, что потребует от нас военный крейсер, — это страховой полис, потому что все хорошо знают, что подозрительные суда не могут подвергать себя этой формальности, а когда мы ответим, что судно не застраховано, немедленно начнется обыск сверху донизу. Вам известно, какие ужасные

¹ У з е л — единица скорости, соответствующая одной морской миле в час, или 1,852 км/час. 12 узлов = 24,224 км/час.

² К у б р и к — общее жилое помещение для судовой команды.

преследования я выдержал. Мы указаны с подробными приметами всем флотам, хотя ничего еще не известно об имени и национальности судна... Поверьте мне, господин Ронтонак, вы сделали огромную ошибку! А мы надеялись на такое приятное плавание! Король Гобби обещал нам сто штук черного дерева, а вам хорошо известно, что в Бразилии дадут в настоящее время около трех тысяч франков за штуку.

— Увы! — вздохнул Ронтонак. — Даже при том предположении, что какой-нибудь десяток из них испортится на море, все же принесло бы нам около миллиона барыша.

— А я-то рассчитывал уже бросить это ремесло, чтобы зажить наконец честной жизнью в ранчо, которое устроил себе на берегах Миссисипи.

— И действительно, это должно быть вашим последним путешествием, в настоящее время так трудно вести это дело.

— Однако дело уже сделано, и так как нет средства отступить, то надо придумать средство выпутаться из этой беды так, чтобы вы не потеряли вашего корабля и товара, а я не расстался бы со своей шкурой.

— Что же остается делать?

— У меня есть в виду план... Ведь вам только нужно, чтобы пассажиры были доставлены на место, но все равно когда и как?

— Конечно, только с одним условием...

— Чтобы они были действительно?..

— Именно так.

— Я ручаюсь за них!

— И за плавание тоже?

— И за плавание тоже, со всеми его выгодами, но после этой операции нам следует расстаться. Это решено?

— Решено! И когда «Оса» вернется на рейд Ройяна, я пошлю ее за треской к Ньюфаундленду.

— Поверьте мне на слово и позвольте продать ее в Бразилии: это будет безопаснее.

— Пожалуй, действительно лучше ей не возвращаться сюда.

— Господин Ронтонак, если вам нечего более сообщить мне, то позвольте мне иметь честь проститься с вами.

— Все ли документы вам выданы?

— Брат ваш уже позаботился об этом.

— Так теперь у вас все в порядке?

— Совершенно!

— В котором часу пассажиры должны явиться?

— Сегодня же до полуночи, потому что я намерен отплыть завтра на рассвете.

— Кстати, когда вы продадите груз черного дерева, то капитал, по обыкновению, положите в банк Суза-де-Рио, за исключением вашей доли, и вышлите мне переводный вексель.

— Все будет сделано как прежде.

— Ну, желаю вам благополучного плавания и успеха в делах!

Капитан Ле-Ноэль немедленно вышел на набережную, намереваясь отправиться прямо на шхуну. Кусая кончик погасшей сигары, он проворчал сквозь зубы:

— Вот пассажиры, которым предстоит приятное путешествие!

На другой день рано утром, едва взошла заря, легкокрылая «Оса» неслась на всех парусах, оставив далеко за собой воды Гасконского залива.

БРАТЯ РОНТОНАКИ И К^о

Купцы и судовладельцы Ронтонаки проживали из рода в род на Балканской набережной. Администрация фирмы изменялась с каждым поколением: был «Ронтонак старший», были «Ронтонак и племянники», была даже фирма «Вдова Ронтонак и сын», но никогда этот дом не уходил от семейства Ронтонаков, потомки и родственники жили вместе, как бы в общине, предоставляя ведение дела и право первенства искуснейшему из своей среды. Сыновьям, братьям, племянникам и кузенам — всем было место в многочисленных конторах на набережной, а все служащие и капитаны были тоже Ронтонаки, по рождению или по брачным союзам.

Когда Ронтонак-старший со своим величавым лицом, обрамленным длинными белыми волосами, сидел во главе вечернего стола, шестьдесят человек садились вокруг него. Остальные разъезжали по морям или управляли конторами во всех странах света — повсюду, где можно было продавать и менять. Конторы Ронтонака в Замбези охранялись отрядом в две сотни негров, которые были перевезены из Конго на восточный берег.

Торговая флотилия Ронтонака состояла из транспортов, быстрых клиперов¹, бригов², шхун и речных шлюпок для

¹ К л и п е р — быстроходное океанское трехмачтовое парусное судно, существовавшее до конца XIX века. В военном флоте клиперы использовались для дозорной и посыльной службы, в торговом флоте — для перевозки ценных грузов (чая, пряностей, шерсти).

² Б р и г — двухмачтовое парусное судно с прямым парусным вооружением на обеих мачтах и тремя косыми парусами на бушприте.

перевоза товаров — всего более шестидесяти судов. Его актив по последней описи был выше восьмидесяти миллионов, его пассив — ничтожен: дому Ронтонаков все должны, но дом Ронтонаков никому не должен. Эта патриархальная семья жила, подобно людям древних времен, под властью одного вождя, который поддерживал всех связанных с ним узами крови, но не протянул бы пальца по другую сторону своей конторы, чтобы спасти утопающего. Семейство Ронтонаков процветало в животном эгоизме, никогда никому не оказывая услуги и ни от кого ее не требуя. С неизменной точностью исполнялись все данные обязательства, но зато своим должникам Ронтонаки не давали ни отсрочки, ни поблажек. Горе тому, кто должен дому Ронтонаков!

Своим безмерным богатством семейство Ронтонаков было обязано торговле неграми. Основатель дома Ронтонаков в 1640 году совершил путешествие к Гвинейским берегам, и двести несчастных негров, выгодно проданных им на рынке Антильских островов, послужили фундаментом коммерческого благосостояния дома.

Когда Пенсильвания в 1780 году торжественно запретила торговлю неграми, дом на Балканской набережной достиг уже высшей точки своего благосостояния: вся Африка была покрыта его конторами, и ежегодно им вывозилось от пятнадцати до двадцати тысяч негров во все страны мира. Однако Ронтонаки — люди весьма осторожные — были озабочены возникающим движением против работорговли и стали мало-помалу видоизменять свои операции. Не прекращая торговли людьми — напротив, продолжая ее с еще большим ожесточением, — они вместе с тем стали посылать свои суда для торговли в Индию, Китай и Японию.

После разнообразных мер, принятых для уничтожения торговли людьми, Франция и Англия решились соединить свои силы для борьбы с этим промыслом. Право взаимного освидетельствования вошло в силу в 1830 году и дало повод ко многим злоупотреблениям.

Начиная с этого времени Ронтонаки, казалось, совершенно бросили торговлю людьми и всю свою деятельность перенесли на коммерческую эксплуатацию Дальнего Востока и островов Тихого океана, где и завели многочисленные фактории¹. Некоторые суда, еще отправляемые Ронтонаками на африканские берега, производили открытую торговлю только променным товаром. Подозревая эти суда и в торговле

¹ Ф а к т о р и я — торговая контора и поселение, организуемые торговцами в колониальных странах или отдаленных районах,

рабами, крейсера останавливали их на дороге, производили самый тщательный обыск, перерывали все до основания, но никогда не находили ничего, что могло бы оправдать подозрение.

Постоянное преуспевание старинного дома, его обширное поле деятельности, торговля сахаром, кофе, тропическим деревом, орехами, каучуком, буйволиными рогами, кожами, перламутром, рисом и кокосовым маслом доказывали, что Ронтонаки могли бы без убытка отказаться от опасной торговли черным деревом. На деле же оказывалось иное.

В тайном совете, в котором принимали участие важнейшие члены семейства, отец торжественно заявил, что Ронтонаки положили основание своему благосостоянию посредством работорговли и что долг чести и выгоды заставляет их не покидать этого дела до тех пор, пока под небом останется хотя один уголок земли, способный дать убежище рабству. Было решено, что один из Ронтонаков отправится в какой-либо из невольничьих штатов Америки, выберет несколько капитанов, отличающихся умом, энергией, искусством и отвагой, и поручит каждому из них по судну, предусмотрительно записанному в роспись на имя капитана. Таким образом, торговля людьми будет продолжаться без всякой опасности для Бордоского дома, который внешне ограничится ролью простых товаротправителей.

Цезарь Ронтонак на основании этих предписаний обосновал контору в Новом Орлеане, якобы для закупки всего хлопка, выращиваемого в Луизиане.

Он постепенно вооружил и отправил до шести быстрых шхун, которые были приспособлены для перевозки от трехсот до четырехсот негров. Каждое из этих судов было снабжено двигателем в двести лошадиных сил, искусно скрытым в трюме, и могло, презирая опасность, ускользнуть от лучших крейсеров.

Такая машина, тогда еще не известная европейским флотам, была изобретена одним из искуснейших инженеров в Бостоне по заказу Цезаря Ронтонака.

— Сделайте мне пароход, но без боковых колес, так, чтобы по виду своему он ничем не отличался от простого парусного судна.

Янки¹ принялся за дело и разрешил задачу тем, что скрыл под корпусом судна единственное колесо с твердыми стальными лопатками. Это был еще не винт в настоящем его виде, а только первый шаг к нему.

¹ Янки — в США — уроженец или житель Новой Англии (северо-восточных штатов США).

Капитаны этого странного флота никогда не видели друг друга и никогда не должны были встречаться. Каждое снаряженное судно уходило из Нового Орлеана немедленно, с тем чтобы никогда уже туда не возвращаться. Нагружалось оно в Ройяне и отправлялось в путь, конец которого был известен только капитану.

Первое плавание погашало расходы по покупке судна и вооружения, барыши трех следующих путешествий делились следующим образом: одна треть отдавалась капитану со всей его командой, две трети представлялись арматорам. Экипаж обязывался сделать четыре кампании, по окончании последней капитан возвращал свободу своей команде и продавал судно на берегах Чили или Мексики, в первом же удобном порту.

Все в этих смелых предприятиях было удивительно предусмотрено, команда была убеждена, что имеет дело с капитанами-собственниками, а капитаны не имели ни малейшего клочка бумаги, по которому можно было бы в случае захвата крейсером уличить их.

Так обстояло дело Ронтонаков на море, а на суше множество агентов, поселившихся в Маюмбе, Лоанго, Лузанде, Бенгеле и в устье Конго, скупали официальным путем слоновую кость, золотой песок, каучук, но под шумок вели торговые сношения со всеми королями и начальниками внутренних земель. За несколько месяцев до прихода судна они обозначали посредством шифрованной корреспонденции пустынное место на берегу, где надлежало произвести мену и принять груз. Этим объясняется, почему шхунам приходилось иной раз простоять в Ройяне по три-четыре месяца, прежде чем они узнавали место своего назначения.

Капитан Ле-Ноэль был, может быть, искуснейшим из капитанов, находившихся в эту пору в распоряжении Ронтонаков, а шхуна «Оса» — лучшим ходоком их флота.

Она начинала свое четвертое плавание.

ПАССАЖИРЫ «ОСЫ»

В корабельных книгах «Осы» записаны были четверо пассажиров от правительства в следующем порядке: Тука, помощник комиссара адмиралтейства; Жилиас, доктор второго разряда; Барте, подпоручик морской пехоты; Урбан Гиллуа, чиновник адмиралтейства.

Все четверо отправлялись в Габон.

Помощник комиссара и доктор родились в Тулоне почти в одно время. В продолжение всей своей жизни — а им обо-

им было по пятидесяти лет — они постоянно были соперниками, не переставая оставаться друзьями.

Будучи детьми, они бросали камешки в воду, стараясь перещеголять друг друга в кругах и рикошетах; в отрочестве они считали своим долгом подталкивать друг друга, чтобы вечно пребывать в арьергарде своего класса, так что остроумный инспектор, прочитывая еженедельные баллы, никогда не упустил случая добавить: «А последними — господа Тука и Жилиас пополам». Весело было слышать общий смех, возобновлявшийся каждую субботу в Тулонском училище.

Восемнадцать лет оба покинули школьные скамьи, чтобы не вернуться на экзамены, венчающие курс учения: инспектор дал понять их родителям, что совершенно бесполезно посылать двух тупиц за дипломом бакалавра ¹.

Как бы там ни было, надо было приняться за какое-нибудь дело. Оба поступили на службу: один помощником письмоводителя в канцелярию морского министерства, другой — помощником аптекаря в госпиталь Сен-Мандрие. Через десять лет они оба все еще были на тех же местах. Тука не мог выдержать самый пустой экзамен, который требовался от сверхштатного служащего для того, чтобы сделаться чиновником с окладом.

Что касается Жилиаса, то прямой начальник однажды позвал его в кабинет и сказал:

— Любезный друг, мне кажется, что вы не имеете никакой склонности к фармакологии и что ваши блистательные способности гораздо более клонятся к медицине и хирургии.

Тогда наш приятель перешел с одной службы на другую со званием студента медицинского морского училища, но не прошло и двух недель, как профессора стали убеждать его, что, напротив, он обладает всем необходимым, чтобы сделаться превосходным аптекарем.

В морской службе бывает пора, при наступлении которой периодически выползают жалкие пресмыкающиеся из тины гаваней и неисследованных глубин административных трущоб, — это та пора, когда следует отправление в колонии. Сколько хитростей употребляют служащие, к каким прибегают интригам и протекциям, чтобы избежать назначения туда. Тут-то представляется случай выдвинуться всем недоучкам: они являются на экзамен, заведомо благоприятный им, и после этого отправляются к месту назначения с почетным званием от правительства. Вот каким образом Тука и Жилиас выкарабкались наконец из чина вечных искателей места.

¹ Бакалавр — первая ученая степень в западноевропейских университетах.

В один прекрасный день потребовались помощник морского комиссара и врач третьей степени в Бакель, находящийся в верховьях Сенегала. Командир двадцати пяти человек, защищающих тамошнее управление, потребовал комиссара и врача под тем предлогом, что сам он путается в делах отчетности и что ящик с аптекарскими снадобьями не включает в себе руководства, какие лекарства употреблять в случаях болезни, а потому приходится прибегать к врачам из негров. Тука и Жилиас условились насчет поездки вечером в кофейне Данеан и на другой день утром явились к начальству заявить о своей готовности к самопожертвованию.

Тука давно мог бы уехать из Тулона в колониальный комиссариат — это убежище бездарностей метрополии, — но ему не хотелось разлучаться с Жилиасом, а так как медицина не имела, подобно администрации, колониального отделения, чтобы спроваживать туда своих недоучек, то ему пришлось подождать более благоприятного случая, который доставил бы возможность бывшему аптекарскому помощнику вступить на поприще хирургии через заднюю дверь.

Их прошения были охотно приняты. Экзамены объявлены, и два друга предстали пред судьями их знаний с полной на этот раз уверенностью, что дело в шляпе. Это событие долго оставалось в памяти Тулона. Все, кто участвовал в управлении портом, собрались на эти экзамены. Тука, надменный и высокомерный, проявил здесь полное презрение к математике и административным уставам. О Жилиасе и говорить нечего: всех ошеломило, когда он стал излагать свои теории насчет применения слабительных и кровопускания. В последнюю минуту господа экзаменаторы пришли в некоторое недоумение: на что же наконец решиться? Но ввиду торжественного обещания, заранее данного Тука и Жилиасу, пришлось увенчать их желания, и вечные искатели штатного места выкарабкались наконец на свет: один — с патентом корабельного комиссара колонии и серебряным галуном на рукаве, другой — с золотым галуном и дипломом лекаря третьего разряда.

Две недели спустя оба уехали в Сенегал на транспорте. В течение восьми лет они наслаждались прелестями колониальной жизни. Многочисленные досуги они употребляли на то, чтобы менять бутылки тафии на слоновую кость и золотой песок и таким образом положить основание своему благосостоянию.

Члены царствующих фамилий и их сродники, жители Каджааги, кассона Фута-Торо, Уало, отправляясь в Подор-Дагану и Сен-Луи, по дороге через Бакель, очень хорошо

знали, что в большом доме белых всегда можно угоститься стаканом тафии, и в благодарность за внимание усвоили привычку оставлять за то своим белым друзьям щепотку золотого песку, обломок слоновой кости или хороший буйволиный рог.

Орест Тука и Пилат Жилиас все это прикапывали и в конце года отправляли в Европу четыре-пять пребольших ящичков, а там некий их общий приятель променивал все присылаемое на новенькие звонкие денежки.

Когда решено было наконец дать им высшее назначение, оба с сожалением покинули эту стоянку. Тука был назначен помощником комиссара адмиралтейства, а Жилиас возведен в звание медика второй степени. По обоюдному их желанию они не были разлучены и отправились вместе на остров Майотту, близ Мадагаскара.

Тут оба друга, следуя своим привычкам, стали собирать коллекции всякого рода плетеночек и туземных шелковых изделий, а также приняли участие в частных предприятиях по доставке скота в Бурбон. После этого они не могли уже жаловаться на перемену места жительства.

В Сен-Пьере и Микелоне они довершили свое благосостояние, занявшись торговлей треской. Наконец, когда приближалось уже время отставки и пенсии, их служебная деятельность была увенчана новым назначением: Тука был назначен помощником комиссара и интендантом в Габон, а Жилиас — главным начальником медицинских и аптекарских чиновников в то же место.

В таком важном сане отправились они на шхуне «Оса» к месту своего назначения. Знакомство с двумя остальными пассажирами не требует продолжительных объяснений.

Подпоручик Барте был юноша с многообещающей будущностью: только что выпущенный из Сен-Сирского училища, он, к удивлению товарищей, вздумал поступить в морскую пехоту, немножко из желания путешествовать по белому свету и больше из честолюбия, потому что повышение в чинах нигде не совершается так быстро, как в этом корпусе.

Что касается Урбана Гиллуа, то, скажи ему кто-нибудь три месяца тому назад, что он отправится к берегам Африки, он бы очень удивился. Окончив курс наук с дипломом бакалавра, он поступил в Нормальную школу, когда преждевременная смерть отца выбросила его, одинокого и без всяких средств к жизни, на парижскую мостовую. Одаренный мужественным характером, он не поколебался бросить все мечты о блистательной будущности... В это время проходили экзамены в морском министерстве для набора чиновников в

колониальный комиссариат. Он явился на экзамены, выдержал первым и был назначен в Габон помощником Тука.

Вот история четырех действующих лиц, за которыми мы последуем на шхуну «Оса» и на берег Конго.

В ОТКРЫТОМ МОРЕ.— ГЛАВНЫЙ ШТАБ «ОСЫ»

Снявшись с якоря и распустив паруса, «Оса» быстро отбала берега Испании, подгоняемая сильнейшим ветром с северо-востока, от которого гнулись ее изящные мачты. Люди, свободные от дежурства, предавались разнообразным развлечениям. Кабо, главный кормчий, старый моряк, знавший наизусть морские проходы целого мира и служивший лоцманом на «Осе», стоял, облокотившись на бушприт¹, и тихо разговаривал с Гилари, боцманом «Осы». Тот, кому удалось бы услышать их разговор, понял бы, что необъяснимое присутствие четырех пассажиров возбуждало в них сильные опасения.

— Вы поставили недостаточно парусов, Девис! — вдруг сказал капитан Ле-Ноэль, выходя из своей каюты и обращаясь к своему младшему помощнику, расхаживавшему по палубе. — Прикажите бросить лаг² и вы сами увидите, что мы не делаем двенадцати узлов, тогда как при таком ветре «Оса» должна их делать.

— Слушаю, капитан! — отвечал помощник и приказал укрепить еще один парус на передней мачте.

— Думаете ли вы, что этого будет достаточно, Девис?

Молодой человек поклонился.

По первому свистку Гилари все матросы были на местах, — эти действия совершались с такой же математической точностью, как и на военных судах.

— Прикажите поднять лиселя³, Девис, — продолжал капитан. — Нам надо высадить в Габоне четырех зловещих птиц, которых нам вчера навязали, и потому мы должны заранее выиграть время, которое потеряем по их милости... Нам следует попасть в Рио-Гранде через сорок пять дней, проехав через Наталь.

— А не лучше ли, капитан, направиться прямо к Бразилии и сбыть с рук этих господ, высадив их на Азорских островах или на острове Сан-Антонио?

¹ Б у ш п р и т, или б у г ш п р и т — горизонтальный или наклонный брус, выступающий перед носом корабля; служит для вынесения вперед носовых парусов, для улучшения маневренных качеств судна.

² Л а г — прибор для определения скорости судна, который бросают в море на тонком корабельном тросе — лаглине; лагом измеряют также пройденное судном расстояние.

³ Л и с е л я — добавочные паруса, поднимаемые при слабом ветре на двух передних мачтах сбоку от основных прямых парусов.

Не успел произнести Девис эти слова, как уже пришел в крайнее смущение...

Капитан Ле-Ноэль бросил на него один из тех взглядов, от которых иной раз дрожали самые бесстрашные моряки из его команды, и, резко подчеркивая каждое слово, сказал:

— Когда вы сегодня утром сменяли с вахты Верже, разве он забыл передать вам, какого направления держаться?

— Нет, капитан, приказано держаться к мысу Ортегаль.

— И прекрасно! Следовательно, вы должны исполнить приказание и воздержаться от всяких рассуждений!

Подойдя к своей каюте, командир «Осы» обернулся и сказал ласково:

— А главное, Девис, не бойтесь усиливать ход... И еще — когда сменят вас с вахты, придите потолковать со мною.

Нрав капитана поражал смесью крайней строгости и добродушия, и если его снисходительность вне служебных отношений доходила до слабости к тем, кого он любил, то строгость его доходила до жестокости по отношению к тем, кто имел несчастье ему не понравиться.

Он завел на своем судне железную дисциплину, которой обязаны были подчиняться его помощники, и не терпел ни малейших рассуждений относительно своих целей, ни малейшего замечания на отданное приказание. Во всем и всегда его подчиненные обязаны были его слушаться. Смотря по состоянию ветра и моря, имевших огромное влияние на его характер, он приглашал своих помощников обедать, был с ними любезен, даже общителен, или же запирался на целые недели в своей каюте, принимая только по делам службы. Девис был его любимцем, — если бы Верже, первый помощник, или Голловей, второй помощник, позволили себе во время своей вахты замечание насчет перемены направления, командир немедленно отправил бы их под арест.

Как истый американец — от французского происхождения в нем остались только быстрая сообразительность да некоторая щеголеватость в наружности и обращении, — Ле-Ноэль говаривал: «Получить то, что желаешь, успеть в том, что предпринимаешь, — другой цели жизнь не имеет, а мне нет дела до средств, какими надо достигнуть цели. Путешественник, достигнув цели своего путешествия, всегда забывает, каков был его путь». По его мнению, право было только мерою силы, и каждый имел право на то, что было в его силах взять... Тем, кто выражал удивление, он отвечал просто: «Я только прилагаю к практике теории завоевателей. Когда две армии сходятся на поле битвы, чтобы отнять чужую область в пользу своего властелина, кровь побежденных питает поле

битвы; тот, кто вступает в борьбу с обществом, тоже платится жизнью при поражении. Только в первом случае убитого прославляют героем, потому что он помогал своему хозяину захватить кусок земли у своего соседа, а во втором — павший считается злодеем, потому что действовал ради личных выгод. Но одни глупцы позволяют обманывать себя; и герой, и злодей — оба стремятся завладеть тем, что возбуждает их алчность». Итак, Ле-Ноэль обладал всеми необходимыми качествами, чтобы сделаться превосходным торговцем человеческим мясом.

В добрые минуты он иногда вступал в прения с Верже, своим шкипером¹, престранным человеком. Шкипер изучал науки и философию, был поклонником Канта и занимался торговлей неграми только потому, что этот промысел доставлял ему от двадцати пяти до тридцати тысяч франков в год; с другой стороны, он, не колеблясь, сознавался, что тот день, когда их всех перевешают, будет днем правосудия.

— А вы не правы, Верже, — говаривал Ле-Ноэль в минуты добродушной откровенности, — и совсем напрасно осуждаете нас так строго: ведь мы только осуществляем на практике немецкую философию.

— Как же это? — спросил однажды Верже, недоумевая.

— Прочтите-ка это! — отвечал капитан, указывая на книгу, открытую на его столе.

«В человеческом мире, как и в царстве животном, господствует только сила, а не право; право — это только мерило силы каждого...»

«Какое мне дело до права! Я не имею в нем нужды, если могу добыть силою то, что мне надо, и наслаждаться этим; чего же я не могу захватить силою, от того я отказываюсь и не стану, в утешение себе, тщеславиться моим мнимым правом, правом, за давностью не теряемым...»

— А откуда эти цитаты? — спросил Верже.

— Из двух главных столпов философии современной Германии — Артура Шопенгауэра и Макса Штирнера... И заметьте также, Верже, ведь мы не похищаем силою наших негров, а покупаем их по всем правилам у их все милостивых властелинов. Так как божественное право господствует еще во всем могуществе на берегах Бенгелы, то никто не может оспаривать, что эти верховные властелины имеют неограниченную власть над жизнью и имуществом их подданных.

— Итак...

— Итак, английские и французские фрегаты не имеют ни малейшего права мешать чисто коммерческим сношениям.

¹ Ш к и п е р — заведующий имуществом палубной части судна.

— Да, но их право начнется с того же дня, когда они возымеют силу и искусство захватить нас.

— Господин Верже, надо всегда заботиться о том, чтобы обеспечить свое право... лучшими снастями и лучшей машиной.

— Капитан, вы ошиблись в выборе призвания.

— То есть как это?

— Вы оказались бы превосходнейшим профессором философии и права сравнительного законодательства в Гейдельберге.

Подобной шуткой почти всегда оканчивались прения между этими людьми столь разного характера.

Верже был уроженец Нанта и получил диплом капитана океанских плаваний. Ему надоело наконец получать жалкое жалованье — от ста пятидесяти до двухсот франков в месяц за совершение самых трудных и опасных плаваний, вот почему он пришел в Новый Орлеан с письмом от Ронтонаков к капитану Ле-Ноэлю, который тотчас же принял его на место своего помощника.

Трудно было отыскать другого, более искусного моряка, чем Верже, но что еще важнее, он так же хорошо знал машину, как и парус, и мог при случае заменить главного механика Голловей, который в то же время исполнял обязанности второго помощника. Насмешник и скептик от природы, Верже даже не старался скрывать свои пороки и страсти с помощью лицемерной метафизики, которая у немцев и англосаксов всегда под рукой. Он всегда говорил прямо: «Человек, торгующий неграми, — настоящий бездельник, от которого так и несет виселицей, но, — продолжал он как бы в свое оправдание, — если я не буду повешен до окончания четвертого плавания, то клянусь честью! откажусь от этого ремесла и сделаюсь виноделом в Жиронде. Это для меня будет тем легче, что я припрячу полтора-два тысяч франков, чтобы проложить себе дорогу к честности». Этот человек был, впрочем, только сбит с пути — в нем не совсем еще угасло чувство великодушия.

В корабельной книге Голловей числился помощником капитана, но выйдя в море, становился механиком. Родился он в Ливерпуле, и прошло уже двадцать лет с тех пор, как он начал плавать по всем морям; алчность к большим доходам заставила его бросить казенную службу и перейти под командование Ле-Ноэля.

Как все англичане, Голловей обладал способностью принимать участие в делах расчета и в праздных вопросах так называемого чистого чувства. Предпринимая плавание для

торговли неграми, он восторгался по дороге высокими собственными речами о человечности, которые составляют неизбежную часть английского воспитания: их вбивают в головы маленьких джонов булей с помощью специального метода обучения, не лучше и не хуже, чем приучают собачек плясать на канате или приносить брошенную вещь. И вот как деловой человек Голловей служил на судне, торгующем неграми, а как джентльмен — был членом всех человеколюбивых обществ, негрофильских, библейских, евангельских, покровителей животных и других, громоздящихся в свободной и торжествующей Англии. Он был, как и все зажиточные англичане, живым изображением своего правительства, которое, с одной стороны, преследует торговлю неграми — это вопрос чувства, а с другой — пушечными снарядами навязывает китайцам одуряющий их опиум — это денежный вопрос.

Голловей аккуратно выплачивал членские взносы и этим примирялся со своей совестью, потому что различные, им поддерживаемые общества обязаны были обсуждать и решать за него все вопросы человеколюбия, а он за это время обдѣлывал свои делишки, ничем не тревожась и ни о чем не задумываясь.

Он мало говорил о делах, отлично исполнял свои обязанности, и никто не мог узнать, какие чувства он питает к капитану и его помощнику, приказания которых выполнял с механической аккуратностью.

Девис был очень молод — ему только что минуло двадцать два года. Он приходился племянником командиру «Осы» и, родившись в стране рабства, разделял все предрассудки рабовладельцев: он считал торговлю неграми совершенно законным делом, а помехи, учиняемые англичанами этой торговле, только увеличивали его упорство.

Само собой разумеется, что он ненавидел Голловея и, напротив, был очень дружен с Верже.

Кабо, внесенный в списки в качестве рулевого, мало занимался управлением судна в открытом море. Главная его обязанность состояла в том, чтобы проводить шхуну по всем опасным заливам и тайным бухтам у берегов Африки, Антильских островов, Бразилии и невольничьих штатов Америки.

Гиллари, боцман, был старый бретонский моряк, бежавший с правительственной службы; одним сви́тком управлял он сорока матросами-космополитами, которых называл своими ягнятами, и ни один из них ни разу не дерзнул противодействовать ему. Обладая геркулесовой силой, он редко давал почувствовать тяжесть своей руки, но когда это случа-

лось, жертве его гнева приходилось расплачиваться несколькими днями болезни.

Вернувшись в свою каюту, капитан кликнул кают-юнга и послал его за Верже.

Верже при снятии с якоря стоял на вахте с четырех до восьми часов утра и теперь спал в своей каюте, но, услышав приказание, немедленно явился к капитану.

— Господин Верже, ветер свежеет, — сказал Ле-Ноэль, — море начинает волноваться, ночью будет буря. После заката солнца убавьте паруса и на четверть держитесь ближе к западу, чтобы отдалиться от берегов.

— Слушаю, капитан.

— Кстати, что поделывают пассажиры?

— Платят дань морю и, кажется, на несколько дней лишились возможности выйти на палубу.

— Неужели комиссар и лекарь тоже? Кажется, им-то следовало уже познакомиться с морем!

— Они точно так же больны, как и остальные.

— Вам известно, Верже, что Ронтонак силою навязал мне этот тяжелый груз. Более нелепая идея никогда еще не приходила в старую голову этого болвана.

Верже и глазом не моргнул; ему хотелось знать, желает капитан разговаривать по-человечески или намерен произносить привычные монологи, прерывать которые было бы небезопасно.

Ле-Ноэль продолжал:

— В первую минуту я было думал привезти их в Бразилию, а на обратном пути забросить в Маюмбу или в Лоанго, откуда они без особого труда пробрались бы в Габон на местной паташе¹, но потом я рассудил иначе: слишком продолжительное пребывание на «Осе» неизбежно откроет им характер нашей деятельности, не говоря уже о том, что они будут всячески протестовать против такой перемены пути. Вот почему я решился идти прямо в Габон.

— Ну а если нас захватят крейсера? — спросил Верже, сообразив, что теперь можно вмешаться в речь капитана.

— Ну тогда мы повернем на другой галс² и открыто примемся за дело.

— А пассажиры?

— Они приедут в Габон, когда этого захочет дьявол, то есть когда «Оса» кончит четвертую кампанию и продаст с выгодой свой груз.

¹ П а т а ш е — перевозное судно.

² Г а л с — курс судна относительно ветра, например: судно идет левым галсом, значит, оно обращено к ветру левым бортом.

— А вы не боитесь?

— Чего?

— Что они наделают много хлопот.

— Из-за них мы рискуем шкурой, следовательно, мы не обязаны церемониться с ними: при малейшей попытке выдать нас проходящему кораблю я прикажу заковать их.

— Я и сам думаю, что всего бы лучше высадить их. Можно избежать проезжей дороги, если держаться немножко на юг от мыса Лопеса.

— Таково и мое намерение. Дойдя до этого места, мы обогнем остроконечный мыс с северо-востока, прямо у входа в область Габона, выбросим пассажиров на мыс Понгара и, свободные от тревоги, опять направимся к Наталю.

— Это самая разумная мера, которую только можно придумать.

— Позаботьтесь же, чтобы заручиться успехом, Верже. После многих сомнений я начинаю соглашаться с мнением старика Ронтонака, хотя в первое время оно показалось мне неудобноисполнимым... Может быть, я не прав, что возвращаюсь к первому решению... Не беда. Мы еще раз докажем крейсерам, что «Оса» летает по воде и при случае сумеет ужалить. Помните ли, Верже, тот авизо¹, который мы пустили ко дну в тридцати милях от острова Святой Елены?

— Как я припоминаю, ни одной вещи не было выброшено на берег и ни один человек не спасся. Газеты всего мира возвестили, что судно с людьми и грузом бесследно погибло в циклоне.

— Смотрите же, отдайте строгое приказание. Само собой разумеется, никто здесь, начиная с вас, ни слова не понимает по-французски. Всякий матрос, который обменивается одним словом с пассажирами на каком бы то ни было языке, будет немедленно закован и лишен премии.

— Люди уже предупреждены, капитан.

— И что же они говорят об этом?

— Все недовольны присутствием этих пассажиров и более расположены выбросить их в море, чем любезничать с ними.

— Прекрасно. Однако как только они поправятся, я приглашу их обедать за одним столом со мной и постараюсь убедить их, что «Оса» — честнейшее береговое судно.

В эту минуту вошел Девис и заявил с почтительным поклоном:

— Я передал вахту Голловею и готов к вашим услугам.

¹ А в и з о — небольшое военное судно для разведывательной и посыльной службы.

— Хорошо, дитя мое, я пригласил тебя отобедать со мной... Верже, не хотите ли вы с нами?

— С удовольствием, капитан.

В подобные часы капитан Ле-Ноэль был премилым человеком.

БИТВА «ОСЫ» С «ДОБЛЕСТНЫМ». — ПРИБЫТИЕ НА МЫС НЕГРО

Семнадцать дней спустя после отплытия из Ройяна «Оса» была уже в водах Габона и, постоянно описывая дуги, избегала таким образом неприятных встреч с крейсерами.

Четверо пассажиров давно уже были на ногах и без труда примирились с вынужденной необщительностью экипажа, после того как командир его заверил, что ни один человек из команды не говорит по-французски. Пассажиры больше не старались завязывать беседы с окружающими, тем более что сами никакого языка, кроме своего родного, не знали. Жилиас, не умевший связать и двух слов ни на одном из иностранных языков, выразил даже по этому случаю свое восхищение.

— Вот видите, — сказал он командиру, пожелавшему узнать причину его восторга, — как преувеличивают все на свете: уверяют, будто французы не очень-то любят изучать иностранные языки, а вот ваша команда состоит из пятидесяти человек — тут есть американцы, англичане, немцы, греки, итальянцы и датчане, — и никто из них не понимает нашего языка!

— Мне даже сдается, — добавил Тука, — что все они малоспособны научиться ему, потому что не могли запомнить хотя бы несколько самых простых слов. Вот, например, я говорю юнге: «Дай мне огня!» Ведь это, кажется, так просто, а знаете ли, что из этого выходит?.. Шалун смеется мне в глаза и приносит стакан воды!

Подобные рассуждения вызвали лукавую улыбку на лице капитана, а подпоручик и Гиллуа старались лишь не прыснуть со смеху прямо в лицо своему начальству.

Не стоит и объяснять, что с той поры оба юноши сблизились со старым врачом и его другом интендантом, чтобы рассеять скуку продолжительного плавания.

В течение целой недели вопрос о языковедении составлял неистощимый предмет развлечения.

Жилиас и Тука, ссылаясь на свое долгое пребывание в Бакеле, уверяли всех, что оба они прекрасно говорят на туземном наречии. В конце концов Гиллуа и Барте попросили свое начальство давать им уроки яловского и мандинг-

ского наречий... Это забавное положение привело, разумеется, к множеству веселых сцен...

Однажды вечером капитан объявил пассажирам, что завтрашний день будет, по всей вероятности, последним, который они проведут на «Осе», и что, прежде чем солнце взойдет, судно будет уже у мыса Лопес.

В это время они сидели за десертом; обед был по обыкновению роскошно приготовлен, и на отборные вина хозяин не скупился, так что при новом известии Жилиас и Тука не могли скрыть душевное волнение.

— Капитан! — воскликнул врач, вставая и, как видно, желая произнести тост. — Никогда я не забуду царственного угощения, которое... которым... и в особенности вашего старого вина...

Далее он не мог продолжать и сел на место, опорожнив до дна бокал.

— Конечно, — подхватил Тука, стараясь поддержать честь своего мундира, — вся провизия у вас первейшего сорта, вино неподдельное... Надо правду сказать, если бы ваш комиссар и интендант получали более пяти процентов от поставщика, то никак бы невозможно...

Барте и Гиллуа едва не подавились от смеха.

— Да, никак бы невозможно, — повторял несколько раз старый интендант, — невозможно никак, особенно же если отчетная часть хорошо устроена, так, чтобы главный контроль только хлопал глазами...

Жилиас торжествовал, видя, что Тука никак не может довести до конца своей тарабарщины... Тука же любил старое бургундское и в этот вечер воспользовался им через край. Пролепетав еще несколько нелепостей, он вдруг прослезился от умиления, бросился обнимать командира и заявил ему о своем сердечном желании посвятить дни свои служению в должности интенданта «Осы».

— Мы не желаем разлучаться с вами! — подхватил Жилиас, достигнув апогея своей чувствительности. — Я вступаю в должность вашего корабельного врача!

— Принимаю ваше предложение, — отвечал Ле-Ноэль, — и при случае напомню вам это.

Сцена эта, вероятно, долго бы еще забавляла, если бы внезапно не раздался голос вахтенного:

— Парус направо!

Мигом выбежал Ле-Ноэль на палубу и направил трубу по указанному направлению. При последних лучах заходящего солнца он ясно увидел на далеком горизонте неболь-

шие паруса фрегата¹, почти слившиеся с туманным пространством, но это было лишь минутное видение, потому что в этих широтах ночная темнота наступает почти без сумерек и мгновенно облакает океан черным саваном.

— Верже,— прошептал Ле-Ноэль,— мы вблизи крейсера... Случилось то, что я предвидел. Прикажите поубавить парусов, чтобы он обогнал нас. В полночь повернем к берегу, а завтра на рассвете высадим пассажиров на мыс Лопес.

— Вы отказываетесь от намерения держаться мыса Попгара?

— Совершенно! Мы дошли сюда без всякой помехи, и я совсем не желаю подвергаться новым опасностям, а эти добрые люди, черт их побери, всегда найдут у туземцев какую-нибудь пирогу², которая доставит их в Габон.

В эту минуту послышался взрыв хохота из столовой, и в то же время раздался пьяненький голос Тука:

— Да, молодые люди, не помешай родители моему призванию, у меня было бы двадцать тысяч франков ежегодного дохода благодаря моему голосу. Вот послушайте сами:

На дне мрачного подвала
Несколько старых бутылок,
Полных виноградного сока,
Воспевали песнь новую свою:
Буль, буль, буль,
Буль, буль, буль.

— Ну, а мне следует кончить! — закричал Жилиас, ревнуя к успехам друга, и тут же затянул второй куплет старинной песни, увеселявшей их молодость в тулонских кабачках:

На дне нашего черного брюха
Водится всего понемножку:
Любовь, деньги, розы
И вечерние мечты.
Буль, буль, буль,
Буль, буль, буль.

— Отправляю-ка я этих пьяниц в их каюту,— сказал Ле-Ноэль задумчиво.— Приходите потом ко мне, Верже. В эту ночь мы с вами не будем спать.

Жилиас и Тука, поддерживаемые юными друзьями, торжественно спустились в каюту, и долго еще их шумное веселье нарушало ночное спокойствие «Осы».

¹ Фрегат — трехмачтовое парусное военное судно, обладавшее большой скоростью хода.

² Пирбга — узкая длинная лодка с остовом, обтянутым корой или шкурами, а также выдолбленная (выжженная) из целого древесного ствола.

Распорядившись убавить парусов и отдав приказание Голловею, сменявшему вахту в полночь, командир и его шкипер заперлись в большой кают-компании. Мало-помалу смолкли все звуки. «Оса» тихо скользила по волнам, все ближе двигаясь к берегу. В четыре часа утра, когда Верже пришел сменять вахту, капитан последовал за ним и, позвав к себе Голловея, направлявшегося в свою каюту спать, приказал ему разбудить кочегаров.

— На всякий случай надо быть готовым, — сказал он, — потому что если вчерашний корабль крейсирует, то очень может быть, что завтра же утром мы увидим его по соседству с нами, особенно если нас заметили.

Прошло несколько минут, и Голловей со своим помощником и восемью кочегарами уже хлопотали около машины и наполняли топку углем. По окончании работы Верже доложил капитану, что через полчаса машину можно привести в действие.

— Хорошо, можете идти спать, — сказал Ле-Ноэль коротко, но Верже остался на палубе.

При первых лучах рассвета они увидели черную полосу, милях в двадцати от «Осы». То была земля. Потом они оба вскрикнули и тотчас замолчали... С другой стороны, на расстоянии трех миль, летел во всю силу парусов и пара великолепный фрегат. Капитан мог выбрать одно из двух: либо отважно пойти навстречу опасности, прикрываясь в случае обыска официальным положением своих пассажиров, либо попытаться уйти от неприятеля, видимо, на него нападавшего. Но Ле-Ноэль ни минуты не колебался и выбрал как средство спасения быстроту. Он сам принялся управлять своим судном.

— Всех наверх! — закричал он звучным и энергичным голосом, который хорошо был знаком команде в трудные минуты.

Свисток боцмана мигом повторил приказание, и тотчас же все люди были уже на местах.

— По местам! — скомандовал капитан.

Секунду спустя каждый был на своем месте.

— Повороти! — прозвучала команда еще энергичнее.

Мигом, с покорностью лошади под рукою хозяина, шхуна совершила изящный поворот.

— Боком к ветру! — закричал капитан, кормчему¹, и, мгновенно отвернувшись от мыса Лопеса, «Оса» направилась на юго-запад со всею быстротою, которую придавали ей ее стройный корпус и особенности оснастки. Мигом были подняты паруса всех родов.

¹ К ó р м ч и й — рулевой, ведущий судно.

Видя маневр «Осы», фрегат тотчас же понял, что имеет дело с подозрительным судном, и счел обязанностью преградить ему путь. В самом начале погони он сделал пушечный выстрел и поднял флаг, требуя тем самым, чтобы неизвестное судно тоже подняло в ответ свой флаг и остановилось. Само собою разумеется, что «Оса» не обратила внимания на это требование. Началось состязание в быстроте хода, и в этой борьбе все преимущества, на первый взгляд, были на стороне крейсера.

— Это англичанин, Верже, — сказал капитан, не отнимая от глаз подзорной трубы.

— Что ж? Это, по-моему, лучше, — ответил шкипер коротко.

— Кажется, ему хочется угостить нас ядром.

Не успел Ле-Ноэль произнести эти слова, как на фрегате сверкнул огонь и ядро ударилось в воду в нескольких метрах от «Осы».

В ту же минуту вылетели на палубу четверо полуодетых пассажиров, вообразивших, что береговая батарея приветствует их прибытие. Каково же было их удивление, когда оказалось, что «Оса», повернувшись спиной к берегу, бежит, насколько хватает силы, от корабля, видимо, спешащего перерезать ей дорогу в открытое море.

— Что случилось, капитан? — закричал Жилиас в испуге.

Второе ядро пролетело со свистом в снастях «Осы», как бы в ответ на вопрос врача...

— Что случилось? — повторил капитан, никогда не бывавший веселее, чем в минуту опасности. — Могу вас заверить, что ничего особенно важного: за нами только гонятся пираты.

— Как, пираты, капитан? — перебил его Тука. — Неужели же вы не видите, что это военный корабль? Его флаг развевается на корме, и вы легко можете убедиться в его национальности, как только посмотрите в трубу.

— Да нет же, говорю вам, я ничего этого не вижу и могу вас заверить, что мы повстречались с морскими разбойниками, только они разбойничают на счет общества, ну а мы...

— А вы на чей счет? — спросил молодой подпоручик.

— Тогда как мы, — продолжал Ле-Ноэль холодно, — на свой собственный.

— Следовательно, мы находимся на...

— На судне, ведущем торговлю неграми.

Объяснение командира «Осы», не находившего уже нужным скрываться, как громом поразило пассажиров.

— Милостивый государь! — закричал Тука вне себя от

ярости.— Вы можете быть уверены, что я немедленно отправлю моему правительству донесение насчет вашего недостойного поведения.

Во всякое другое время такая выходка Тука вызвала бы общий смех, но теперь она заставила улыбнуться одного Ле-Ноэля. Жилиас, испугавшись уже за свою безопасность, бросился к своему другу, чтобы умерить его негодование.

— Полно, Тука, не горячись, пожалуйста. Ведь я знавал,— продолжал он с забавною убедительностью,— людей, торговавших неграми, которые были честнейшими людьми.

Барте и Гиллуа наблюдали за этой сценой с любопытством, более близким к недоумению, чем к гневу: оба были молоды, отважны, и неожиданное событие не возбудило в них такого неудовольствия, как можно было ожидать.

— Господа,— сказал им Ле-Ноэль,— вам известно, что значит командир на своем корабле и какими он обладает средствами, чтобы заставить повиноваться себе, и потому я надеюсь, что вы воспользуетесь моим советом, для длинных же объяснений теперь не время. Ваше присутствие на палубе только мешает нам, а потому прошу вас удалиться в столовую или в вашу каюту. Покончив с этим англичанином, я приглашу вас к себе, и мы потолкуем на досуге.

— Позвольте, капитан,— начал было Барте.

— Послушайте,— перебил его Ле-Ноэль,— предупреждаю вас в первый и последний раз, что, когда я отдаю приказание, все, кто не повинуются мне, тотчас же отводятся под арест.

Третье ядро оторвало часть снасти грота. Английский фрегат быстро приближался... По массе густого дыма, быстро вырывавшегося из его трубы, видно было, что угля не жалели и делали все усилия, чтобы ускорить развязку, которая казалась делом какой-нибудь четверти часа.

— Да убирайтесь же вон! — крикнул командир громовым голосом, обращаясь к пассажирам.— Каждый, кто промедлит здесь еще две секунды, будет сброшен в трюм!

Чтобы не терять из виду предстоящих событий, пассажиры бросились в кают-компанию, но Тука и Жилиас постарались поместиться так, чтобы не было опасности от ядер.

— Кто бы мог подумать,— говорили друзья,— что этот человек с такой открытой физиономией, обладающий таким превосходным вином, торгует неграми?.. Но как же это комиссариат в Бордо мог отправить нас на этой шхуне? Впрочем, еще несколько часов, и этот молодец со своей командой дорого заплатят за все свои злодеяния, потому что англичане не любят шутить.

Действительно, английский фрегат значительно обогнал

«Осу», но вдруг все изменилось. По команде Голловея мигом исчез камбуз, а на его месте воздвиглась огромная труба, которую подняли из трюма, а когда открыты были заслонки, она стала изрыгать черные облака дыма.

Очень скоро выяснилось, что шхуна быстро обгоняет своего колоссального противника.

При виде такого маневра крейсер увеличил скорость, не переставая посылать ядра в «Осу», надеясь остановить ее бег каким-нибудь серьезным повреждением, но фрегат был вооружен старыми орудиями, заряжающимися с дула. Если этого было достаточно против жалких судов португальцев, торгующих неграми, то не достигало цели при нападении на пароход с быстрым ходом. Английский старый фрегат, по распоряжению своего правительства, доживал последние дни в преследовании судов, торгующих неграми.

Видя неоспоримое превосходство своего хода, капитан Ле-Ноэль возымел адскую мысль, которую немедленно привел в исполнение.

— Верже,— сказал он,— прикажите: койки долой и приготовиться к сражению. Давненько уже наши молодцы не имели никакого развлечения, надо же повеселить их хоть немножко.

Приказ был отдан. Все повиновались, не задаваясь вопросом, в состоянии ли «Оса» померяться силами со своим колоссальным противником. Если бы капитан Ле-Ноэль повел своих моряков на штурм Этны¹, так и тогда никто бы не усомнился в целесообразности этого.

Через несколько минут двенадцать бойниц — шесть на правой и шесть на левой стороне,— искусно скрытые в обшивке корабля, показали свои зияющие пасти, снабженные нарезными семидюймовыми орудиями, заряжающимися с казенной части². И тотчас же, как бы по волшебному мановению, все паруса были убраны. Как боец, готовый вступить в битву, сбрасывает с себя все, что могло бы помешать ему, «Оса» сбросила с себя паруса, которые могли мешать свободе движений, и отважно явилась на поле брани, доверясь только своей машине.

Увидя, что шхуна намеревается вступить в битву с фрегатом ее величества королевы Великобритании, Жилиас и Тука, объятые ужасом, бросились вон из столовой и, ни живы ни мертвы, заперлись в своей каюте.

¹ Этна — действующий вулкан на острове Сицилия.

² Казенная часть — задняя часть огнестрельного оружия и орудия.

Молодые пассажиры остались наблюдать с лихорадочным любопытством за всеми этими приготовлениями и в глубине души жалели, что не могли принять участие в готовящейся битве.

Командир молча следил за ходом «Осы». Увидев, что при среднем давлении пара в котлах она удерживает без труда свое расстояние, бросил на противника взор торжества и презрения и произнес слова: «Залп из всех орудий!» Не успел он закончить команду, как раздался оглушительный залп, от которого шхуна вздрогнула до самого киля¹.

— Браво, Девис, браво, дитя мое! — воскликнул Ле-Ноэль, обращаясь к молодому человеку, направлявшему орудия.

Несколько осколков и снастей, сорванных с мачт фрегата, доказывали верность глазомера молодого моряка.

Дистанция оставалась неизменной, и ответный залп не мог достигнуть «Осы».

Итак, благодаря дальнобойным орудиям шхуны сражение оказывалось неравным между фрегатом, кораблем с двойной батареей, шестьюдесятью орудиями, снабженными четырьмя сотнями людей, и простой шхуной, вооруженной только двенадцатью семидюймовыми орудиями и обслуживаемой пятьюдесятью матросами. Быстрая и легкая шхуна летала вокруг крейсера, как муха, все время держась на расстоянии, недоступном для его старой артиллерии, и изрешетила его снарядами своих стальных орудий.

Старая машина, игравшая блистательную роль при Наварине, отстала на четверть века, — эта плавучая крепость не могла уже сама атаковать, она становилась бессильна против нападения своего неуловимого неприятеля.

Менее чем за час палуба несчастного фрегата была покрыта обломками и загромаждена ранеными и умирающими. Командир фрегата с непреклонным упрямством, свойственным англичанам, продолжал посылать ядра и вместе с тем прибегать к хитростям, чтобы подойти ближе к «Осе». Ну что бы сказал о нем великобританский флот, если бы военный корабль ее величества обратился в бегство от шхуны!

Наконец английский корабль был в полной власти капитана Ле-Ноэля. На лице разбойника мелькнула странная улыбка.

— Ну, молодцы, прежде чем покончить с ним, покажите наш флаг Джону Булю, чтобы он в последние минуты утешился, узнав, кто мы.

¹ К и л ь — основная продольная балка на судне, идущая от носовой до кормовой оконечности судна.

В ту же минуту был поднят флаг, усеянный звездами, и раздались оглушительные троекратные крики «ура», а вслед за тем под американским взвился черный флаг негритянского судна.

— А теперь, — продолжал Ле-Ноэль, — выпускайте только разрывные бомбы. Дитя мое, Девис, прицелься в грузовую ватерлинию, и я обещаю тебе, что фрегат скорехонько отправится преследовать торговлю неграми среди водорослей и кораллов.

Начиная с этой минуты «Оса» не прекращала пальбы, поворачиваясь то одним бортом, то другим к неприятелю и с каждым выстрелом разрушая толстую броню своего противника.

Барте и Гиллуа, поняв, что фрегат погибает, и повинувшись только чувству великодушия, бросились наверх, хотя вполне понимали, какой опасности подвергают себя. Они подошли прямо к Ле-Ноэлю и умоляли его не довершать дело разрушения.

— Не уничтожайте этих несчастных, — говорили они, — вредить они вам уже не могут, и у них останется еще сил, чтобы поставить свой корабль на мель. Капитан, последуйте великодушному чувству!

При виде этой сцены матросы, хорошо знавшие своего командира, решили, что он сейчас же прикажет бросить непрошенных заступников в море... А между тем вышло несколько иначе. Капитан попросту приказал заковать их. Четверо силачей бросились на них и потащили в трюм.

В эту минуту пробил последний час фрегата. Продырявленный насквозь более чем шестьюдесятью снарядами, из которых многие разорвались в наружной обшивке бортов, оставив зияющие бреши, несчастный корабль наклонился вперед и мало-помалу исчез под водой. Ле-Ноэль внимательно следил в подзорную трубу за его крушением и в ту минуту, когда гакаборт¹ еще высился над водой, прочел громким голосом одно слово: «Доблестный».

Древняя тактика, старое оружие и старое право были разбиты прогрессом.

«Оса», не потерпев ни малейшего повреждения, не повернула, однако, обратно к берегу, от которого была всего в пятнадцати милях, но взяла курс на запад, к Бразилии.

Капитан Ле-Ноэль решил, что пассажиры его будут арестованы до конца кампании.

— Если мы будем так неразумны, — сказал он Верже, —

¹ Г а к а б о р т — верхняя закругленная часть кормовой оконечности судна.

и высадим их теперь же в Габоне, то они немедленно разгласят нынешнее происшествие и донесут на нас всем морским державам. Таким образом, не пройдет и двух недель, как мы будем окружены целым флотом крейсеров, от которых не сможем улизнуть.

В тот же вечер он приказал привести к себе Барте и Гиллуа отдельно от двух старших пассажиров и, объяснив им свои намерения, предложил обязаться честным словом не искать на море случая подавать сигналы встречным судам и не бежать с «Осы» в случае высадки на сушу.

— С этим условием, — сказал он, — вы будете пользоваться свободой на корабле, с вами будут обращаться как с пассажирами и вам будет возвращена полная свобода, как только «Оса» сбудет свой черный груз.

— Ну а если мы не считаем возможным дать вам это слово? — спросил Барте.

— Мне будет очень жаль вас, — отвечал Ле-Ноэль просто, не обнаруживая ни малейшего волнения, — в ваши годы надо дорожить жизнью, а я буду вынужден отправить вас за борт, привязав ядро к ногам.

— Как? У вас достало бы на то смелости? — спросили оба друга с невольным содроганием.

— Поставьте себя на мое место, — возразил капитан, добродушно улыбаясь. — При первой встрече с военным кораблем, который будет в силах овладеть нами, нас ожидает ужасная участь. Вы отказываетесь дать честное слово, значит, вы имеете надежду и намерение избавиться от нашей власти, в таком случае вы можете быть для нас причиной крайней опасности. Мне следует отделаться от вас, чтобы самому не быть повешенным.

— И прекрасно, капитан, с вами не надо, по крайней мере, долго томиться, вы умеете предлагать вопросы с полной точностью. В ваших руках сила, мы это не оспариваем, а потому даем вам слово, что не станем искать случая бежать и не будем подавать сигналы какого бы то ни было рода судам.

— Вот вам рука, господа. Я очень рад вашему решению, теперь вы можете проводить время по-прежнему.

— Обязаны ли мы пожать вам руку из опасения прежних угроз?

— Нимало не обязаны.

— В таком случае, капитан, позвольте нам отказаться от этого.

— Как вам угодно. В вашем уважении я не нуждаюсь.

— Если вы настолько...

— Прошу вас, господа, не стесняйтесь. Как видите, я предоставляю вам свободу слова...

— Если вы настолько свободны от предрассудков, то мы считали бы за счастье, если бы вы согласились дать нам еще одно позволение.

— Какое?

— Мы желали бы обедать вчетвером отдельно, не в общей столовой.

— О! Вам не угодно со мной обедать?.. Извольте, но позволение мое касается только вас двоих.

— Как же это?

— Вы не имеете никакого права говорить от имени других пассажиров, а я намерен сам переговорить с ними. Господа, аудиенция окончена, и думаю, что как раз вовремя, потому что боюсь, как бы вы не возмутили наконец спокойствия моего духа.

— Капитан, честь имеем откланяться...

Вслед за ними приглашены были Жилиас и Тука, чтобы выслушать те же предложения.

— Никогда! — возразил Тука торжественно. — Никогда вы не получите от нас слова, что мы не станем искать случая бежать... и не донесем на вас! Знайте, капитан, моему правительству будет подробно донесено о ваших злодеяниях, как только...

— Очень хорошо, господа, — перебил его слова Ле-Ноэль, с трудом сдерживая желание расхохотаться, — вполне понимаю ваши чувства и всю деликатность их и отнюдь не хочу насиловать вашу совесть, но считаю долгом предупредить вас, что вы произнесли себе смертный приговор.

— Смертный приговор? — воскликнули бедные друзья, содрогаясь.

— Сами посудите: вы хотите, чтобы меня повесили, так не лучше ли мне повесить вас прежде?

— Но, капитан... ведь это следовало бы растолковать прежде всего... Будьте уверены, что у нас никогда не станет настолько подлости, чтобы забыть щедрое гостеприимство, которым мы пользовались у вас...

— А как же эти донесения, которые вы намеревались отправить начальству?

— Ну вот еще! Всем известно, что эти штуки откладываются в долгие ящики под казенными номерами и надписями, чтобы никогда их не читать.

— В таком случае, вы даете слово?

— Вот вам слово, капитан, и не одно, а, пожалуй, хоть

десять... Не прикажете ли изготовить письменное обязательство?

— Нет, господа, в этом нет никакой необходимости: между моряками есть лучшее понятие о чести... Теперь еще остается маленькое препятствие, а тогда последняя туча между нами рассеется.

— Что такое? — спросил Тука.

— На моем судне нет доктора, а так как я отправляюсь в Бразилию, чтобы продать там от четырех до пяти сот негров, за которыми иду в Бенгелу, то я сочту за большое счастье, если месье Жилиас пожелает быть главным начальником санитарной службы на «Осе» в продолжение этих двух плаваний.

— Ваше предложение очень естественно, — отвечал Тука, — и я убежден, что мой друг Жилиас сочтет за величайшее удовольствие оказать вам эту маленькую услугу.

— Но это еще не все. У меня куча дел по отчетности, требующих знаний опытного, делового человека, и месье Тука окажет мне великое одолжение, если согласится принять обязанности главного администратора по корабельному хозяйству и обер-эконома по переселению негров.

— Ну конечно, — поспешил вмешаться Жилиас, страстно желая услужить своему другу, — ваше предложение осуществляет лучшие желания Тука.

— Но это надо обдумать хорошенько, — осмелился заметить Тука робко.

— Господа, мои предложения нераздельны, — сказал Ле-Ноэль холодно, изменившимся тоном. — Впрочем, позвольте мне заметить, что я принимаю только ваши собственные предложения, заявленные вами прежде.

— В таком случае, мы обязаны на то согласиться.

— Вы правы, и я должен еще заявить, что вам, как и всем служащим у меня, последует премия от двадцати до тридцати тысяч франков на каждого. В случае отказа я отправляю вас нить море полной чашей без конца.

— Честное слово, капитан, вы предъявляете такие иску- сительные доводы, что нет возможности вам сопротивлять- ся! — воскликнули друзья хором.

— Не забудьте, господа, что, когда последний негр будет выведен из моего корабля, вы получите свободу отправляться куда угодно и разглашать, что вы находились пленниками на «Осе», а вы, господин Тука, можете отправить вашему начальству столько донесений, сколько будет охоты, и пояснять к тому же, что командир судна, торгующего неграми, Ле-Ноэль пустил ко дну военный корабль «Доблестный».

— Капитан, позвольте еще одно слово, — сказал Жилиас с дальновидностью, часто изумлявшей его друга Тука.

— Я вас слушаю.

— Что вы намерены делать с этими юношами?

— Ничего. Они дали мне слово не искать средств для бегства с корабля, и этого для меня достаточно.

— Ну, а что, если бы вы приказали им быть нашими помощниками в наших новых обязанностях?

— Это зачем?

— Ввиду будущего донесения о нашем настоящем положении, весьма неблагоприятным окажется, что наши подчиненные настолько заслужили ваше уважение, что сохранили свою независимость. Поймите, какую неблагоприятную тень это бросило бы на нас двоих.

— Не думаю, чтобы они согласились.

— О, капитан, вероятно, вы не представили им могущественных аргументов, которыми осчастливили нас.

— Пускай будет по-вашему, не желаю вам отказать в первой вашей просьбе со времени вашего поступления в штат «Осы». Я потолкую с ними.

Произнеся последние слова с насмешливой улыбкой, Ле-Ноэль простился со своими собеседниками и поспешил в каюту, чтобы дать свободу веселому расположению духа...

— И как это пришло в голову адмиралтейскому интендантству отправить нас на невольничьей шхуне? — сказал Тука, уходя с Жилиасом в свою каюту.

Чтобы исполнить данное обещание, командир велел пригласить к себе молодых людей и с очевидной шутливостью объявил им, что по желанию их прямого начальства возвел их в чин помощников обер-эконома и начальника врачебного округа и, пояснив причины своего поступка, заверил юношей, что им предоставлена полная свобода действий.

Гиллуа и Барте невольно рассмеялись, думая, что их начальники, малодушие которых было им вполне известно, действовали так только потому, что капитан пристал к ним с ножом к горлу. Ле-Ноэль же сообщил об обещанной премии, а оба друга по выходе из капитанской каюты подтвердили своему начальству, что не оставят его и подпишут донесение морскому министру такое, какое ему угодно будет составить.

Опять превращаясь в купеческое судно, «Оса» снова прикрылась снастями парусной шхуны. Жилиас и Тука были на другой же день утверждены в своем новом звании, и если бы молодые пассажиры не отказались от общего стола, то жизнь на корабле потекла бы обычным чередом. Двадцать два дня

спустя шхуна прибыла к одиннадцати часам к берегам Бразилии.

Командир отдал приказание лечь в дрейф¹ и выпустить три сигнальные ракеты, которые, описав длинную кривую линию в пространстве, потухли в волнах.

Великолепна была эта ночь: мириады звезд отражались, точно в зеркале, в тихих и безмятежных водах океана; очарование было так велико, что «Оса», казалось, плавала по небесному своду. Вдруг поднялась с земли ракета и разорвалась снопом звезд: то был сигнал с берега, и по распоряжению вахтенного большой фонарь был выставлен на передней мачте.

Час спустя по направлению к шхуне двинулась черная точка, и вскоре к судну причалила туземная шлюпка, быстро вскарабкался по трапу какой-то человек и бросился прямо на палубу.

— Здравствуйте, дон Иоакимо,— сказал Ле-Ноэль, выходя к нему навстречу.

— Добрый вечер, капитан,— отвечал неизвестный посетитель.

Не обменявшись больше ни словом, оба поспешили в кают-компанию, где и заперлись.

— Ну, какие известия? — спросил капитан.

— И хорошие, и дурные.

— Неужели же, вопреки нашей депеше Ронтонаку, вы ничего не можете нам заказать?

— Успокойтесь, в шифрованной депеше многого не скажешь. Эксперты черного кабинета так искусны, что рано или поздно мы можем попасться. Ронтонак писал мне, что за ним следят. Я просто уведомил его, что готов доставить ему груз кофе и красного дерева, а он на это отвечал, что отправит за ним «Осу». Ничего более я не мог сообщить ему, потому что мы приняли разумную привычку заключать наши условия здесь, на месте.

— Итак, что же из этого?

— Вот я и сказал вам, что известия худы, потому что палата и сенат в Рио восстановили забытые законы против торговли неграми и присоединили к тому проекты о самых строгих наказаниях для виновных в нарушении этих законов. Хорошие же известия проистекают из того же источника, потому что если палата запрещает торговлю рабами, не уничтожая рабства, то из этого не может следовать другого

¹ Лечь в дрейф — расположить паруса так, чтобы судно оставалось почти неподвижным.

сывода, как тот, что плата за невольников удваивается. Для моей личной выгоды мне не следовало бы вам это говорить, но для вас моя игра всегда открыта, так как я нуждаюсь в более значительном грузе, чем когда-нибудь.

— Наши трюмы вмещают не более четырехсот негров.

— Я объехал только две провинции и переговорил с владельцами плантаций, мне необходимо шесть сотен рабов.

— Ну что ж, придется нам потеснить их немножко. Какая же ваша цена?

— Три тысячи франков за мужчину в здоровом состоянии и три тысячи пятсот за женщину.

— Полагаю, что эта разница делается не из простой галантности?

— Нет, законы против торговли неграми возвысили цену на матерей.

— Понимаю... согласен на цену... А какие условия уплаты?

— Как всегда, переводами на банк Суза-де-Рио.

— И на это согласен.

— К какому времени будет произведена доставка?

— Месяц плавания туда, сорок пять дней обратно: надо ожидать противного ветра. Для нагрузки товара довольно тридцати шести часов, так что я буду здесь к двадцатому или двадцать пятому ноября.

— Уговор кончен... Благополучия и успеха, капитан.

— До свидания, сеньор Иоакимо.

Без дальнейших церемоний бразильский торговец поспешил на свой челнок. Не успел он причалить к своему берегу, как «Оса», в свою очередь, отправилась к африканским берегам. К концу восьмого дня, как предвидел командир, шхуна приблизилась к мысу Негро на берегу Бенгелы.

После заката Кабо повел «Осу» через узкий и извилистый залив, более чем на милю вдающийся в берег. С обеих сторон залива тянулись дремучие леса, не тронутые еще топором и тянувшиеся до тайнственных и неизведанных берегов Замбези — то была область Рио-Мортес.

Вполне защищенная от всякого нескромного взгляда со стороны открытого моря, «Оса» в конце дня стала на якорь в узком входе в гавань. А несколько минут спустя явился на корабль мулат, агент Ройтонака на берегу Бенгелы. В эту ночь сон команды судна, торгующего неграми, убаюкивался странным концертом, в котором сливались резкие и жалобные крики хищных птиц, визг шакалов, рев львов и суровые, протяжные стоны диких слонов.

Часть вторая

ТОРГОВЛЯ НЕГРАМИ

БЕНГЕЛА

Залив, в котором «Оса» стояла на якоре в четвертый уже раз, находился в Конго, немного повыше мыса Негро, эколо Бенгелы. Именем Конго называли всю западную часть Африки, между экватором и девятнадцатым градусом южной широты, от Габона до мыса Фрио.

Португальцы уверяли, что они первые посетители Конго. Честь этого открытия оспаривает француз Жак Картье, который со своими малуинцами уже в XVI столетии производил там меновую торговлю с туземцами.

Сами португальцы, увлекаемые своими предприятиями и торговыми оборотами в Индийском океане, вздумали основать африканские колонии только в 1659 году. Паоло Диаш, племянник знаменитого Бартоломе Диаша, открывшего мыс Доброй Надежды, отправился на трех судах к берегам Анголы. Он был хорошо принят тамошним королем, умолявшим защитить его от взбунтовавшихся подданных. Во второе свое путешествие, предпринятое со значительными силами, Паоло Диаш основал город Сан-Паоло-да-Луанда и принудил всех возмущившихся вождей подчиняться власти ангольского короля, своего союзника. Этот король впоследствии изменил договору и приказал перебить всех португальцев, поселившихся в его владениях, но Диаш разбил его и принудил покориться власти португальского короля. В продолжение целых четырнадцати лет этот предводитель горсти авантюристов заставлял королей внутренней Африки уважать не достойное уважения имя европейцев и положил основание сильному влиянию своей отчизны на берегах Африки, от Луанды до конца Бенгелы. Он умер от сильного гнева, когда узнал о поражении и смерти одного из своих вождей, Лопеса Пеиктоса, который был застигнут врасплох и убит вместе со своим отрядом, состоявшим из пятидесяти солдат.

Губернаторы, преемники его власти, держали лузитанское знамя над этой страной не всегда с равной удачей и никогда не могли распространить свою власть на внутренние страны, которые были им подчинены только на словах.

В 1689 году Иероним д'Алмейда задумал овладеть серебряными рудниками в Камбамбе, которые, по слухам, обладали неистощимым богатством, но болезнь и поражение од-

ного из его полководцев заставили его вернуться в Луанду. И теперь еще эти рудники возбуждают алчность сменяющихся губернаторов этой страны, но никто из них не может достигнуть цели.

С XVII столетия португальцы с помощью Конго продолжали стоять во главе гнусной торговли неграми и снабжать Северную и Южную Америку рабами из Африки. На короткое время их потревожили голландцы, тоже нуждавшиеся в неграх-рабах для своих колоний в Америке, однако португальцам удалось отогнать своих соперников. Труд многих тысяч негров, вывозившихся ежегодно из Конго, послужил основанием для процветания португальских колоний в Бразилии.

Запрещение торговли неграми было главной причиной падения Португалии как морской и коммерческой державы, и при взгляде на карту, на эту длинную полосу земли, именуемую Португалией и не имеющую никакой причины быть отделенной на западе от испанского полуострова, невольно задаешься вопросом, почему она не слилась с Испанией уже в Иберийском Союзе.

Область собственно Конго, или Невольничий берег, состоит из четырех государств, известных под именем Лоанго, Конго, Ангола и Бенгела.

Бенгела населена множеством незначительных племен, которые постоянно ведут войну друг с другом и признают над собою владычество Португалии. Их непрерывные войны ведутся только для захвата рабов, и белые правители Бенгелы не только не препятствуют этому, но еще и содействуют, оказывая помощь то тем, то другим.

Португальский губернатор постоянно ведет маленькую торговлю рабами — это уже в крови. Впрочем, и все помаленьку продают негров на берегах Кванзы; для этого достаточно заручиться позволением черных начальников: позволение никогда не стоит дороже бутылки рома.

Знаменитый путешественник Дувиль описывает прелюбопытные подробности этой гнусной торговли:

«Человек, приводящий пленников, — пишет он, — и желающий их продать, должен прежде всего обратиться к местному князьку, чтобы получить право вести торговлю, после чего он идет на рынок, находящийся за городом и состоящий из сотни домов, разбросанных на некотором расстоянии от ограды, окружающей столицу.

Дома эти устроены мулатами, которые приходят в Биге для торговли по поручению португальцев. Все дома окружены складами товаров, хижинами для размещения купленных

рабов, садом, в котором возделывают овощи, и двором, где заканчиваются торги.

Все строения с принадлежащею такому дому землею называются «помбо». Обыкновенная цена лучшему невольнику — восемьдесят панно, что почти равно восьмидесяти франкам. Панно — это мера длины, соответствующая тридцати французским дюймам.

Цена невольника в Биге — восемьдесят панно бумажной ткани. Но уплата производится не только этим товаром; покупатель выставляет целый запас товаров, в число которых входят обыкновенно: ружье — за десять панно, бутылка пороха — за шесть, подслащенная тафия — от десяти до пятнадцати панно, смотря по желанию покупателя, грубая фланель, вроде легкого сукна, — за шестнадцать панно и, наконец, бумажная ткань — на остальную сумму.

Продавец всегда получает от покупателя подарок в виде иголок и ниток, сообразно с числом доставляемых рабов. Приятель продавца, содействовавший заключению этого торга, тоже получает в подарок красный колпак за свои труды.

Случается, что крупная дробь, ножи, стеклянные изделия, несколько листов бумаги, фланелевый жилет или куртка тоже входят в расчет за несколько лишних панно, но тогда эта сумма вычитается из общего количества бумажной ткани.

Ткань эта бывает белая или синяя, полосатая или клетчатая; ширина этой материи не более тридцати шести дюймов, она производится в Англии, где нарочно ткется по известному образцу, которого строго придерживаются, потому что негр осматривает с большим вниманием каждую штуку отдельно и отложит в сторону тот кусок, который хотя бы на одну линию разнится по размерам от образца. Негр всегда имеет при себе свою меру, состоящую из обрывка веревки, которым он измеряет всякую предлагаемую ему штуку.

Он никогда не забывает попросить несколько панно цветного ситца или платков, которых обыкновенно дарят ему четыре штуки. Ситец — это любимая ткань негров, но он поуже других бумажных материй. Фланель покупают синюю, красную или желтую, но всегда гладкую.

Вот способ, которым производится торговля невольниками обоих полов. Продавец всегда выводит невольников на показ по одному, разве только случится мать вместе с маленькими детьми. Он является в помбо в сопровождении своего приятеля или посредника; и тот и другой предлагают невольников, не похваляясь товаром. Только молодая невинная девушка подвергается их восторженным расхваливаниям

и за нее требуют высшую цену. Мулат начинает с того, что щедро угощает обоих негров-продавцов лучшей тафией. Это — неизбежная предварительная статья всех торговых договоров, которые длятся иногда чуть не полсуток. После того, как приходят к соглашению насчет цены и выбора предлагаемых предметов, мулат заключает торг новой бутылкой тафии, которая еще лучше первой и оказывается мигом выпитой до дна. Мулат пользуется опьянением негров и старается заменить выбранные предметы другими, худшего достоинства, и если по условию следует дать еще тафии, то не жалеет уже и воды, чтобы подмешать туда.

Пока происходит торг, мулат имеет полную возможность осмотреть предлагаемого невольника со всей тщательностью, но только в ту минуту, когда выбранные товары уже переданы на руки неграм, невольник отходит от продавца и становится около покупателя. Впрочем, покупатель не имеет права снять веревки, связывающие руки невольника, который в противном случае опять становится собственностью продавца. Совершить эту церемонию имеет право только торговец, и после этого невольник переходит в лавку мулата.

Число невольников, ежегодно продаваемых на рынке в Биге, доходит до шести тысяч, в пропорции трех женщин на двух мужчин. Мулатов, поселившихся там для этой торговли, насчитывается не менее пятидесяти человек. Они отправляют своих невольников в Анголу и Бенгелу более или менее многочисленными толпами под надзором помбейруш, в сопровождении нескольких негров. Бывали случаи, когда толпы несчастных возмущались против вожаков и убивали их, чтобы возвратить себе свободу».

Агент Ронтонаков содержал много мулатов и помбейруш, чтобы иметь лагеря невольников на всех внутренних рынках. Но самые значительные обороты производил он с властями Бенгелы. Снизу доверху общественной лестницы все служащие увеличивали свое жалованье, создавая всякие препятствия торговле неграми и образуя для этого даже товарищества. Ежегодно длинные караваны помбейруш приводили в неизвестную бухту Анголы либо в пустынный залив Бенгелы сотни невольников.

Город Луанда разделяется на верхнюю и нижнюю части; расположенный амфитеатром, он представляет живописную картину. Его защищают три крепости и два форта. Одна крепость расположена на высоте и господствует над нижним городом; другая крепость стоит у самого моря, и ее батареи находятся на одном уровне с поверхностью воды; тут пороховой магазин. Третья крепость перекрещивает свой

огонь с огнем небольшого форта на оконечности острова.

Город имеет вид подковы и кажется гораздо больше, чем есть в действительности. Он очень хорошо построен; улицы в нем прямые и широкие; некоторые дома каменные, но большинство глинобитные; фасады домов выбелены известью и ослепительны для глаз при ярком солнце. Тротуары и земля около домов покрыты раковинами, обложенными известкой; в нижних этажах находятся винные магазины; купцы, виноторговцы и харчевники тоже проживают в нижних этажах. Крупные же негоцианты всегда занимают верхние этажи. В городе есть бойня, но очень небольшая, так что бедные люди с трудом могут получить мясо один раз в две недели. У начальства, разумеется, ни в чем нет недостатка, но ему и дела нет до нужд народа. Рыбы на этом берегу очень много.

Луанда получает прямо из Португалии водку, вино, муку, сухую рыбу, варенье и некоторые мануфактурные изделия, но самая важная торговля производится с Бразилией, которая отправляет в Луанду сахар и тафию. За вино и спиртные напитки платится ничтожная пошлина. Город Луанда — важный пункт довольно значительной торговли с внутренней Африкой. Мелочная торговля находится в руках негритянок. На главных улицах они устраивают небольшие палатки с помощью четырех палок, воткнутых в песок и покрытых парусиной; тут украшенные кольцами и цепочками черные красавицы восседают посреди своих товаров. Они ходят также по домам в сопровождении невольников, несущих за ними короба, подносы и лотки с товаром.

В городе Луанда нет другой воды для питья, кроме той, которую берут из Бенго. Вода эта вредна, потому что русло реки наполнено тиною: жители сбрасывают в нее всякого рода нечистоты; там же перегнивают листья, падающие с деревьев, и даже самые деревья; все это в соединении с трупами крокодилов отравляет воду смертоносными миазмами, которых не могут устранить никакие очистительные машины.

Население Луанды доходило в XIX веке до 5152 человек.

С тех пор, как запрещена торговля неграми, у негоцианта нет других предметов торговли, кроме воска и масла, что, конечно, не имеет большого значения. Доходы заключаются в налогах на домовладение и торговлю; расходы на содержание войска, гражданских чинов, курьеров, духовенства, на выдачу пенсий и другие предметы далеко превышают доход.

Остров Луанда, на расстоянии нескольких сот метров от берега, находится почти напротив города того же имени и

богат превосходной пресной водою. Достаточно сделать ямку в фут глубиной, чтобы в песчаной почве показалась чистая и превкусная вода. Всего замечательнее то, что эта вода, оставаясь в яме на открытом воздухе в течение двадцати четырех часов, становится соленой, так что приходится рыть новую яму. Жители уверяют, что это морская вода, которая становится пресною, просачиваясь сквозь песок.

Окрестности города мало лесисты: растительность бедна, что способствует болезням, производящим большие опустошения среди туземцев и приезжих. Дожди, очень редко выпадающие в другие времена года, в марте и апреле льют ручьями. Таким образом на низменностях и в болотах накапливается много воды, которая делается стоячею и, высыхая, дает вредные испарения.

Одной из главных причин частых эпидемий в Луанде является скопление многочисленных невольников в каждом доме; в такой толпе нет возможности соблюдать самые простые правила гигиены, и болезни быстро распространяются.

Другая, не менее могущественная причина смертности — излишества, которым предаются жители. В Луанде не существует никаких общественных развлечений; за это лишние люди вознаграждают себя крайним невоздержанием в пище. У богатых людей каждый день пиры и кутежи. Все кушанья приправляются пряностями и подаются в очень горячем виде. Лучшие вина из Оporto и Лиссабона льются рекой. Женщины еще невоздержаннее мужчин и охотно принимают участие в пиршествах, которые всегда кончаются сценами, оскорбительными для чувства чистоплотности. Женщины редко выходят из дому, но пользуются каждым случаем, чтобы как-нибудь позабавиться в своем однообразном существовании. У коренных жителей зато развлечения куда наивнее.

Негр — страшный любитель пляски и прекрасный, хотя и непризнанный танцор; при малейшем звуке тамтама или батука он начинает подпрыгивать. Вот каким образом проходит обыкновенная пляска: участвующие в ней составляют полукруг; один из участников выходит на середину, начинает кривляться, судорожно подергиваться и кружиться, потом подбегает к какой-нибудь женщине и грудью ударяется прямо о ее грудь; женщина, увидав его приближение к себе, так выпячивается, что столкновение двух тел заглушает даже музыку. Затем женщина оставляет свое место, выходит в середину круга и, покружившись, вызывает какого-нибудь мужчину точно таким же способом, каким только что

вызвали ее. Пляска продолжается до тех пор, пока хватит у музыкантов силы. На всех пирах, на всех церемониях, при рождении и на свадьбе, эта пляска — неизбежная принадлежность праздника. В некоторых местностях даже похороны сопровождаются плясками.

Все население Анголы можно разделить на европейцев, негров и мулатов. Первый разряд состоит из гражданских и военных чинов и ссыльных, которые по мере сомнительного исправления замещают вакантные места в войсках или общественных учреждениях. Этот разряд — самый немногочисленный; большая смертность вследствие нездорового климата и кратковременность пребывания в этих местах всех приезжих — вот причины, постоянно препятствующие его увеличению. Негры, наоборот, — наиболее многочисленны; коренное население трудолюбиво, терпеливо, смыслено и обнаруживает большую способность к механическим работам. Смешанный же класс цветных людей не так силен и не так способен; к тому же он гораздо малочисленнее. Следует отметить, что народонаселение Анголы постепенно уменьшается. Ведомости об умерших и вновь родившихся не оставляют и сомнения в этой печальной истине. Официальное запрещение торговли черным деревом, т. е. неграми, выгнало отсюда толпу европейских авантюристов, постоянно налетающих в эти страны и прививавших молодую, но испорченную кровь старым расам креолов, которые теперь быстро угасают в болезнях и одиночестве.

Сан-Фелипе, столица Бенгелы, находится в еще худшем положении, чем Луанда; тут едва ли можно насчитать три десятка белых. Почти все они на службе у правительства и получают очень скудное жалованье; все они стараются улучшить свое положение прибылями, доставляемыми тайным покровительством запрещенной торговли. Бухта, где «Оса» стала на якорь, известна жителям Бенгелы под именем Рио-дас-Мортес, то есть «реки мертвецов»,

КОРОЛЬ ГОББИ.— ТРЕВОГА

На другой день по прибытии «Осы», еще до солнечного восхода, все люди на шхуне были разбужены оглушительным концертом.

Король Гобби, несколько дней поджидавший их в лесу с шестью или семью сотнями невольников, нетерпеливо желая приступить к обмену товаров, послал придворных му-

зыкантов сыграть серенаду своим добрым друзьям-европейцам.

Мигом все были на ногах и при бледных лучах рассвета увидели человек двадцать негров, присевших на корточки: одни из них, словно бешеные, колотили в горлянки, покрытые шкурою обезьяны, а другие что было силы пыхтели в трубы, сделанные из молодого бамбука.

Вскоре появился сам Гобби, окруженный своими женами, царедворцами, сотнею воинов, вооруженных кремневыми ружьями, и тремя гангами, или жрецами великого идола Марамба... Все тут было: двор, знатное воинство и духовенство... Жены освежали Гобби, обмахивая его опахалами, и веселили пением и плясками; царедворцам же, исполняющим долг службы при королевском величестве, вменялось в специальную обязанность заботиться о его туалете и наливать для него алугу, иначе говоря, тафию; кроме того, долгом службы предписывалось им либо хохотать до конвульсий, либо выражать судорожное отчаяние, смотря по тому, был ли весел или печален их король.

Самая завидная должность, с которою были соединены величайшие преимущества, заключалась в звании носителя трубки; этот высокий сановник, находясь в близких сношениях с королем, имел постоянно случай что-нибудь подцепить от него для себя и своих: ему доставались остатки в бутылке с тафией, когда все милостивый Гобби благоволил не разом ухнуть все до дна; он питался объедками с королевского стола, донашивал ветхие мундиры и был главным раздавателем — вроде канцлера — ордена Звезды Сардинки.

Чтобы возбудить соревнование в рядах армии и подражая тому, что он видел у белых, Гобби по возвращении из Сан-Паоло-да-Луанда ввел у себя знаки отличия. Сардинки доставляют значительные средства при меновой торговле, потому что негры в Конго — страстные охотники до этой рыбы; таким образом и пришло в голову милостивому властелину собирать со всех коробок этих консервов металлические овальные бляхи и жаловать их как орден отличия за военные и гражданские доблести. Как человек сообразительный, он грозил смертной казнью каждому подданному, который осмелится съесть коробку сардинок, не прислав немедленно медную бляху в казнохранилище его величества; будучи милостивым, он заменял, однако, казнь вечным рабством, что, конечно, приносило ему больше выгоды.

В самое короткое время в королевскую канцелярию поступило несколько бочек с медными ярлыками, и Гобби, будь у него на то охота, мог бы немедленно разослать орденскую

звезду всем монархам всего мира, своим союзникам и собратьям по глупости. Но он удовлетворился тем, что по праву соседа пожаловал звезду губернатору Сан-Паоло-да-Луанда, который немедленно отвечал на эту любезность посылкою ящика со старыми вышитыми мундирами, долженствовавшими украсить его африканское величество. Впоследствии какой-то немецкий ботаник забрел в его владения, чтобы собирать местные растения; Гобби не упустил случая отравить с ним орден его государю, так что только два европейца получили такое почетное отличие: португальский губернатор в Конго и потомок Фридриха Великого.

У короля Гобби было до пятидесяти ящиков, которые всюду следовали за ним; в этих ящиках хранились разнообразнейшие костюмы: пожарных, жандармов, горцев, швейцаров, сенаторских привратников и прочие нарядные мундиры, которые он надевал, смотря по обстоятельствам и особам, являющимся к нему на аудиенцию.

Мундиры эти доставались ему — иные, как знаки дружбы и почтения европейских монархов, другие же — в числе товаров при обмене на негров, приобретаемых иностранными судами. Несчастные, приставленные охранять эти драгоценные старые пожитки, проводили жизнь в непрерывных мучениях, потому что при малейшей неисправности, потерянной пуговице или потертом галуне, они отрешались от должности и даже часто поступали в число невольников, которые обменивались на новое платье.

Биография Гобби была бы очень уместна в истории завоевателей. Так, например, при вступлении на престол своих предков он начал с того, что отравил всех дядей и племянников, приглашенных к нему на пир, с весьма понятной целью: чтобы они в свою очередь не выжили его. После этого он сформировал грозную армию, вторгся во владения соседних королей послабее его и тогда округлил свое королевство их владениями. Так как он, подобно всем государям мира, любил блестящие мундиры, хорошее оружие, тафию, цветные материи, шляпы с плюмажем, ножички и зеркала, — а все это можно получить только от европейцев, — то он три-четыре раза в год вторгался во владения соседей и каждый раз захватывал до пяти или шести сотен пленников, которых продавал на известном месте берега. Подданные слепо повиновались ему, потому что ганги с детства приучили их к мысли, что король есть священный образ великого Марамбы на земле.

По словам путешественника Баттелла, идол Марамба помещается в корзине в виде улья, поставленной в большом

доме, в котором устроено капище. Этот идол служит для открытия воров и убийц. При малейшем подозрении ганги прибегают к разного рода колдовству; если кто-нибудь умрет в это время, то соседи должны поклясться Марамбою, что не принимали участия в его смерти. Если же дело шло о знатной особе, то вся деревня обязана под присягою засвидетельствовать свою невиновность.

Для принесения присяги негры становятся на колени, берут идола в руки и произносят следующие слова: «Эммо сиже бембес, о, Марамба». Это значит: «Готов подвергнуться пытке, о, Марамба».

Существует поверье, что преступники падают мертвыми, произнося ложную присягу, даже если прошло тридцать лет после совершенного ими преступления. Можно понять, до какой степени народ благоговеет перед королем, царствующим милостью великого Марамбы, перед идолом которого совершаются такие великие чудеса. Добродушный Баттелл заверяет, что он провел целый год в этой стране и был очевидцем, как шестеро или семеро виновных погибли при этом испытании; надо думать, что эти бедняги были не в ладах с колдунами, призвавшими на них гнев великого Марамбы.

Для служения Марамбе посвящают мужчин и женщин с двенадцатилетнего возраста. Ганги запирают избранных в темную комнату, где заставляют их долго поститься, потом выпускают их со строгим приказанием сохранять молчание в продолжение нескольких дней, несмотря на все старания других заставить их говорить. Это посвящение обрекает новичков на всякого рода истязания. Наконец ганг представляет их идолу и, сделав на их плечах надрезы в виде полумесяца, заставляя поклясться кровью, текущей из этих ран, что они навеки будут верными великому Марамбе. Ганг запрещает новым жрецам употребление известной пищи и налагает на них обязанности, которые они должны строго выполнять; свидетельством их посвящения является ящичек с какою-то святынею от Марамбы, который они носят на шее. Гобби никогда не выходил из дома без идола, покровителя его царственного рода, и когда выпивал порцию тафии, что случилось пять-шесть раз в день, он не забывал пролить к подножию кумира несколько капель в виде жертвенного возлияния. Из этого видно, что Гобби, как государь по наследственным и божественным правам, имел полное право продавать своих подданных за тафию и каски пожарных, потому что подданные были его собственностью, его имуществом и наследственным достоянием; ясно также, что в силу божественного закона ему дано было право употреблять во

вред ближнему и на свою потребу власть над подданными, не имеющими счастья быть избранниками Марамбы.

В сущности, Гобби был милостивым монархом, совсем не эгоистом; он позволял окружающим его царедворцам, жрецам, воинам и сановникам в досталь грабить то, что, пресытившись, он забыл или не удостоил захватить сам. Не совсем удобно было подходить к Гобби, когда он, бывало, выпьет сверх меры; королевы и прелестные принцессы тогда бежали от него, скрываясь в темных уголках леса, в ожидании, когда он снова облечется величественным спокойствием и священным достоинством, которые в Африке, как и в Европе, считаются неотъемлемыми принадлежностями особ королевской крови.

Если же августейший властелин, протрезвляясь, не видел пред собою своих жен, он приходил в такую ярость, что, не щадя сил, начинал колотить царедворцев направо и налево, и это благодетельное упражнение содействовало мало-помалу успокоению его духа.

Он переносил свои границы по очереди от берегов Кванзы до истоков Кванго и силою заставлял прибрежные племена озера Куфффуа платить ему дань. Он часто сражался с соседями, имея под своей властью тридцать тысяч воинов, и, конечно, ему недоставало только искусного биографа, чтобы получить право на уважение и почести потомства, которое во все времена спешит воздвигать жертвенники и монументы своим старым тиранам. Около Гобби всегда стояли два дудо, или колдуна-альбиноса, обязанных советовать с небесными светилами и внутренностями людей, принесенных в жертву идолам, без чего великий властелин негров и шага не делал.

По указанию путешественников, это племя выроdkов-альбиносов встречается довольно часто на берегах Конго. Негры оказывают им особый почет, доходящий до такой степени, что они имеют право забирать даром на рынке и в хижинах все, что им заблагорассудится.

Эти два дудо исполняли также обязанности докторов при короле Гобби.

Когда его величество прибыл на место, избранное им для заседания, ганги и дудо стали нашептывать заклятия земле, удостоенной чести поддерживать властелина, обрядовые заклятия, чтобы злые духи не проскользнули под траву с умыслом повредить ему; для изгнания их произносились волшебные наговоры. Этот обряд имел тем большее значение, что великий Гобби, не ведая употребления некоторых частей одежды, одевался так, что значительная часть его священ-

ной особы оставалась беззащитной при нападениях неприятелей, которые умели превращаться в муравьев, скорпионов и жуков.

Тщательно очистив бугорок, указанный пальцем милостивого властелина, великий жрец, глава всех гангов, три раза плюнул на это место, чтобы показать все свое презрение к нечестивым врагам, имевшим малодушие спрятаться там; потом он разостлал крокодиловую шкуру, которая при одном прикосновении Марамбы стала неуязвимою, и тогда только Гобби, великолепный Гобби, мог, наконец, сесть.

По случаю такого важного события он облекся в самый роскошный костюм. Ноги его выглядели в натуральном состоянии из великолепного мундира английского адмирала, а на голове вместо короны возвышался высокий белый, довольно элегантный цилиндр. Парадный костюм довершался палкою тамбур-мажора.

Принцы и принцессы крови, царедворцы — словом, весь двор разместился вокруг короля по правилам строжайшего этикета. Тогда вышел на палубу Ле-Ноэль со своим штабом и приказал сделать двадцать один выстрел из ружей в честь своего друга Гобби; затем он сошел на берег с бутылкой таффи в руке для ознаменования начала торговых переговоров.

— Сколько привел невольников? — спросил капитан у старого продавца «черного дерева».

— Двести двадцать женщин, четыреста пятьдесят мужчин и шестьдесят детей.

— Какова твоя цена?

— Сто тридцать панно.

— Слушай, Гобби, — сказал Ле-Ноэль, грозно нахмурив брови, — мне некогда терять время с тобою, надо, чтобы все это было погружено на корабль до захода солнца и чтобы завтра к вечеру «Оса» успела воспользоваться попутным ветром и уйти в открытое море. Нам некогда с тобою торговаться. Бери настоящую цену, если хочешь иметь с нами дело, а иначе я сейчас же прикажу сняться с якоря и отправлюсь на мыс Фрио, к королю Овампо.

— Ну-ну, ты заплатишь мне настоящую цену, — отвечал Гобби, испуганный мыслью, что товар останется у него на руках. — Итак, решено: девяносто пять панно.

— Нет, девяносто ровно.

— Ведь мы ходили двадцать пять дней, прежде чем добрались до берегов Кванго.

— Ни одного панно не дам больше, слишком мало детей.

— Согласен на девяносто панно, — отвечал властелин Кассанды, Кванго, Куффуа и других стран, — но ты должен

дать в придачу сто ящиков рома для моих жен, вельмож и воинов и еще двадцать пять ящиков для гангов великого Мамрамбы.

— Согласен, но с тем, что это будет твое последнее требование.

— Дело кончено, можешь наливать алугу.

Капитан Ле-Ноэль откупорил бутылку, выпил из нее глоток и передал ее Гобби: такую церемонией оканчивался всякий торг. Получив этот драгоценный нектар, достойный властелина, потирая ладонью под ложечкой, три раза благоговейно поднес бутылку к губам и начал пить с нежностью, стараясь долго полоскать себе рот этим небесным напитком, прежде чем спустить его в желудок. Выпив до дна, он бросил пустую бутылку наземь, и тогда началась меновая торговля.

Несчастные невольники выводились в цепях на берег, в то время как матросы выносили товар с корабля. Каждый человек был продан за девяносто панно, считая в том числе ром, ружья, бумажные ткани и другие вещи. Жилиас осматривал невольника, а агент Ронтонака и Тука разделяли товар на доли. Как только товар и уплата за него были приняты с рук на руки, король Гобби снимал с невольника оковы.

Тогда два матроса уводили невольника на корабль и надевали на него ручные и ножные кандалы, а для пущей безопасности он прикреплялся к железному кольцу, вделанному в стену трюма.

К вечеру погружено было около трехсот негров.

«Ну, — думал Ле-Ноэль, потирая руки, — завтра вечером мы будем далеко отсюда».

Отдав приказание продолжать погрузку и ночью, он хотел уже уйти в свою каюту, чтобы отдохнуть, когда к нему подошел Девис и с тревожным видом прошептал:

— Капитан, два туземца, прибывшие с приморья, уверяют, что видели в двух милях от прохода в Рио-дас-Мортес корабль втрое больше нашего и что он там стал на якорь.

— Что же вы думаете об этом, Девис? — спросил Ле-Ноэль, бледнея.

— Боюсь, что это английский фрегат отыскивает «Доблестного». В таком случае...

— В таком случае нас захватят в самой берлоге, — закончил капитан, скрипя зубами. — Эти негры имели сообщение с людьми Гобби?

— Нет, потому что они потребовали с меня две бутылки тафии за сообщение этой тайны и, по-видимому, вполне понимают все ее значение.

— Арестуйте их, прежде чем они успеют переговорить с родичами.

— Они уже находятся под присмотром двух матросов, которым я поручил опохмелить их.

— Хорошо... до завтра надо их побережь. Если тревожное известие лживо, что очень вероятно, то, значит, эти мошенники просто захотели попойнствовать за наш счет, но если это справедливо, то не следует допускать их к другим неграм.

— Я тотчас сообразил всю опасность, потому и распорядился сам, прежде чем вам доложить.

— Вот еще что, Девис, выберите трех людей и отправьтесь к устью Рио-дас-Мортес; там осмотрите открытое море с помощью ночной трубки. Если увидите корабль, постарайтесь наблюдать за ним. Оставайтесь там хоть до солнечного восхода, лишь бы удостовериться в его намерениях. Если за это время увидите что-нибудь необычное, сами — ни с места, а ко мне пришлите кого-нибудь.

— Капитан, не позволите ли мне один вопрос?

— Я слушаю.

— А если выйдет, что ошибки нет и что это английский фрегат пустился за нами в погоню?

— Тогда, значит, нас предали в Бордо, в Бразилии или в Сан-Паоло-да-Луанда.

— Что же тогда делать?

— Очень просто, погрузка кончится вполне завтра к вечеру, мы снимемся с якоря и полетим на всех парах.

— Ну, а если завтра же утром фрегат пройдет через Рио-дас-Мортес и отрежет нам дорогу к выходу?

— Тогда придет конец «Осе». Я возвращу свободу всем неграм, мы захватим оружие, запасы, взорвем шхуну и пойдем внутрь Центральной Африки. Как знать, Девис, может быть, мы положим основание новому государству на берегах Замбези, — кончил он с усмешкой.

— А мне в голову пришла другая мысль, — сказал юноша, не обращая внимания на его шутку.

— Посмотрим, что за мысль.

— Положим, что крейсер действительно стоит там на якоре; мы в трех милях от устья реки и через какой-нибудь час я разужнаю, в чем дело. Но в таком случае, не благоразумнее ли будет немедленно разводить пары и поспешить с погрузкой, чтобы уйти отсюда за два часа до восхода солнца? Нет никакой вероятности, чтобы фрегат осмотрел проход до рассвета; следовательно, у нас есть средство ускользнуть от него.

— Вы правы, Девис; в вашей молодой голове много сообразительности. Лучше бросить негров, которых мы не успеем погрузить, чем погибать самим. Отправляйтесь же скорее на наблюдательный пост, и что бы там ни случилось, через несколько часов мы будем готовы.

— Прощайте, капитан.

— Прощайте, дитя мое,— сказал Ле-Ноэль, ласково пожимая ему руку.— Мимоходом скажите Верже, что мне надо видеть его.

РЕКА МЕРТВЕЦОВ.— КОРВЕТ

Пять минут спустя Девис и трое матросов, вооруженных с ног до головы, плыли вниз по реке в легкой шлюпке по направлению к взморью. Чтобы не возбудить внимания негров, они первое время спускались по течению не гребя и взялись за весла только тогда, когда их всплесков нельзя было слышать с берега.

Ночь была великолепна. Река Рио-дас-Мортес, освещенная луною, показавшейся на горизонте только через четверть часа после их отплытия, змеею извивалась меж берегов, покрытых бамбуком и магниферами. Легкий ветер, пропитанный нежными ароматами тамаринда, черного дерева, освежал жгучий воздух. Нет ничего прекраснее этих тропических ночей, когда спадает зной и природа засыпает в тишине, полной благоухания! Изредка крики хищных зверей нарушают однообразное безмолвие и предупреждают путешественников о необходимости иметь наготове оружие...

Несколько минут спустя после того, как Девис ушел со шхуны, двое людей тихо прокрадывались в высокой траве по едва заметной тропинке между лесом и правым берегом реки. Эти люди были Барте и Гиллуа.

Весь день они наблюдали с живейшим любопытством за меновой торговлей и были проникнуты глубоким состраданием к несчастным жертвам этого гнусного торга. Утомленные печальным зрелищем и испытывая тяжелую досаду от невозможности вмешаться в происходившее на их глазах, они вернулись вечером в каюту и случайно сели у окна под румпелем, откуда ясно слышали весь разговор капитана с Девисом. В ту же минуту план их был готов. Захватив с собой оружие, они вышли на берег и, пока корабельные агенты торопились кончить погрузку, пустились в путь, никем не замеченные.

— Что же мы будем делать? — спросил Гиллуа, первым прерывая молчание, после того как они отошли от шхуны

так далеко, что нельзя было ни видеть, ни слышать их.

— Прежде всего,— отвечал Барте,— надо удостовериться в справедливости известия, доставленного неграми Девису.

— Это цель нашей попытки, и мы скоро узнаем, в чем дело.

— В таком случае, ваш вопрос относится к тому, чего нам держаться, если увидим, что военный корабль действительно остановился на якоре неподалеку от берега.

— Именно так.

— Положение наше очень щекотливо. С одной стороны, мы связаны данным словом не искать спасения в побеге и не открывать крейсерам присутствия «Осы»; с другой же стороны, человеколюбие внушает нам долг всеми средствами бороться с преступлением, невольными свидетелями которого мы были.

— Мы дали слово не подавать сигналов только на море, но здесь...

— Разница очень невелика и, по-моему, не снимает с нас клятвы.

— Любезный поручик,— прервал его Гиллуа,— мои понятия о чести не так непоколебимы, как ваши. Как! Этот человек сажает нас на свой корабль, который занимается торговлей неграми...

— Но он не мог действовать иначе,— перебил его Барте,— его арматор обязан был это сделать по контракту с правительством и только исполнял законное требование главного комиссара в Бордо.

— Положим, что так. Но кто помешал бы ему высадить нас на берегу Испании, в Мадере или на Зеленом Мысе? У него было двадцать средств отделаться от нас.

— Все это не так легко исполнить, как вы думаете. Вы сами слышали, как Ле-Ноэль рассказывал, что на Ронтонаках лежало подозрение в торговле неграми, а при таких обстоятельствах малейшая неосторожность или нетактичность была бы роковой для «Осы». Подумайте же сами, какая это была бы неосторожность — высадить нас на первом встречном берегу и таким образом разоблачить себя в самом начале плавания, которое требует не менее трех-четырех месяцев спокойствия. Вы видели, чего ему стоило только направление к мысу Габон... Я понимаю, что по своему положению капитан Ле-Ноэль обязан не отпускать нас от себя.

— Любезный Барте, можно подумать, что вы защищаете этого торгаша человеческим мясом!

— Нимало... я только обсуждаю меры, которые он принужден принимать в интересах своей безопасности.

— Тем не менее я убежден, что слово, вырванное у нас под угрозой отправить нас на дно морское, не имеет никакого значения даже в глазах самой строгой нравственности. Что касается меня, я не намерен держать его. Как! Воры захватили меня и, приставив нож к горлу, взяли с меня клятву не выдавать их, а я буду считать долгом молчать, несмотря на то, что на моих глазах они будут совершать новые злодеяния! Полагаю, что в таком случае моя же совесть обвинила бы меня как сообщника преступлений, допускаемых моим молчанием!

— Может быть, вы и правы.

— Я совершенно прав!.. Вы, как человек военный, воображаете, будто наше положение имеет некоторое сходство с положением военнопленных,— отсюда и вся ваша щепетильность; но вам следует представить себе, что мы просто попались шайке разбойников, и тогда ваш рассудок придет совсем к другому заключению.

— Сознаю, что всякое ваше слово справедливо и, однако, чувствую непреодолимое отвращение к нарушению слова, данного мною даже разбойнику.

— То есть слова, вырванного у нас насильем, а это совсем иное дело... Во всяком случае, если вы не можете преодолеть вашу щепетильность, предоставьте это дело мне, ведь вы не давали слова препятствовать моим действиям, а я-то уж сумею в данном случае принять меры, соответствующие положению.

— Тише! — прошептал Барте, схватив его за руку.

— Что такое?

— Смотрите и слушайте! — продолжал поручик шепотом, указывая по направлению к реке.

Товарищи остановились и среди неопределенного смутного гула морских волн ясно различили звук весел, исходящий от черной точки, которая скользила по воде в трехстах-четырехстах метрах от них.

— Тут некому быть, кроме Девиса и его людей, — сказал Гиллуа, — но почему вышло, что они не ушли дальше?

— Вероятно, что-нибудь задержало их по дороге; а теперь смотрите, с какою быстротою они уходят вперед.

— По-видимому, они направляются на тот берег; для нас это большое счастье, потому что таким образом мы не попадемся им на глаза.

После этого они молча продолжали дорогу, на каждом шагу вступая в борьбу с трудностями, которые одолевались только тяжелым усилием.

То вставала перед ними непроходимая чаща кустарни-

ков, бамбука и корнепуска, заставлявшая их делать значительные обходы; то вдруг ноги уходили в тянувшееся от реки до самой опушки леса болото, в котором можно двадцать раз утонуть, прежде чем перейти его наполовину. Изредка доносился внезапный треск сухой травы или поломанных ветвей, а потом словно что-то тяжело шлепалось в воду, — это они нарушали покой крокодила, отдыхавшего на берегу.

Иногда же они прислушивались с невольным трепетом к реву львов и пантер, которые, казалось, вызывали друг друга зловещими проклятиями. Не сознавая друг другу в своих впечатлениях, оба мысленно задавались вопросом, не безумное ли дело они задумали, пустившись по берегу неизвестной реки, окруженной болотами и лесами?

Вдруг на небольшом от них расстоянии пронесся странный звук, не похожий ни на трубный голос слона, ни на рыканье льва, ни на визг шакала или гиены, и вслед за тем захрустели ветви бамбука, как будто кто-то раздвигал их руками. Оба разом остановились, предчувствуя опасность, хотя и не понимали, какого она рода.

— Кто бы мог в такую пору спускаться с крутого берега? — прошептал Гиллуа на ухо товарищу.

Вместо ответа Барте потащил его в чащу бамбуков, находившуюся неподалеку, и друзья, затаив дыхание, принялись ожидать последующих событий.

— Друг или враг, человек или зверь?.. Кто бы ни был приближающийся... подождем, пока минует опасность, — сказал Барте, притаившись в чаще.

Странные, необычайные звуки становились все ближе и ближе.

Вдруг, несмотря на врожденное мужество, оба друга почувствовали, как вся кровь прихлынула к сердцу, волосы на голове зашевелились. Шагах в десяти от них громадная горилла вышла из чащи кустарников; в руке она держала толстую дубину, которою раздвигала мешавшие ей заросли. Ростом она была более восьми футов.

Прижавшись друг к другу, юноши еще больше затаили дыхание, чтобы не выдать своего присутствия. Зная, какова сила и свирепость этого необычайного животного, они вполне понимали, что при малейшей неосторожности им не миновать гибели. Не торопясь и переваливаясь с ноги на ногу, горилла прошла мимо них, прямо в лес; мало-помалу замерли вдали звуки ее шагов, и только однообразный плеск воды нарушал безмолвие ночи.

Барте и Гиллуа перед отплытием в Габон прочитали почти все, что написано об этой части Африки, а потому нечаян-

ная встреча с обезьяной-исполином, одолевающей львов и слонов, которых она разрывает на части своими мощными когтями, напомнила им, какой опасности они добровольно подвергались. Это заставило их пожалеть, что они очертя голову сунулись в столь дерзкое предприятие. Зато чувство невыразимого успокоения овладело ими, когда они услышали гул океана, разбивавшего свои волны об утесистый берег. Еще четверть часа, и они достигнут своей цели.

Страстный взор устремили они на Атлантический океан, расстилавшийся перед ними неизмеримою гладью, и невольно вскрикнули от радости, увидев в двух милях от берега судно, преграждавшее, по-видимому, выход из Рио-дас-Мортес. По его устройству они тотчас признали в нем военный корабль.

«Оса» захвачена!.. Вот первая мысль, которою они обменялись, потому что никак нельзя было приписывать случайности принятое кораблем положение как раз поперек реки. Таково было, по крайней мере, мнение Барте после продолжительного и внимательного осмотра.

— Вы правы,— отвечал Гиллуа,— не стал бы военный корабль бросать якорь так близко к земле, если бы не имел намерения наблюдать за каким-нибудь пунктом на берегу!

— Не может быть сомнения, что исчезновение «Доблестного» встревожило все флоты, крейсирующие в этих морях, тем более что причина его гибели всем понятна: этот бой происходил так близко от берега, что непременно были свидетели.

— Ах! — вздохнул Гиллуа.— Будь у нас лодка, менее чем через полчаса мы были бы на корабле и...

— За этим дело не станет,— решил его товарищ.— Есть очень простое средство добыть то, чего нам недостает.

— Как же это?

— Подать сигнал крайней опасности.

— Но...

— А вот послушайте-ка меня, Гиллуа,— перебил Барте радостно,— я нашел средство к спасению. Взберемся на какую-нибудь возвышенность неподалеку от берега и разведем костер из хвороста и сухих листьев; первое поднявшееся пламя обратит на себя внимание корабля, и все подзорные трубки устремятся в нашу сторону; мы встанем впереди костра, и все наши сигналы будут замечены благодаря нашим европейским костюмам, там поймут, что мы просим помощи, и почти наверно можно сказать, что шлюпка не замедлит оказать нам ее.

— Скорее, друг, за дело, — воскликнул Гиллуа, вне себя от восторга, что вскоре наступит минута освобождения.

— Сохраняйте спокойствие, иначе мы упустим из виду необходимые предосторожности: разве вы забыли, что на этом берегу мы не одни?

— Правда.

— Надо так действовать, что если бы наш огонь был виден на той стороне Девису и его людям, они не могли бы даже и подозревать, с кем имеют дело. Положим даже, что они переплывут реку, чтобы узнать, что значит этот огонь на необитаемом берегу. Что же тогда? Они никак не могут поспеть сюда прежде шлюпки, спущенной с военного корабля! Вот почему нам надо устроить костер в таком месте, откуда огонь был бы виден с моря и совершенно закрыт со стороны реки.

Молодые люди повернули по морскому берегу и вскоре отыскали небольшую бухту, которая была закрыта от берегов Рио-дас-Мортес песчаным холмом. Друзья немедленно развели костер из ветвей тамаринда, растущего около бухты; пересыпали ветки сухой травой и подожгли; огонь запылал мигом. Юноши, стоя перед огнем, начали подавать сигналы кораблю.

План Барте был очень прост и обещал полный успех. Всякий корабль, стоит ли он на якоре или идет по морю, ни на минуту не прекращает наблюдения, и при малейшей тревоге вахтенные офицеры извещают капитана.

Несколько минут спустя ракета, пущенная с корабля, медленно поднялась к небу, отвечая, что сигнал с берега принят.

В ту же минуту Барте выхватил из костра большое полено, объятые пламенем, и, помахав им в воздухе, бросил его в море, где оно зашипело и потухло.

— Спасены! — воскликнули друзья вне себя от радости и бросились друг другу в объятия.

Действительно, вскоре они увидели огонек, отделившийся от корабля и явственно приближающийся к берегу. Без сомнения, то был фонарь шлюпки, посланной к ним на помощь. Затаив дыхание, Гиллуа и Барте следили за ее быстрым ходом... Наконец они увидели спасение не более как в трех- или четырехстах метрах от себя; от радости они трижды крикнули «ура», на что со шлюпки трижды ответили тем же.

В эту минуту сцена переменилась с быстротою молнии. Из высокого тростника вдруг выскочили четверо здоровенных людей, бросились на двух друзей, повалили их наземь,

связали их по рукам и ногам с беспримерной быстротой и бегом увлекли за собой к Рио-дас-Мортес...

Обе жертвы с энергией отчаяния огласили воздух громкими воплями... По всей вероятности, эту сцену видели люди на шлюпке, судя по энергичным усилиям ее весел и той необыкновенной быстроте, с которой она заскользила по волнам.

— Замолчите, господа, — крикнул голос, по которому офицеры тотчас признали Девиса, — или, клянусь честью, я разможжу вам головы!

Он, разумеется, готов был исполнить свою угрозу. Гиллуа и Барте были так уверены в этом, что с яростью в душе повиновались, хотя нельзя заподозрить, чтобы мужество могло изменить им.

Добежав до берега реки, разбойники бросили пленных на дно шлюпки и схватились за весла. С удвоенною силою гребли они, чтобы вовремя поспеть на «Осу».

Они не были еще и в двухстах метрах от своей цели, как шлюпка, посланная на помощь, тоже достигла устья реки и отважно пустилась за ними в погоню. Командир шлюпки, наблюдавший за всеми обстоятельствами этой сцены, не вполне понимал ее причины; но, видя, что похитители плывут вдоль берега, отдал немедленно приказание следовать той же дорогой и, недолго раздумывая, пустился по водам Рио-дас-Мортес.

ПОГОНЯ.— РАБЫ

Девис смекнул, что неприятельская шлюпка опережает их. Он оставил руль и, схватившись за зрительную трубку, стал жадно следить за черной точкой, которая увеличивалась с каждой минутой.

— Шестнадцать гребцов против четырех, — сказал он, — неравная партия; минут через десять они нагонят нас... Попытаемся уравнять средства.

Девис приказал повернуть прямо к левому берегу и тотчас же вышел из лодки.

— Спустить пленников на берег, привязать лодку к тростнику, — скомандовал он повелительно.

Лишь только его приказание было исполнено, он обратился к Гиллуа и Барте со словами:

— Господа, вы изменили данному слову, и я имею право убить вас, как собак. Но вы видите, за нами погоня, и мне некогда тут с вами разглагольствовать. Предлагаю вам на выбор: либо я прикажу развязать вам ноги и вы должны бе-

жать так же скоро, как и мы, не произнося ни одного слова, либо сию же минуту я разможжу вам головы.

Девис поднял револьвер.

— Хорошо, — отвечали молодые люди, — мы следуем за вами и обещаем молчать.

— Можете избавить себя от обещаний; мне нечего с ними делать. Я больше доверяю своей силе, но предупреждаю, что при малейшей попытке привлечь к нам внимание, этот револьвер заставит вас замолчать навеки... Ну, ребята, — сказал он матросам, — речь идет о жизни и смерти — поторопитесь на «Осу»!

Разбойники сознавали теперь свою сравнительную безопасность: трудно было предполагать, чтобы преследующие решились покинуть свою шлюпку и продолжать погоню по берегу в неизвестной им стране.

После часового бега по старой дороге Девис со своим маленьким отрядом увидел огни на «Осе». Погрузка совершалась так быстро, что на берегу не оставалось ни одного негра, когда Девис взшел на судно. Он тотчас же поспешил в каюту капитана, с нетерпением его ожидавшего.

— Ну, что там такое? — спросил Ле-Ноэль, увидев Девиса.

— А то, что нас выдали, и военный корвет стоит при входе в Рио-дас-Мортес, так что нет возможности оттуда выйти в открытое море. Я не мог только различить, какой национальности этот корвет.

— На каком расстоянии находится он от берега?

— Почти в двух милях.

В важных случаях Ле-Ноэль никогда не колебался принимать решительные меры. Он позвонил.

Мигом явился кают-юнга.

— Позвать ко мне господ Верже и Голловея!

Мальчик исчез, и минуту спустя явились оба.

— Господа, — сказал им капитан, — мы блокированы корветом при входе в реку: изменник выдал нас в Бордо, или в Бразилии, или даже здесь.

— А не думаете ли вы, капитан, — возразил Верже, — что единственную причину этого обстоятельства надо искать в том, что «Оса» вела битву слишком близко от берегов, так что нельзя было обойтись без свидетелей? В этом случае все объясняется очень просто: оба флота, французский и английский, находящиеся в Гвинейском заливе, растянулись вдоль берегов. Окруженные крейсерами, мы имели несчастье привлечь на себя внимание одного из них.

— Может быть, вы правы, Верже, но главное дело со-

стоит в том, чтобы спасти нашу шкуру и провезти груз, который всем нам даст средства оставить опасное ремесло. Если мы будем дожидаться восхода солнца для отплытия, то нам грозит неизбежная гибель, потому что нельзя надеяться, чтобы и на этот раз пришлось вести бой со старым кораблем и с орудиями, выстрелы которых не достигают цели.

— Несмотря на темную ночь, — сказал Девис, — я отлично заметил по расположению его корпуса и мачт, что этот роковой корабль — броненосец первого разряда.

— Следовательно, нельзя и думать бороться с этой плавающей крепостью. Достоверно и то, что выход днем для нас невозможен: нас пустят ко дну прежде, чем мы выйдем в открытое море. Нам остается сделать эту попытку ночью, и сию же минуту. Если крейсер заметил вчера при закате солнца верхушки мачт, а это было очень возможно при нашем приближении к Рио, то он провел день в том, что принимал свои меры, осматривал берега и устье реки, останавливаясь на решении или пустить нас ко дну при самом выходе, или послать человек полтораста, чтобы захватить нас на якоре. Итак, время терять нельзя, через полчаса луна скроется, — вот минута нашего отплытия. По местам, господа, и чтобы все было готово!

— Если прикажете, — сказал Верже, — мы через пять минут можем сняться с якоря. Согласно вашему прежнему приказанию, когда негры известили нас о присутствии военного судна, мы приняли уже все меры, чтобы избежать нечаянного нападения: погрузка «черного дерева» закончилась уже около часа тому назад, а в ту минуту, как вы позвали нас, Голловей сказал мне, что и машина готова.

— Запаслись ли пресной водой?

— Все резервуары полны.

— Хорошо. Поднять паруса и ждать моих приказаний!

Оба помощника ушли, простившись по-военному.

— Ты тоже можешь идти, Девис, — сказал Ле-Ноэль дружески, как обыкновенно, оставаясь наедине со своим любимцем.

— Я не кончил еще моего доклада, — ответил тот и в двух словах рассказал обо всем, что случилось с ним в дороге. Узнав, что Гиллуа и Барте развели костер на берегу, чтобы привлечь шлюпку, капитан пришел в ярость, не знавшую пределов, и решил повесить обоих предателей на мачте. Если бы Девис произнес хотя бы одно слово защиты, гибель их была бы неизбежна; но он давно раскусил своего родственника и молчал, слишком хорошо зная, что лучшее средство

утишить бурю — это предоставить ей самой затихнуть.

Через несколько минут Ле-Ноэль опять овладел собой, подтверждая страшными клятвами, что отомстит.

Вдруг лицо его осклабилось странной улыбкой.

— Девис, друг мой, — сказал он, — пойдите посмотрите, что поделывает эта скотина Гобби: все так же ли он мертвецки пьян и не может ли он потолковать со мной о деле? Если может, растолкуйте ему, что он мне еще нужен. Кстати, что вы сделали с пленниками?

— Приказал заковать их, как только мы пришли сюда.

— Хорошо, прикажите привести их ко мне.

Вскоре после этого Гиллуа и Барте со связанными руками были приведены к капитану.

— Прошу вас, господа, извинить Девиса за то, что он вынужден был поступить с вами, как с простыми преступниками, — произнес капитан Ле-Ноэль с утонченной вежливостью, — вы сами столь любезно хлопотали о том, чтобы вас вздернули на виселице, что я вынужден простить ему недостаток почтительности. Да будет вам известно, что я чуть-чуть не отправил вас плясать на канате... Но успокойтесь, я нашел средство все уладить. Вам, кажется, не нравится жить у меня на «Осе», не так ли?

Молодые люди, зная, что от этого разбойника можно ожидать всего, только презрительно пожали плечами.

— В таком случае я сегодня же высажу вас на берег.

— Лучше поберегите нас, — возразил Гиллуа насмешливо, — через несколько часов, на восходе солнца, вам, может быть, придется просить у нас заступничества.

— О, как вы торопитесь, милые друзья!.. Вероятно, вы намекаете на фрегат, который преграждает нам выход из реки по милости вашего старания привлечь его на мою шею? Не так ли? Перед нашей разлукой я постараюсь разуверить вас на этот счет. Через несколько минут скроется луна, а вам известно, как темны в эту пору ночи под тропиками. Вот мы и воспользуемся темнотою, чтобы спуститься вниз по реке. Наш лоцман Кабо так хорошо знает Рио-дас-Мортес, что может проплыть по ней с завязанными глазами. С помощью пара мы пройдем в миле от крейсера; он ничего не заподозрит, и только завтра догадается, что птичка улетела. Что же касается вас, господа, то вам не остается даже утешения известить его, по какой дорожке мы улепетываем, потому что и вы будете тогда далеко отсюда. Вижу по вашей недоверчивой улыбке, что вы задаетесь вопросом, каким образом, высадив вас на берег до моего отплытия, я могу помешать вам доставить полезные сведения военному судну?

У меня в руках средство очень простое, я нисколько не затрудняюсь сообщить его вам, тем более что скрывать его долго нельзя! Сегодня утром мой приятель Гобби шепнул мне свое страстное желание, которое он до сей поры никак не мог удовлетворить. «Охотно отдал бы я, — сказал он мне, — половину принцесс, украшающих мой двор, и полдюжины моих царедворцев за двух-трех белых, которые были бы, в свою очередь, украшением моего двора на берегу Конго и устроили бы мне там регулярную армию!»

— Как! И вы осмелились бы это сделать? — воскликнул Гиллуа, не в силах сдержать негодование.

— Не мешайте, любезный друг, — прервал его Барте спокойно, — меня очень интересует этот рассказ.

— Вы поняли мои мысли с полуслова... Да, я имею намерение предложить вас в подарок моему приятелю Гобби, и мне тем более приятно, что подобная перспектива интересует господина Барте! Вам предстоит совершить путешествие самое замечательное, какое только можно пожелать любознательному путешественнику, не подвергаясь притом никаким опасностям, и без малейших издержек.

— Довольно шуток, можете поступать по произволу, — прервал Барте.

— По-видимому, — воскликнул Ле-Ноэль, — вы еще не поняли, что я употребляю столь утонченные выражения для того, чтобы не разговаривать с вами, как вы этого заслуживаете.

— Как вам угодно: вам нет нужды церемониться, потому что мы на вашем корабле и в оковах.

— Не старайтесь оскорблять меня, я сохраняю такое же спокойствие, как и вы. После битвы с «Доблестным», чтобы обеспечить безопасность моему экипажу и себе, я хотел было избавиться от вас, потому что жизнь ваша не стоит жизни пятидесяти человек. Вы мне дали честное слово не пытаться ни бежать, ни подавать сигналов, вчера же вечером вы нарушили свое слово, которым связали себя.

— Ничем нельзя считать себя обязанным разбойникам, — возразил Гиллуа, — которые грабят на больших дорогах и, приставляя нож к горлу, требуют, чтобы жертва не смела предостерегать других, что в лесу разбойники. Вы поставили себя не только вне закона, но и вне общечеловеческого права, и ваше гнусное ремесло еще хуже ремесла разбойника, которое все же несколько облагорожено теми опасностями, которым он подвергает себя в отчаянной борьбе... Вы ограждаете себя тем, что надеваете оковы на несчастных негров, кото-

рые не могут защищаться... Вы постыдно избегаете наказания, спасаясь бегством и трусливым преимуществом в быстроты хода вашего судна. Даже оставляя в стороне безнравственность вашей торговли, я презираю вас потому, что вы не осмелились бы производить свою торговлю на корабле, который не может спастись от крейсера с исключительной быстротой. Ваша победа над «Доблестным» с его черепашьям ходом и допотопными орудиями есть не что иное, как гнусное убийство из-за угла, и если уж вы хотите знать, то даже как преступник вы вовсе не замечательный характер, но...

— Доканчивайте...

— Трус, который прячется в засаде, чтобы наверняка убить и убежать.

При этих словах янки с пеной бешенства у рта приставил револьвер к груди храброго юноши. Барте бросился между ними, чтобы заслонить собой друга.

Оба полагали, что наступил их конец; но Ле-Ноэль вдруг успокоился и сказал, грозно сжимая кулак:

— Воздайте благодарность мысли, которая озарила меня, ей-то вы обязаны жизнью; в ту минуту, когда у меня помрачилось в глазах, когда я готов был убить вас, я увидел вас точно в мимолетном сновидении с цепью на шее на берегах озера Куффуа; я увидел, как вы там молотите маниок или орехи; идея прекрасной мести удержала мою руку. Надеюсь, господа, что вы вспомните меня в эти приятные для вас минуты... в те часы, когда среди предстоящих вам страданий в Центральной Африке пред вашими глазами будут проноситься образы родных и друзей...

В эту минуту вошли Девис и Гобби.

В эту тихую ночь благодушный король собственноручно наказывал одну из принцесс, стащившую у него рюмку таффи, но, узнав, что капитан хочет его видеть, охотно отложил развлечение до другого раза и, натянув на себя лучший костюм, бальную шляпу и ботфорты, последовал за Девисом.

Радость его не знала пределов, когда он услышал, какой царский подарок делает ему Ле-Ноэль. В страхе, как бы не потерять свою легкую добычу, король кликнул с полдюжины воинов, которые набросились на пленников, мигом связали их и торжественно отнесли в хижину из листьев и бамбука, молниеносно устроенную на берегу по приказанию Гобби... Жилиас и Тука отдыхали в своей каюте после дневных трудов и гораздо позже узнали об участи, постигшей их спутников.

После веселой сделки капитан известил своего друга Гобби о присутствии иностранного корабля и растолковал ему,

что крейсер на рассвете пойдет вверх по реке и может захватить не только все королевские богатства, но даже собственную королевскую особу.

Испуганный король охотно последовал его совету немедленно снять лагерь и пуститься в обратный путь в свое королевство. Не теряя времени, он бросился с корабля и с дубинкой в руке разбудил своих дам и воинов, которые безропотно взвалили на плечи казну, ящики с ромом, ружья, порох и прочие предметы меновой торговли и немедленно углубились в лес, чтобы избежать мнимого неприятеля. Оба европейца были поручены надзору четырех королевских телохранителей, которые, надев пленникам веревку на шею, тащили их за собою, как вьючный скот.

Со своей стороны «Оса», не теряя времени, снялась с якоря еще прежде, чем негры собрались в дорогу. Ле-Ноэль был доволен тем, что внушил королю панический страх и что, следовательно, Гобби, а с ним и оба узника не останутся на берегах Рио-дас-Мортес ни одного лишнего часа. После этого капитан подал сигнал, нетерпеливо ожидаемый всей командой, и шхуна «Оса» под искусной рукой Кабо тихо скользнула вниз по реке. Положив руку на румпель и устремив глаза на компас, Кабо твердо проводил «Осу» между песчаными мелями и изгибами реки, которые делали плавание опаснейшим предприятием.

Невозможно описать волнение, охватившее всю команду. Едва послышался вдалеке мерный гул волны, разбивавшейся о мель и замиравшей на берегу, каждый устремил жадный взгляд на океан, чтобы отыскать место, где стоял крейсер. Когда шхуна вступила в узкий проход, огни военного судна показались так близко, ясно и резко, что всякому стала очевидна полная невозможность дневного отплытия.

Выйдя из реки, «Оса» все еще сдерживала свой ход, чтобы не возбудить внимания могущественного врага, и держалась линии, параллельной берегу; эта уловка менее чем в полчаса поставила ее вне выстрелов крейсера.

Наконец Ле-Ноэль увидел пред собою открытое море и необъятное пространство, глубокий вздох вырвался из его груди.

— Ну, господа, — сказал он своему штабу, — ад не требует еще нас к себе, и сдается мне, что «Осе» предназначено умереть от старости, как подобает честному и мирному береговому судну.

Жилиас и Тука вышли с первым лучом рассвета на палубу, и велико было их удивление, когда они не увидели вокруг себя ничего, кроме неба и воды. Как только им было сообщено об участи, постигшей их юных товарищей, они с

геройской отвагой бросились в каюту капитана и представили ему формальный протест с требованием немедленно вернуть их на берег Африки, где они могли бы разделить судьбу своих несчастных друзей.

В это утро Ле-Ноэль был в самом лучшем расположении духа и потому делал неимоверные усилия, чтобы сохранить серьезный вид, выслушивая их требования. С видом полного смирения он сознался в своей вине и кончил речь советом тщательно сохранить этот протест, присоединив его к знаменитому рапорту, который они должны представить начальству, как только снова получат свободу.

— Капитан,— отвечал Жилиас,— благодаря такому законному объяснению...

— Между нами не может быть и тени неудовольствия, не так ли, господа? — докончил за него Ле-Ноэль.

— Все бы ничего,— сказал Тука своему другу, уходя из каюты капитана,— но за каким дьяволом главный комиссар посадил нас на эту шхуну?

Два месяца спустя рыбак на берегу Бразилии встретил обломки судна, спокойно колыхавшиеся по произволу волн. Рыбак подплыл к ним и прочел на доске от кормы: «Оса».

Что же с нею случилось? Не встретились ли эти разбойники с крейсером, который пустил их ко дну после беспощадной борьбы? Или же негры, доведенные до отчаяния, продырявили дно, чтобы потопить свою тюрьму? Или сам океан в порыве неудержимой ярости казнил судно, торговавшее неграми?

Напрасно было бы допрашивать обломки, чтобы вывести их тайну: безмолвные, как доска черного мрамора на гробнице, они ничем не выдавали тайны бедствия, постигшего «Осу»...

Часть третья НА БЕРЕГАХ КОНГО

ГОББИ ВОЗВРАЩАЕТСЯ В СВОЕ КОРОЛЕВСТВО.— БАРТЕ И ГИЛЛУА НА СЛУЖБЕ

На пятый или шестой день странствования Барте и Гиллуа попробовали было убежать от своих сторожей, за что, по приказанию Гобби, были помещены в сетку из волокон кокосового дерева, привязанную с обеих концов к крепкому стволу бамбука. Двум невольникам приказано было нести

их обоих в этой нового рода тюрьме. Монарх негров, гордый добытыми трофеями, желал во что бы то ни стало привести в свою столицу двух белых живыми и невредимыми, чтобы насладиться удивлением своих подданных, когда те увидят, что ему служат, как рабы, люди той расы, которую они привыкли почему-то считать гораздо выше себя.

До настоящей минуты только один белый проник в страну, где царствовал Гобби, и большинство народа было знакомо с европейцами только по чудесным рассказам надзирателей, провожавших рабов на продажу и по возвращении распространявших славу белых.

Гобби повторял торжественное шествие римского императора, влекущего за колесницею побежденных монархов.

Одиннадцать часов спустя отряд перешел через Кванзу, а на седьмой день прибыл на берега Конго, называемого туземцами Моензи Энзади, то есть великой рекой, а португальцами — Заирой.

Пространство, покрытое деревьями, растущими в воде, совершенно непроницаемо, за исключением песчаных мест. Быстрина отрывает огромные куски берегов, которые увлекаются рекой во время периодических дождей, и тогда они становятся плавучими островками. Мангиферы и гифены, род пальмового дерева, населены стаями серых попугаев. Только эти птицы и нарушают страшное безмолвие, царствующее в лесах Заиры после захода солнца. Попугаи каждый день перелетают через реку; утром они покидают северный берег, чтобы опустошать плантации майса на южном берегу, а вечером возвращаются на ночлег.

Туземцы вылавливают около островков значительное количество моллюсков. Насаженные на вертел и высушенные, моллюски становятся предметом торговли. Их полуиспорченная гнилью мякоть приходится неграм очень по вкусу; сырыми их есть невозможно.

Матта-Замба, столица короля Гобби, расположена как раз на левом берегу реки Конго, в девяти днях ходьбы ниже того места, где в Конго впадает неисследованная речка Касанца. В столице находится от четырехсот до пятисот краалей¹, каждое из них состоит из двух или трех дворов и обнесено плетнем из тростника, который служит также и для постройки домов, до того упрощенных, что их можно соорудить в несколько часов. Дверь в этих хижинах представляет квадратное отверстие, достаточное как раз для того, чтоб

¹ Крааль — кольцеобразное поселение, в котором хижины расположены по кругу и обнесены общей изгородью, а внутренняя площадь служит загонem для скота.

пройти одному человеку, напротив двери есть другое отверстие, служащее окном; оба отверстия закрываются на ночь плетенками из лозы.

Королевский дворец отличается от других строений только тем, что он побольше размером, разделен на несколько комнат и имеет большую приемную залу, тщательно устланную плетенками и по стенам покрытую трофеями: оружием, трубками и человеческими черепами, обладатели которых были принесены в жертву великому Марамбе.

Черепя служат для Гобби фетишами и, по общему убеждению, ограждают его жизнь от мятежей, яда и злых духов.

Перед тронной залой, где властелин принимает своих сановников, на куче мелких камней стоял грубо вырубленный из дерева идол Марамбы, создавшего мир; под ногами идола был распростерт злой дух Мевуа, который дерзнул возмутиться его властью.

Великий Марамба был весь покрыт старыми кусками железа, перьями и тряпками, а на голове его возвышалась одна из тех великолепных мохнатых шапок, которые при реформах 1834 года были отняты у национальной гвардии и проданы гуртом торговцам на африканских берегах.

А Мевуа, хоть он и злой дух, все же не следовало гневить, а потому надели на него старую шляпу, порядком изношенную самим королем.

На службе великого Марамбы состоял целый штат гангов; им принадлежали по праву различные подарки, которые толпы народа приносят каждое утро.

У каждого из божков была своя специальность: один из них исцелял лихорадки, другой — белую проказу или колотье, третий помогал горбатым, четвертый возвращал слух глухим, пятый — зрение слепым, а десятый выпрямлял кривоногих и всяких калек. Двадцатый давал дождь полям.

Остальные делали безвредным укус змеи и защищали неверных жен. Для всего этого достаточно было прижать к желудку или носить на шее какой-нибудь фетиш, вроде квадратной дощечки или тряпочки, приложенной гангами к большому пальцу ноги почитаемого идола.

Совсем иначе принимались за дело, когда надо было отыскать украденные вещи.

Однажды в Матта-Замбе вор простер до того свою дерзость, что выкрал у важного царедворца один из фетишей, а именно фетиш, исцеляющий от колотья и потому по своей специальности не обладавший силой противиться похищению, жертвой которого он сам сделался.

Для отыскания этого фетиша надо было обратиться к другому королевскому фетишу, имевшему силу обличать воров. С великою торжественностью идол был вынесен из дворца Гобби и поставлен на главную площадь. Столичные жители принялись выплясывать около идола с надлежащими воплями и заклинять, чтобы он заставил вора в течение трех дней положить похищенный фетиш в то место, откуда был украден, а в случае неповиновения поразил бы смертью и самого вора и всю воровскую семью.

Несмотря на усердные заклинания, вор ничего не возвратил, и ровно через три дня королевский фетиш был опять унесен во дворец с великою торжественностью.

На другой день в столице умер в ужасных конвульсиях какой-то молодой человек, непричастный к похищению, и ганги, отравившие его для спасения чести своего идола, распространили слухи, что этот несчастный получил заслуженное наказание и что бог отомстил за своего украденного со товарища, казнив вора мучительной смертью.

Фетиши короля Гобби играли свою роль только в важных случаях, и народ прибегал к их помощи как можно реже, потому что король и жрецы налагали такую плату за их милости, что способны были разорить всю деревню, прибегающую к их покровительству.

В каждом жилище были свои особые фетиши.

Когда король Гобби вступил в свою добрую столицу Матта-Замба с женами, царедворцами, воинами, с длинным караваном тафии, бумажных материй, ружей, сабель, старых штыков, разнообразных костюмов и, сверх всего, с двумя белыми невольниками, общему восторгу не было пределов. Король с трудом мог пробраться в толпе к своему дворцу, осыпаемый цветами и зеленью и вынужденный приказать телохранителям разгонять палками буйных верноподданных, спешивших к нему навстречу.

Добравшись до своего дворца, он три раза стукнулся лбом о землю перед великим Марамбой, благодаря его за помощь, оказанную в пути; потом принялся усердно благодарить остальные фетиши, окружавшие груды камней. По примеру Гобби все окружающие выполнили те же церемонии. По внутреннему смыслу это зрелище весьма напоминало сцену возвращения с войны какого-нибудь европейского монарха. Тут же милостивый властелин принес в дар своим пенатам трех невольников, которых великий ганга в ту же минуту зарезал у ног Марамбы. По окончании жертвоприношения верховный идол вдруг засуетился на своем

пьедестале, закачал головой и замахал руками, в то же время из груди его вырвались страшные звуки.

Испуганная толпа растянулась на земле, а главный ганга стал объяснять изречения оракула.

Великий Марамба требовал, ни больше ни меньше, чтобы приведенные королем белые пленники были отданы ему во служение!

Излишне объяснять, что слова, сказанные идолом, произносил не сам идол, а ганга-чревовещатель, который изрекал для публики волю богов. Было время, когда в Эфесе, Фивах, Элевзине, Додоне и Дельфах иерофанты и прочие фокусники того же рода заставляли болтать олимпийских богов.

Гобби был умен и жил с жрецами так долго, что научился хорошо понимать значение фокусов, но, будучи сметливым политиком, учитывал, что перед народной массой не следует подрывать авторитета религии. Он дождался, пока все разошлись по домам, и только тогда заявил гангам, что они напрасно теряют время и что обоих белых он берет к себе на службу.

Великий жрец Марамбы, никогда не упускавший случая наложить свою руку на права гражданской власти, подал знак ганге-чревовещателю продолжать фокусы, и в ту же минуту верховный идол еще пуще задергался, воспроизводя судорожные движения петрушки; новый оракул повторил требования, чтобы белые пленники были отданы духовенству.

Гобби, не допускавший шуток со своей особой, имел средство положить конец захватам жрецов: он обнажил саблю и, подойдя к чревовещателю, снял с него голову, как истинный мастер своего дела.

После этого он обратился к великому жрецу и спросил:

— Ну что об этом думает великий Марамба? Кто из вас посмеет мне противиться?

Ганги распростерлись перед королем и единодушно завопили:

— Ваше королевское величество обладает чудесным даром действовать саблею: этот дар ниспослан вам великим Марамбой, коего вы единственный представитель и заместитель на земле.

Глава гангов вполне осознал свое поражение и удалился ползком, но в сердце его кипела ярость.

Гобби был тонкий политик; видя покорность и унижение жрецов, он тотчас же сообразил:

«Теперь мое дело ясно: через тридцать пять часов я буду вознесен на небо, по примеру моих благородных предков,

дабы получить возмездие за свои великие добродетели... Отсюда следует, что надо их предупредить».

В ознаменование своего благополучного возвращения Гобби приказал раздать народу в большом количестве маниок и маис и пригласить всех гангов и высших сановников на великолепный пир. Ужин окончился обильным алугу, или негритянским ромом, и вскоре все ганги с великим жрецом во главе отправились в страшных корчах в царство великого Марамбы.

На другой же день распространился слух, что они призваны своими богами выполнять служение в М'Бу-Бу-Матаплане, то есть в верховном раю.

После этого Гобби избрал из касты жрецов семилетнего ребенка и возвел его в звание великого жреца.

— Вот таким способом, — говорил он, потирая руки, — я долго буду жить в мире и спокойствии.

После этого он принялся за министров, которым вверил управление государством в свое отсутствие, и порядком пробрал их. Призвав их в тронную залу, он заметил, что все они до того разжирели, что не могли пролезть в дверь. Он дал им двадцать четыре часа на то, чтобы похудеть и затем явиться к нему с отчетом о своих действиях. На другой же день он отрубил головы трем министрам, не успевшим возратить несправедливо захваченное.

Точно таким же образом он умиротворил внутреннюю вражду, возникшую в его собственном семействе, и в государстве воцарился глубокий мир.

Вот так Барте и Гиллуа избавились от служения великому Марамбе, чтобы поступить на службу к славному властелину Гобби.

Главная их обязанность состояла в том, чтобы чистить оружие Гобби, полировать черепа, служившие королю фетишами, и возделывать в дворцовом саду маниок, из которого готовилась пища для его величества.

Маниок составляет главную пищу негров Южной Африки, этот корень бывает разных сортов; все они, по словам Драппера, имеют между собой некоторое сходство, хотя качеством и цветом совершенно различны.

Маниок, растущий в Конго, превосходит все другие виды своим качеством. Листья его темно-зеленого цвета, как у дуба, с большим количеством жилок и зубчиков. Стебель его, достигающий десяти — двенадцати футов и разделяющийся на множество отростков, слаб, как ветла. Цветы очень мелкие, а семена похожи на турецкую коноплю.

Это растение почти без всякой обработки дает довольно

объемистый корень, из которого добывается мука. Сок этого корня действует как страшный яд, но ядовитое начало улетучивается после промывания и сушки. Зная все это, легко понять, почему Гобби так заботился о разведении и обработке питательного растения. По королевскому приказанию несколько десятин земли было обнесено оградой из тростника и колючих кустарников, и пока одни поля обрабатывались, другие отдыхали.

За эту ограду были брошены Барте и Гиллуа. Несколько часов они служили предметом народного любопытства на главной площади Матта-Замбы, после чего им дали уразуметь, что как только страж заметит их намерение бежать, они тут же будут принесены в жертву великому Марамбе.

Посредине невозделанной части колючего сада, под сенью цветущих лиан, стояла хижина из зеленых веток; оба друга, истомленные усталостью, едва дотащились, поддерживая друг друга, до этой хижины. Не в силах обменяться ни одним словом, они упали на ложе из сухих листьев, где в первый раз после двухнедельного мучения остались одни и смогли забыться благодатным сном.

СУД КОРОЛЯ ГОББИ.— СТРАННОЕ ПОСЕЩЕНИЕ

Пленники, проснувшись на другой день, увидели на пороге хижины деревянную чашку муки маниока, приправленной красным перцем, и огромную горлянку¹ с водою.

Это был подарок от короля, который удостоил вспомнить за завтраком, что белые пленники ничего не ели со вчерашнего дня. В первый раз со времени рабства друзья могли свободно передать друг другу свои впечатления. Первые минуты сильного потрясения миновали, и они могли спокойно обсудить свое положение и сообразить, каким образом действовать.

— Бежать отсюда во что бы то ни стало — вот единственная цель, которую мы должны преследовать, не останавливаясь ни перед чем, — сказал Барте в заключение.

— Совершенно справедливо, — ответил Гиллуа, — но для успеха нам многого недостает. Мы, во-первых, должны иметь точные сведения насчет положения страны, в которой находимся, и узнать, на какую часть берега выгоднее добратся; во-вторых, вывести пути, уже проторенные караванами, и, наконец, добыть оружие для защиты.

— Любезный друг, если мы будем откладывать наш побег до того времени, пока все эти вопросы будут разрешены,

¹ Горлянка — род тыквы, в которой сохраняется вода.

то, пожалуй, нам придется провести всю жизнь над очисткой черепов и трубок Гобби.

— А между тем, какая была бы неосторожность...

— А вот слушайте, как я буду решать ваши вопросы! — воскликнул молодой офицер. — Вы желаете узнать кое-что о положении страны?.. Все время мы шли на северо-восток от Рио-дас-Мортес и теперь дошли до реки Конго или до одного из ее притоков. Неизменное движение к востоку должно было привести нас к истокам этой таинственной реки, которая вытекает, может быть, из того же озера, что и Нил, только с противоположного водоската. В таком случае мы находимся около пятого градуса широты и между двадцать четвертым и двадцать седьмым градусами долготы, поблизости от озера Куфффа. Теперь, на какую часть берега нам надо добраться? По-моему, нельзя заранее указывать маршрут, мы должны знать только одно: во что бы то ни стало добраться до морского берега, а так как у нас нет выбора в направлении, то остается лишь последнее средство, чтобы не заблудиться, — это следовать по течению Конго! Ах, будь у нас только проводник!

— Ну, а оружие?

— В этом отношении нам придется удовлетвориться оружием, отданным на наше попечение. Впрочем, надо надеяться, что по крайней мере за пятьсот миль отсюда мы встретим мирные племена, у которых ни наша жизнь, ни свобода не подвергнутся опасности!

— Какие, однако, точные сведения вы имеете обо всем этом, Барте!

— Всю мою молодость я изучал с особенной страстью географию и этнографию. Знание земного шара и человеческих рас, на нем живущих, всегда казалось мне самой важной из наук. Какие чудесные исследования могли бы мы здесь проводить, если бы не были вынуждены заботиться о своей безопасности!

— И как можно скорее, так как никто не может поручиться, что Гобби, хватив лишний стакан рому, не прикажет принести нас в жертву своему Марамбе!

— Вот хотя бы в этом саду, — продолжал Гиллуа, — посмотрите, какие редкие растения! Вот эфиопский перец, мохнатый тамаринд, масличное дерево, сенегальская анона, древокорник, плоды которого так драгоценны для излечения болезни печени, баобаб Адансона, всякого рода бананы, гвинейские елени и до двадцати видов пандануса!.. А что это за растения! Какую великолепную коллекцию разных растительных видов мог бы я составить!.. Но вернемся к печальному

положению! Я разделяю ваше мнение о необходимости бежать.

— Если мы выйдем отсюда целыми и невредимыми, то, клянусь, капитан Ле-Ноэль получит из этой руки достойную награду!

— Так вы думаете, что надо следовать по течению Конго?

— Это единственно возможная для нас дорога.

— Но небезопасная. Ведь если за нами будет погоня, то негры станут искать нас именно в этом направлении!

— Конечно... Люди, посланные за нами в погоню, не ошибутся.

— Так что же тогда?

— Можно понадеяться на случай... И разумеется, уж мы не сдадимся им живыми! Во всяком случае, смерть гораздо лучше, чем это нестерпимое рабство, когда ни одного дня нельзя прожить в уверенности, доживем ли до завтра.

— Когда же мы предпримем эту прогулку?

— Чем скорее, тем лучше; ведь и через полгода шансов на спасение будет не больше!

— А как вы полагаете, если мы подождем еще некоторое время, не удастся ли нам подкупить какого-нибудь негра, который согласится быть нашим проводником?

— Надо делать подарки, а у нас нечего дарить. Не забудьте, что житель Матта-Замбы, согласившийся способствовать нашему побегу, непременно будет принесен в жертву фетишам, как только вернется сюда... Нет! Чем дольше ждать, тем хуже...

Слова Барте были прерваны страшными криками, доносившимися с главной площади, на которую передним фасадом выходил королевский дворец.

Друзья прислушались и среди воя толпы ясно различили два незнакомых слова: Момту-Самбу. Оба юноши поспешно подошли к ограде из лиан и бамбука, окружавшей место их заключения, и пристальней вгляделись в происходящее, стараясь распознать причину народного кипения.

— Недоставало еще, чтобы народ потребовал наших голов! — сказал Барте, грустно улыбаясь.

Каково же было их удивление, когда они заметили в шумной массе негров высокого человека с небрежно перекинутым через плечо ружьем и огромной собакой, который направлялся напрямик ко дворцу Гобби при восторженных криках народа.

Нельзя было ошибиться, если не в национальности, то по крайней мере в его расе... Он был белый.

Как видение, промелькнул он мимо бедных узников.

Что это за человек?.. Торговец неграми, разбойник или авантюрист? С ним, быть может, опаснее встретиться на большой дороге, чем с самым сильным дикарем?.. Но друзьям показалось, что его появление может оказаться спасительным для них.

НЕЗНАКОМЕЦ

— Здравствуй, Гобби,— сказал между тем новый гость, без всяких церемоний проходя прямо в приемную царя.— Поздравляю тебя с благополучным возвращением и желаю тебе и твоей державной фамилии тысячу радостей!

— Благодарю, Момту-Самбу,— отвечал властелин, несколько смущенный.

— Ну полно, успокойся, старый пьяница! — засмеялся гость, тотчас же смекнувший причину смущения Гобби.— Сегодня я не за тем к тебе пришел, чтобы требовать своей доли тафии.

Гобби вздохнул свободно и осклабился до ушей от удовольствия.

— Послушай-ка, Бульдегом,— продолжал Момту-Самбу, называя короля прозвищем, которое дал ему в веселую минуту,— до меня дошли слухи, что ты привел двух белых из своего похода к Рио-дас-Мортес. Правда это?

— Момту-Самбу такой же хороший провидец, как и мои ганги,— сказал Гобби со зверским смехом.— Он хорошо понимает, какая выгода иметь пару белых рабов, и потому приходит ко мне за тем, чтобы выпросить их у меня для служения себе!

— А тебе хотелось бы отрубить мне голову или отравить, как ты это сделал со своими жрецами?

— Правда, для этого у меня нет достаточно власти, потому что злой дух Мевуа одарил тебя талисманом против смерти. Я не могу отрубить тебе голову, но зато я могу не отдать тебе моих белых невольников!

Момту-Самбу хотел было ответить, что он и без позволения сумеет их взять, но раздумал и сказал только:

— А что прикажешь мне делать с твоими невольниками? Ты хорошо знаешь, что у таких белых, как я, не водится рабства. Я пришел только за тем, чтобы поболтать с ними. Как давно я не видал никого из моих сородичей!

Гобби бросил недоверчивый взгляд, но имел слишком много причин не отказать в просьбе, и после некоторого колебания махнул рукой, чтобы гость следовал за ним.

Вместе прошли они через внутренний двор в сад; воин,

стоявший у входа, отдал им честь по-европейски, и они вдвоем вошли за ограду, за которой Барте и Гиллуа с понятным нетерпением ожидали желанного гостя.

— Ни малейшего движения, — сказал незнакомец, как бы здороваясь с ними, — не выказывайте волнения, иначе не ручаюсь за вас. Немного мужества!

Совет, произнесенный на чистом французском языке, был бесполезен, потому что молодые люди с трудом сдерживали крики восторга. Но надежда на скорое освобождение дала им силу скрыть всю свою внутреннюю тревогу.

— Счастливы видеть вас, — отвечали они с видимым хладнокровием, хотя вся кровь бросилась им в лицо, — милости просим! Вы первый принесли нам слова утешения и надежды.

— Да кланяйтесь же пониже этому котеночку, — сказал Момту-Самбу, поспешно указывая на Гобби.

Молодые люди отвесили самый почтительный поклон дикому властелину.

— Что это они делают? — спросил Гобби с беспокойством и недоверием.

— Твои невольники только что сказали мне, что считают за счастье служить тебе, и вот они кланяются, как принято в нашей стране.

— Вот это хорошо! — сказал Гобби, охорашиваясь. — Скажи им: если они попытаются бежать от меня, то я прикажу живьем сжечь их перед великим Марамбой, а если, напротив, согласятся кончить дни свои в Матта-Замбе, то я пожалую их важным чином в моей армии!

— Теперь я оставляю вас, — сказал незнакомец молодым людям, как бы переводя им слова Гобби. — Я просил позволения только на минуту видеть вас, а продолжительный разговор непременно возбудит его подозрения.

— Когда же вы вернетесь? — спросил Барте тревожно.

— Твои обещания превышают их надежды, о, великолепный Бульдегом! — продолжал незнакомец, обращаясь к королю. — Они сочтут за счастье сражаться с твоими врагами!

Король ответил, что ему очень хотелось бы иметь такую же гвардию, как у губернатора Бенгелы, а потому он поручает белым обучить его солдат.

Капитан Ле-Ноэль, отдавая молодых людей в рабство, не скрыл от Гобби, что они оба военные и будут полезными помощниками в битвах с соседями, с которыми король постоянно вел войну ради приобретения невольников. Вот причина, почему Гобби, не задумавшись, пожертвовал полудюжиной жрецов, пытавшихся присвоить их.

— Можно ли надеяться, что мы скоро увидим вас? — сно-

ва спросил Барте незнакомца, на которого смотрел как на своего избавителя.

— В нынешнюю же ночь!

— Где?

— Как только луна скроется, выходите на дальний край сада; я знаю средство войти туда, не возбуждая внимания сторожей, которые, впрочем, меня боятся больше, чем своего короля. Я приду условиться с вами.

— Оставьте нам ваше имя как залог надежды!

— Здесь меня зовут Момту-Самбу, неуязвимый человек; эти слова объяснят вам, почему эти люди питают ко мне суеверный страх... На берегах Бретани, где я родился, — продолжал незнакомец задумчиво, — меня звали иначе... давно это было... Ив Лаеннек!

Тут он провел рукой по лбу, как бы желая стереть тяжелое воспоминание, и вдруг воскликнул с судорожным смехом, обращаясь к Гобби:

— Ну, черная красавица, дай мне стакан тафии!.. Я хочу выпить за твое здоровье.

МОМТУ-САМБУ.— ПЛАН ПОБЕГА

Обходите земной шар по всем направлениям, углубляйтесь в самые дикие страны мира, блуждайте в полярных морях, в дремучих лесах и степях Азии, в пустынях Африки, в зеленых дебрях Австралии, огибайте мысы, переплывайте проливы — и всюду, где ступит ваша нога, вы встретите следы человека, который поставил здесь свою ногу до вас; человек этот моряк — не тот, который плавает по морям и добросовестно исполняет свое ремесло по торговой или государственной обязанности; не тот, который по окончании срока службы возвращается на родину заниматься рыбной ловлей; нет, — этот добродушный парень, хоть десять раз побывай он в кругосветном плавании, не узнает ничего, кроме своего корабля и нескольких портов, где можно прокутить в двадцать четыре часа свое трехмесячное жалованье! Моряк, который всюду опередил тебя, — это человек, вынужденный когда-то в порыве горячности выброситься за борт, то есть бежать со своего корабля... Он идет, куда глаза глядят, он бежит от цивилизации, преследующей его, он пристает к первому племени, не убившему его в минуту встречи, и сживает с ним тем легче, что дикарь так же запуган лицемерной белой цивилизацией, как и матрос, выбросившийся за борт.

Тогда он скальпирует с апачами и команчами, питается жиром с эскимосами, ест сырую рыбу с жителями Маркиз-

ских островов или предводительствует армиями негритянских властелинов на берегах Африки.

Бывают случаи, что он и сам становится их королем, если сметливость его равняется отваге.

Географический мир не имел бы нужды так допытываться у земли о ее тайнах, если бы этот моряк-космополит понимал важность открытий, которые он сделал, сам того не ведая, и сумел бы начертать на карте маршрут своих странствований.

Ив Лаеннек принадлежал к числу таких моряков, и его историю можно рассказать в двух словах.

Десять лет тому назад он был матросом на корабле, стоявшем на якоре в заливе Сан-Паоло-да-Луанда. Это было его первое плавание на военном корабле. Однажды он исполнял какую-то службу на берегу и имел несчастье ударить в запальчивости старшего боцмана, который слишком жестоко поколотил его за пустячную вину.

— Арестовать этого негодяя! — закричал боцман вне себя.

— Беги! — шепнули ему товарищи, делая вид, будто толкают его.

Ив понял, что надо спасти свою голову, и бросился со всех ног вдоль берега по направлению к негритянскому городу, отделенному от европейской части только рвом, наполненным водой.

По приказу боцмана матросы бросились за ним в погоню с очевидным намерением не догнать его: они знали, какие страшные последствия влечет за собой преступление Лаеннека, и поняли, что начальство не задумается показать им пример. Уже отупевшие от корабельных порядков, они и сами не одобряли Ива, но радехоньки были, что он убежал от казни; боцман же, не говоря уже о мести за оскорбление, должен был еще позаботиться и о дисциплине, а потому сам бросился вслед за своими людьми и вскоре опередил их.

— Стой! — закричал он, схватив беглеца за шиворот.

— Не доводите меня до отчаяния! — взмолился несчастный вне себя от ужаса.

— Не увеличивай преступления сопротивлением!

— В последний раз прошу, пустите меня!

Матросы, поколебавшись, подбежали на помощь начальнику. Лаеннек увидел себя мысленно перед военным судом, услышал свой приговор, узнал, что его расстреляют, вспомнил свою родину, свою мать, которую никогда не поцелует, и потерял голову... он выхватил кортик и сунул его в горло боцмана, а сам опрометью бросился в ров, переплыл на дру-

гой берег с неимоверной быстротой и скрылся в лабиринте узких и темных закоулков негритянского города.

Через полчаса после этого, по жалобе капитана корабля, губернатор Сан-Паоло-да-Луанды приказал военному отряду оцепить хижины негров и разослал нарочных по всем направлениям. Но все поиски были напрасны: Лаеннек исчез. Одна негритянка, сжалившись над ним, спрятала его остроумным образом: она завернула его в вязанку тростника, приготовленного для плетения корзин, связала тростник в пук и оставила лежать у двери хижины.

Никому и в голову не приходило искать в тростнике беглеца; на ночь негритянка освобождала его, днем опять скрывала в той же темнице. Через две недели корабль снялся с якоря и ушел, а португальская полиция перестала тревожить себя поисками беглого матроса; у нее и своих хлопот было слишком много, чтобы еще попусту дремать под жгучим солнцем на плотинах порта. Лаеннек не мог оставаться в Луанде, где консул непременно арестовал бы его. Отплыть на иностранном судне было немыслимо, не имея никаких бумаг. Франция навеки закрылась для него. Правда, боцман не умер от раны; но, будучи два раза жертвою незаконного покушения, он не оставил бы своему оскорбителю никакой надежды на помилование.

Молодая негритянка, которой Лаеннек был обязан спасением, была уроженкой Верхнего Конго; привязавшись к Иву, она предложила ему идти с ней к ее родному племени, заверяя его в хорошем приеме. Как все моряки, он сохранял свои деньги в кожаном поясе, который носил под курткой. Будучи бережлив, как истый бретонец, он сохранил все свое жалованье за два года в надежде помочь этим запасом своей семье по возвращении из кругосветного плавания. Теперь он воспользовался сбереженными деньгами, чтобы купить себе хорошее ружье, несколько фунтов пороха, свинца, форму для литья пуль, а также несколько штук бумажных тканей в подарок негритянке Буане, и пошел вслед за ней.

Они шли сорок два дня и наконец пришли в город Матта-Замбу, где царствовал Гобби. В это время король был в натянутых отношениях с самым сильным соседом по имени Огуне. Ив Лаеннек вызвался обучить армию Гобби и сделать его могущественнейшим властелином всей страны. Гобби, видавший европейские парады в Луанде и Бенгеле, с радостью принял его услуги и провозгласил его главнокомандующим армией, состоявшей из трех тысяч воинов, из которых только половина была вооружена ружьями, у других же были копья. Дикае войны имели обычай драться в свалке, как попало.

Лаеннек разделил их по ротам и образовал отдельный отряд, вооруженный огнестрельным оружием. Он научил их маршировать, строиться в каре или колоннами и, главное, не выскакивать вперед и стрелять только по команде. У Гобби был свой особый воинский устав, который немало способствовал успеху обучения его армии: всем непокорным он рубил головы; это было почти единственное наказание, употребляемое им применительно ко всем подданным.

Через три месяца после прибытия Лаеннека во всем Конго не было войска лучше армии Гобби, который, мучаясь нетерпением испытать на деле своих воинов, объявил войну соседу Огуне. Гобби одержал полную победу и имел счастье собственноручно отрубить голову своему неприятелю. Не стоит и говорить, что, по примеру своих европейских собратьев, он присоединил немедленно владения побежденного к своей державе.

Все это время Лаеннек, не щадя своей обесцененной жизни, принимал участие в боях и выказывал при этом необычайную храбрость; пули и стрелы так и летали вокруг него, а он и внимания на них не обращал. Хотя Ив постоянно находился впереди своего отряда, но выходил из битвы без малейшей царапины. Быстро распространились слухи, что он неуязвим и имеет при себе фетиш, ограждающий от смерти. Само собой разумеется, он не стал разубеждать дикарей, потому что общий суеверный страх делал его еще более неприкосновенным и давал ему, кроме того, средство сохранять свободу действий. Лаеннек заявил королю, что будет защищать его против всех неприятностей, но предупредил, чтобы Гобби не рассчитывал на него при похищении и продаже невольников.

Гобби был иногда так же суеверен, как последний из его подданных, и вполне доверял могуществу европейского фетиша, хотя не питал никакого почтения к волшебным фокусам своих жрецов. Так скучающие христианские князьки увлекаются порой буддизмом или культом ацтеков. Очень досадно было Гобби услышать заявление своего главнокомандующего, однако он побоялся противоречить тому, которого все отныне называли Момту-Самбу, то есть «человек неуязвимый».

Наконец-то Лаеннек мог проводить дни совершенно свободным. Время свое он тратил на охоту и на исследование страны, желая развлечься или заглушить усталостью печальные воспоминания о прошлом.

Он аккуратно явился на свидание, назначенное молодым друзьям. Рассказав им о своих приключениях, Ив выслушал

также их историю, после чего поклялся избавить юношей от участи, которую уготовлял им Гобби.

Увлекаемые нетерпением, Барте и Гиллуа хотели бежать в ту же ночь, но Лаеннек объяснил им необходимость отсрочки.

— Надо усыпить бдительность Гобби, — сказал он. — За нами непременно будет погоня, и потому нам необходимо опередить их хотя бы на два-три дня пути, а вы должны понять, как трудно будет скрыть наше отсутствие хотя бы и на двадцать четыре часа.

— Так как же вы полагаете? — спросил Барте.

— Надо ждать или воспользоваться благоприятным случаем, а до той поры вы должны поступать по указанному мною плану.

— Приказывайте, мы будем повиноваться.

— Завтра же вы должны просить Гобби, чтобы вам дали в обучение новобранцев.

— Но я ничего не понимаю в этом деле! — возразил Гиллуа. — Ведь это хорошо для Барте, который действительно военный, ну, а чиновников колониального комиссариата надо жаловать не мечами, а ржавыми перьями вместо ордена! Ведь Гобби скоро заметит мое невежество.

— А вы подражайте своему товарищу или придумайте какую-нибудь новую штуку, если это вам легче... Для негров все белые — солдаты. Во всяком случае, старайтесь хотя бы притвориться, что не на шутку занимаетесь своим ремеслом. Когда наступит удобное время, я постараюсь предупредить вас с вечера, а до той поры мы будем видаться как можно реже. Если случится надобность известить вас о чем-нибудь важном, я пришлю к вам негра Кунье, вы можете вполне довериться ему, это — человек испытанной преданности.

В эту минуту собака, никогда не покидавшая Лаеннека, приподнялась на задние лапы и стала сильно вдыхать в себя воздух.

— Что с тобой, Уале? — спросил хозяин. — Неужели какой-нибудь караульный отважился зайти в эту сторону?

Громадное животное тихо зарычало, сохраняя выражение чего-то среднего между тревогой и яростью.

— Вот наш будущий товарищ в предполагаемом побеге, — сказал Лаеннек, задумчиво лаская голову собаки. — Бедный мой, глупый товарищ! Сколько раз ты спасал мне жизнь в опасных предприятиях! Посмотрите на него, ребята, он вступает в борьбу с ягуаром и пантерой и побеждает их. При встрече со львом Уале нисколько не побоялся бы броситься на него. Это один из тех громадных колоссов английской по-

роды, которые останавливают лошадей на всем скаку и одолевают быка. Три года тому назад мне подарил его мулат, скупающий рабов. Я сам вынянчил его и возился с ним, как с ребенком. И горе тому, кто вздумал бы поднять на него руку: Уале мигом разорвет его на куски.— Уале заворчал еще выразительнее и хотел было броситься в чащу. Но хозяин удержал его вовремя и счел нужным сократить свое посещение.

— Я должен расстаться с вами,— сказал он шепотом.— Не знаю, кто тут шатается... Стоило бы спустить Уале, чтобы заставить раскаяться врага; но лучше будет, если Гобби не узнает о нашем ночном свидании. Прощайте! Исполните мой совет и терпеливо ждите минуты освобождения.

Скоро Лаеннек был уже в конце сада и, пробравшись ползком в чаще колючих кустарников, добрался до ограды из смоковниц, кактусов и бамбука, защищавших вход во дворец Гобби. Едва моряк успел скрыться, как вдруг негр, ползший по его следам, поднялся и остановился перед естественной преградой, одолеть которую считал невозможным. В ужасе, что Момту-Самбу исчез, он бросился со всех ног во дворец, чтобы доложить о том Гобби.

— Государь, у Момту-Самбу есть еще один фетиш, который дает ему силу быть невидимкой!

ПОБЕГ И ПОГОНЯ

Прошло уже около месяца, а Ив Лаеннек не подавал и признака жизни; оба друга стали уже тревожиться и приходить в отчаяние, когда в одно прекрасное утро получили через доверенного негра Кунье дощечку со следующими словами, кое-как начертанными ножом: «Родственник Гобби умер; мы воспользуемся оргией, которая последует за похоронами, и уйдем в ту же ночь. Когда Кунье придет за вами, следуйте за ним, не сомневаясь... Все готово! Мужайтесь!.. У меня есть оружие для вас».

Нет возможности описать восторг Барте и Гиллуа. Они ясно представляли себе опасности, предстоявшие им, но готовы были претерпеть все, кроме жестокого рабства, в котором их жизнь постоянно зависела от произвола варварского царька. Не успели они проститься с посланным Лаеннека, как пришел приказ от короля Гобби явиться со сформированным ими батальоном для присутствия при погребальной церемонии.

Тело королевского племянника было перенесено с большой торжественностью на главную площадь, и все вожди, подчиненные Гобби, поочередно подходили отдать последнюю

честь покойнику. Каждый отряд занял указанное ему место. Тогда ганги вынесли идол великого Марамбы и принялись исполнять перед ним самые странные пляски.

Тело умершего, предварительно высушенное на малом огне и покрытое красною глиной, было выставлено, по местному обычаю, на три дня; все это время население страны обязано было плясать, а в промежутках заниматься диким пением, плачем и постом. После этого всю ночь следовало накачиваться крепкими напитками. Единственная приятная особенность таких похоронных обрядов заключается в полном отсутствии мистического значения.

Морской офицер Деграппре, долго странствовавший здесь в прошлом веке, оставил нам любопытные подробности относительно погребальных обрядов местных жителей и способа бальзамировать покойников.

Как только умирает человек, его одевают в лучшие одежды и ставят под навес, под который дважды в день собираются друзья покойника.

На следующий день устраивают позади навеса хижину, покойника относят туда, а на его место кладут человекообразный чурбан, которому продолжают воздавать почести.

Тело в хижине обмывается крепким настоем из маниока, который имеет свойство иссушать кожу и делать ее белой, как известь, после чего труп выставляется в предписанном гангами порядке, лицом к западу, с несколько согнутыми коленями; левая нога его приподнята, правая рука вытянута и обращена крепко сжатым кулаком к востоку; левая рука поднята кверху, кулак ее разжат, пальцы растопырены и несколько пригнуты, как будто ловят на лету муху. Когда труп приготовлен, из него вынимают внутренности и начинают сушить его, как пергамент. Потом его покрывают густым слоем красной глины и после того, как она высохнет, принимаются украшать одеждой. Эта операция состоит в том, что тело обильно заворачивают в туземные ткани, пока оно не примет вид бесформенной кучи.

Чем лучше высох труп, тем больше наворачивают на него этих тканей, так что вскоре нет уже места в хижине; тогда строят другую, побольше, а так как масса с каждым часом увеличивается, приходится устраивать третью, четвертую, пятую и так до тех пор, пока наследники не найдут, что их родственник уже достаточно толст. После этого труп перестают укутывать туземными тканями, называемыми «мокуты», и принимаются за европейские: синий коленкор, ситцы и даже шелковые материи, смотря по званию и богатству покойника.

В назначенный день тащат эту безобразную массу в могилу, в которой устроена хижина с довольно объемистой, высокой крышей. В усыпальницу кладут пищи и питья на несколько дней, а сверху засыпают землей, оставляя несколько камней, чтобы обозначить место погребения.

В некоторых местностях ганги получают в уплату за свои труды все ткани, навороченные на мертвеца тщеславию наследников, еще прежде, чем труп опустят в могилу и засыплют землей. В каждой провинции и даже чуть ли не в каждой деревне эти обряды изменяются.

По словам Кавацци, когда умирает негр в Матамбе, его рабы, друзья и родные сбривают себе все волосы в знак горести и, натерев голову и лицо маслом, посыпаются разноцветными порошками, смешанными с перьями и сухими листьями.

Такой обряд наблюдается только при смерти простого человека; после же смерти государя или предводителя бреют волосы только на макушке, которую повязывают либо полоской материи, либо древесной корой, после чего запираются в своей хижине на неделю и ни за что не выходят из дома. Иные присоединяют к этому заключению строгий пост в продолжение трех дней и все это время хранят глубокое молчание. Если по крайней необходимости они вынуждены о чем-нибудь спросить, то делают это знаками с помощью трости, которую не выпускают из рук.

В некоторых местностях вдовы воображают, что души их мужей возвращаются к ним на отдых, особенно если семья жила дружно. Такое верование повергает их в непрерывный страх, от которого они освобождаются только с помощью ганги. Ганга несколько раз окунает их в воду, заверяя, что это омовение изгоняет пугающий призрак.

После обряда они могут опять выходить замуж, не боясь уже ни укоров, ни обид от покойных мужей.

Тот же путешественник говорит, что негры Нижнего Конго веруют, будто человек, умирая, покидает жизнь, преисполненную горя и забот, для того чтоб ожить для другой жизни, полной радостей и счастья.

Основываясь на этом мнении, они обращаются очень жестоко с больными, желая ускорить их смерть. Родственники умирающего негра обыкновенно теребят его за нос и за уши, что есть силы; бьют его кулаком по лицу, тянут за руки и за ноги и зажимают рот, чтобы скорее задушить.

Даже во время войны, самой ожесточенной, достаточно известия о погребальной церемонии члена королевской фамилии, чтобы с обеих сторон прекратились боевые действия.

Отсюда ясно, что случай благоприятствовал Лаеннеку сверх ожидания.

Лишь только скрылись за горами последние лучи заходящего солнца, как мигом прекратились пляска и вой и мужчины набросились на пищу, которую дома приготовили для них женщины, не участвующие в церемонии.

Вскоре крепкие напитки из сорго полились в изобилии в хижинах простолюдинов, тогда как знать упивалась померанцевой водкой, а Гобби с принцами и принцессами искали царственного опьянения в излюбленной тафии.

Когда могущественный властелин стал терять рассудок, Кунье подал знак молодым людям, поджидавшим его на галерее, и все втроем тихо проскользнули по темным улицам города, а минут через десять очутились на берегу Конго. Из чащи корнепусков, росших по берегам, слышалось глухое рычание Уале.

— Кто идет? — спросил Лаеннек.

— Это мы, — отвечали Гиллуа и Барте, дрожа от волнения.

— Тише!.. Садитесь, — отвечал Лаеннек поспешно.

Кунье, раздвигая руками корнепуски, привел молодых людей к небольшой пироге, где их ожидали бретонец и Буана, молодая негритянка, которая во что бы то ни стало хотела следовать за своим господином и Уале.

Умное животное тотчас улеглось на дне пироги, Барте, Гиллуа и проводник могли, наконец, занять свои места. Не говоря ни слова, Лаеннек дал каждому ружье, порох и пули и, опять усевшись на свое место, щелкнул языком.

Сигнал был тотчас принят, и пирога тихо двинулась по реке; Кунье и Буана налегли на весла; пирога шла вдоль берега, чтобы укрываться под высокой травой и кустарниками, зеленым сводом склонявшимися над рекой. Пока еще слышались издалика печальные песни, путешественники соблюдали мертвую тишину из страха, что их заметит какой-нибудь запоздавший негр; ночь была так темна, что в двух шагах не видать было ни зги, и каждую минуту нос пироги запутывался в корнях, извивавшихся на водной поверхности. Вскоре со стороны Матта-Замбы доносился уже только глухой, неясный гул, как обыкновенно бывает ночью в местах, где кишат человеческие толпы. Зато по обоим берегам реки слышался рев и вой диких зверей, пользовавшихся ночным мраком, чтобы поспешить на водопой.

— Господа, — сказал Лаеннек, решившись, наконец, прервать молчание, — первое затруднение побеждено, потому что прежде всего надо было уйти, но опасность еще не ми-

новала. У нас есть оружие, и мы можем защищаться от зверей, притом же мы покинем реку только в нижнем ее течении, во избежание злокачественной лихорадки, которая не пощадила еще ни одного европейца; как вам известно, конголезская лихорадка — это смерть. Но в настоящую минуту нет ничего опаснее, чем погоня Гобби во главе отряда в пятьсот-шестьсот воинов, которых он подпоит тафией и водкой.

— Вы думаете, что он, узнав о побеге, так и бросится по горячим следам?

— Да, думаю, потому что он на все способен, только бы захватить вас опять в свои лапы. Ведь он воображает себя непобедимым до тех пор, пока у него в армии есть белые воины... Впрочем, у меня еще не пропала надежда.

— Какая?

— Что он не посмеет прерывать погребальные церемонии своего родственника. Подобное нарушение противно всем религиозным понятиям страны... но с Гобби ни на что нельзя рассчитывать! В сущности, он так же мало верит Марамбе, как своим гангам. Этот неглупый парень знает только человеческую силу, и я сомневаюсь даже, верит ли он в мою неуязвимость. Итак, если завтра утром, когда винные пары несколько рассеются, он заметит наше отсутствие, то, по всей вероятности, созовет отряд преданных воинов и бросится за нами в погоню; в таком случае он нагонит нас еще до заката солнца, потому что в этой жалкой пироге мы не можем уйти далеко. Его негры без особенного труда проплывают на веслах двадцать пять или тридцать миль в день. Я видел их в работе.

— Так почему бы нам не выйти на берег и не продолжать нашей дороги пешком, как можно дальше от реки?

— Это невозможно! Нам нельзя скрыть свой путь в этой чаще лесов, окружающих Конго с обеих сторон на протяжении более двухсот миль!

— В таком случае у нас не остается никакой надежды спастись от его преследования!

— Я не говорю этого. Мы должны только принять решительные меры, но до поры до времени лучше ничего не делать. Очень может быть, что он не посмеет прерывать торжественное погребение. Да и его воины, преисполненные предрассудков, не захотят следовать за ним. Если так, то у нас будет два дня и одна ночь впереди и более двухсот готовых миль из тех семисот, что предстоит нам пройти для достижения населенных мест. Через двадцать дней мы дойдем до реки Банкоры, около которой живут гостеприимные и миролюбивые племена. Я побывал там лет пять тому на-

зад и не могу забыть их радушный прием... А теперь предлагаю отдохнуть и заснуть хорошенько, потому что боюсь, как бы следующая ночь не была гораздо тревожней... Я поработаю веслом, чтобы не истощать сил Буаны. Через несколько часов я тоже улягусь спать. Закутайтесь хорошенько этими одеялами, потому что сырость на Конго вредна.

Молодые люди вызвались, в свою очередь, грести, но Лаеннек отвечал, что, не имея привычки к гребле, они заставят только потерять драгоценное время.

Против этого нельзя было возражать, и Барте с Гиллуа подчинились советам нового друга. Ночь прошла без всяких приключений. Когда молодые люди проснулись, у них невольно вырвался крик восхищения: первые лучи восходящего солнца золотили вершины вековых лесов, опоясывавших Конго лианами, цветами и колоссальными деревьями; никогда еще человеческая нога не вступала в эти леса; тихо катились волны широкой реки и словно дремали между зелеными берегами. Бесчисленное множество птиц оглашало воздух резким радостным пением.

А там вдалеке, на водной поверхности, озаренной зеленым светом, двигались огромные живые массы, которые Лаеннек называл бегемотами; еще дальше неслись неподвижные, как бревна, кайманы, распространявшие вокруг себя сильный запах крокодильего мускуса; тихий ветерок, рябивший воду, долго доносил до беглецов этот запах, когда кайманы уже давно скрылись...

Бегемот — животное Африки. Долгое время исследователи задавались вопросом, нельзя ли встретить его в Азии, и в особенности в реках Индии, Явы и Суматры, но все поиски остались без результата.

— Что это было бы за счастье, — воскликнул Гиллуа со страстью натуралиста, — если бы мы могли проходить эти страны не беглецами, а путешественниками!

— Мы опять побываем в этих краях, — сказал Барте, приходя в восторг от окружающей природы. — Я понял теперь, что увлекает путешественника в неизвестное! Я понял, что толкало вперед Бартонов, Ленгов, Ливингстонов и Грантов... Они испытали огромные радости наряду с огромными страданиями.

— Я не знаю этих господ, о которых вы говорите, — сказал бретонец, — но знаю хорошо, что теперь мне было бы трудно жить в других местах. Несмотря на томительную жару в этих странах, мне кажется, что, покинув их, я стал бы мучиться тоской по зелени и всему такому.

При этих словах Лаеннек глубоко вздохнул и задумался.

Барте собрался было спросить, не хочет ли Лаеннек воспользоваться услугой, которую он оказал им, чтобы получить законное помилование и право возвращения во Францию, но из уважения к его печали оставил этот вопрос до более удобной минуты.

Через несколько минут после восхода усталым гребцам потребовалась передышка. Тогда, скрыв пирогу в высокой траве и углубившись в чащу, они развели костер, чтобы наскоро приготовить себе пищу... После короткого отдыха они вернулись к реке, но Кунье вдруг остановил их и знаком руки заставил оглянуться назад: в ярком просвете между переплетшимися лианами они увидели трех старых горилл и одну молодую, уже расположившихся на только что покинутой стоянке; звери протягивали к полуугасшему огню свои мощные члены.

Медленно и однообразно тянулся день. Странники не могли даже подробно разглядеть бегемотов и кайманов, которые испуганно бежали при их приближении. Чтобы не обнаружить своих следов и не привлечь к себе внимания врагов, беглецы должны были избегать лишнего шума. Под вечер они хотели сойти на берег, чтобы запастись пресной водой, но были осаждены целым стадом слонов и вернулись в свою пирогу после того, как спасались чуть ли не целый час на ветвях баобаба. Бретонец, Кунье и Буана гребли целый день безостановочно, сменяя друг друга. Прошло уже несколько часов с тех пор, как они оставили левый берег и плыли вдоль правого, в надежде обмануть возможную погоню.

— Остановимся здесь! — сказал вдруг Лаеннек. — Неблагоразумно будет продолжать плавание.

— Почему? — спросил удивленный Барте. — Не потеряем ли мы дорогое время?

— Это необходимо, — отвечал бретонец. — Дальнейшее плавание неблагоприятно, потому что укажет нашу позицию зоркому глазу негров. Если они пустились в погоню с утра, то через час нагонят нас; слишком хорошо мне известно, как ничтожно проплытое нами расстояние для этих неутомимых ходоков. Они, вероятно, идут по самому берегу, потому что дальше — сплошная чаща переплетшихся лиан, бамбука и кустарников. Если же по истечении нескольких часов мы ничего не услышим, то опять пустимся в путь с еще большей энергией...

Маленькое судно было спрятано в чаще корнепусков и тростника, стебли которого плавным сводом подымались над рекой; вблизи от этого места находилась громадная скала,

вроде пирамиды возвышавшаяся на пятнадцать или двадцать метров над уровнем моря.

— Еще при закате солнца я заметил этого гранитного зверя, — сказал Лаеннек, — и мне пришло в голову остановиться здесь, чтобы посмотреть, не может ли он послужить нам естественной крепостью? Если мы найдем здесь защиту и убежище, то ни один негр не осмелится атаковать нас. Кунье, уныло напевая, отправился на разведку.

Через несколько минут он вернулся с известием, что каменная глыба кончается на вершине довольно обширной площадкой, на которой могут свободно поместиться двенадцать человек, и что эта площадка покрыта густыми кустарниками, в которых легко спрятаться.

— Ну, — сказал Лаеннек повелительно, — поспешим отнести туда оружие и съестные припасы. Там наше спасение, или же придется отказаться от всякой надежды счастия! Эта местность изменяет мои планы, и мы останемся здесь до восхода солнца, чтобы узнать наверное, осмелился ли мой друг Гобби нарушить погребальный обряд! — Каждый молча повиновался бретонцу, и несколько минут спустя маленький отряд с трудом взобрался на самую вершину.

Никто не думал спать, но в течение долгого времени молчание нарушалось только однообразным ропотом волн. Вдруг Кунье вздрогнул.

— Что там такое? — спросил Лаеннек тихо.

— Заставь молчать Уале! — отвечал негр. — Я слышу шум с верховья реки — это Гобби со своими воинами...

Бретонец мигом надел ошейник на собаку и приказал ей лежать тихо.

— Смотри, — сказал негр, присматриваясь к течению реки, — вон черные точки на воде: одна, две, три, четыре... всего шесть черных точек... они плывут на военных пирогах.

— Не более того? — спросил Лаеннек, ничего не различавший во тьме ночи.

— Да, только шесть... Вот они приближаются...

Европейцы напрягли слух, стараясь заменить им недостаток зрения, и вскоре ясно различили удары весел по воде.

— Точно ли ты уверен, что всего шесть судов? — спросил Лаеннек.

— Наверно говорю!

Из широкой груди бывшего матроса вырвался вздох облегчения.

— Что с вами? — спросил Барте.

— А то, что мы спасены... или близки к спасению.

— Спасены! — прошептали молодые люди.

— Да, спасены... Гобби, вероятно, чересчур хватил, если решился пуститься за нами в погоню, иначе он никогда не осмелился бы преследовать нас только пятью десятками солдат на шести пирогах; ведь на шести пирогах больше не поместишь.

— Мне кажется, и этого слишком достаточно...

— Да, если бы меня тут не было, — перебил Лаеннек. — Запомните хорошенько: никогда пятьдесят негров не осмелятся напасть на судно, на котором плывет Момту-Самбу. Я так уверен в этом предположении, что завтра утром, при первых лучах рассвета, мы опять сядем в пирогу и спокойно пойдем вниз по реке, не заботясь ни о Гобби, ни о его воинах.

— Почему же не сегодня вечером?

— Потому что негры сразу увидят, что я с вами, и, кроме того, могут пустить в нас несколько залпов, на которые мы не сумеем ответить с уверенностью. Положитесь на меня... ни один из этих красавцев не захочет быть под прицелом моего карабина. Если бы они подошли к нам в числе шестисот и пешком, как я предполагал, ну, тогда было бы другое дело: всюду ведь количество есть сила, а у негров тем более... Они поощряли бы друг друга и мертвых или живых непременно возвратили бы нас в Матта-Замбу.

После этого предостережения ничто не тревожило спокойствия беглецов.

Рано утром маленькая пирога бодро продолжала свое плавание, следуя правым берегом реки, потому что надо было сохранять готовность в случае чего быстро улепетнуть на берег. Час спустя после их отплытия флотилия Гобби ясно обозначилась.

Не видя никаких следов, Гобби приказал остановиться в маленькой бухте и готов был уже отказаться от погони. По правде сказать, он совсем не собирался далеко преследовать беглецов, потому что бросился в погоню в первую минуту гнева и пьяный до одурения; за ним последовало не более тридцати человек. Поуспокоившись несколько, Гобби и сам рассудил, что с тридцатью солдатами не одолеть ни Момту-Самбу, ни глупого суеверного страха, который он внушает воинам. Но, завидев преследуемых беглецов, мгновенно, с быстрой сообразительностью дикаря, король принял приличный обстоятельствам вид и скорее с печалью, чем с яростью, заговорил со своим генералиссимусом, когда пирога последнего была уже на близком расстоянии. Прежде всего он окинул глазами свою свиту и понял, что нельзя ожидать от нее большой помощи в борьбе с «неуязвимым человеком».

— Зачем ты покинул друга своего, не предупредив о

том? — заговорил Гобби жалобным голосом. — Не осыпал ли я тебя почестями и богатствами?.. Достойно ли тебе бежать, как преступнику?..

Видя, какой оборот принимают обстоятельства, Лаеннек отвечал в том же тоне.

— Вероятно, тафия сильно помутила твою голову, о, великодушнейший властелин Матта-Замбы, если ты решился покинуть тело твоего знаменитого племянника и сделаться посмешищем народа без всяких причин! Кто тебе сказал, что я бежал? Неужели свободный человек не имеет права идти, куда хочет, и не двадцать ли раз прежде я уходил в далекие страны, а ты не думал гнаться за мной?

— Правда, но ты всегда возвращался через несколько дней!

— А кто тебе сказал, что я и теперь не возвращусь?

— Один?

— Нет, с Буаной, Кунье и Уале.

— А белые невольники тоже участвуют в твоём странствии?

— Послушай, королевская морда! — отвечал Лаеннек, понижая голос, чтобы не слышали люди, сидевшие на задних пяти пирогах. — Воспользуйся тем, что я скажу тебе. Белые возвратятся на свою родину, потому что Момту-Самбу не хочет, чтобы хорошие люди были невольниками у такого злобного паренька, как ты... А теперь, если хочешь, чтобы мы расстались друзьями и чтобы я скорее вернулся к тебе, прикажи немедленно же солдатам отдать мне честь и не мешай нам продолжать дорогу, потому что отсюда еще далеко до Банкоры!

— Правду ли ты говоришь? Вернешься ли ты? — спросил Гобби, на этот раз с непритворной печалью. — Подумай, что мне делать без тебя? Ты один стоишь целой армии! Ведь ты сам знаешь это.

— Даю тебе слово вернуться!

— Так поклянись же на этом фетише, который у тебя на шее и который ты так часто целуешь.

То был портрет матери Лаеннека. Бретонец пережил тяжелую минуту: в одно мгновение все прошлое пронеслось перед его глазами... но он недолго колебался.

— К чему? — прошептал он. — Она умерла... я никогда не увижу земли, где она покоится...

И он поклялся. По приказанию Гобби, все негры отдали ему честь с криками:

— Ме-Сава! Ме-Сава Момту-Самбу! Да здравствует Момту-Самбу еще десять раз десять лет!

Под дружными усилиями Буаны и негра, которые налегали на весла, маленькая пирога полетела по течению.

— А теперь, друзья,— сказал Лаеннек двум друзьям, находившимся под его защитой,— посмотрим, труднее ли справиться с девственным лесом, чем с первобытными людьми...

Часть четвертая ЛЕСА КОНГО

ВЕРХНИЙ КОНГО.— НОЧЬ ТРЕВОГИ

— Ну, господа,— сказал Ив Лаеннек,— трапеза наша кончена, скоро солнце закатится, и с первыми тенями ночи голодные звери займут берега реки. Пора возвратиться к нашей лодке.

В Биге, Бенгеле, Пукангаме, близ экватора, на протяжении девятисот или тысячи миль Лаеннека знали под именем Момту-Самбу, «человека неуязвимого», и Момту-Момани, «человека пустыни».

То, что рассказывали о нем по вечерам в деревнях, превосходило самые баснословные легенды, и молодые негритянки пугали его именем своих малюток.

На продолжительном совещании мнение Кунье, Буаны и Лаеннека, естественно, взяло перевес над мнением Барте, намеревавшегося было следовать по течению Конго до устья и затем подняться вверх до Габона на первом появившемся судне. Несмотря на то, что речной путь был прямее, пришлось от него отказаться и, покинув лодку при слиянии Конго с рекой Банкора, идти в глубь страны.

Негр Кунье, который в детстве исходил всю страну со своим отцом, погонщиком невольников, утверждал, что, следуя вверх по течению Банкоры до Маконгамы и затем по прямой линии в направлении озера Замба, они должны будут встретить на пути целый ряд достаточно возвышенных плато, поросших густыми лесами, через которые, однако, пролегают тропы, проложенные невольничьими караванами.

Таким образом, являлась возможность пройти там, где проходили эти караваны.

Правда, путешественники рисковали встретить таких страшных врагов, как гориллы, дикие слоны, громадные безгривые экваториальные львы, пантеры, леопарды и тигровые кошки, свирепые, коварные и сильные, нападающие всегда

исподтишка. Но ведь все эти враги человека обитают также и по берегам Конго.

Здесь зато было то преимущество, что путешественники избегали болот и страшных злокачественных лихорадок, распространяемых испарениями реки. Не переставая совещаться, все уселись в маленький туземный челнок, род пироги, выдолбленный из древесного ствола. Кунье собирался уже оттолкнуть лодку от берега, как Лаеннек остановил его, напомнив, что нет еще Уале.

«Человек пустыни», как называли его африканцы, свистнул. В ответ послышался собачий лай; несколько минут спустя в высокой траве появилось громадное животное с окровавленной пастью и обглоданной костью в зубах. Одним прыжком собака очутилась в лодке, которая покачнулась от ее тяжести, и, ворча, легла у ног своего хозяина.

— Ну, Уале,— сказал Лаеннек, лаская ее,—кажется, охота была сегодня удачна.

Собака опять глухо заворчала.

— Она, должно быть, встретила зеленого сенона, обезьяну, до которой она очень лакома,— продолжал Лаеннек, как бы объясняя своим товарищам странные ухватки Уале.

— Вы разве всегда предоставляете вашей собаке самой искать себе пищу? — спросил Барте.

— Когда мы останавливаемся в деревнях, она питается около нас, и Буана приготовляет ей кашу из проса с кислым молоком, которую Уале очень любит. Но когда мы путешествуем, собака должна сама добывать себе обед; я это делаю не без цели: привычка воевать с дикими зверями, чтобы прокормить себя, делает Уале до того свирепым, что он не боится ни зверей, ни людей и будет защищать нас и от львов и от кумиров.

— Это еще что такое?

— Кумирами называют негров, прогнанных из всех деревень за какие-нибудь преступления; они собираются бандами, грабят караваны и нападают на искателей пальмового масла, словом, разбойничают в лесах, и могу уверить вас, что Уале питает особую ненависть к людям этого рода.

— Неужели вы думаете, что мы можем встретить этих кумиров на дороге?

— Их самих нам опасаться нечего. Это раса шакалов, которую я презираю, и, кроме того, они меня знают очень хорошо и не решатся попасться мне навстречу, но они могут зато поднять против нас какое-нибудь племя.

Лаеннек закончил фразу, по привычке, нервным движением головы.

— И тогда? — спросил Барте.

— Мы будем вынуждены взяться за карабины, и вы увидите, что Уале делает свое дело; он известен так же, как и я, на берегах Конго. Во всех негритянских деревнях мою собаку называют Соле Явуа, чертова собака; Уале спасал мне жизнь раз двенадцать.

— Он очень опасен?

— Посмотрите на его необыкновенный рост, сильные мускулы, воловью шею, голову, круглую, как шар, глаза, налитые кровью, широкий нос, острые клыки и скажите мне: не нарочно ли создана эта собака для того, чтобы нападать на врагов? Я уже вам сказал, что в своем ошейнике с железными остриями она не боится льва.

— Я никогда не видал такой собаки, — сказал Гиллуа, который, оставаясь в задумчивости до сих пор, вмешался теперь в разговор. — Это, должно быть, один из последних потомков той породы собак, обладая которыми древние сражались с тиграми.

— Я не знаю происхождения Уале, — продолжал бывший моряк. — Его мне дали щенком португальские торговцы невольниками, которым я оказал услугу. В обыкновенное время это самое кроткое животное, оно позволит ребенку терзать себя, но когда мы странствуем — горе злоумышленникам. Человек никогда не освобождался из ее лап живым.

Во время этого разговора Кунье, ждавший сигнала к отъезду, небрежно поднял кость, которую собака уронила на дно лодки, и хотел бросить ее в реку, но вдруг подал кость Лаеннеку.

— Что такое? — спросил тот.

— Узнаете вы, какого зверя растерзал Уале сегодня?

— Что мне за нужда? Бери весло, пора выбраться на середину реки, нехорошо оставаться у этих берегов, когда настанет ночь!

— Друг, — продолжал негр, — это человеческая кость.

При этих словах Гиллуа и Барте задрожали от ужаса.

— Кость человеческая, — сказал тихим голосом начальник маленького каравана. — Если так, пора отсюда убираться! Опасность ближе к нам, нежели я думал, потому что Уале никогда не нападает по-пустому...

Лодка отчалила от берега и быстро выдвинулась на середину реки. Настала ночь... Одна из тех безлунных ночей на экваторе, которые не позволяют даже самому зоркому глазу ничего различить. Каждый путешественник занял свое обычное место: Лаеннек — у руля, молодые люди — посередине лодки, Буана и ее товарищ поочередно гребли, сменяясь каж-

дый час. Под влиянием волнения, вызванного загадкой Кунье и словами Лаеннека, никто не прерывал тишины, и странник по африканским лесам, которому следовало бы успокоить всеобщие опасения, казался погруженным в себя до такой степени, что не заботился даже о движении пироги.

— Он разговаривает с духами своих предков,— сказала Буана на ухо Барте,— не будем ему мешать.— Молодая негритянка тихо встала, взяла весло, оставленное ее другом, и через несколько секунд подвела лодку к песчаной отмели, которую ее рысьи глаза приметили среди реки.

Прекращение движения заставило опомниться Лаеннека.

— Где мы? — спросил он, удивляясь, что не качается на волнах.

— За четверть мили от нашей стоянки,— ответила Буана.

— Зачем ты остановила пирогу?

— Она не должна идти, когда ты советуешься со своими мыслями.

— Она, пожалуй, права,— сказал Лаеннек, говоря сам с собою,— благоразумнее ждать... На восходе солнца мы будем знать, в чем дело. Извините меня, господа,— обратился он к молодым людям,— что я забыл вас на несколько минут, но жизнь, которую я веду много лет в этих опасных странах, научила меня во всех важных случаях держать совет с самим собой; привычка к одиночеству заставляет меня иногда не обращать внимания на тех, кто меня окружает. Вы должны понять меня: поставленный часто лицом к лицу с опасностью, принужденный быстро решать, я должен совещаться с собой, потому что в ворохе этих мыслей встанет роковой вопрос о жизни или смерти!

— Вам нечего извиняться, любезный руководитель,— перебил Гиллуа.— Мы здесь находимся под вашим начальством, и мы можем ожидать спасения только от слепого повиновения всему, что вы решите. Едва прошли сутки, как вы вырвали нас из когтей Гобби, и мы не забыли данную нами клятву считать вас нашим начальником!

— Благодарю, друзья, за ваше доверие к искателю приключений и клянусь вам, что это доверие не будет обмануто.

Вместо ответа Гиллуа и Барте протянули руки Лаеннеку, он горячо пожал их. Не будь темноты, молодые люди могли бы увидеть слезу на бронзовом лице дезертира.

Он быстро оправился и после вздоха, вызванного каким-то горестным воспоминанием, продолжал излагать твердым голосом свои размышления.

— Я всегда замечал, что в пустыне и в девственных лесах не надо пропускать происшествия, как бы ни было оно

ничтожно, не отдав себе в нем отчета; малейшие события имеют важное значение и почти всегда служат предостережением, тайну которого надо разгадать, если не хочешь не сегодня-завтра оставить свои кости в каких-нибудь зарослях. Перейдем к делу. Неоспоримо, что Уале загрыз сегодня человека, которого нашел в кустах, и вы поймете, что это происшествие имеет для меня исключительную важность, когда узнаете, что, с одной стороны, моя собака никогда не нападает сама, если я не подстрекну ее, а с другой — места, проезжаемые нами, совершенно необитаемы.

— Уверены ли вы, — перебил Барте, — что, когда вы добились сегодня утром от Гобби, чтобы он перестал нас преследовать, он через несколько минут не раскаялся в своем благородстве и не послал сухим путем кого-нибудь из воинов расставить нам засаду?

— Вы забываете, какое влияние я имею на людей его свиты; могу вас уверить, что ни один из них не осмелится взять это на себя! А если это не солдат Гобби, то с каким же человеком имел дело Уале? Здесь может находиться только какой-нибудь негр, заблудившийся в поисках пальмового масла, но это предположение кажется мне невероятным: я уверен, что собака прошла бы мимо бедняги, не причинив ему никакого вреда! Спросите у Кунье — он здешний, — слышал ли он когда-нибудь, что эти леса обитаемы?

— Здесь живут только львы и большие змеи, — отозвался негр.

Лаеннек продолжал:

— Вы видите, вся эта часть реки на протяжении пяти-сот-шестисот миль окружена лесами и болотами, вот почему мы не могли бы странствовать сухим путем до того места, где Банкора впадает в Конго. И чем больше я думаю, тем меньше могу объяснить себе это необыкновенное приключение. Уале непременно встретил врага... но какого?

— Не думаете ли вы, — отважился заметить Гиллуа, — что мы теряем здесь драгоценные минуты и что предпочтительнее было бы поскорее оставить самое большое расстояние между нами и...

— Ваша юная голова еще неопытна, — коротко перебил Лаеннек. — В этих ужасных странах никогда не теряешь времени, когда стараешься избавиться от опасности. Подумайте, ведь мы можем делать на пироге только семь-восемь миль в день, а те, которые захотели бы нас преследовать, следуя берегом реки, опередили бы нас очень легко. Вспомните, что Гобби нагнал нас на следующий же день после нашего отъезда! Следовательно, мы должны двигаться с большой осто-

рожностью; медлительность здесь полезнее необдуманной быстроты.

— Прошу вас не принять дурно мое замечание, любезный Лаеннек, оно не имело другой цели, как узнать ваше мнение. Еще одно слово, если вы позволите...

— Я слушаю вас, господа, мы можем целую ночь держать совет!

— Если сухой путь быстрее для тех, кто захотел бы нас преследовать, то почему бы и нам не сделать того же?

— Потому что вы не перенесете путешествия пешком в подобном климате, и, прежде чем дойдете до берегов Банкоры, умрете от кровавого поноса, лесной лихорадки или солнечного удара!

— А вы? — вмешался Барте.

— О, я — другое дело. Я теперь истый африканец, и, путешествуя я только с двумя неграми, мы через две недели были бы у слияния Конго и Банкоры.

— И вы уверены, что мы не могли бы следовать за вами?

— Положительно, друзья! И это вопрос не самолюбия, а привычки к климату... Возвращаясь к моим рассуждениям, я повторяю, что было бы чрезвычайно неблагоприятно продолжать наш путь, не разузнав, с кем встретился Уале. Поэтому я нахожу, что Буана и ее товарищ хорошо сделали, причалив лодку к этой песчаной отмели; они поняли, что мы не должны удаляться от этих мест после сегодняшнего приключения.

В ту же минуту, как бы оправдывая предчувствие Лаеннека, блеснул на левом берегу огонь, почти на том самом месте, которое путешественники недавно покинули.

Очевидно, положение осложнялось. Бывший моряк вздрогнул и, не говоря ни слова, протянул руку по направлению к странному сигналу.

В продолжение нескольких минут маленький караван рассматривал в глубочайшем молчании пламя, которое, постепенно увеличиваясь, скоро осветило реку на протяжении двухсот метров. Среди всеобщего беспокойства Лаеннек первый возвратил себе обычное хладнокровие.

— Я не думал, — шепнул он на ухо своим спутникам, — что мы будем принуждены действовать так скоро... Очевидно, нас преследуют. Но кто? Если Уале загрыз какого-нибудь кумира или искателя масла, мы отделаемся, заплатив обыкновенную пеню за смерть человека, но если жертва принадлежала к воинственному отряду охотников за невольниками, надо остерегаться, потому что законодательство в

этих странах еще находится в первобытном состоянии: око за око и зуб за зуб.

— Вы говорите, что мы будем действовать! — воскликнули молодые люди. — Но что же мы можем сделать при подобных обстоятельствах?

— Положитесь на Кунье и на меня; пока опасность еще не более чем скрытая угроза, я не могу не чувствовать нервного беспокойства, но, столкнувшись с ней, я начну действовать, не колеблясь.

— Что же вы намерены делать?

— Мы спустим пирогу на воду и вернемся к берегу, от которого отъехали, напротив этой отмели. Мы так далеко, что ни одно из наших движений не может быть замечено. Вы останетесь в лодке, которую Буана искусно спрячет среди корнепусков, и пока вы будете нас ждать с карабинами в руках, мы с Кунье отправимся ползком в высокой траве узнать, с кем имеем дело. Что бы вы ни услышали, не стреляйте, никого не надо привлекать к лодке, она — наше единственное спасение. Если опасность приблизится, вы должны положиться на инстинкт Буаны и немедленно выехать на середину реки... Если мы не вернемся в ночь, не беспокойтесь о нас, мы привыкли к этой жизни засад и неожиданных нападений... Если не услышите ничего больше о нас, потому что в этом краю, по негритянской поговорке, смерть прячется под каждой травинкой, вы положитесь во всем на молодую негритянку, которая проводит вас так же хорошо, как и я, к берегам Банкоры, где вы подождете случая отправиться дальше.

— Мы не можем согласиться! — сказал Барте решительным тоном. — Если вы подвергаете опасности вашу жизнь, справедливость требует, чтобы мы в свою очередь...

— Я требую от вас полного повиновения, в котором вы мне поклялись! — перебил Лаеннек с важным видом. — Я знаю все, что вы мне скажете, и не сомневаюсь в вашем мужестве, но вы не можете отправиться с нами: разве вы привыкли к зарослям? Как вы проскользнете без шума в высокой траве? Сумеете ли вы сидеть часами, спрятавшись в нескольких шагах от вашего врага, не возбуждая его внимания? Вы заставите убить нас всех без всякой пользы!.. Я подвергаю опасности мою жизнь, говорите вы, но я делаю это каждый день в течение десяти лет, и вы видите, что до сих пор я умел защитить ее! Для пользы всех нас я требую, чтобы вы остались в лодке. Не опасайтесь: не будет недостатка в случаях выказать вашу дружбу.

Через десять минут легкая лодочка подошла к тростникам, и Лаеннек со своим негром, вооруженный с ног до головы, без шума проскользнул в лес. Уале, хорошо выдрессированный для этих экспедиций, замыкал шествие, ожидая, чтобы сигнал хозяина вызвал его вперед.

Только что высокая трава закрылась за ними, как Гиллуа и Барте принялись напрасно прислушиваться: никакой шум не долетал до них.

Огонь все сиял так же ярко, бросая красноватый отблеск на берег и листья больших деревьев, и ничто не нарушало ночной тишины, кроме легкого плеска воды около берега и воплей хищных зверей, время от времени раздававшихся вдали звучно и протяжно...

Часы проходили медленно и однообразно, не внося никакой перемены в положение путешественников, оставшихся в лодке. Незадолго до рассвета таинственное пламя мало-помалу угасло, и когда взошло солнце, облив пурпуром и золотом воды Конго, Лаеннека и его спутника еще не было в лодке.

БОРЬБА.— СТРАШНЫЙ ПИР

Беспокойство молодых людей дошло до крайней степени, и, только вспоминая последние слова Лаеннека, они могли кое-как сдерживать свое нетерпение. Им хотелось броситься в лес отыскивать ушедших.

С того места, где они находились, из чащи тростника и корнепусков, они могли следить за течением реки только в самом ограниченном районе; на берегу же высокая трава и ветви деревьев представляли между ними и лесом непроницаемый лиственный занавес. Когда, вне себя от волнения, юноши обратились к Буане, молодая негритянка отвечала им, самоуверенно улыбаясь:

— Господин бодрствует, он придет, я всю ночь слышала его сигнал.

— Сигнал? — спросил Барте, вне себя от изумления.

— Да, белый человек разве не слышал криков тано¹?

— Как! Этого зловещего пения могильщика?

— Кунье и Момту-Самбу подражали ему по очереди, чтобы показать нам, что все идет хорошо.

— Зачем же ты не предупредила нас?

— Два белых человека разговаривали между собой, они ни о чем не спрашивали Буану, и она думала, что господин научил их лесному языку.

¹ Т а н о — ночная птица, пожирающая трупы.

— Итак, ты думаешь, что он скоро к нам придет?

— Да, потому что уже более часа, как я...

В эту минуту слова замерли на губах молодой негритянки.

Послышался жалобный крик, но такой слабый и далекий, что только тонкий слух Буаны мог уловить его.

— Что там такое? — спросил Барте, удивленный этим внезапным молчанием.

— Послушайте, тано говорит.

Пронеслись два звука, на этот раз несколько громче, но второй крик еще не затих, как молодая негритянка бросилась с необыкновенной быстротой к веслу и оттолкнула лодку метров на шесть от берега.

— К карабинам! К карабинам! — вскричала она.

Молодые люди схватились за оружие. Как раз вовремя. Дикий вой раздался на берегу, и какой-то негр, бросившись в воду с копьем в руке, уцепился за пирогу. В мгновение ока Буана схватила топор, которым Кунье прежде резал лианы и хворост, и раскроила череп негру.

Второй негр бросился вслед за своим товарищем, но прежде чем успел подоспеть к нему на помощь, был убит из карабина Барте. Гиллуа готовился оказать такой же прием третьему разбойнику, но негритянка сильно гребла, и негры, оставшись на берегу, уstraшенные ли участью своих товарищей или рассудив, что расстояние от пироги было теперь слишком велико, только усилили свои крики и пускали стрелы, падавшие в воду около беглецов.

Предупрежденная двумя криками тано, которые означали «берегись», Буана спасла жизнь своим двум спутникам и себе.

Сигнал был дан Кунье.

Лодка продолжала продвигаться на середину реки, как вдруг сцена переменилась. Два выстрела из леса положили конец бессильным демонстрациям негров, и громкий голос Лаеннека приказал собаке:

— Геп! Геп, Уале! Геп!

Собака бросилась прыжками через высокую траву; за собакой бежали ее хозяин и Кунье.

Радостные «ура», раздавшиеся с лодки, приветствовали их появление, а Гиллуа и Барте приготовились играть свою партию в начинавшейся борьбе.

Увидев новых врагов, преградивших им дорогу в лес, испуганные смертью своих товарищей, негры потеряли голову и бросились в реку, чтобы попытаться ускользнуть вплавь. Их оставлось только шестеро, а после перекрестных выстре-

лов, грянувших одновременно с берега и лодки, — только двое.

Буана гребла так искусно, что перерезала им дорогу.

— Ни один не должен спастись, — закричал Лаеннек своим друзьям, — или мы погибли!

Тогда произошла страшная сцена.

Уале бросился в реку; один из беглецов нырнул, но собака последовала за ним под воду, и несколько минут спустя вода на значительном пространстве окрасилась кровью... Потом громадная голова дога высунулась из воды; приметив последнего негра, делавшего отчаянные усилия, чтобы добраться прежде пироги до противоположного берега, собака решительно бросилась за ним в погоню. Несчастный принялся испускать умоляющие крики и, переменив тактику, поплыл прямо к лодке, надеясь доплыть до нее, прежде чем его догонит собака.

Выстрел из карабина мог бы прекратить это страшное зрелище, но Барте и Гиллуа и не подумали стрелять в человека, который не мог вредить, это казалось им убийством, а сам Лаеннек отодвинул ствол ружья, направленный Кунье в беглеца, и дал своей собаке сигнал остановиться. Собака была так хорошо выдрессирована, что, несмотря на горячий пыл преследования, не подумала ослушаться.

В эту минуту негра принял на лодку Барте, а осторожная Буана связала ему руки за спиной веревкой из волокон растений.

Через несколько минут пирога опять пристала к берегу, и все члены маленького каравана соединились.

Кунье занял свое обычное место, и четыре друга обменялись горячим рукопожатием.

— Вы нас спасли во второй раз! — сказал Барте.

— Не будем говорить об этом, — просто ответил Лаеннек. — Мы все исполнили наш дружеский долг, но мы поддались великодушию, которое может стоить нам дорого.

— Как это?

— Если вы выпустите этого молодца, не пройдет и двух суток, как все разбойничье племя сядет нам на шею. Маленькая шайка, которую мы уничтожили, только авангард фанов, или фантов, переселяющихся в это время к Верхнему Конго. Через два или три дня они наткнутся на Гобби, но если узнают об участии своих товарищей, немедленно своротят с дороги и будут преследовать нас до тех пор, пока не отомстят.

— Старший друг, — отважился сказать Кунье умоляющим тоном, — дайте мне убить человека с красной головой! (У пленника волосы были обожжены известью.)

— Мы не можем решиться на такой поступок, — ответили молодые люди. — Спасти его для того, чтобы потом кладно-кровно убить, — это недостойно человека!

— Вы правы, друзья, и мы этого не сделаем, но мне не следовало останавливать Уале, потому что Кунье говорит языком благоразумия... Пусть будет по-вашему, только я должен вас предупредить, что если мы дорожим жизнью, то должны, по крайней мере, десять дней быть наготове размозжить ему голову при малейшей попытке к побегу; по прошествии этого времени мы можем без опаски дать ему свободу, а теперь постараемся удалиться как можно скорее от этих берегов.

Буана и ее товарищ начали грести, лодка летела по воде, и скоро за поворотом реки исчезло место, чуть не ставшее гибельным для беглецов. Первые минуты были посвящены взаимным рассказам о ночных событиях.

Когда Лаеннек и Кунье вышли из лодки, они направились ползком к таинственному огню, который привлек их внимание, и через четверть часа трудной ходьбы, во время которой они были принуждены избегать малейшего шума, заметили на рубеже леса человек десять негров, склонившихся под темным деревом и, по-видимому, державших совет.

Лаеннек отправил Кунье с приказанием подойти к ним как можно ближе и подслушать разговор. Через два часа, во время которых Лаеннек лежал в кустах, не делая ни малейшего движения и удерживая Уале, негр вернулся рассказать своему другу, что маленькая шайка дикарей опередила на один день отряд в четыре или пять тысяч воинов-фанов, которые направлялись от реки Огове к Верхнему Конго.

Насколько Кунье, научившийся фанскому наречию близ озера Замба, мог понять их, выяснилось, что Уале напал на одного из фанов, ушедшего охотиться, и его соплеменники, привлеченные криками, пришли вовремя, чтобы прогнать собаку, которая, убив уже своего противника, изгрызла ему всю правую руку. Страшный дог хотел было сначала броситься на пришедших, но вдруг повернулся и побежал по направлению к реке. Без сомнения, в эту минуту, несмотря на отдаленность, собака своим тонким слухом уловила, что ее зовет хозяин. Кунье уверял, что фаны, прибыв через несколько минут после этого на берег реки, заметили лодку, удалявшуюся с собакой; темнота, наступающая почти без сумерек в этих широтах, не позволила им далее следовать за путешественниками, и они остановились посоветоваться, как отомстить за смерть своего товарища.

— Они решили, — сказал Кунье, заканчивая свой доклад, — преследовать нас, спрятавшись в высокой траве берега, и напасть на нас во время одной из наших остановок, так как мы должны, по их соображению, останавливаться, чтобы доставать пищу или отдыхать. А в ту минуту они готовились съесть остатки жертвы Уале.

Лаеннек, услышав последние слова, подумал было, что негр шутит, но скоро убедился в справедливости его заявления, потому что мог сам незримо присутствовать при страшном пире и увидеть, что имеет дело с людоедами...

Труп был изжарен и изрублен на его глазах, и хотя чувствительность дезертира значительно притупилась от обычных опасностей, которым он подвергался столько лет, он чувствовал тошноту, глядя сквозь листья, тихо волнуемые вечерним ветерком, на тело фана, окруженное пламенем.

Лаеннек считал за лучшее сразиться, наконец, с дикарями, чем подвергаться угрозе ежедневных засад. Приходилось, однако, ждать восхода солнца.

План его был очень прост. Ив знал, что можно положиться на бдительность Буаны. Незадолго до рассвета, убежденный, что фаны бросятся преследовать пирогу, он стал с Кунье напротив того места, где его ждали Барте и Гиллуа; таким образом, он имел возможность предупредить негритянку об опасности в надлежащую минуту. Он, правда, мог бы сообщить молодым людям о своих намерениях, но вполне уверенный в том, что они не будут застигнуты врасплох, так как он караулит, предпочел не увеличивать их беспокойства опасениями новой борьбы. Все произошло, как он предвидел. Фаны на восходе солнца начали преследование. В ту минуту, когда они подошли к корнепускам, под которыми была спрятана пирога, Кунье подал Буане сигнал поскорее отчалить от берега... Ничто не расстроило искусного плана «человека пустыни»...

В продолжение двух дней путники покидали лодку только для того, чтобы изжарить наскоро рыбу, которую Кунье ловил неводом. Птицы, подстреленные на лету, дополняли их провизию. Друзья плыли даже ночью, ни на минуту не переставая грести.

Действительно, можно было предполагать, что фаны, встревоженные участием своего авангарда, пошлют разведчиков и вверх и вниз по реке.

Пленник, видя, что жизнь его не подвергается пока опасности, мало-помалу смягчился; он объявил Кунье, что его зовут Йомби, и даже предложил грести в свою очередь; из осторожности Лаеннек не согласился.

За двое суток путешественники проехали около двадцати миль; несколько раз они встречали по пути большие болота, почти слившиеся с рекой и перерезавшие лес до самого горизонта; погоня теперь стала невозможной, и друзья могли вздохнуть свободно.

Лаеннек решил дать отдохнуть денек своему маленькому отряду. Действительно, все до того устали, что еще накануне решились испытать добрую волю Йомби и дали ему грести, старательно наблюдая, впрочем, за всеми его движениями. Негр принялся петь странную песню своей родины и греб всю ночь, не отдыхая ни минуты.

Опять показался лес со своими большими тюльпанниками, баобабами, пальмами и лианами, покрытыми цветами, которые то причудливо обвивались вокруг ветвей, то падали гирляндами в воду; Лаеннек, выбрав песчаный берег, поднимавшийся покато к тенистой рощице тамариндов, велел причалить.

Все тотчас же прыгнули на берег, чтобы насладиться заслуженным отдыхом после необычайных волнений.

Кунье поручили передать Йомби, что он может идти куда хочет, так как никто уже не опасается погони его соотечественников.

Бедняга нерешительно сделал несколько шагов к лесу, потом вдруг передумал, сел на берегу, и путешественники с удивлением увидели, что из глаз его катятся крупные слезы.

— Ну,— сказал ему Кунье, служа переводчиком Лаеннеку,— разве ты не рад, что можешь возвратиться к своим?

— Если Йомби воротится в свое племя, Йомби будет съеден.

— Отчего это?!

— Оттого что Йомби обязан был умереть, стараясь отомстить за своих братьев!

От него нельзя было добиться больше ничего, и когда спросили, что же он намерен делать, он ответил, что, будучи взят в плен, стал невольником и должен повиноваться.

— Но белые не могут взять тебя с собой!

— Стало быть, если у Йомби нет пироги, чтобы ехать по реке, и нет оружия, чтобы отыскивать себе пищу, Йомби умрет с голоду или будет съеден тиграми!

— Он прав,— вмешался Барте.— Мы не можем бросить его таким образом; позвольте мне взять на себя заботы о нем, Лаеннек.

— Тем охотнее,— ответил Лаеннек, с улыбкой смотревший на эту сцену,— что он может оказаться недурным приобретением: негры вообще или очень добры или очень злы,

и у них не хватает искусства долго притворяться. Я два дня наблюдал за ним и думаю, что его можно отнести к категории добрых. Умея дружить с ним, а главное, развив в нем человеческое достоинство, вы легко можете сделать из него второго Кунье, то есть настоящего товарища и брата.

Услышав эти слова, Кунье ответил чванно и комично, что не может быть никакого сравнения между ним и красной головой, которая ела человеческое мясо, и что хорошо еще, если ее можно приручить, чтобы сделать товарищем Уале. Эта выходка рассмешила путешественников, и Йомби решили оставить.

Рабство побежденного — в центре Африки военный закон, не оспариваемый ни одним племенем, и во многих местах тот, кто даст взять себя в плен и потеряет свою свободу, не может уже воротить ее. Поэтому понятно, что пропитанный предрассудками фан не желал возвращаться к своим. Вернувшись к соплеменникам, бедный Йомби был бы вынужден признаться, что белые как-никак продержали его несколько дней в плену, и этого было бы достаточно, чтобы наложить на него неизгладимое пятно рабства. Поэтому, когда ему растолковали, что он может оставаться, он лег возле Барте, поставил его правую ногу на свою голову и поклялся ловить рыбу и охотиться для него, разводить костер и всегда наливать в его горлянку чистую воду.

Менее чем в час два негра, ставшие почти друзьями, несмотря на гордость Кунье, и негритянка устроили лиственный шалаш, а покончив с этим делом, принялись собирать сухие ветви для ночного костра. Ужин был великолепен, Барте и Гиллуа давно не имели такой трапезы. Она состояла из раков и рыбы, которых Кунье выловил в Конго, трех маленьких зайцев, найденных Йомби в норе, и разных плодов, которых Буана принесла из леса.

Но больше всего пришлось по вкусу путешественникам, так давно лишенным хлеба, пять или шесть крупных фруктов хлебоплода, испеченных в золе. Это вкусное кушанье, заменяющее даже европейцам картофель и хлеб, было найдено в лесу Лаеннеком.

Во время приготовления пиршества все радостно суетились; Лаеннек и Барте между делом чистили оружие и осматривали состояние снарядов, лежавших в ящике из камфарного дерева. Гиллуа попутно с хозяйством занимался своей любимой естественной историей; он осматривал каждую рыбу, которую Буана готовила к ужину.

Это занятие скоро внушило ему сильную печаль, потому что он ничего не приготовил заранее для того, чтобы сохра-

нить любопытные сорта рыб, проходившие пред его глазами.

— Какая жалость, — сказал Гиллуа, указывая Барте на рыб, — что мы беглецами странствуем по этим краям! Все продукты ловли Кунье доказывают мне, что есть необыкновенное сходство между фауной областей верхнего Нила и этих стран. Будь мы снаряжены для экспедиции, мы вместо того, чтобы спускаться вниз по Конго, поднялись бы по нему вверх и достигли бы тех больших озер в центре Африки, откуда, вероятно, вытекают Нил, Огове и Конго.

— Я уверен, — ответил молодой офицер, который до страсти любил географические споры, — что если бы мы не успели разрешить эту великую проблему, которая в высшей степени занимает современную науку, то по крайней мере прославили бы наше имя каким-нибудь важным открытием.

Молодые люди принялись развивать план путешествия. Африка привлекала их, как и всех, кто провел уже немного времени в этой таинственной стране. Вдруг веселый голос Лаеннека прервал их разговор.

— И вы начинаете, — сказал он, — привыкать к жизни в зарослях, к опасности, которая только увеличивает привлекательность! Я уверен, что, если вы доедете благополучно, мы расстанемся не без сожаления и, может быть, недолго останемся в разлуке.

— Мы об этом думаем, — ответил Барте задумчиво. — О, если бы у нас были необходимые инструменты для вычисления широт, удобная лодка и хорошее оружие!..

— И средства для сохранения удивительных образцов фауны и флоры этих стран! — продолжал Гиллуа.

— Ну что ж тогда? — спросил Лаеннек шутливо.

— Мы осмотрели бы, — ответил молодой офицер со вздохом сожаления, — те плоскогорья, где три большие африканские реки берут свое начало.

— Я никогда не мог понять, — сказал бывший моряк, вдруг помрачнев, — какие причины могли побуждать людей, любимых в своей стране, оставлять семью и друзей, чтобы путешествовать в этих ужасных странах! Слышал я, что они едут осматривать реки и изучать растения или животных; но во всем этом нет недостатка и у нас! Растения все растут одинаково, а чтобы узнать, что одни животные едят траву, а другие мясо, нет надобности заезжать так далеко. Разве вы думаете, что вода в Конго не такая, как в наших бретонских ручьях, а что рыбы живут здесь не так, как у нас? Негры уверяют, что все эти путешественники просто торгуют невольниками, и я всегда думал, что негры правы. Что касается меня, то не будь моего несчастного приключения в

Сан-Паоло-да-Луанда, мне никогда не пришло бы в голову жить в этой дьявольской стране, и я должен вам признаться, что ваши последние слова привели меня в глубочайшее недоумение!

— Любезный проводник, — ответил ему Гиллуа со смущенной улыбкой, — кроме любви к науке, есть еще закон природы, толкающий человека вперед.

Ужин кончился. Ночь быстро приближалась. Кунье и Йомби, которые хотели попеременно охранять покой своих хозяев, зажгли костер для отпугивания зверей.

Путешественники удалились в шалаш, где приготовили себе постели из сухих трав, и скоро тишина нарушалась только однообразным журчанием реки и воем шакалов, отыскивающих падаль в высокой траве... Прежде чем заснуть, Лаеннек и его товарищи поговорили еще о своей страшной встрече. Наткнулись ли они на авангард настоящей орды или встретили только странствующее племя?..

БЕГЕМОТЫ.— ПРИГОТОВЛЕНИЕ К ОТЪЕЗДУ

На восходе солнца наши путешественники были разбужены криками негров и Буаны, сопровождаемыми каким-то странным аккомпанементом. Барте выбежал из шалаша и заметил всего в нескольких шагах от берега десятка два бегемотов, собиравшихся влезть на берег и испугавшихся шума, которым была встречена их попытка, и теперь старавшихся найти место поспокойнее.

Гиллуа и Барте поспешно побежали к берегу, потому что в первый раз могли свободно рассмотреть этих колоссов экваториальных рек.

Бегемот, названный древними речной лошадью, нисколько на лошадь не походит.

Племена Центральной Африки называют бегемота барауаду — речным быком.

Бегемоты — настоящий бич во всех земледельческих странах Центральной Африки. В одну ночь они опустошают целые плантации риса, майса, сахарного тростника; можно себе представить, сколько может съесть этот зверь, когда он голоден. У земледельцев нет другого средства против этих ночных нашествий, кроме постоянной охраны. Достаточно криков людей, звуков тамтамов и разведенного огня, чтобы принудить его отступить.

На суше он боязлив, потому что не может проявить так, как в воде, свои проворство и силу. Его очень короткие ноги

препятствуют скорости бега. Поэтому он редко удаляется от тех мест, где может в случае внезапного нападения тотчас же исчезнуть в воде. Он предпочитает эту стихию, потому что там может пользоваться своими преимуществами; он плавает гораздо быстрее, чем бежит. В воде основал он свое нормальное местопребывание, потому что там он чувствует себя в безопасности. Там ему нечего опасаться никаких врагов, даже крокодила, который не может успешно бороться с этим чудовищем, чья кожа непроницаема, а сила ужасна. Замечено, что в тех местах, где водятся бегемоты, не бывает крокодилов.

В то время как Гиллуа и Барте, по привычке, обратились к научным разговорам о бегемотах, Лаеннек и Кунье здраво сообразили, что следовало бы захватить одного из этих громадных животных, которое может доставить обильный запас свежего мяса.

— Мы прокоптили бы большую часть, — сообщил Лаеннек свою мысль молодым людям, — и, таким образом, у нас на несколько недель хватило бы здоровой и вкусной пищи!

— Может быть, — ответил Барте, встряхиваясь, — стадо вышло на берег не слишком далеко от нас. Не можем ли мы с некоторой осторожностью подойти так близко, чтобы убить одного из карабинов?

— Почти невозможно!

— Я знаю, что это животное уязвимо только в некоторых частях, но...

— Не в этом затруднение, — перебил Лаеннек. — Стоит только всадить ему пулю между глаз, и бегемот повалится, как убитый бык; но днем он редко выходит из реки, и если выйдет случайно пощипать травку, то при малейшем шуме погружается в воду.

— Но как же тогда туземцы охотятся за ним?

— В каждой стране свой обычай. В Верхнем Конго ставят крепкие сети или капканы на дороге, ведущей на поле сорго или сахарного тростника, которое он уже начал опустошать; ловят его и другими способами; иногда его преследуют в лодках с гарпуном. Но из всех этих способов, испытанных мною, ни один не может сравниться с засадой. Стоит спрятаться вечером на плантации, которую он любит посещать, и бить в упор без промаха.

— Не можем ли мы попытаться в эту ночь?

— Для этого надо знать привычки стада, приблизившегося к нашему берегу. Я уверен, что Кунье и Буана уже построили план охоты на бегемотов, которые обыкновенно

выходят на этот маленький песчаный берег. В таком случае нам стоит только послать Кунье и Йомби в лес; они скоро разузнают место, где эти животные привыкли насыщаться.

Когда Кунье, каждый день становившийся искуснее в наречии фанов, успел рассказать Йомби, что требовалось от него, последний отвечал, что нет необходимости принимать столько предосторожностей для поимки бегемота и что, если Лаеннек даст ему пирогу и кого-нибудь, кто мог бы грести, то бегемот будет убит через час.

Это предложение было передано Лаеннеку, который немедленно спросил фана, как он намерен действовать.

Йомби отвечал через своего переводчика, что он знает очень простой способ заставить бегемотов подняться из воды, а в ту минуту, когда одно из этих животных покажется на поверхности, он раскроит ему череп топором.

Путешественники держали совет.

— Я не думаю,— сказал Гиллуа,— что мы вправе доверять Йомби; опасно дать ему и лодку и топор.

— Возможно, что ваши опасения необоснованны,— ответил Лаеннек.— Я знаю характер негров и уверен, что наш фан отдался душой и телом своему спасителю Барте. Но лодка — наше единственное богатство, а топор может послужить Йомби, чтобы отделаться от Кунье. Поэтому я думаю, что благоразумие требует держаться вашего мнения.

— Вот если бы нам поехать с ним,— предложил Барте.

— Ваше предложение довольно опасно,— ответил Лаеннек.— Умеете ли вы плавать?

— Достаточно для того, чтобы не бояться переплыть Конго,— ответили молодые люди.

— В таком случае можно попытаться.

Йомби, узнав, что просьба его исполнена и что, сверх того, он выкажет свое искусство перед белыми, немедленно начал одну из тех плясок, перемешанных с криками, хлопаньем и топотом, в которых негры дают исход радости, доведенной до высшего предела.

Этот пример оказался заразителен. Кунье пустился в пляс визави с фаном. В свою очередь и Буана не могла отстать от них, и трио представило полную картину выразительных гримас и кривляний, в которых заключается искусство африканского танца.

Вдруг Йомби, как бы пораженный внезапной мыслью, бросился в лес, оторвал длинную ветвь железняка и вернулся так же быстро. Путешественники подумали, что этот жест составляет часть программы и что они увидят новую

фигуру странной пляски, но фан объявил с торжествующим видом:

— Вот этим Йомби заставит плясать речного быка!

Интермедия заставила на минуту забыть охоту за бегемотом, но негр ни за что на свете не отказался бы от своей идеи; он хотел показать белым и двум другим неграм, как фанский воин охотится за царем африканских рек. Когда сели в пирогу, Кунье пустил ее по течению. Буана осталась на берегу с Уале готовить завтрак. Как только лодка отошла на четыреста метров, Йомби сделал знак Кунье грести тише.

— Бара-уаду (речные быки) тут, — сказал он, указав рукой на изгиб реки, похожий на маленькую бухту, вода в которой стояла неподвижно, как в озере.

— Спроси у него, — сказал Лаеннек Кунье, который всегда служил переводчиком, — как он мог обнаружить присутствие этих животных?

На вопрос немедленно был дан напыщенный ответ:

— Никакое животное ни в лесах, ни в воздухе, ни в воде не может ускользнуть от глаз фана. Йомби примечает бара-уаду, потому что они не могут скрыть свое дыхание.

Действительно, присмотревшись внимательно, путешественники заметили в том месте, на которое указывал Йомби, тысячи воздушных пузырьков, лопавшихся на поверхности воды.

Фан стал на носу с веткой железняка в руке; Кунье начал медленно грести по указаниям своего товарища. Лаеннек и молодые люди на всякий случай приготовили карабины.

В ту минуту, когда лодка вошла в бухту, Йомби вдруг смело погрузил в воду свою длинную ветвь, потом с быстротою молнии бросил ее и схватил топор, лежавший у его ног. Только что он успел стать в позицию человека, собирающегося ударить, как громадная голова бегемота высунулась из воды около самой пироги, и в то же мгновение топор опустился между глаз животного так, что наполовину исчез в черепе. Смертельно раненный, он бросился на нападающих и опрокинул лодку, но это было его единственное и последнее усилие; он скоро растянулся в потоке черной крови, лившейся из его раны, и остался неподвижен под водой.

В это время путешественники, находившиеся только в тридцати метрах от берега, добрались до него благополучно, не оставляя своих карабинов; к счастью, все стадо, испуган-

ное шумом, поспешило на середину реки, не думая мстить за убитого товарища.

Между тем как Кунье вплавь тащил лодку к берегу, Йомби длинной веревкой привязал бегемота за один из его зубов и почти в одно время со своим товарищем вышел на берег. Наши путешественники могли только довести животное до берега; вытащить его из воды оказалось невозможно. Бегемот был крупен и тяжел. Лаеннек полагал, что вес его превосходит пять тысяч фунтов.

После короткого совещания решили разрубить тушу на месте, но для этого необходимо было переменить стоянку.

Переселение потребовало совсем немного времени, потому что запасов с ними не было никаких, кроме пороха и пуль; для пропитания путешественники должны были полагаться только на свое искусство, а из кухонной утвари хранили только чугунный котел, который Лаеннек брал с собой во все свои экспедиции и который был отдан на руки Буане.

Весь день рубили бегемота длинными полосами; прежде чем коптить, их сушили на огне, вытапливали жир, который Буана сливала в тыквенные бутылки, приготовленные Кунье и Йомби.

Уже вечером, увидев, что запас превосходит весом то, что пирога может вместить, путешественники бросили свое дело и начали строить на ночь шалаш и разводить костер для защиты от хищных зверей.

За этим занятием им показалось, что остатки бегемота на берегу зашевелились. Барте и Гиллуа хотели уже пойти узнать, что значит это странное явление, когда Лаеннек остановил их.

— Берегитесь! — сказал он. — Это, может быть, крокодилы. Конго ими наводнен.

Лаеннек сказал правду, потому что через несколько минут остатки бегемота исчезли под водой.

Крокодил оспаривает у бегемота владычество над большими африканскими реками. Справедливость требует сказать, что ни тот, ни другой не может успешно бороться с противником, поэтому они имеют обыкновение избегать друг друга, и довольно редко можно встретить их в одних и тех же местах, если только, как в настоящем случае, крокодила не привлечет труп его врага.

Вскоре Буана позвала путешественников к ужину, главные кушанья которого составляло мясо бегемота во всех ви-

дах — и вареное, и жареное. Мясо было объявлено превосходным и чрезвычайно похожим по вкусу на говядину.

Когда настала ночь, Кунье и Йомби занялись около костра завертыванием в банановые листья узких полос бегемотового мяса, которое высушили и выкоптили еще днем. Белые принялись чистить карабины, вымоченные при падении в воду.

Осмотрели запас пороха и ящик, в котором он лежал, завернутый в толстый слой сухих листьев. Набрали корней таро, иньяма и плодов хлебного дерева, сколько могло уместиться в лодке; и, прежде чем созвездие Южного Креста прошло первую четверть своего пути по золотистому небу экватора, все было готово к завтрашнему отъезду.

— Воспользуемся хорошенько этой ночью, ребята, — сказал Лаеннек своим товарищам, — это последняя ночь, которую мы проведем на твердой земле до берегов Банкоры.

Кунье, не спавший первую половину ночи, только заснул у костра, передав Йомби заботу об огне, как вдруг товарищ разбудил его и сказал шепотом:

— Слушай, злые духи потрясают небо и реку; Йомби боится.

— Что там такое? — спросил Кунье, немедленно вскочивший на ноги.

— Слушай и смотри, — продолжал фан.

Кунье прислушался... Река глухо ревела, воздух был тяжел и густ, время от времени его прерывала молния без грома, как это бывает при приближении грозы.

Молнии сверкали у горизонта, над лесом, черные массы которого вспыхивали в темноте, но весь берег Конго оставался погруженным в глубокую темноту.

— Стоило тревожить мой сон, — сказал Кунье. — Йомби скучал и хотел разбудить Кунье, чтобы поговорить с ним.

— Это все, что понял Кунье?

— Я понял, что пойдет дождь, вот и все.

— Негр у белых людей лишился чутья своей расы; он говорит, как ребенок.

— Кунье не дикарь, он не ест человеческого мяса, он не...

Разговор уже переходил в ссору, когда ворчанье Кунье было прервано жалобным воем Уале, который протянул морду к реке, как будто угадывая опасность.

— Собака понимает язык реки, — сказал Йомби нравоучительно, — надо слушать собаку.

— Что нового? — спросил Лаеннек, которого вой Уале вызвал из шалаша.

Тут рев реки усилился до такой степени, что вопрос Лаеннека остался без ответа; все трое принялись напряженно слушать, желая во что бы то ни стало разобраться в этом многоголосом шуме, тем более странном, что в воздухе не было ни малейшего ветерка.

Йомби, успокоенный присутствием того, кого считал начальником маленького каравана, поспешно обратился к Кунье со словами:

— Скажи Момту-Момани, что водяной смерч разразился в верхних землях, откуда течет река, и что мы едва успеем укрыться в лесу, чтобы избежать наводнения.

Как только Лаеннек услышал эти слова, он сразу понял всю важность предостережений и, бросившись в шалаш, разбудил своих товарищей:

— Проворнее, друзья, проворнее! — кричал он. — Будет наводнение!

Гиллуа и Барте тотчас были на ногах и по приказанию Лаеннека захватили всю провизию, какую могли унести.

— В лес! — скомандовал Лаеннек отрывисто.

Ночь кончалась, и свет, сначала тусклый, но усиливавшийся с быстротой, обычной в южных широтах, дал возможность беглецам пуститься в путь. Они инстинктивно обернулись и заметили, что вода Конго уже залила шалаш, который они оставили пять минут тому назад.

В эту минуту Лаеннек вскрикнул с отчаянием:

— Наша пирога, наше единственное спасение!..

Лодка, о которой они забыли в своей поспешности и которую, впрочем, все равно не успели бы унести, неслась по волнам, как дерево, уносимое течением.

Храбрый Йомби, видя уныние, вдруг овладевшее теми, кто сохранил ему жизнь, бросил наземь свою ношу и, крикнув, чтобы продолжали бежать, кинулся в ревущие волны реки за лодкой... Ни приказания, ни просьбы не могли заставить его вернуться.

Пятеро беглецов поспешно достигли рубежа леса, который хотя отстоял только на полтора метра от реки, но находился на таком возвышении, что вода не могла достигнуть его.

Очутившись в безопасности, они жадно устремили глаза на Конго, в эту минуту походивший на разъяренное море, и заметили вдали человеческую фигуру, боровшуюся с волнами.

Это был Йомби с пирогой.

Часть пятая

БОЛОТО КОНГО И БАНКРОТЫ

ПОСТРОЙКА ПИРОГИ.— ПРОГУЛКА ПО ДЕВСТВЕННОМУ ЛЕСУ

Через два дня после рокового события, на закате солнца, Лаеннек и его товарищи сидели около огня, который были принуждены разводить каждый вечер, и держали совет, что предпринять в том скверном положении, в которое их поставила потеря лодки.

Река Конго вернулась в свое русло, и необходимо было на что-нибудь решиться.

— У нас есть только два способа выпутаться из затруднения,— продолжал Лаеннек,— или спуститься до негритянской деревни в Банкоре, несмотря на затруднения, или выстроить новую пирогу.

— А по-вашему, Лаеннек,— спросил Барте,— какой способ удобнее?

— Я остаюсь при том же мнении, что для европейцев, не привыкших к местному климату, путешествие по суше и болотам среди хищных зверей совершенно невозможно.

— Вы думаете, что нам надо построить лодку?

— Думаю, что и здесь есть затруднение, которое мы едва ли преодолеем.

— Какое?

— У нас нет никаких инструментов, кроме топора для обрезывания ветвей, а мы должны срубить и выдолбить дерево достаточно большое, чтобы вместить всех нас. Мы не можем это сделать быстрее пятнадцати или двадцати дней.

— Мы будем работать попеременно...

— Да. Но слабый инструмент может сломаться, и тогда мы будем принуждены вернуться к первому плану...

— Слушай! — перебил негр.— Кунье сумеет отомстить злым духам, укравшим нашу пирогу. Он построит плот, и Момту-Самбу сможет спуститься на нем по реке со своими друзьями.

Едва негр произнес эти слова, как послышался шелест в кустах: Уале, спокойно спавший у ног своего хозяина, поднялся, ворча, а путешественники схватили оружие... Но им не пришлось пустить его в дело, потому что громкий голос закричал среди зарослей:

— Друг! Друг!

В ту же минуту негр высокого роста показался в кругу света, отбрасываемого костром.

— Йомби! — воскликнул Кунье вне себя от радости.

— Йомби! — повторили путешественники, увидев фана, которого все считали умершим.

Негр в двух словах рассказал историю своего спасения.

Принужденный после нескольких часов борьбы бросить лодку и думать о собственной безопасности, он доплыл до ветвей громадного баниана, торчавших из воды и давших ему верное убежище до тех пор, пока река войдет в свое русло. Как только он мог пуститься в путь, он направился к месту стоянки, полагая, что оно еще не брошено белыми.

Узнав о затруднениях путешественников, негр объявил, что берется построить в неделю, с единственным имеющимся инструментом, большую и прочную пирогу, которая вполне заменит потерянную.

Это положило конец колебаниям. Было условлено, что завтра же на рассвете путники отправятся в лес выбрать подходящее дерево.

Радость надежды и молодость взяли свое, и восходящее солнце застало путешественников в лесу; оба негра и Лаеннек осматривали деревья, Буана собирала корни и плоды, а Гиллуа, по своему обыкновению, читал курс ботаники Барте, который со своей стороны каждую минуту находил способ применять познания своего друга к географии.

Друзья шли таким образом несколько часов, рассуждая о самых различных предметах, оставляя ботанику для геологии, касаясь вопросов естественной философии, как вдруг разговор их прервал страшный шум, похожий на топот лошади, скачущей галопом по густой чаще. Они оторопели, остановились; прежде чем они успели обменяться мыслями, метрах в восьми от них промчался, как ураган, черный буйвол, увлекая в своем беге гориллу, прицепившуюся к его бокам... Это объяло их ужасом; они поняли, что поступили неблагоразумно, зайдя слишком далеко, и побежали к берегу.

К счастью, возвышенность, на которой они оказались, позволяла им время от времени видеть сквозь лес реку, и они скоро отыскивали дорогу.

На опушке леса они заметили своих товарищей, которые рубили великолепное дерево, что должно было обеспечить им широкую и удобную пирогу.

— Вы видите, — радостно встретил их Лаеннек, — что в ваше отсутствие мы исполнили самую опасную часть нашего

труда, потому что этот слабый топор легко мог сломаться об узловатый ствол.

— Чем мы можем помочь вам, любезный проводник? — сказал Барте.

— Ба! Каждому — свое ремесло; неопытные руки сразу сломали бы этот слабый инструмент. Теперь, друзья, ручаюсь вам, что не пройдет и недели, как лодка будет сделана, и мы в состоянии будем продолжать путешествие.

— Каким образом вы справитесь с этим громадным деревом?

— Наружная форма не играет роли, а выдолбить его взялись Йомби и Кунье с помощью могучего помощника, о котором мы не подумали.

— Какого?

— Огня.

— Любезный Лаеннек, вы, право, приучили нас к чудесам.

— Тут нет никакого чуда, друзья. Йомби и Кунье просто употребляют способ, известный туземцам. Они сгладят одну сторону ствола, а потом день и ночь будут поддерживать костер, брать из него раскаленные уголья и покрывать ими пространство, которое надо выдолбить. Угасший уголь будет немедленно заменен раскаленным, и, искусно управляя операцией, чтобы не сжечь боков, мы получим через неделю прочную и удобную лодку. Самое главное — не отходить от нашей будущей пироги, пока работа не окончится, потому что необходимо поддерживать огонь всегда в середине и на пространстве вдвое меньшем того, которое надо выдолбить. Потом очень легко отнять топором боковые выгоревшие части. Йомби в этом опытен; мы можем положиться на него.

— В самом деле, мужество, которое он выказал, с опасностью для жизни спасая лодку, доказывает нам, что мы можем положиться на его преданность.

— Еще сегодня утром я сомневался, но теперь ручаюсь честью, если только роковая судьба не вздумает воздвигнуть нам препятствия, что не пройдет и пяти месяцев, как вы вернетесь в наше отечество... ваше отечество, — сказал со вздохом бывший дезертир.

— Зачем поправлять ваше выражение, любезный Лаеннек? — ответил взволнованный Гиллуа. — Мы вернемся туда вместе, и будьте уверены, что вам зачтут десять лет страданий в этой стране, где вы оказали большие услуги, способствуя уничтожению предрассудков негров, видящих во всех белых торговцев людьми.

— Это невозможно, господа, — сказал побледневший Ла-

еннек, склонив голову. — Я был осужден на смерть военным судом.

— Ваш проступок был не из таких, которые навсегда пятнают человека; теперь он заглажен. Разве вы ни во что не ставите услугу, которую оказываете в эту минуту? Поверьте, суд нашего отечества сумеет оценить это. Притом ведь тот, кого вы ударили в минуту помешательства, не умер.

— Я был осужден на смерть, — сказал Лаеннек с еще большей энергией, — и никогда не увижу Бретани!.. Притом я обещал Гобби вернуться, а «человек пустыни» не изменяет своему слову.

— Как только мы вернемся, мы выхлопочем вам помилование. Оставьте нам надежду, что ваше решение изменится.

— Надежду? Какое прекрасное слово вы произнесли, друзья! Если желаете, мы так назовем лодку, которая позволит нам оставить этот негостеприимный берег.

Молодые люди не настаивали более, но обещали себе, как только придут к берегам Банкоры, употребить все усилия, чтобы уговорить Лаеннека следовать за ними во Францию.

На закате солнца кедровый ствол, с которого сняли все ветви, был готов для долбления; Кунье и Йомби развели костер.

Чтобы не прекращались работы, путешественники переселились на опушку леса, и когда Буана позвала их ужинать, отесанная поверхность будущей пироги уже дымилась от раскаленных угольев.

ДВЕНАДЦАТЬ ДНЕЙ ПЛАВАНИЯ.— БЕРЕГА БАНКОРЫ

Разговор о страшной встрече Барте и Гиллуа на прогулке занял весь вечер, и Йомби, который провел часть своей жизни в габонских лесах, где водятся гориллы, несколько не сомневался в победе этого зверя над буйволом.

Во время своих продолжительных странствований по лесам Лаеннек имел случай померяться силой с этими животными, и не раз. Рассказы моряка долго отвлекали путешественников от сна.

Пирог не оставляли ни на минуту; через шесть дней окончили работу топором, а на восьмой день, как и предвидел Лаеннек, ее спустили на воду.

Поставленная на два круглых обрубка, лодка без труда скользила до берега, а когда один конец ее опустился в воду, грянуло приветственное «ура». Ее называли «Надежда».

Все относительно на этом свете, и скромный ствол дерева был в эту минуту драгоценнее для путешественников, чем самое лучшее судно французского флота.

Барте и Гиллуа употребляли время на охоту и изучение флоры Верхнего Конго, не теряя, однако, из виду своего лагеря, потому что знали, какой опасности они подвергались.

Каждый день делали они драгоценные открытия в растительном царстве и убивали какое-нибудь животное, редкое или не совсем известное. Когда уставали идти, садились в тени какой-нибудь гигантской смоковницы и начинали мечтать о своих родных и друзьях, которые, наверное, считали их безвозвратно погибшими.

Накануне отъезда, когда они делали последнюю экскурсию, они вспомнили о тех странных происшествиях, которые привели их в Центральную Африку, и в первый раз с тех пор, как Лаеннек избавил их от неволи, разговор зашел о двух товарищах, оставшихся на рабовладельческом корабле.

— Хотелось бы мне знать, что с ними сделалось? — заметил Гиллуа. — Продолжают ли они жить в мире с капитаном корабля?

— Не тревожьтесь о них, — ответил Барте, улыбаясь, — они из Тулона, родины хитрецов; этого для них достаточно! Они сумеют прожить, приобрести денежки, словом, устроить свои дела и на подводной скале, и на спине кита. Жилиас и Тука принадлежат к категории пройдох, и вы можете быть уверены, что они везде сумеют устроиться. Но если вас тревожит их судьба, я могу вас успокоить: они теперь, наверное, находятся во Франции, восхваляя свое мужество и стараясь получить что-нибудь за это.

— Вы думаете, что Ле-Ноэль возвратил им свободу?

— Гораздо вероятнее, что этот дьявол кончил свои подвиги на рее английской мачты и что наших двух товарищей освободил фрегат, блокировавший «Осу» при входе в Риодас-Мортес в тот вечер, когда Ле-Ноэль, чтобы отомстить за побег, выдал нас своему другу Гобби.

— Что-то говорит мне, что ваши предвидения не осуществились, любезный Барте! Помните ли, что когда мы оставили «Осу», она разводила пары и готовилась уйти ночью. Вы знаете, она быстроходна, и я думаю, что ее попытка увенчалась успехом.

— В таком случае они, должно быть, продолжали свою службу как лекарь и комиссар на «Осе», а Ле-Ноэль обещал высадить их, как только продаст свой груз живого мяса, на бразильском берегу; теперь они на пути во Францию на каком-нибудь атлантическом пакетботе и готовят тот

знаменитый доклад морскому министру, который заставлял хохотать капитана «Осы» до слез. Я о них не беспокоюсь, любезный друг, вы увидите, что будущее оправдает мои слова!

Когда молодые люди вернулись в лагерь, Лаеннек с гордостью показал им четырехвесельную «Надежду», готовую к отплытию; она качалась в нескольких метрах от берега, удерживаемая канатом из кокосовых волокон. Дно ее было завалено провизией: хлебными злаками, иньями и маниоком; захватили также все, что осталось от копченого мяса бегемота.

— Вы видите, что мы ничего не потеряли. Эта пирога гораздо больше той, которую унесло у нас наводнение, и так как мы можем грести все четверо, то поедем вдвое скорее.

— Вы сделали настоящий фокус, любезный проводник, — ответил Барте.

— Благодаря Кунье и Йомби. Их вы особенно должны благодарить... Теперь, друзья, сядем за нашу последнюю трапезу и проведем последнюю ночь на этом берегу, который чуть было не сделался местом нашей гибели.

На другой день на рассвете «Надежда» пустилась по течению Конго. Несмотря на великолепные места, путешественники нигде не думали задерживаться. Останавливались только на один час в день, чтобы изжарить мясо бегемота на углях и нарвать диких ананасов.

Беглецы совершили плавание, самое любопытное и самое странное, какое только можно сделать в мире; на протяжении более трехсот миль река была окаймлена непроницаемыми девственными лесами; корни деревьев доходили до воды, изгибаясь причудливыми спиралями, как тысячи змей; лианы, обвившие ветви, спускались вниз и висели над рекою, как снасти, увитые цветами. На этих корнях и на этих ветвях порхали, пели, чирикали мириады птиц с разнообразным оперением, а большие пеликаны, стоя на одной ноге на берегу, смотрели на наших путешественников с удивленным видом.

Время от времени, по вечерам, глухой рев заставлял их вздрагивать; это было гневное приветствие какого-нибудь леопарда или льва, утолявшего жажду, спокойствие которого нарушили неизвестные запахи. Тогда Уале приподнимался в лодке и ревел от бессильной ярости, с дрожащими ноздрями; он словно вызывал на бой скрытого врага, который осмеливался дразнить его.

Через двенадцать дней после отъезда беглецы благополучно достигли устья Банкоры, темно-зеленая вода которой

резко отличалась от воды Конго; последняя, благодаря большим дождям, еще несколько месяцев должна была сохранять желтоватый и грязный цвет. Двадцатью милями ниже большая река, уже не окаймленная высокими берегами, орошала равнины более чем на тридцать миль, смешиваясь с громадными болотами, испарения которых, по мнению Лаеннека, делали невозможной всякую попытку добраться сухим путем до берега океана. Ждать конца наводнения было еще неудобнее, потому что Конго, вернувшись в свое русло, оставлял на всей земле, которую покрывал своей водой, такие остатки растительного и животного царства, что даже негров, родившихся в этой стране, заражала гнилая лихорадка.

Следовательно, не было другого пути, кроме того, который Лаеннек и Кунье указывали с самого начала и который позволял добраться до реки Огове, поднимаясь к экватору целым рядом плоскогорий и гор, покрытых лесами.

«Надежда» вошла в Банкору, поднимаясь вверх. Берега реки были покрыты смоковницами.

Известно, что это дерево, родом из Центральной Африки, самое драгоценное из высокоствольных деревьев в тропических странах. Наши путешественники могли восхищаться им во всей его красоте в тех самых местах, где оно родилось. От громадного ствола идут почти всегда в горизонтальном направлении ветви, покрывающие большое пространство своими листьями, непроницаемыми для солнечных лучей. Под этой массой зелени легко может укрыться население целой деревни. Путешественники находят там приятную стоянку, где могут подышать свежим воздухом и утолить жажду плодами этого дерева.

Вечером путешественники заметили густой столб дыма над массой зелени; зрелище это наполнило их радостью от уверенности, что они проехали две трети своего пути.

— Мы подъезжаем к деревне Эмбоза, которую я посещал несколько лет тому назад, — сказал Лаеннек, — и если старый вождь Имбоко не умер, мы можем быть уверены в самом дружелюбном приеме.

Деревня Эмбоза находится почти на границе обитаемой территории; вверх по Банкоре идет пустыня и девственный лес, который служит убежищем нескольким племенам кумиров, или лесных наездников, всегда готовых ограбить караван и одинокого путешественника.

Это маленькое местечко с полсотней хижин принадлежит племени мосиконго, главное занятие которых состоит в собирании пальмового масла. Все живут вместе, и после каждой добычи прибыль делится начальником между всеми жи-

телями. Для того чтобы защищаться от разбойников, они содержат отряд в двадцать пять человек, хорошо вооруженных ружьями, привезенными из Малимбы; отряд этот охраняет деревню в то время, когда население занимается собиранием масла.

Лаеннек не ошибся. Имбоко, несмотря на преклонный возраст, был еще здоров и задолго до того, как пирога подошла к берегу, отправился с частью жителей узнать, кто приехал.

Пора дождей была неблагоприятна для собирания масла, и все население было в деревне.

Когда старый начальник увидел Лаеннека, он выразил большую радость. Узнав в нескольких словах о событиях, которые привели к нему его друга, он понял, что путешественники, изнуренные усталостью и лишениями, уже пять дней не имели другой пищи, кроме диких плодов, и главное — нуждались в отдыхе. Он избавил их от любопытства своих подданных и отвел в свое жилище, которое предоставил им на все время, пока гости пожелают остаться в его деревне. Как только Имбоко ушел за провизией, Гиллуа и Барте, изнемогая от волнения, бросились на шею Лаеннеку. Возвращение не казалось им теперь неосуществимой мечтой!

— Ах, — говорили они, — по вашей милости мы увидим Францию; каким образом можем мы когда-нибудь отблагодарить вас?!

Эти трогательные выражения признательности взволновали искателя приключений до глубины сердца; целый мир воспоминаний ожил вдруг в нем. Францию, Бретань, деревеньку, где он родился и которую не надеялся увидеть, свою мать, умершую вдали от него, — все это он увидел, как во сне. Склонив голову на свою широкую грудь, он упал на землю и начал рыдать...

Барте и Гиллуа с уважением отнеслись к этой глубокой горести. Уале, услышав, что хозяин его плачет, начал печально визжать.

Но Лаеннек быстро оправился; это была железная натура, и нравственные страдания не могли ее долго подавлять.

— Извините меня! — порывисто сказал он молодым людям. — Есть часы, когда я изнемогаю, как женщина!.. Наши лишения и наша борьба еще не кончились, и я буду счастлив, только когда увижу вас на корабле, который возвратит вас на родину... Тогда я в свою очередь попрошу исполнить одну мою просьбу.

— Не беспокойтесь, мы добьемся вашего помилования!

— Благодарю. Но не в этом дело. Там, в Плуаре, есть одинокая могила, к которой никто не приходит. Это — могила моей матери, умершей от горести, когда она услышала о моем осуждении; перед вашим отъездом я отдам вам пальмовую ветвь, которую сорвал на берегу... Тут... — Голос скитальца начал дрожать до такой степени, что он был принужден остановиться. Лаеннек сделал усилие и продолжал умоляющим тоном, но так тихо, что едва можно было расслышать: — И вы... не правда ли, вы это сделаете для меня... Вы положите эту ветвь на землю, где покоится бедная старушка, которой я не мог закрыть глаза...

Последние слова замерли в сдавленном рыдании... И прежде чем молодые люди успели ему ответить, Ив выбежал из хижины.

Спустя несколько минут он вернулся и был опять спокоен, как всегда. Имбоко с торжеством следовал за ним, а двенадцать человек несли козленка, шесть жареных цыплят, маниок, маис, хлебные плоды, бананы. Всем этим можно было накормить сто человек.

Добряк воображал, что никогда не будет в состоянии накормить своих гостей.

ПРАЗДНИК.— ОЗЕРО УФФА

Наши путешественники отдыхали уже несколько часов, как вдруг их разбудил страшный шум, и Имбоко вошел в хижину с музыкантами и певцами, которые пришли устроить серенаду приезжим. Несмотря на желание начальника дать отдохнуть гостям, он не смел нарушить обычный этикет, потому что в глазах его подданных это не согласовывалось бы с законами гостеприимства.

Лаеннек и его товарищи должны были волей-неволей присутствовать при странном концерте, которым их угостили.

Мосиконго, как и все другие племена в Африке, имеют своеобразный музыкальный вкус. Колотить в тамтам, свистеть в дудки, словом, делать как можно больше шуму — это для них высшая степень искусства.

Теперь Имбоко превзошел самого себя: он созвал всех своих артистов, и больше двух часов на берегах Банкоры раздавалась африканская музыка.

Как почти всегда бывает у первобытных народов, начальник запевал куплет, который потом повторялся всеми певцами. Музыканты играли, как кому вздумается, и можно себе представить, как это должно быть приятно для европейских ушей.

Разумеется, пение восхваляло, по обычаю древних, добродетели белых. Таким образом, благородные чужестранцы, удостоившие своим присутствием в эту минуту деревню Эмбоза, были сначала представлены как воины, знаменитые в своей стране, обладающие громадным количеством ружей и пороха и поразившие великое множество врагов. Через несколько минут шум сделался так велик, а нервы двух товарищей Лаеннека до того раздражены, что он пытался прекратить музыку, но напрасно. Негры начали воспевать достоинства искателей пальмового масла и их добродетель. А кончили, расхвалив их ловкость отыскивать яйца черепахи, убивать кайманов и заклинять духов. Они остановились только тогда, когда не могли уже ни кричать, ни колотить в инструменты, и старшины деревни объявили, что никогда не видали такого прекрасного приема.

Инструменты, употребляемые в этом странном концерте, заслуживают особого описания. Их было пять. Первый, без которого не может происходить никакое празднество, походит по своей форме на лютню, но изготовлен из очень тонкой кожи, струны сделаны из волос хвоста слона и из пальмовых волокон, натянутых от одного конца инструмента до другого и прикрепленных к нескольким кольцам; в различных местах от этих колец свисают маленькие железные и медные пластинки, издающие различные звуки. Когда дотрагиваются до струн, кольца шевелятся, приводят в движение пластинки, и из всех этих звуков выходит самая странная какофония, которая восхищает всех негров.

Второй инструмент употребляется для семейных церемоний, как, например, брак, рождение, похороны, и состоит из тонкой деревянной доски, которую натягивают, как лук, к ней привешивают пятнадцать длинных и сухих тыквенных бутылок различной величины, каждая из которых имеет сверху и внизу отверстие. Нижнее отверстие наполовину закупорено, а верхнее прикрыто деревянной пластинкой. Играющие привязывают к обоим концам инструмента небольшую веревку, которую надевают себе на шею, и с помощью двух палочек, концы которых покрыты материей, колотят по доске; звук сообщается тыквенным бутылкам и производит гармонию, столь же приятную, как и предыдущая. Потом идет инструмент, составляющий привилегию воинов. Он состоит из куска дерева длиной в один метр и покрыт доской в виде лестницы, то есть маленькими дощечками, расположенными в промежутках; на нем играют палкой. Этот инструмент имеет дар возбуждать мужество солдат, и было бы невозможно вести их на неприятеля без этого инструмента.

Часто преобразователи — они бывают везде — пытались в государствах Верхнего Конго уничтожить этот инструмент предков, но армия восставала с единодушным криком: «Отдайте нам инструмент наших предков!» Вопрос этот, несколько раз едва не породивший восстания и даже перемену династий, был предан забвению, и инструмент продолжал составлять радость военного сословия Конго.

Духовенство также имеет свой музыкальный инструмент; он состоит из большой тыквенной бутылки с широким дном и очень узким горлышком; ее наполняют кусочками железа и меди, и каждое утро ганги, или священники, встряхивают ее в продолжение получаса перед великим богом Марамбой, который будто бы находит в этом чрезвычайное удовольствие.

Наконец, инструмент королей и начальников состоит из двух тростников, входящих один в другой, с носиком вроде кларнета.

На праздниках, смотря по важности пиршества, берут два, три, даже четыре музыкальных инструмента, но только большие церемонии и королевские празднества имеют право на пять инструментов.

С нашими путешественниками поступили, как с Имбоко или самим великим Марамбой. Этикет после этого требовал угощения ромом. Все негры уверены, что белые всегда носят с собою крепкие напитки. Лаеннек заменил ром речью, в которой расхваливал мужество и добродетели эмбозских жителей, клялся великим Марамбой, что, вернувшись сюда, привезет бочонок драгоценного напитка. Громкие крики «ура» встретили это обещание. Старый король объявил вечер оконченным и пинками выгнал своих подданных. Прежде чем расстаться с друзьями, он повесил у входа леопардовую шкуру, касавшуюся ног статуи знаменитого Марамбы и имевшую дар привлекать расположение добрых гениев и удалять злых. Путешественники могли наконец насладиться покоем.

Все негры этой страны очень суеверны и очень привязаны к религии своих фетишей, или мокиссо. Эти божества напоминают древнюю мифологию Востока; одни властвуют над ветрами и громом, другие — над лесами, реками, прудами, скотом, здоровьем, счастьем, сохранением слуха, зрения, рук и ног; божества извещают об опасности при помощи признаков, которые ганги должны объяснить; они дают победу, поражают врагов и воскрешают мертвых. Каждый обладает властью, лишь ему принадлежащей и сосредоточенной в известных границах.

Мокиссо имеет статуи; одни представляют человеческие лица, другие — только палки, украшенные грубой резьбой.

Негры приписывают этим мокиссо такие же страсти, как и людям, и находят, что следует им всем оказывать одинаковое поклонение, чтобы не прогневить ни одного.

Начальник добрых духов и самый могущественный из всех — Марамба; начальник злых духов — Мевуа, но так как эти два могущественных бога постоянно враждуют между собой (Мевуа хочет уничтожить землю и луну, а Марамба их защищает), то выходит, что они не имеют времени слушать своих поклонников, а потому низшие мокиссо пользуются этим, чтобы привлекать к себе все молитвы; но справедливость требует сказать, что они принимают их только как посредники и передают своим начальникам молитвы смертных.

Священникам, или гангам, поручено делать и поддерживать статуи мокиссо. Для привлечения толпы, а с нею многочисленных приношений, ганги совершают суеверные обряды, сопровождаемые конвульсиями и гримасами.

Каждая местность имеет своего мокиссо, но некоторые пользуются большею славою, чем другие. Ганги наперебой стараются выставить своего бога, наперебой привлекают легковерных самыми искусными штуками.

В Эмбозе был знаменитый мокиссо, который привлекал каждый год после периода дождей тысячи людей более чем за сто миль; приходили из Нижнего Конго, даже из Малимбы.

Этот мокиссо, по народному верованию, основал свое жилище в дупле старого дерева, корни которого входили в воду Банкоры; два раза в год этот мокиссо удаивал изрекать предсказания и излечивать всех больных, приходивших к нему. Из дупла слышались странные слова, кончавшиеся всегда требованиями маниока, пальмового масла и слоновой кости. Приношения накоплялись около жилища бога, и добрые ганги набирали столько товара, что посылали караваны, приносившие им большие выгоды.

Вода в реке, протекавшая мимо этого дерева, считалась священной: она имела дар излечивать все болезни, и ганги рассылали ее повсюду в горлянках; когда наступала пора пилигримств, они не успевали сами раздавать воду и брали в помощь жителей деревни. Поэтому жрецы банкорского мокиссо были богаты и возбуждали зависть своих собратьев.

Бесполезно добавлять, что из дупла говорил ганга-чрево-вещатель и что, когда мокиссо удаивал являться пред

своими поклонниками, это опять ганга переодевался более или менее странным образом. Но он показывался только немногим, между которыми всегда находились два или три сообщника.

Негры Центральной Африки никогда не путешествуют без мешка с талисманами, который иногда весит десять—двенадцать фунтов. Это смесь самых странных предметов: кусочков дерева, камешков, зубов кайманов, старого железа; все годится для этого, только бы ганга освятил их. Хотя эта тяжесть иногда истощает их силы, они не хотят сознаться, что чувствуют малейшую усталость; напротив, они уверяют, что эта драгоценная ноша делает легче ту, которую они несут.

Освящение этих предметов начинается всегда тем, что кладут мешок со священными вещами на землю; потом ганга садится на циновку, бьет себе колени ремнем из кожи бегемота, бренчит железными погремушками, которые всегда носит между пальцами, потом бьет себя в грудь, красит себе веки, лицо и другие части тела синей и красной красками со странными движениями и гримасами, то возвышая, то понижая голос и повторяя таинственные слова, на которые присутствующие отвечают восклицаниями.

После этого обряда, который длится довольно долго, ганга приходит в исступление; надо держать ему руки, чтобы охладить его пыл; но, когда его опрыснут водой, настоящей на некоторых растениях, этот экстаз мало-помалу прекращается; ганга уверяет, что мокиссо явился ему и удостоил освятить вещи. Все это оканчивается обильными приношениями.

На другой день по прибытии Лаеннек и его товарищи были свидетелями этих странных обрядов. Король хотел вести их на охоту за кайманами и сначала велел освятить амулеты, предназначенные защищать его отряд от зверя. Волей-неволей Гиллуа, Барте и Лаеннек принуждены были положить в карман по камешку, а к поясу привесить буйволовый рог.

Они согласились на это, чтобы не прогневить своего старого друга, который уверял, что без этого он не ручается за их безопасность.

По окончании церемонии они отправились с Имбоко и двенадцатью воинами, хорошо вооруженными, к маленькому озеру Уффа, проплыли по реке в пироге и вошли в лес. Уже несколько месяцев жители Эмбозы не были там, и вследствие дождей лианы и кустарники до того заглушили маленькую тропинку, прежде проложенную, что они не могли идти,

и, повернув налево, добрались до прогалины, которая могла скорее довести их до цели.

Вдруг Уале прыгнул, вытянул шею, наострил уши и, по-видимому, прислушивался к отдаленному шуму, которого охотники еще слышать не могли.

— Будьте внимательны, — сказал Лаеннек, — Уале чует хищного зверя.

Чтобы собака не бросилась вперед, Лаеннек крепко держал ее на шнуре.

Скоро послышался шум раздвигаемых ветвей.

— Понго! Понго! — закричали туземцы, дрожа от страха.

— Что это? — спросили Гиллуа и Барте с беспокойством.

— Горилла, — коротко ответил Лаеннек. — Приготовьте ваше оружие, я выпущу Уале.

Собака бросилась в кусты.

Вдруг страшный отрывистый рев, похожий на рев льва и человеческий крик, послышался за спиной охотников; животное обошло своих врагов.

Мосиконго не ошиблись, это была горилла.

Испуганные негры ничком бросились наземь. Лишь старый начальник и три европейца остались на ногах. В то мгновение, когда горилла бросилась на маленький отряд, Уале, следовавший за нею, прыгнул на нее и схватил за горло. Оба врага повалились на землю, и между ними началась страшная борьба, сопровождаемая свирепым воем.

Стрелять было нельзя из опасения попасть в собаку; Лаеннек ни за что на свете не позволил бы убить доброго Уале. Собака вонзила свои могучие зубы в шею гориллы, а та старалась задушить ее, прижимая к своей груди. Бедный Уале уже с трудом переводил дух, и борьба, может быть, кончилась бы не в его пользу, если б Лаеннек не бросился вперед и не вонзил свой охотничий нож в грудь гориллы.

Лапы животного, пораженного насмерть, тотчас опустились, тихая жалоба сменилась болезненным криком, и, испуская последний вздох, страшное четвероногое бросило на своих врагов взгляд, выражавший почти человеческое страдание. Путешественники, растроганные, отвернулись, и даже Уале, получивший легкие раны, оставил в покое своего врага.

Мосиконго, напротив, выказавшие такую «храбрость» в час опасности, немедленно подбежали, разорвали гориллу на куски и вымазали себе тело ее кровью; народное верование приписывает ей силу делать неуязвимым тело человека.

Это приключение расстроило все планы, и хотя через несколько минут маленький отряд пришел к озеру, Лаеннек

и его спутники видели по тревожным взглядам, которыми люди Имбоко осматривали кусты, что они боялись нового врага, может быть, самки убитого. Поэтому, когда Лаеннек, не доверявший мужеству негров, предложил им воротиться в Эмбозу, они тотчас бросились по направлению к Банкоре.

Имбоко, хотя и чувствовал перед гориллой такой же суеверный страх, как и его люди, не хотел оставлять гостей; но можно было видеть, что он далеко не был спокоен и время от времени, чтобы внушить себе мужество, дотрагивался до амулетов, висевших на его поясе, и бормотал какое-то заклинание, которому его научили ганги. Нечего было сомневаться, что его воины и он мужественно дрались бы с разбойниками или с каким бы то ни было хищным зверем, слонем или носорогом, но горилла внушала им таинственный страх, имеющий начало в их религиозных идеях; ганги убедили Имбоко, что в теле этого животного обитают злые духи, которые мучают тех, кто попадает в их власть.

Приготовили приманки для кайманов, но негры забыли оставить их, когда убежали; следовательно, ничего нельзя было предпринять, и после прогулки около озера Имбоко и его гости вернулись к Банкоре. Не успели они еще выйти из леса, как увидели Кунье и Йомби, которых оставили в Эмбозе приготовиться к отъезду. Эти brave люди, увидев, что негры бегут врассыпную, взяли ружья и поспешили на помощь своим господам.

Найдя их здоровыми и невредимыми, они выказали свою радость разными способами, и это доказательство привязанности и мужества еще больше увеличило доверие к ним Лаеннека и обоих молодых людей.

Возвращение в Эмбозу было обставлено торжественно. Все жители деревни, мужчины, женщины и дети, приветствовали чужестранцев и своего короля громкими восклицаниями, и старый Имбоко за то, что имел мужество остаться с белыми, вырос на сто локтей в глазах его подданных.

Ганги пришли поздравить их и не преминули лицемерно приписать амулетам всю заслугу их спасения.

Лаеннек не мог удержаться, чтобы не показать с улыбкой начальнику гангов свою собаку Уале и большой охотничий нож.

— Вот лучшие мокиссо, — сказал он.

Плут, которого никогда нельзя было застигнуть врасплох, ответил хитрым и сладеньким тоном:

— Все зависит от великого Марамбы, это он дал доброму белому храбрую собаку и большой нож.

Барте и Гиллуа, которым этот ответ был переведен, смеясь, обменялись взглядом, который означал: «Недурно для негра Конго...»

Среди всеобщей радости чуть было не принялись за вчерашнюю трескотню; музыканты непременно хотели воспользоваться этим обстоятельством, чтобы дать новый образец своего таланта, и народу, который был рад позабавиться, очень понравилась эта идея.

Но путешественники решили, что отправятся в путь завтра утром, и Лаеннек употребил свое влияние на короля, чтобы ему и его друзьям дали время заняться своими делами. Им повиновались с сожалением; но ганги, никогда не пропускавшие удобного случая, немедленно устроили религиозную церемонию, чтобы поблагодарить фетишей за чудесное спасение короля и его именитых гостей; негры, с музыкантами во главе, устремились к статуе Марамбы; ему даровали подарков, к великой радости служителей культа, набравших в этот день почти столько же, как во время богомолья. Ганга-чревовещатель время от времени прерывал музыку, заставляя говорить идола, который давал предсказания всем, кто выделялся из толпы ценностью своих подарков.

Таким образом, в дикой Центральной Африке, как и в культурной Европе, спекулируют на человеческой глупости, живут трудом других и благоденствуют в ленивой и святой праздности...

В это время Кунье, Йомби и Буана заготавливали провизию и относили ее в пирогу, потому что еще пятьдесят миль предстояло проплыть по Банкоре, прежде чем отправиться сухим путем и навсегда бросить «Надежду», которая спасла им жизнь.

На другой день, после церемониального завтрака, на котором присутствовала вся деревня, под тенью гигантской смоковницы, путешественники простились со своими хозяевами, чтобы предпринять последнее путешествие, хотя и не столь продолжительное, как первое, тем не менее представлявшее много опасностей.

Имбоко отправил шесть своих воинов проводить путешественников по лесу, наполненному разбойниками и кумирами, с приказанием вернуться лишь тогда, когда белые им сами скажут, что они более не нужны. Лаеннек принял это подкрепление с тем большим удовольствием, что Йомби передал ему (он узнал от жителей деревни), будто в лесах в пятидесяти милях от Эмбозы видели негров странной наружности, в которых верный слуга по описанию узнал своих одноплеменников.

Лаеннек, задумавшись, спрашивал себя, не прислали ли сюда фаны лазутчиков, которых они встретили на Верхнем Конго через два дня после своего отъезда из владений Гобби. Он решил, однако, ничего не говорить своим спутникам, чтобы не нарушить их спокойствия, намереваясь предупредить их только в виду неизбежной опасности.

Когда все было готово, Лаеннек и его два спутника с искренним чувством пожали руку старому королю и заняли на «Надежде» обычные места. Шесть мосиконгских воинов, вооруженных с ног до головы, сели в свою очередь в лодку и отчалили.

— Прощай, Имбоко! — закричал ему в последний раз Лаеннек. — Твои люди приведут тебе нашу пирогу, вот все, что мы можем предложить тебе на память; когда вернусь, я привезу тебе подарок, более достойный тебя.

— Привези мне костюм белого короля, — сказал Имбоко, дрожа от радости при мысли, что, может быть, осуществит мечту всей своей жизни.

Все царьки Центральной Африки не имеют более горячего желания, как показаться своим изумленным подданным в костюме швейцара или английского адмирала.

Пирога быстро удалялась. Лаеннек сложил руки рупором и крикнул:

— Клянусь тебе головами твоих гангов, что у тебя будет самый красивый костюм во всем Конго!

Он сел, смеясь. Но он мог видеть издали, что его поняли, потому что старый король, несмотря на королевское величие, принялся плясать по берегу довольно энергично для своих лет.

Часть шестая

РАЗБОЙНИКИ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АФРИКИ

ПУТЬ К МУКАНГАМУ И ЭКВАТОРУ.— ИСЧЕЗНОВЕНИЕ БУАНЫ

На другой день наши путешественники прибыли благополучно в Гамбу. Перед ними необозримо расстилался лес, и они должны были приготовиться покинуть «Надежду». Снова им нужно проходить по неизведанным, обширным областям, руководствуясь только довольно смутными воспоминаниями Кунье, который в детстве бывал в этих ме-

стах со своим отцом, вожаком невольников, и инстинктом Йомби.

Шесть воинов Имбоко знали эти таинственные пустыни только по рассказам своего племени, потому что даже в периоды собирания масла они оставались охранять родную деревню, вместо того чтобы идти в лес. Сказки, которыми набивали их головы в темные вечера поры дождей, принуждавшей всех к бездействию, изображали леса, наполненные лютыми гориллами, слонами, пантерами, леопардами и разбойниками. Рассказам эмбозских жителей придавало вес то обстоятельство, что каждый год по возвращении из леса Имбоко недосчитывался одного или двоих своих подданных.

Прежде чем идти дальше, Лаеннек, желавший знать, может ли он положиться на преданность людей, которым старый банкорский король поручил защищать его, предложил им вернуться обратно.

— Вы теперь находитесь в двух днях пути от Эмбозы, — сказал он им, — советую вам не идти дальше. Передайте мою признательность вашему королю и отвезите ему лодку, которую мы обещали оставить на память.

— Мы останемся с тобой, — ответил Нияди, начальник банкорских воинов. — Имбоко велел нам проводить вас до большой реки озер (так они называли Огове), и мы исполним приказание Имбоко.

— Вы не боитесь кумиров?

— Эмбозские жители храбры; они убьют кумиров.

— А горилл? — прибавил Лаеннек, который не мог удержаться от улыбки при воспоминании о приключении у озера Уффа.

Услышав имя страшного животного, Нияди немножко смутился, но ответил довольно самоуверенно:

— Мы не можем бороться со злыми духами, но ганги дали нам этот мокиссо, и нам нечего их бояться.

Произнося эти слова, мафук (военный начальник) показал Лаеннеку ожерелье из старых зубов каймана и две куклы из перьев, имевшие, по его словам, силу обращать в бегство страшного понго.

Каждый из воинов был снабжен большим количеством амулетов особого назначения: один предохранял от укусов змей, другой — от лихорадки и так далее.

Лаеннек больше не настаивал: его единственной целью было узнать, как будут держаться банкорцы перед опасностью, и теперь он был убежден, что может на них положиться.

Итак, маленький караван состоял из трех европейцев,

их двух слуг и воинов Имбоко, — всего из одиннадцати человек; с таким союзником, как Уале, они могли надеяться благополучно окончить свое опасное путешествие.

Спрятав лодку под тростником, чтобы по возвращении Нияди и его воины могли легко ее отыскать, решили переночевать на берегу Банкоры, чтобы войти в лес на восходе солнца.

По обыкновению развели большой костер.

Вечер был исполнен прелести. Малейшие шумы повторялись могучим эхом на высоких берегах реки; со всех сторон раздавались удесятёренные крики попугаев и хищных птиц, любопытство которых привлекал свет костра; крики обезьян, осыпавших путешественников дождем плодов и листьев, неясное журчание Банкоры, плеск рыбы, выплывшей на поверхность, жужжание тысячи насекомых... К этому пронзительному треску, ко всей этой грозе звуков присоединялся рев зверей, шум тяжелых бегемотов, погружавшихся в воду, и стоны кайманов, прятавшихся в высокой прибрежной траве. Ночные птицы прилетали к огню и тотчас же улетали со злобным криком.

В два часа утра Уале начал глухо ворчать, выказывая признаки гнева. Лаеннек, проснувшись, заметил одного из людей Нияди, ползком пробирающегося в лес.

— Что нового? — спросил он у Нияди, который ни на минуту не переставал караулить.

— Йомби и один из моих людей пошли разузнать.

— Ты опасаясь чего-нибудь?

— Один из караульных пошел напиться у ручейка, несколько ниже впадающего в Банкору, и вернулся сказать, что видел кумиров.

— Ты не думаешь, что от страха он принял какой-нибудь ствол дерева за разбойника?

— Иненга убил больше кумиров, чем в этом мокиссо каймановых зубов. Иненга начальствует, когда Нияди в отлучке; ты можешь спокойно спать — нечего опасаться, когда Иненга на ногах.

Через час оба вернулись, они не видели ничего, что могло бы оправдать подозрение; однако Иненга принес сломанную стрелу, которая, по-видимому, очень недолго пролежала в траве, и этот признак, достаточный для того, чтобы обнаружить присутствие человеческих существ, побудил путешественников действовать чрезвычайно осторожно.

На рассвете, захватив провизию, оставшуюся в лодке, они мужественно вошли в лес. Кунье утверждал, что надо держаться солнца с правой стороны в продолжение четырнад-

цати дней; по крайней мере так поступал караван, в котором он некогда участвовал. Через три-четыре дня они должны были прибыть в страну, населенную земледельческим племенем, которое Кунье называл ассары, или ассиры, и среди которых он провел три месяца, излечиваясь от раны в ноге.

По описанию страны и ее жителей, Йомби догадался, что проходил уже там вместе со своими во время похода, который привел их в Конго, и что оттуда понадобится не более пяти-шести дней, чтобы добраться до Огове. С большой радостью Гиллуа и Барте узнали новые подробности и стали ожидать конца своего продолжительного и опасного путешествия.

Пять первых дней прошли для путешественников довольно спокойно. Путники должны были только держаться постоянно правой стороны солнца и хорошенько караулить по ночам, чтобы не быть застигнутыми разбойниками; каждый вечер они выбирали прогалину для ночлега и закутывались в свои одеяла, недалеко от костра, который поддерживался стоявшим на карауле.

Но ничто не могло выбить из головы Нияди уверенности, что издали за ними следуют кумиры, и наместник Имбоко приписывал то, что разбойники оставляют их в покое, сначала мокиссо, которыми он снабдил себя, потом присутствию белых, которые всегда внушают суеверный страх жителям Африки.

Уале, по-видимому, разделял его мнение, потому что часть ночи ворочался и ворчал, и даже хозяин не всегда мог заставить его молчать. Но поведение Уале объяснялось соседством крупных зверей, едкие испарения которых собака воспринимала нюхом, несмотря на дальность расстояния.

Как бы то ни было, Нияди зорко караулил по ночам, отдыхая лишь часа два на закате солнца, а днем определял направление пути, выбор которого Лаеннек вполне предоставил ему.

Таким образом Нияди спас тех, которые были ему поручены, от верной смерти.

На шестой день утром они шли уже несколько часов, когда увидели огромное болото, казавшееся озером зелени среди леса. Если в лесу дорога караванов обозначалась время от времени деревьями, срубленными на восемь или десять футов от земли, то на берегу болота все следы исчезли. Путешественники решили обогнуть болото с левой стороны. Едва сделали они несколько шагов, как Нияди, шедший впереди, попятился и закричал громким голосом:

— Остановитесь, мы попадем в засаду!

Все немедленно повиновались.

— Посмотрите! — продолжал Нияди. — Я вижу там, где тропинка суживается между лесом и речкой, трава не совсем густа и не совсем зелена! Эта трава, уже начинающая высыхать, брошена тут не далее как час тому назад и прикрывает слоновью ловушку, вырытую кумирами, чтобы заставить нас попасть туда!

— Почему ты предполагаешь, — перебил Лаеннек, — что эта ловушка приготовлена для нас? Мы не караван купцов, у нас нет ничего, чем прельстить лесных разбойников!

— У вас хорошее оружие, — ответил Нияди, — и если кумиры видели это, то они употребят все на свете, чтобы захватить его! А ловушка, если только она не вырыта разбойниками, обозначает присутствие охотников за слонами, и тогда мы недалеко от их стана!

Произнося эти слова, Нияди, чтобы доказать свою проныцательность, схватил обеими руками ствол сухого дерева и бросил вперед; ствол, падая, увлек за собой бамбук, листья и траву, прикрывавшие ловушку, — и путешественники увидели перед собой большую яму.

Это была ловушка для слонов.

— Я думаю, что твое последнее предположение справедливо, — сказал Лаеннек, — в этих местах есть охотники за слонами. Кумиры не так глупы, чтобы расставлять нам подобные ловушки; они знают очень хорошо, что одиннадцать человек не могут идти рядом по этой тропинке и что если бы один из нас упал в яму, то другие немедленно вытащили бы его.

В эту минуту, как бы подтверждая его мнение, послышался глухой и болезненный, как жалоба, крик.

— Во вторую ловушку попался слон, — сказал Йомби, которому была известна охота за этими животными.

Прежде чем путешественники могли опомниться, человек сто негров, совершенно голых и вооруженных копьями и стрелами, вышли из чащи и побежали навстречу, крича и размахивая руками. Путешественники прицелились, но, вовремя приметив, что жесты негров выражают скорее удивление, чем угрозу, стрелять не стали.

Нияди немедленно узнал в неграх жителей Уади, охотников за слонами и бегемотами, и закричал, чтобы они приблизились без опасения.

Они прибежали с пением и плясками; они думали, что имеют дело с купцами, а так как около двух лет тут не проходил никто, то у них накопилось громадное количество слоновой кости, которую они не знали куда девать. Увидев

белых, они остановились в изумлении; некоторые даже выказывали признаки глубокого страха. Они никогда не видели людей другой расы; пустынная и удаленная от берега страна посещалась только купцами-неграми.

— Не бойтесь! — сказал им Иненга. — Эти честные белые хотят посетить вашу страну.

Успокоенные такими словами, добрые туземцы бросились в объятия белых и стали умолять их навестить здешнего короля.

Предложение было принято. Проходя мимо второй ямы, откуда раздался стон, Лаеннек и его спутники увидели великолепного черного слона, испускавшего последний вздох. Он был весь унизан стрелами, и, чтобы ускорить его кончину, жители Уади, проходя мимо, пустили в него еще тучу стрел.

Деревня, в которой жило племя Уади, называлась Иноа. Прибытие белых вызвало там большое волнение, и король, такой же голый и такой же убогий, как его подданные, удостоил выйти навстречу чужестранцам.

Велико было его разочарование, когда он узнал, что имеет дело не с купцами и что ему придется ждать другого случая, чтобы возобновить свои запасы рома, пороха и мелкого стеклянного товара, но, несмотря на это, он принял их хорошо и дал на другой день утром столько иньяму и маниоковой муки, сколько они могли взять с собой.

Эта остановка доставила путешественникам драгоценные сведения. Они действительно убедились — это делало немалую честь проницательности Нияди, — что эти места были переполнены кумирами; не проходило и дня, чтобы жители Иноа не имели дела с ними. Кроме того, путешественники узнали, что прежде чем прибыть в страну Ассира, они должны встретить еще большую деревню фанов, которые поселились на обширной равнине, чтобы мирно заниматься земледелием.

Вечером экспедиция с обычными предосторожностями остановилась на берегу ручья. Местность показалась путникам столь очаровательной, что они прекратили путь за два часа до заката солнца.

Лаеннек воспользовался этим, чтобы пойти с Кунье убить несколько птиц для ужина, между тем как Йомби с двумя солдатами Нияди набирал дров для костра; Буана принялась ловить раков, замеченных ею в речке. За этим занятием молодая негритянка так увлеклась, что забыла держаться поближе к тем, кто мог ее защитить.

Наполнив корзину раками, она отправилась в обратный путь.

Солнце быстро склонялось к горизонту, лес принимал странные оттенки и очертания; не слыша более голосов своих товарищей, Буана бросилась бежать, чтобы скорее вернуться к ним. Вдруг четыре негра, странно татуированные, выскочили из чащи и, пригрозив убить негритянку, если она вскрикнет, потащили ее в чащу леса.

Исчезновение Буаны заметили, только когда вернулись Лаеннек и Кунье.

Сначала думали, что она находится в нескольких шагах, черпает воду или собирает дикие плоды; ее принялись звать и звали с четверть часа — ответа не было. Путники догадались наконец об ужасной истине.

— Ее похитили кумиры, — сказал Нияди, — а кумиры едят человеческое мясо...

При этих страшных словах Лаеннек не мог удержаться от рыданий: железный человек едва не лишился разума, узнав, какая участь угрожает той, которая спасла ему жизнь.

— Надо решиться на все, чтобы вырвать ее у похитителей! — вскричали Барте и Гиллуа.

— Благодарю, ребята! — ответил Лаеннек, быстро оправившись. — Я именно этого и ожидал от вас... Вы помогли бы всякому в подобных обстоятельствах, но Буану я спасу или умру сам, потому что обязан заплатить ей долг признательности.

— Надо действовать быстро, — перебил Нияди, — завтра будет поздно. Как только солнце закатится, кумиры напьются пальмового сока и Буану съедят в нынешнюю же ночь.

— Располагайте нами! — воскликнули молодые люди. Кунье и Йомби плакали, сжимая с бешенством кулаки. Уале ворчал.

— Возьми и собаку, — сказал Лаеннек негру, — она скоро понадобится нам.

ТРЕВОЖНАЯ НОЧЬ.— МЕСТЬ УАЛЕ

— Друзья, — сказал Лаеннек молодым людям, — я принужден потребовать от вас полного повиновения.

— Даем вам слово.

— Мы отправимся сейчас, и вы с нами не пойдете.

— Вы думаете, что у нас не хватит мужества бороться с лесными врагами? — ответили Барте и его товарищ, почти обидевшись.

— Прошу вас, выслушайте меня и повинуйтесь; мы не

можем терять ни одной минуты. Хорошо знаю ваше мужество, но не имею возможности принять вашу помощь, так как вы стесните нас ночью в девственном лесу. Я даю вам поручение, может быть, еще опаснее.

— Какое?

— Оставаться здесь без огня, чтобы не привлечь разбойников. Не имея другой защиты против хищных зверей, кроме собственной энергии, вы будете охранять провизию во время нашего отсутствия.

— Хорошо, мы останемся.

— Я дам вам совет. Не удаляйтесь от этого баобаба, ветви которого касаются земли, и при малейшем шуме укройтесь в дупле дерева.

— Спасибо. Мы как-нибудь справимся с обязанностью караульных, — ответили они с оттенком иронии.

— Господа, вы огорчаете меня: вы молоды, пылки, вам кажется унижительным оставаться в бездействии... Но все же, рискуя оскорбить вас, я должен вам сказать, что вы не можете идти с нами, потому что ваша неопытность в лесной жизни навлечет на нас неминуемую смерть, а Буану мы не спасем...

Рыдание заглушило последние слова в горле Лаеннека.

— Извините нас, — сказали молодые люди, опомнившись. — Уходите, мы последуем предписаниям и исполним нашу обязанность.

Лаеннек дал понюхать Уале одну из вещей Буаны и спустил его. Умный пес бросился к ручью и, принюхиваясь к следам молодой негритянки, медленно побежал по берегу, время от времени оборачиваясь посмотреть, идут ли за ним люди. За Уале шли Лаеннек, Кунье и Йомби, Нияди и его шесть воинов замыкали шествие.

Через четверть часа маленький отряд дошел до того места, где напали на Буану. Собака тотчас повернула от берега направо, в кустарник, куда ее хозяин пошел за нею со всем своим отрядом...

Оставшись одни, Барте и Гиллуа собрали весь багаж каравана к подножию баобаба, зарядили карабины и сели бок о бок на огромном корне, который совершенно горизонтально выгибался над землей.

Была грозная тропическая ночь, наполненная особым благоуханием цветов. Точно все живые существа — в траве, под листвой, в воде, — прежде чем отдохнуть от дневного зноя, соединились в исступленном хоре, чтобы чествовать ночную прохладу, и если бы время от времени крик леопарда или черной пантеры не напоминал молодым людям об

опасном положении, они предались бы странным грезам, которые внушала эта природа.

Часы проходили медленно и тревожно; напрасно прислушивались юноши, не пронесется ли какой-нибудь звук, который мог бы известить их о судьбе товарищей; ничто не нарушало жизни девственного леса. Одна за другой смолкли певчие птицы, стихло жужжание насекомых, каждый куст принял таинственные очертания; вершины деревьев были еще освещены, но стволы и нижние ветви, фантастически искривляясь, погрузились во мглу.

Молодые люди были храбры и готовы ко всем неожиданностям, но среди этого тропического одиночества они не могли освободиться от смутного страха, овладевающего самым мужественным человеком, если он окружен лесом, Африкой и невидимыми врагами.

Вдруг близкий рев заставил их вздрогнуть.

— Точно крик леопарда! — тихо сказал Барте.

Только он произнес эти слова, как страшное животное снова огласило лес своим ревом.

— Он, кажется, приближается к нам, — сказал Гиллуа.

— Может быть, он идет пить к ручью!.. Послушайте... он теперь от нас не далее, чем в ста метрах!

— Он как будто колеблется...

— Он, должно быть, почуял нас и инстинктивно замедлил путь, чтобы отдать себе отчет, какого врага встретил.

— Вы расположены последовать совету Лаеннека?

— Не думаю, — поспешно ответил Барте, — чтобы французам с хорошими карабинами прилично было прятаться на дереве от какой бы то ни было опасности.

— В таком случае подготовим оружие, потому что через две минуты он бросится на нас...

Молодые люди стали на одно колено, чтобы верней прицелиться, и ждали.

В двадцати шагах от них журчал ручеек в тенистом ложе.

— Сначала вы, — сказал Гиллуа своему товарищу. — Вы стреляете лучше меня.

Только он произнес эти слова, как леопард одним скачком очутился на берегу ручья.

Очутившись лицом к лицу с молодыми людьми, зверь на мгновение пришел в замешательство, но это продолжалось недолго; он прыгнул вперед. Барте выстрелил.

Леопард страшно заревел, сделал попытку броситься на своих врагов, но, по-видимому, силы начали оставлять его, и он вернулся в лес, побуждаемый инстинктом самосохранения.

— Он смертельно ранен,— сказал Гиллуа своему другу.

Забыв всякое благоразумие, они побежали осмотреть место, на котором стоял зверь. Берега речки были освещены луной, и большая лужа крови показала молодым людям, что зверь был ранен тяжело.

— Его не надо упускать,— сказал Барте.— Я уверен, что он испустит последний вздох в нескольких шагах отсюда.

Оба друга с карабинами в руках вошли в лес, соблюдая все предосторожности: они знали, как ужасна ярость раненого хищника.

Сначала они шли довольно легко по следам зверя, но дальше тень от больших деревьев не позволила им ничего видеть. Они колебались идти по лесу, но самолюбие Барте было задето.

— Леопард не может быть далеко,— сказал он своему товарищу,— мы не можем бросить наш трофей... Лаеннек увидит, что рука и голова у нас крепче, чем он думает.

Гиллуа сделал несколько замечаний, но, видя, что его товарищ не обращает на них внимания, решился следовать за ним.

После пяти минут бесполезных поисков чаща сделалась до того густа, что почти невозможно было идти; молодой флотский офицер объявил прямо своему товарищу, что он не пустит его дальше, что преследовать хищного зверя в глубокой темноте—безумие и что благоразумнее будет немедленно вернуться назад.

Барте с сожалением уступил, и оба друга повернули по направлению к речке, думая, что они удалились от нее не более как шагов на двести.

Каково же было их удивление, когда через несколько минут они заметили, что лес все сгущается. Густая завеса лиан и ползучих растений, переплетаясь, тянулись от одного дерева к другому и составляли непреодолимую преграду.

— Мы заблудились...— сказал Гиллуа, вздрогнув.

— Это невозможно,— ответил Барте,— мы едва отошли от берега.

— Вы видите сами, куда мы зашли.

— Прислушаемся, может быть, журчание ручейка позволит нам ориентироваться.

Но они напрасно прислушивались: ничто не нарушало тишины, среди которой было бы слышно даже падение листа.

После двух или трех бесполезных попыток отыскать дорогу они остановились, чтобы посоветоваться, на что решиться. Рассудив, что они не могли далеко отойти от берега за короткое время, они решили остаться до рассвета на этом

месте, будучи уверены, что при первых лучах солнца легко отыщут дорогу.

В нескольких шагах от них находилось старое гигантское дерево; легко взобравшись на него, они удобно расположились на ветвях, чтобы провести ночь.

Было два часа ночи, луна скоро исчезла, унеся с собою скудный свет, пробивавшийся сквозь листву, и оба друга скоро не могли различить ветви, на которой сидели. Среди этой тишины и темноты в ушах у них жужжало, кровь приливала к мозгу; они уже стали было терять сознание, когда вдали послышался шум раздвигаемых кустов и радостный собачий лай, раздавшийся в их ушах приятной музыкой.

— Уале! — воскликнул Барте.

— Мы спасены, — ответил Гиллуа.

Они начали кричать, чтобы указать направление. Им ответил мужественный голос Лаеннека.

— Где вы? — гаркнул он. — Вот уже полчаса как мы ищем вас!

Молодые люди соскочили наземь и бросились на шею своему спасителю.

В нескольких словах сообщили они ему, что случилось.

— Вы сделали большую неосторожность, — сказал Лаеннек, — вас мог растерзать леопард, который был тем опаснее, что вы его ранили; без Уале, нашедшего ваш след, вы непременно погибли бы. Только туземцы умеют находить дорогу в этих густых лесах; мы непременно пошли бы вас отыскивать, но без этой славной собаки только случайность могла направить нас в вашу сторону.

— А Буана? — воскликнули молодые люди.

— Спасена! Уале прямо привел нас к кумирам, и мы успели вовремя, чтобы избавить Буану от ужасной участи, ожидавшей ее... Нияди и его солдаты делали чудеса, а собака загрызла двух разбойников. Костер был уже разведен, и бедную девушку собирались зарезать, когда мы пришли. Она была привязана к дереву, полумертвая от страха. Увидев огонь, я взял Уале на привязь, и мы подходили без шума, когда Кунье испустил крик тано. Услышав знакомый сигнал, Буана мужественно подняла голову; это была помощь, это было освобождение. Не прошло и двух минут, как мы накинулись на похитителей. Половина — всех человек двадцать — были убиты, остальные убежали. Но пора вернуться в наш лагерь. Со мной пошли только Кунье и Йомби; мы возвращались, когда услышали ваш выстрел, и предположили, что вы должны быть недалеко... Пойдемте, я расскажу вам дорогой подробности нашей экскурсии.

Добрые негры, услышав свои имена, поспешно подошли и, чтобы выразить свою радость, схватили руки молодых людей и приложили их к сердцу. Через несколько минут маленький караван был опять в полном составе.

КОРОЛЬ РЕМБОКО.— ПРИБЫТИЕ К АССИРАМ

Едва солнце позолотило вершины высоких деревьев, путешественники выступили в дальнейший путь. Они серьезно опасались, как бы кумиры не явились отомстить за смерть своих товарищей, а опасность была для них тем больше, что они не могли скрыть свой путь в лесу, будучи принуждены постоянно следовать по дороге караванов. Первые пять дней они останавливались только для того, чтобы принять пищу да отдохнуть несколько часов, и с восходом луны снова продолжали свой путь.

В конце седьмого дня пути путешественники поняли по различным признакам, что заросли кончаются: тропинка сделалась шире, лес не так густ; на каждом шагу попадались деревья, срубленные рукою человека и, вероятно, предназначенные для туземных построек. Все показывало, что скоро путники дойдут до обитаемых мест.

Действительно, на другой день в десять часов утра они увидели обширную равнину, засаженную маниоком, иньямом и бананами и орошаемую широкой, глубокой рекой, которая текла по направлению к западу.

На расстоянии двух ружейных выстрелов группа туземцев нагружала в пироги, прикрепленные к берегу, корни маниока и плоды.

— Это люди моего племени,— сказал Йомби.

В ту же минуту негры заметили путешественников и побежали к ним навстречу с громкими криками. Когда они увидели трех белых, удивление их не знало границ, и, приняв их за духов, они бросились к их ногам. Очевидно, они никогда еще не видели людей этой расы.

Йомби тотчас рассказал им, что вел посланных великим белым духом Майякомбо, которые захотели посетить страну фанов, и что их прибытие принесет счастье людям этого племени. Бедняги, вне себя от восторга, предложили белым духам немедленно свезти их к своему королю, живущему в большой деревне Эноге, немного выше по течению реки.

Предложение было принято; Лаеннека и его спутников усадили в большую пирогу, в которой без труда могло поместиться человек пятьдесят. Все фаны разместились в других пирогах, и флотилия отправилась в путь. В десять часов

вечера остановились напротив маленькой деревни, но вместо того чтобы приблизиться к берегу и выйти на сушу, держались поодаль от берега, потому что эта страна повиновалась многим королям, и фаны боялись, чтобы чужие не заставили белых остановиться, прежде чем те приедут к королю Рембоко.

Течение реки, насколько путешественники могли судить, шло теперь к северо-западу почти по прямой линии, а берега были так низки, что трава точно смешивалась с водой.

На восходе солнца путешественники не могли не восхищаться редким плодородием этих мест. На обоих берегах реки зрели сочные бананы, сорго, иньям, сахарный тростник. Кунье не мог опомниться от удивления, потому что эти места были еще необитаемы, когда он проходил тут первый раз.

— Вот племена фанов, — сказал Барте, — которые вместо того, чтобы идти вперед с железом и огнем в руках, стали пастухами и земледельцами.

— В этом нет ничего необыкновенного, — ответил Гиллуа, — загляните в историю и вы увидите, что всюду и всегда свойство почвы решало характер миграции. Кочующие арабы создали в Испании высокую культуру средних веков, норманны-моряки, прельщенные зелеными равнинами северо-западной Галлии, отказались от своих странствований, чтобы обрабатывать землю и разводить скот. Африка не избегает этого закона, и повсюду, где есть плодородная земля, мы встретим земледельческое население.

Хотя большая часть прибрежных жителей имела довольно мирную наружность, фаны, взявшие на себя охрану маленького каравана, принимали величайшие предосторожности: часовые бессленно наблюдали за берегами, стоя в лодке с копьем в одной руке, с ножом — в другой.

Утро было пасмурное и печальное, густой туман, поднявшийся после восхода солнца, принудил туземцев остановиться, пока он не рассеялся. Они приближались уже к устью другой реки, на берегу которой находилась деревня Эноге. Когда туман рассеялся, фаны довольно быстро вошли в реку, орошавшую владения Рембоко, и в полдень один из фанов вскричал, указывая на высокие деревья:

— Вот наша страна!

Проехав мимо низкого, плодородного острова, они скоро достигли большого болота, перерезанного маленькими каналами. Один из этих каналов, расчищенный от тростника и водяных растений, привел их к деревне Эноге. Там стояло на якоре множество судов, к которым присоединились и они

и, послав гонца к королю, стали ждать, чтобы он объявил им свою волю.

По возвращении гонца вся экспедиция вышла на берег, и ее отвели в хижину из желтой глины, довольно хорошо построенную и покрытую пальмовыми листьями. Перед фасадом была маленькая веранда, поддерживаемая деревянными колоннами, а на полу лежали циновки. Опрятный вид этой хижины прельстил путешественников. За ними скоро пришел посланный от короля и вывел их по тропинкам к наружному двору дворца, у дверей которого стояла безобразная статуя. Они прошли первый двор и очутились на другом дворе, гораздо большем, окруженном галереями, где женщины плели циновки. Напротив входа во дворец возвышалась земляная эстрада, покрытая циновками разного цвета и большим куском красного сукна. На каждом углу стояла на коленях маленькая фигурка, сделанная из глины.

Через несколько минут король явился перед ними. Это был молодой человек с выразительной физиономией; кроткое и открытое лицо, пылкий взгляд короля обличали скорее ум и живость, чем свирепость, которую путешественники ожидали встретить.

Он смотрел на них несколько минут с величайшим удивлением и вскричал:

— Вот белые духи, которые носят с собою гром и о которых мой отец столько мне говорил!

Подозвав невольника, он просил путешественников поразить его громом сию же минуту.

— Белые убивают человеческое существо только ради защиты,— ответил Лаеннек через Йомби, который служил переводчиком.

Потом, увидев коршуна, тяжело летавшего над дворцом, Лаеннек быстро прицелился из своего карабина, выстрелил, и птица упала среди стражей Рембоко. При звуке выстрела все негры, пораженные ужасом, бросились наземь ничком, потому что огнестрельное оружие им было неизвестно. Увидев падающую птицу, они думали, что настала их последняя минута. Хотя рассказ отца, который когда-то ездил в Габон, подготовил Рембоко к звуку и действию выстрела, король все же был более взволнован, чем хотел это выказать, и сказал серьезным голосом:

— Вы те духи, которых видел мой отец. Вы обещали навестить его в Эноге, но слишком медлили: старый король переселился уже четыре года назад в страну облаков. Добро пожаловать, вы даете смерть и жизнь...

Потом с тою подвижностью ума, которая составляет от-

личительную черту его племени, он просил трех белых вернуть здоровье его матери, которая умирала в углу его дворца. Лаеннек с большим трудом растолковал ему, что они не имеют никакой власти над жизнью людей.

— Твоя мать умирает, вероятно, от старости, — сказал он, — и ничто не может отсрочить этот час, который настает для всех.

— Нет, она умирает не от старости, — ответил Рембоко, — великий жрец фетишей объявил, что ее околдовали, и так как белые не хотят уничтожить колдовство, то сегодня же вечером виновные будут казнены.

Костюм короля фанов был престранный: шапка, имеющая форму сахарной головы, была так украшена рядами кораллов и кусочками разбитого зеркала, что невозможно было узнать, из какой материи она сшита; шея и грудь также были покрыты рядами тяжелых кораллов, так что король еле дышал; пять коралловых четок спускались до колен; костюм дополняли куски красной материи, обернутые вокруг бедер в виде пояса, за который были заткнуты сабля и четыре ножа. На руках и икрах блестели браслеты из старых медных пуговиц. Этот костюм возбуждал восторг подданных каждый раз, как Рембоко удостаивал показываться в нем своему народу.

Прием кончился уверением Рембоко, что его белые друзья могут поступать в его владениях, как у самих себя, и упрашивал их как можно дольше остаться в Эноге.

Вечером, когда путешественники отдыхали в хижине, отведенной им королем, они услышали громкие крики с аккомпанементом тамтама, раздавшиеся, по-видимому, с главной площади города; любопытство побудило их следовать за толпой, стекавшейся туда. О'Конда, мать Рембоко, умерла, и Куенго, великий жрец фетишей, приготовился заставить заговорить статую великого Майякомбо, чтобы узнать тайных врагов, убивших мать короля своим колдовством. Все жители деревни, даже женщины и дети, вооружились, чтобы напасть на виновных.

Раскинув свои палатки на границе лесов Мукангама, фаны, не оставив своих воинственных нравов, приняли обычаи пастушеских народонаселений этих стран и всем фетишам страны отдавали равную почесть. Поэтому во всей Центральной Африке нельзя было найти ни одного города, в котором было бы столько фетишей, сколько в Эноге.

Великий жрец Куенго велел принести на площадь статую великого Майякомбо и всех фетишей, составлявших свиту бога, и объявил толпе, что если приговоры неба не будут

исполнены немедленно, самые великие несчастья обрушатся на деревню.

Толпа единогласно отвечала, что готова отомстить неизвестным колдунам за смерть матери короля. Но великий жрец, находя толпу недостаточно возбужденной, обещал раздать амулеты против яда, хищных зверей и боли в животе тем, кто более отличится в преследовании преступников.

— Что они будут делать? — спросил Гиллуа Лаеннека.

— Я сто раз видел эту комедию, — ответил Лаеннек. — Великий жрец Майякомбо просто хочет освободиться не только от своих личных врагов, но и от всех тех, положение которых возле короля может ему вредить, направив на них гнев толпы.

— А мы разве должны присутствовать равнодушно при этой сцене?

— Да. Если дорожите жизнью... Достаточно, чтобы один из этих лицемерных жрецов указал на нас как на околдовавших О'Конду, и нас убьют. Мы совершенно бессильны остановить убийство.

— Но кто нам мешает в таком случае вернуться в нашу хижину? Вы, вероятно, не более нас, любезный Лаеннек, чувствуете желание присутствовать при таком печальном зрелище?

— Оглянитесь и вы увидите, что невозможно пробраться сквозь толпу, окружающую нас.

Против воли они принуждены были ждать конца драмы.

Куенго, как предвидел Лаеннек, указал народной ярости на пять человек, самых могущественных своих врагов, которых он не посмел бы обвинить, если бы дело шло о смерти человека обыкновенного; но всем казалось естественным, что мать короля была убита колдовством людей, служивших при дворе. Как только они были названы, их тотчас растерзали на куски.

Обвинение в колдовстве в Центральной Африке — самое тяжкое против человека, и ничто не избавит его от страшной участи. Негры живут в постоянном страхе перед фетишами, а ганги, дудо и прочие мошенники-жрецы пользуются этим суеверием, чтобы упрочить свою власть. Путешественники вернулись в свою хижину под тягостным впечатлением от всего происшедшего.

— О чем вы думаете? — спросил Барте у Гиллуа.

— Я думаю о том, — ответил молодой человек, — что не далее как одно столетие тому назад даже Европа, столь гордая своей цивилизацией, сжигала заподозренных в колдовстве,

На другой день Рембоко дал большой праздник в честь белых, в котором после пения и плясок, продолжавшихся до заката солнца, велел убить пятьдесят невольников и отдать их на угощение толпы. Жители Эноге, несмотря на значительные перемены в нравах, остались людоедами, как все другие племена фанов.

Все перепились пальмовым вином, и Лаеннек со своими спутниками, принужденные присутствовать возле короля на этом пиру, не смели, из опасения скомпрометировать себя, выказать отвращение, которое внушали им подобные поступки. При первой возможности они вернулись в свою хижину с твердым намерением оставить Эноге на другой же день; они не чувствовали себя в безопасности среди кровожадных людей, которых могла направить против них малейшая прихоть короля или главного жреца.

На другой день они с большим трудом добились от Рембоко позволения оставить его владения, и то только под условием вернуться скорее.

Король фанов дал им почетную стражу до страны асси-ров, куда они пришли три дня спустя.

Как везде, прибытие их возбудило величайшее удивление, потому что еще ни один белый не отваживался проникнуть в этот край. Несмотря на настойчивые просьбы остаться на несколько дней, они объявили, что проведут только одну ночь, потому что спешили добраться до цели своего путешествия.

По их соображениям, они находились только в пятидесяти милях от Габона, и сердца Барте и Гиллуа сильно бились при одной только мысли, что через неделю они смогут отдохнуть на французской земле. Там они найдут известия от родных, друзей, потому что Габон был местом их назначения; они также, наверное, узнают, что сделалось с Жилиасом и Тука, их двумя товарищами на «Осе», так же как и с Ле-Ноэлем, капитаном судна, торгующего неграми, которого они оставили у устья Рио-дас-Мортес. Все эти воспоминания, на которых иногда останавливались их мысли во время продолжительных странствований по Центральной Африке, возвращались к ним теперь; они клялись самим себе отомстить смелому флибустьеру, которому обязаны были всеми своими страданиями... Тоска по цивилизованным странам давила их до такой степени, что они не видели, как горько было для Лаеннека горячее выражение их радости, и не всегда примечали, какой контраст составляли их излияния с печальным и задумчивым молчанием их проводника.

В тот вечер, однако, когда ассиры прекратили, наконец, пение, пляски и увеселения, придуманные в честь белых, путешественники могли спокойно отдохнуть в одной из самых больших хижин деревни Акоонга. Молодые люди, занявшись разговором о своем возвращении, отыскивали глазами Лаеннека и, не найдя его, отправились по указаниям Кунье на берег Рембо Ниуге. Они нашли Лаеннека сидящим у реки; он рассеянно смотрел на воду, которая походила на широкую серебряную ленту.

— Вы страдаете? — спросил Барте. — Зачем вы уединились?

— Извините меня, друзья, но печаль неразлучна с жизнью, которую я веду, и у меня не всегда хватает силы противодействовать моему настроению... Вы спрашиваете меня, страдаю ли я? Отвечу вам откровенно... Это странно, не правда ли? Я страдаю от вашей радости.

— От нашей радости?

— Да, за пять месяцев я так привык к вашему присутствию, что бывают минуты, когда я чувствую невозможность более одному вести ту жизнь, которую прежде так любил...

Молодые люди были тронуты до слез.

— Любезный Лаеннек, — ответил Гиллуа, пожимая ему обе руки, — вы никогда не хотели серьезно поговорить с нами об этом, но настала минута сказать вам: мы положительно рассчитываем, что сначала вы поедете с нами в Габон, куда нас призывает наша служба, потом во Францию, где вас ожидает помилование, двадцать раз уже заслуженное вами.

— Не обманывайте себя пустой мечтой, — сказал бывший моряк более твердым голосом, — и будьте уверены, что я вам скажу мое последнее слово. Как ни тягостна для меня наша разлука, я оставляю вас по прибытии в Габон и вернусь в Конго. Вы знаете, я поклялся королю Гобби, а Лаеннек не изменяет своему слову. Пребывание во Франции не уменьшит сожалений о прошлом, а я давно уже потерял и привычку и любовь к цивилизованной жизни, чтобы снова разыгрывать ничтожную роль в чуждой мне среде. Может быть, я обманываюсь, но мне кажется, что люди, рождающиеся в моей среде в Европе, всю жизнь вынуждены трудиться, приносить себя в жертву другим, не совсем понимая общественные законы, которым они покоряются; они умирают моряками, рыбаками или камнетесами, как родились, и кажутся мне несколько не счастливее невольников, которых я заставляю работать на себя в Конго. Я знаю, что так должно быть, что не все моряки могут быть адмирала-

ми, не все рыбаки — судохозяевами, не все камнетесы — адвокатами или префектами... Но для чего хотите вы, чтобы я опять занял место на таком жизненном пути, где, я это знаю заранее, могу только маршировать и повиноваться?.. Допустим, что приговор военного суда будет отменен, — я все-таки буду принужден подчиняться общественным требованиям, к которым потерял уважение, между тем как здесь я сам себе господин и с карабином на плече, с беспредельным простором пред собою, пользуюсь воздухом, солнцем, свободой...

Барте и Гиллуа смотрели на Лаеннека с искренним изумлением; степной странник явился им совершенно в новом свете. Они не подозревали, до какой степени жизнь в лесах и созерцание природы развили индивидуальность бывшего бретонского рыбака.

Задумчиво и с волнением вернулись они в свою хижину, не обменявшись ни одним словом. Но несколько раз ночью среди странных звуков, смешивавшихся с однообразным журчанием реки, молодые люди слышали, как Лаеннек вздыхал...

ГАБОН.— ПРОЩАНИЕ С ЛАЕННЕКОМ

Два дня пути провели путешественники на берегу Огове, несколько выше озера Овенге. Они проехали в пироге эту величественную реку, неизвестные источники которой, вероятно, сливаются с большими озерами, и очутились среди племен фанов и бакале, поселившихся на этих берегах.

Они немедленно приняли меры, чтобы добраться до Габона сухим путем, который молодые люди предпочитали поездке по реке, чтобы долее остаться с Лаеннеком и проститься с ним, потому что не надеялись, чтобы он переменил свое намерение даже в виду французской земли.

Готовясь прибыть на место назначения, от которого были удалены странными приключениями, они начали заниматься этой интересной и малоизвестной страной, где обязанности службы могли удержать их на несколько лет. Барте, который сделал из всеобщей географии свое любимое занятие, был рад отплатить Гиллуа за уроки ботаники и естественной истории, преподанные ему во время их продолжительных странствований.

Габон, по донесению лейтенанта Пижара, был в 1839 году большим центром торговли, где не думала еще поселиться ни одна нация, несмотря на многочисленные выгоды его центрального положения как пункта снабжения провиантом эскадр и торгового пути во внутренние земли. В феврале

«Малучна» — шхуна под командованием Буе — бросила там якорь, и договор, заключенный с Денисом, королем левого берега, дал Франции право основаться на этом берегу.

Однако в 1840 году тот же офицер, пораженный значительной смертностью, обнаружившейся между белыми в невольничьих факториях, расположенных с этой стороны Габона, вздумал выбрать лучшую позицию. В 1842 году был заключен договор с королем Квабеном на приобретение местности и права поселения на правом берегу, и скоро блокгауз¹, окруженный временными укреплениями, упрочил в этих местах господство Франции.

Внутренний бассейн Габона, начинающийся у островов Кункей и Парро, суживается к востоку и наконец становится рекой шириной в одну милю. В этот бассейн впадает несколько притоков: Коя и Воголей — на северном берегу, Комо — на восточном, Мафуга и Дамбо-Уе — на южном берегу.

Эти пять притоков судоходны на некотором расстоянии от своего устья. Далее идут песчаные отмели, и реки суживаются до такой степени, что становятся непроходимыми даже для лодок. Комо, текущий с востока, судоходен более остальных, это главная артерия бассейна.

Берега залива, или, лучше сказать, лимана Габона, населены исключительно неграми понго, племенем ленивым и хитрым, сделавшимся посредником между торговлей европейской и внутренней.

Отвращение понго (или понгове, как говорят некоторые путешественники) к любым промыслам замечается в одинаковой степени у всех племен, населяющих берега залива. Единственная причина, выводящая их иногда из апатии, это — желание достать продукты белых; для этого одни занимаются маклерством, другие охотятся, и все трудятся некоторое время только для того, чтобы иметь возможность потом отдохнуть и пить много алугу. Они презируют земледелие, оттого что страна удовлетворяет почти без труда их малейшие потребности, а также и потому, что обработка земли предоставляется женщинам и невольникам. Бананы, иньям, таро и маниок составляют их главную пищу; зажиточные туземцы прибавляют сушеную рыбу, слоновье мясо, копченого кабана, которые охотничьи племена внутренних земель выменивают на побережье.

Кочующие племена, до сих пор отдаленные от моря, ведут почти всю торговлю слоновой костью в Габоне через

¹ Б л о к г а у з — оборонительное сооружение из дерева и других материалов, приспособленное для ведения кругового огня.

прибрежных жителей, от которых получают ружья, порох, ром и прочее. Таким образом, фаны предпочтительно обмениваются товарами с бакале, нравы которых схожи с их правами.

Некоторые операции происходят помимо этого пути; например, разные деревни бакале остались еще верны своим древним обычаям, сами охотятся за слонами и продают продукты, когда найдут случай; но трудности пути и завистливые посредники делают прямые сношения с европейскими факториями затруднительными.

В Габоне начинается и идет вдоль залива Гвинеи длинный берег, называемый Берегом Слоновой Кости; там специально идет торговля этим предметом.

Однако слоновой кости становится все меньше. Не только в Габоне, но и на всем пространстве Берега Слоновой Кости фактории жалуются на уменьшение изо дня в день оборотов. Действительно, по мере того как охотничьи народы верхней страны знакомятся с белыми и привыкают к их продуктам, они умудряются доставать их как можно легче и находят, как понго, посредничество менее трудным и менее опасным, чем охота.

Отсюда постоянное стремление отдаленных племен приблизиться к берегам моря. Так, булу, жившие прежде в верхней части притока Комо и слывшие неустрашимыми охотниками, были отодвинуты к западу племенем бакале; бакале, в свою очередь, оттеснены фанами, прибывшими из внутренних земель. Этой-то склонности охотничьих народов сделаться посредниками торговля обязана уменьшением в ее обороте слоновой кости, а вовсе не убыли слонов, которые, напротив, все еще очень многочисленны.

Пять или шесть племен, различных по названию и языку, живущие в Габоне, почти все имеют один и тот же физический облик; единственную разницу составляют более угловатые черты и менее темная кожа, по мере того как продвигаешься во внутренние земли.

Многоженство, идолопоклонство, хитрость, ловкая алчность — главные черты этих племен. Энергия и склонность к труду уменьшаются. Женщина, как у всех черных племен Африки, живет в постоянном унижении, и на ней лежит вся тяжесть семейных забот.

Племена Конго, соседи моря, были объединены интересами своих начальников, между прочим, старым королем Денисом. Булу объединены между собой гораздо менее, а бакале, хотя не воюют между собой, постоянно питают взаимное недоверие.

Самая сильная ненависть существует в деревнях, лежащих у границы между двумя народами; и любопытно то, что эти деревни постоянно ссорятся, а деревни, принадлежащие тем же племенам, но живущие несколько дальше, поддерживают мирные торговые сношения.

Промыслы этих народов, главное занятие которых составляет война и которые постоянно кочуют, должны были направиться на приспособление к известному месту и защите его. Напрасно было бы искать у них культуру, похожую на культуру народов Океании и Нового Света. Здесь все отзывается большой природной ленью и примитивностью кочевого быта.

Промышленность представлена исключительно необходимыми предметами обихода, как, например, грубые пироги, сети, циновки и оружие, производимое фанам и бакале. Можно прибавить еще изготовление глиняных сосудов, не требующих почти никаких особенных стараний, если вспомнить, что повсюду находится глина, совершенно чистая, без примеси известковых частиц и быстро твердеющая на солнце. Жители ничего не требуют у этой плодородной земли, но достаточно указать на естественные продукты, встречающиеся там, и сравнить с соседними землями, чтобы судить о результатах, каких может достигнуть культура.

С другой стороны, легко установить близкую аналогию почвы Габона с почвой Принцевых островов, лежащих за сорок миль к западу, и доказать, что можно с такой же выгодой обрабатывать эту почву. Разумная вырубка леса в районах, соседних с морем, сделала бы воздух здоровее, открыв большие пространства для заселения. Множество высоких плоскогорий требует немного труда, чтобы сторицей возратить посаженные семена.

— Пользуясь всеми наблюдениями, сделанными до сих пор в Габоне, — сказал Барте, кончив это изложение, составляющее два дня главный предмет их разговоров, — можно бы превратить этот край в одну из богатейших колоний, но, к сожалению, это неосуществимо.

— Отчего же? — спросил Гиллуа.

— Европейец не привык к климату и может пробыть здесь несколько лет, только постоянно принимая хинин и считая себя еще счастливым, если дурной воздух не умертвит его в первые дни приезда.

— Пять месяцев усталости и страданий в странах, таких же нездоровых, как и Габон, не сделают разве этот климат сноснее для нас, чем для вновь приезжающих?

— Непременно, но не думаю, чтобы мы так долго оставались.

— Почему же? Мы не больны, и как ни желали бы увидеть Францию после стольких испытаний, немедленно должны приступить к исполнению своих обязанностей.

— Да, если не были замещены... Места, которые мы должны были занять, не могли оставаться вакантными так долго, и признаюсь, что это предположение мне приятно. После стольких волнений я не прочь отдохнуть у родных, которых должно было огорчить мое исчезновение. Я думаю, что и вы также, любезный Гиллуа.

— Меня никто не ждет! — печально перебил молодой человек. — Я один на свете.

— Теперь — не один! — горячо возразил Барте. — Вы сделали мне дороги, как брат. Вас с радостью примут все мои родные...

В следующие дни маленький караван прошел ряд невысоких лесистых холмов. Во всех деревнях фанов и бакале путешественников встречали как нельзя лучше; их везде принимали за торговцев, пришедших выбрать лучшие места для своих факторий, и повсюду их упрашивали остаться. Иметь факторию на своей земле — самое великое счастье, какого может добиться негритянская деревня. Это значит иметь всегда под рукой не только ружья, порох, зеркала, стеклянные изделия, но и «божественный адагу», или негритянский ром, настоящий кумир во всей этой части Африки.

Холмы сменились низменными землями, переходившими в болота, где путешественники не могли пройти без проводника-бакале. Но последний, вместо того чтобы направиться к притоку Дамбо-Уе, который в двадцать четыре часа привел бы к лиману Габона, провел их в свою родную деревню Ганго, находившуюся почти у истоков Комо, на расстоянии четырех дней пути в лодке от Либревиля (главное место французских владений на правом берегу Габона); но путники не подозревали этого обмана, который сильно раздосадовал бы их.

В ту минуту, когда они прибыли в Ганго, почти все жители деревни паходились на берегу реки, где посредством железной цепи с крючком и приманкой захватили громадного крокодила, который уже несколько месяцев опустошал страну и до сих пор избегал всех расставляемых ему засад. Он пожрал и искалечил такое количество женщин, детей и рыбаков, что никто не смел ходить за водой в ту часть Комо, где он жил. Эта поимка была настоящим событием. Убитого гиганта разорвала толпа, оспаривая друг у друга его

зубы, кусочки когтей, кожи и костей для талисмана против нападений крокодилов.

Выслушав обычную просьбу и ответив обычным же образом, то есть торжественным обещанием рекомендовать деревню всем прибрежным торговцам, которые захотят основать фактории, путешественники достали в Ганго большую пирогу для поездки в Либревиль.

Они проехали мимо больших деревень Пандангои, Дуии, Могюи, Нумбе и Домбии и через день бросили якорь у живописной деревеньки Кобогои. Ни в одной из тех, которые проходили ранее, не встречали они такого довольства и благосостояния. Хижины были построены правильными рядами по перпендикулярному к реке направлению, а длинная плантация банановых и кокосовых деревьев, простиравшаяся за каждым рядом домов и покрывавшая их тенью, кончалась на берегу реки. Пристань имела не более восьми метров в ширину и была так густо окаймлена кустами, что только вблизи можно было приметить деревню, первые хижины которой почти омывала река.

— Здесь мы расстанемся, — сказал Лаеннек молодым людям, дошедшим благодаря его смелости до места назначения. — В этой деревне начинается французская земля, и я не могу сопровождать вас далее.

Произнося эти слова, Лаеннек не старался прикрыть чем-либо свое волнение. Он был так тверд и решителен, что Барте и Гиллуа поняли совершенную бесполезность попыток уговаривать его переменить намерение — непреклонное решение вернуться в Верхний Конго.

— Завтра вы будете в Либревиле, — продолжал Лаеннек, — а мы вернемся в лес... Так все идет на свете; и постоянно надо топтать ногами свое сердце, чтобы повиноваться требованиям жизни...

Тут голос Лаеннека начал дрожать.

— Вот пальмовый лист для могилы бедной старушки в Плуаре, которая умерла, не увидевшись со мной... Вы сдержите ваше обещание, мне будет приятно думать об этом в одиночестве... и... — Он сделал усилие над собой и кончил, пролепетав: — Вы мне позволите вас обнять, если думаете, что бывший дезертир достоин сохранять о вас горячее воспоминание...

Молодые люди бросились к нему на шею, не будучи в состоянии произнести ни слова; они задыхались от волнения... Вдруг Лаеннек быстро вырвался из их объятий, бросил карабин на плечо и свистнул Уале.

— Прощайте! — сказал он обоим друзьям. — Прощайте!

Если когда-нибудь вы будете в Сан-Паоло-да-Луанда, приходите ко мне нарочного к Гобби, и — честное слово бретонца — я приду к берегу, чтобы увидеть вас...

Быстрыми шагами пошел он по дороге, которая должна была привести его к берегу Огове. Кунье, Буана, Нияди, Иненга и мосиконгские воины последовали за своим начальником, призывая на белых друзей своих все благословения мокиссо. Проходя мимо, эти добрые люди отдавали им часть своих талисманов против лихорадки, укусов змей и опасных встреч.

Гиллуа и Барте принимали все это на память. Последний негр давно исчез в лесу, а они не могли еще отвлечь своих мыслей от тех, кто расстался с ними, и глаза их все допрашивали глубины леса.

— Какая внезапная разлука, — вдруг сказал Барте, вздохнув.

— Так лучше, — ответил Гиллуа. — Этот железный человек, насмехающийся над людоедами, стихиями и лютыми зверями, чувствителен, как ребенок. Он не умеет переносить горести сердца.

Вернувшись к своей лодке, друзья с удивлением увидели Йомби, который на берегу наблюдал, как переносили в лодку плоды и пресную воду.

— Ты зачем не пошел за Момту-Самбу? — спросили они у него.

— Невольник следует за своим господином, — ответил добрый фан, — а Йомби — невольник.

ЛИБРЕВИЛЬ.— ВОЗВРАЩЕНИЕ ВО ФРАНЦИЮ

С невыразимым чувством грусти оба друга проехали Комо с гребцами-бакале. Они оставили за собой деревни Атекве, Гомия, Коло, Антобия, Фассоль, островки Шолиу, Нангье и Шика, два притока Комо — Мага и Ачанго и наконец въехали в лиман Габона.

Через несколько часов они прибыли в Либревиль, где французский флаг, развевавшийся над домом губернатора и на мачте вестового судна, стоявшего в гавани, доставил им живую радость после неприятных происшествий, закинувших их в центр Африки.

Было около одиннадцати часов утра, когда они вышли на пристань; огненное солнце палило берег, и ни на военном корабле, стоявшем на рейде, ни на берегу ни одна душа не отважилась подвергнуться зною. Все — губернатор, офицеры,

администраторы, моряки и солдаты — отдыхали после завтрака. Барте и его друг немедленно отправились к губернатору, и он их тотчас же принял.

Достаточно было сказать, что его спрашивали двое белых, прибывшие из внутренних земель, в самой жалкой одежде, для того чтобы габонский губернатор Сервен счел своим долгом тотчас осведомиться об их национальности и их нуждах.

Это был brave моряк, обязанный своим чином только собственным заслугам, немножко резкий в обращении, недостаточно честный перед самим собой, чтобы бросить грязную службу, но уважаемый и любимый всеми товарищами за чистосердечие и прямоту.

Он имел только один хорошо известный недостаток, впрочем, извинительный: терпеть не мог членов колониального комиссариата, которых называл писаками, хищниками, мастерами путать цифры и т. п. Его споры с этим корпусом, который он справедливо обвинял в разорении всех колоний, были известны во флоте и различных поселениях, где он был начальником, и редко бывало, чтобы комиссар-распорядитель, находившийся под его начальством, не был отправлен обратно через три месяца по приезде. Колониальный комиссариат, как все административные корпуса, имеет склонность совать нос во все ведомства, впутываться во всякую службу. Главная цель его — уничтожить последнюю крошку честности, если таковая остается по недоразумению в возмутительном колониальном строе.

Сервен был единственный губернатор, не уставший еще от бесплодной борьбы с бездействием, недоброжелательством и невежеством колониальных бюрократов, он имел особенный способ кончать эту борьбу: немедленно отсылать обратно во Францию всякого администратора, который прятался за вечную стену уставов, чтобы не исполнить данного ему приказа. Все эти господа были принуждены приходить в назначенное время и работать. Он сажал комиссара под арест каждый раз, когда не находил его в канцелярии в часы службы.

Бесполезно говорить, что его ненавидела вся администрация и что его давно «спихнули» бы, как выражались эти господа, если бы у него не было хорошей опоры.

Никто в морском министерстве не смел его коснуться, потому что он был товарищем всех контр- и вице-адмиралов адмиралтейства, и они не позволили бы сделать ему ни малейшей неприятности. Когда он отсылал комиссара, ему присылали другого, и больше ничего.

Не далее как неделю тому назад к нему прибыл новый начальник администрации Жильбер-Пьер Крюшар, более из-

вестный под именем Жибе-Пье-Кюша, потому что он не в состоянии был произнести букву «р», как и все антильские креолы.

Этого человека выбрали за его классическое ничтожество (в чем он, впрочем, мало отличался от других своих товарищей) в расчете, что он не станет вступать в ссору с губернатором. Он заменил знаменитого Тука, который остался на «Осе», когда Гиллуа и Барте были выданы Гобби капитаном Ле-Ноэлем. Надо сказать в похвалу ему, что комиссар не затеял еще ни одной ссоры со своим начальником. Сервен был любезный и очаровательный человек, и, когда ему не приходилось ссориться с комиссаром, никто не имел характера приятнее и веселее.

Таков был человек, к которому явились Барте и Гиллуа. Как только они назвали свои имена и чины, губернатор протянул им обе руки и сказал:

— Как, это вы? Пять месяцев назад мне дали знать о вашем прибытии с еще двумя офицерами, а последний корабль привез мне известие о вашей смерти! Он же привез и других чиновников на ваши места.

Оба друга в нескольких словах рассказали ему о своих приключениях и страданиях, а также и о преданности дезертира, которому были обязаны своим освобождением.

— Вы прошли всю Центральную Афику? — спросил губернатор, который не верил своим ушам.

— Так точно.

— А как зовут того человека, который освободил вас из плена негритянского короля и проводил сюда?

— Ив Лаеннек; это моряк, который бежал в Сан-Паоло-да-Луанда, чтобы избежать осуждения на смерть.

— Лаеннек... Сан-Паоло-да-Луанда, — сказал Сервен, как бы припоминая, — что же такое он сделал?

— Он поднял руку на офицера.

— Вспомнил! — сказал губернатор, ударив себя по лбу. — Это я был командиром «Тизбы», когда случилось то происшествие. Мы стояли у португальской столицы Анголы... Зачем вы не привезли его сюда?.. Я немедленно засадил бы его!

— О!..

— Позвольте, я послал бы его на понтон, который служит нам тюрьмой, и выпросил бы ему помилование со следующей же почтой!

— Мы употребляли все силы, чтобы уговорить его следовать за нами, но он предпочитает жить в зарослях.

— Это его дело... Но с вами-то что будет? Я не могу оставить вас здесь. Как я уже вам сказал, на ваши места назна-

чены другие, и потом, после столь продолжительного путешествия вы должны отдохнуть во Франции.

— Тем более что нам нечего здесь делать.

— Именно. Судно, которое ходит между Сен-Луи, Гореей и Габоном, стоит на рейде; оно уходит завтра; я отошлю вас в Горею, а оттуда вас отправят с первым случаем в Бордо или Нант.

— Наша признательность...

— Хорошо, хорошо. Вам надо сейчас же отправиться к этому дур... Жибе-Пье-Кюша, — продолжал Сервен, закусив губу. — Вы скажете ему, что были у меня, что я отправляю вас завтра, и попросите приготовить необходимые бумаги. Сделав это, воротитесь ко мне, я жду вас к завтраку, вы мне расскажете подробнее о ваших любопытных странствованиях.

Молодые люди немедленно отправились в канцелярию комиссара, который принял их со всем достоинством, приличным его должности. Выслушав с величайшим вниманием рассказ Барте об их приключениях и о визите к губернатору, Жильбер Крюшар ответил тоном, исполненным административной самонадеянности:

— Все, что вы мне рассказываете, очень интересно; но если вы даже действительно Барте и Гиллуа, мне до этого никакого дела нет. Ведь официально вы умерли и замещены, мне до вас нет никакого дела!

— Однако, — отважился сказать Барте, вне себя от удивления, — чиновники, замененные другими, имеют право вернуться на родину.

— Вы не понимаете, что я вам говорю: вы официально умерли, министерство уведомило нас об этом в своих последних депешах, а в таком случае, — прибавил Жибе-Пье-Кюша с улыбкой удовольствия, — никакая статья в уставе не дает мне права вас воскресить.

— Официально... — начал Барте, начинавший терять терпение.

— Именно, вы умерли с административной точки зрения, так что молодой человек, сопровождающий вас и который был...

— При жизни... — продолжал Барте.

— При жизни... — подтвердил Жибе-Пье-Кюша, — помощником комиссара, вследствие своей смерти...

— Официально...

— Вы опять правы... избавляется от недельного ареста, к которому я присудил бы его за то, что он, высадившись на

этот берег, не явился прямо ко мне, своему непосредственному начальнику!

— Итак, господин комиссар?..

— Мне до вас нет никакого дела.

— Несмотря на приказания губернатора?

— Губернатор, несмотря на свою власть, никогда не заставит меня поступать против устава.

— Разве устав предусматривает случай, подобный нашему?

— Нет.

— Но если так, господин комиссар, если устав ничего не предусматривает в этом отношении, он, значит, и не запрещает ничего, и вы тем более можете принять решение, что оно уже одобрено начальником колонии!

— Милостивый государь, в администрации мы часто поступаем вопреки уставу, все зависит от ловкости и соображения; но когда устав молчит, мы также молчим.

— Стало быть, если бы устав предусмотрел такой случай, запретив, например, возвращать на родину воскресших, наше положение было бы лучше?

— Конечно! Вы существовали бы, вы были бы чем-нибудь с административной точки зрения... Я отправил бы вас к министру.

— А если бы устав это запрещал?

— Вас можно было бы послать с поручением.

— А если и это?..

— Эх! Довольно, милостивый государь, я здесь не затем, чтобы давать вам уроки административного права. Аудиенция, на которую я вас допустил, окончена.

Не говоря более ни слова, Гиллуа и Барте поклонились и вышли. Несмотря на досаду, которую возбуждало в них это положение, — ибо не знали, чем кончится дело, — они не могли удержаться от смеха.

Узнав о происшествии, Сервен страшно рассердился и немедленно призвал к себе комиссара.

— Итак, — сказал он ему, — вы отказываетесь сделать все, что нужно для того, чтобы отослать во Францию этих молодых людей, которые прибыли к нам после пятимесячных страданий?

— Да, отказываюсь.

— Даже если я пришлю вам письменное предписание?

— Даже и тогда.

— И только потому, что вы считаете их умершими?

— Официально — да, а устав, к моему величайшему со-

жалению, не дает мне права исполнить ваше требование... Может быть, их можно было бы отправить как туземцев...

— Довольно, — перебил губернатор, который едва сдерживался, чтобы не разразиться страшным гневом. — Габон — колония, слишком маленькая для вашего обширного ума. «Аспид» уходит завтра, вам остается двадцать четыре часа для того, чтобы собраться. Отсылаю вас к министру, который сумеет найти для вас поприще, более достойное вашего просвещенного ума.

— Очень хорошо. Кому я должен передать мои обязанности? — ответил Жибе-Пье-Кюша, рассчитывавший на то, что губернатор встретит сопротивление в каждом из своих подчиненных.

— Никому из ваших, милостивый государь! Назначаю капитана де Серьера временным комиссаром.

Так кончилось это дело об «официально умерших», над которым долго смеялись на африканском берегу.

Временный комиссар приготовил вечером необходимые бумаги, и «Аспид» в назначенный час снялся с якоря с тремя пассажирами.

Командир «Аспида» прошел Старый Калабар, берег Ашанти и бросил якорь через десять дней после отплытия из Габона у Большого Бассама, французской фактории, которую адмирал де Лангль занял несколько времени тому назад от имени Франции и которую потом бросил ввиду ее бесполезности. Остановившись тут на несколько часов, «Аспид» прямо направился к Горее.

Там путешественникам посчастливилось найти судно, пришедшее за маслом в Дакор и отправлявшееся в Нант; с согласия начальника маленькой колонии они пересели на другое судно, и спустя двадцать шесть дней Барте и Гиллуа с понятным волнением приветствовали дорогие берега отчизны, которые оставили семь месяцев тому назад и не имели надежды когда-нибудь их увидеть...

Высадившись в Сен-Назере, они со скорым поездом уехали в Париж.

ЭПИЛОГ

Два друга в сопровождении Йомби приехали в пять часов утра на станцию Сен-Лазар. Они немедленно расстались, потому что Барте спешил увидеть своих родных. У Гиллуа был только один старый дядя, эгоист и скряга, который ничего не хотел сделать для него после смерти отца, хотя имел большое состояние. Поэтому Гиллуа решил было остановиться в гости-

нице, но через несколько минут передумал и поехал к дяде. Расставаясь, молодые люди условились в десять часов встретиться в кофейне Гельдер — обычном месте встреч всех приезжих офицеров. Уверенные, что найдут там товарищей, они захотели, прежде чем явиться в морское министерство, узнать, какое впечатление произвели их приключения и известие об их смерти. Им хотелось также узнать об участии Тука и Жилиаса, их товарищей по несчастью. В назначенный час они встретились на бульваре, в нескольких шагах от кофейни, знаменитой в летописях армии и флота, и крепко пожали друг другу руки, точно не видались несколько дней.

— Ну что? — спросил Гиллуа взволнованным голосом.

— Ах, любезный друг, — ответил Барте со слезами на глазах, — я приехал вовремя: мой старый отец и моя мать умирали от горя... Говорят иногда, что великая радость убивает, но мое появление вернуло их к жизни, а моя молоденькая сестра Маргарита, я думал, сойдет с ума от радости! Я забыл уже все мои лишения, все страдания. Когда я переступил порог родительского дома, я был так взволнован, что не мог сделать и шагу... Потом вдруг, не знаю каким образом, забыв всякую осторожность, я бросился, как сумасшедший, в дом, крича: «Я здесь! Я не умер! Я здесь!..» Ко мне вышла моя мать, и я без чувств упал к ее ногам. Когда я опомнился, отец прижимал меня к сердцу, как ребенка... все трое стояли около меня, и мы плакали... Ах, Гиллуа, я задыхаюсь от счастья! Я еще не оправился, говорю вам только о себе и забыл спросить вас, как вы были приняты.

— Я приехал поздно, — ответил молодой человек серьезным голосом.

— Ваш дядя...

— Умер шесть недель тому назад, оставив мне все состояние, около двадцати пяти тысяч франков годового дохода.

— Перед смертью он понял свою вину перед вами?

— Нет. Он умер в ту самую минуту, когда нотариус, которого он пригласил, чтобы лишить меня наследства в пользу своей экономки, подавал ему перо для подписи. Завещание осталось неподписанным, и я получил наследство не по воле моего дяди, а по закону.

— Это, друг мой, для вас целое состояние!

— И возможность вновь путешествовать по Центральной Африке, которая так прельщала нас.

— Вы еще думаете об этом?

— Да, и самое горячее мое желание...

— Иметь меня спутником?.. Я угадал?

Они входили в эту минуту в кофейню Гельдер. Было еще рано, и не видно было ни одного знакомого лица. Кроме пяти или шести отставных офицеров, которые имели привычку наслаждаться игрой в безик с девяти часов утра до одиннадцати часов вечера, в кофейне не было никого.

Они сели у стола. Вдруг Гиллуа, машинально взявший газету, вскрикнул.

— Что с вами? — спросил Барте.

— Прочтите, — ответил его друг, указывая пальцем на столбец, в заголовке которого находились слова:

«Доклад Тука, помощника комиссара, и Жилиаса, хирурга второго разряда, его превосходительству морскому министру».

Оба друга весело расхохотались.

— Вот, наконец, знаменитый доклад, которым Тука постоянно угрожал капитану «Осы». Мы узнаем, каким образом наши товарищи ухитрились оставить «Осу» и что сделалось с капитаном Ле-Ноэлем.

Началось чтение, прерываемое каждый раз взрывами смеха, от которого молодые люди не могли удержаться.

Тука и Жилиас, рассказав первую часть своего путешествия на «Осе», дошли до той минуты, когда капитан Ле-Ноэль, преследуемый английским фрегатом, был принужден обнаружить свое звание капитана судна, торгующего неграми. Тука и Жилиас, не говоря о своих молодых товарищах Гиллуа и Барте, с этой минуты приняли на себя роль героев. По их словам, они бросились в пороховую камеру с зажженными факелами в руках, чтобы взорвать, пренебрегая своею жизнью, это логовище разбойников. Тогда вся команда бросилась на них; их заковали в кандалы и засадили в тюрьму.

Тут молодые люди принуждены были остановиться, чтобы дать волю веселости; они буквально задыхались.

— Я вам говорил, — сказал Барте своему другу, — что эти молодцы сумеют показать себя!

Они продолжали. Рассказ о прибытии «Осы» в лиман Риодас-Мортес был еще интереснее. Тука и его Пилад¹ рассказывали, что, сломав свои кандалы, они пытались овладеть судном, и после осады, продолжавшейся двадцать четыре часа, были принуждены сдаться, но их энергичное поведение доставило им военные почести.

Далее молодые люди не нашли уже повода к смеху.

Жилиас и Тука горько жаловались на поведение Барте и

¹ П и л а д — в греческой мифологии верный друг Ореста; в переносном значении — верный друг.

Гиллуа и обвиняли их в том, что они воспользовались первым случаем, чтобы бежать на берег Бенгелы, и бросили начальников на произвол пиратов «Осы»... Но им не посчастливилось, потому что они были убиты неграми по выходе на берег.

— Какая гадость! — сказал Гиллуа.

— Если они нас принуждают, — прибавил Барте, — мы обнаружим истину.

Знаменитый доклад кончился самым фантастическим рассказом. Тука и Жилиас, прибывшие на «Осе» к бразильскому берегу, на другой день взорвали судно, воспользовавшись пьяной оргией экипажа. Избавившись от смерти чудом, они добрались до берега на обломке, а оттуда вернулись во Францию, довольные тем, что уничтожили логовище бандитов.

Жилиас, разумеется, восхвалял героизм Тука, а последний превозносил высокие подвиги своего друга.

Затем следовал декрет, награждавший их орденами и назначавший их с повышением в важную колонию.

Газета была уже старая, и оба друга недоумевали, почему она сохранилась еще в кофейне; но заметив, что она пришита к номеру «Нью-Йоркского Вестника» от вчерашнего числа, они поняли все.

В американской газете помещен был в двадцати строках ответ капитана Ле-Ноэля на доклад Жилиаса и Тука, и Барте тотчас перевел этот ответ своему другу.

«Сплошная ложь, что господа Тука и Жилиас вели себя на моем судне так, как они описывают. Они сражались только за столом и в четыре месяца выпили весь запас моего вина. Отказавшись от торговли неграми, я сам взорвал мое судно, продав последний груз, и эти господа тем более должны знать это, что получили часть суммы от продажи негров за услуги, которые мне оказали. Я не дал бы себе труда опровергать похвалы, которыми они взаимно осыпают друг друга, если бы они не вздумали оклеветать Барте и Гиллуа. Энергический и решительный характер этих молодых людей был так опасен для моего судна, что я принужден был освободиться от них и продать в неволю моему обычному поставщику, королю Гобби в Верхнем Конго... Торговец неграми умеет также ценить мужественных людей!

Ноэль,
бывший капитан «Осы».

Когда Барте и Гиллуа явились в морское министерство, их принял помощник директора департамента и сделал им упрек в нарушении всех правил дисциплины: как, дескать, они позволяют себе оставаться в живых, несмотря на доклад сво-

их начальников об их смерти. Молодые люди переглянулись, улыбаясь, и не знали, как себя держать.

Но бюрократ не шутил и уверил их, что, пожалуй, будет произведено следствие для разъяснения того, каким образом они могли еще оставаться в живых, когда их убили негры, и по каким причинам они бросили своих товарищей в минуту опасности. Он, однако, внимательно выслушал рассказ Барте и Гиллуа об их приключениях, но время от времени качал головой, пожимал плечами и наконец сказал:

— Все это очень интересно, но положительно не значит ничего... Вы ведь говорите истинную правду?

— О, конечно...

— Но против вас правда официальная, правда административная, и этим сказано все!

— Как? Истинная правда, как вы ее называете...

— Не имеет отношения к делу. Она нам, впрочем, и не нужна, это было бы против дисциплины... Истинная правда может не всегда быть на стороне начальства, между тем как правда официальная... О, в ней мы уверены! Ведь мы сами ее создаем!.. Послушайте, — продолжал бюрократ самодовольным тоном, — ваша наивность трогает меня, и я, пожалуй, для пользы вашей будущности, скажу вам: величие, силу и прочность французской администрации составляет то, что все ее члены знают только официальную правду, а официальная правда — это воля начальства. Мы — орудие правительства. Люди исчезают, а канцелярии остаются. Вернитесь, господа, в свои семейства и ждите приказаний министра!

— Ну? — спросил Барте своего товарища. — Чувствуете ли вы себя способным служить официальной правде?

— Нет, — ответил Гиллуа, — и думаю, что моя административная карьера кончена. Но надо признаться, что все это очень печально...

В тот же день молодые люди подали в отставку.

— Мы свободны, Гиллуа, — сказал Барте, — пойдемте же, мои родные с нетерпением желают видеть того, о ком я говорил как о брате... О чем вы задумались?

— Я думаю о Лаеннеке, о больших реках, бесконечных горизонтах Африки... Я тоскую по девственному лесу...

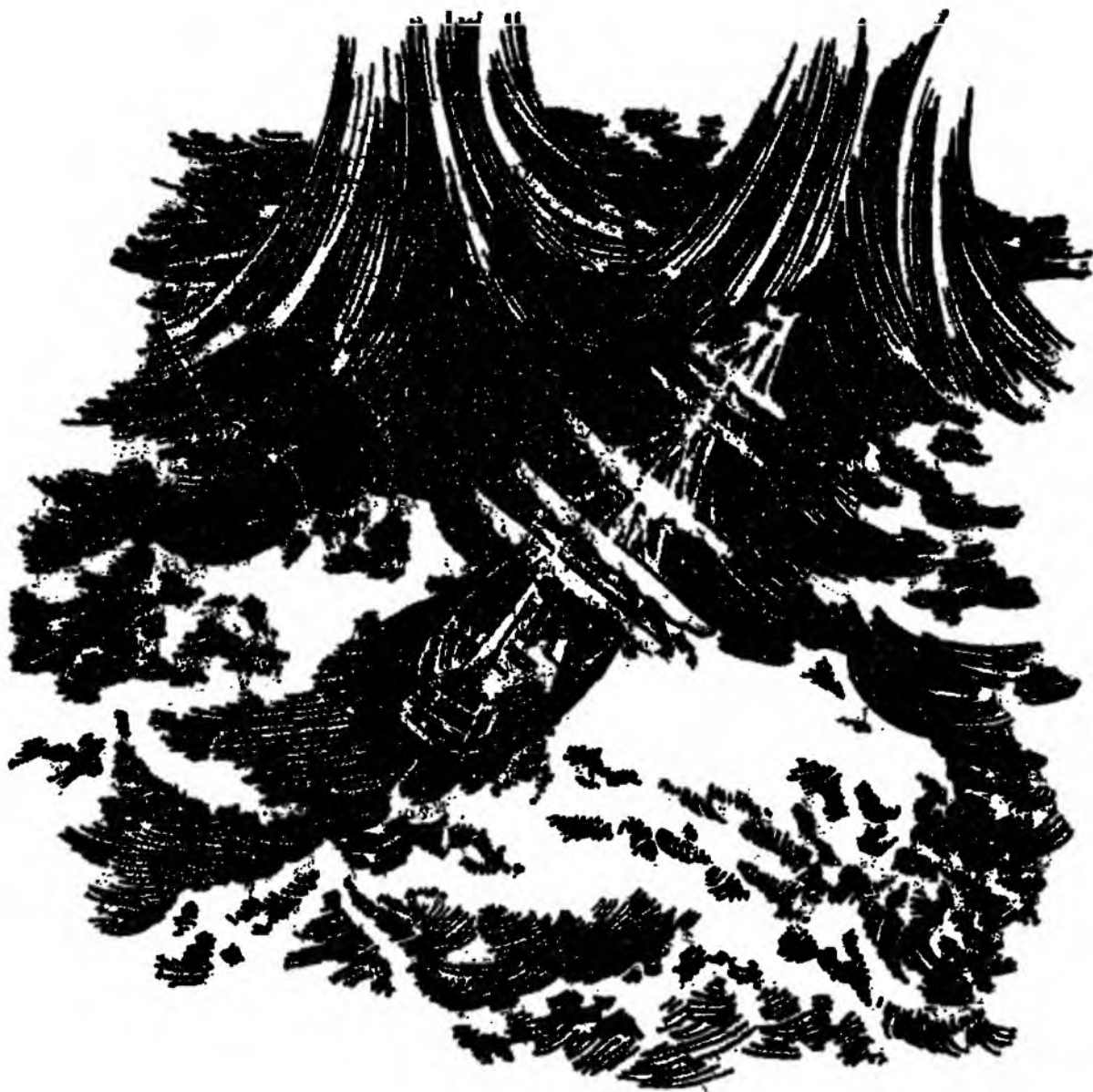
Муса

ЖАКОММО

КОРСАР
ИНГОЛЬФ

БИБЛИОТЕКА ПРИКЛЮЧЕНИЙ

Часть первая **ПИРАТЫ МАЛЬСТРЕМА**

Глава I **ТАИНСТВЕННЫЙ КОРАБЛЬ**

Багрово-красное солнце садилось за мыс Нордкап, и под его огненными лучами сверкали и пламенели голубые ледники Гренландии и необозримые снежные равнины Лапландии.

Сердитый северный ветер гнал из Ледовитого океана огромные волны, которые с шумом и грохотом сталкивались друг с другом, вздымаясь к небесам, так что их седые верхушки, казалось, лизали нависшие над морем тяжелые свинцовые тучи, то расступались, образуя провалы и бездны, а потом налетали на прибрежные скалы и подводные рифы и, разбившись о них, одевали их плащом седой пены и отступали с глухим рокотом, чтобы через минуту вернуться с удесятенной силой.

Небольшой корабль, судя по оснастке — бриг, делал невероятные усилия, чтобы преодолеть сопротивление ветра и волн и выйти в открытое море.

Все его маневры свидетельствовали об опытности капитана, и все-таки бриг оставался беспомощной игрушкой волн, увлекавших его к возвышавшейся у берега грозной линии скал и утесов, предательски скрытых в кружевах пены.

На капитанском мостике брига стояли два человека. Один из них, высокий и стройный, с открытым, мужественным лицом, на котором нельзя было прочесть ни тени страха или беспокойства, приставив к губам рупор, отдавал команду, стараясь перекрычать шум и рев бури.

Шестьдесят человек матросов, обессилив в неравной борьбе и хватаясь за канаты и веревки, чтобы не быть унесенными в море волнами, которые то и дело низвергались на палубу брига, исполняли его приказания.

Товарищ его, закутанный в большой непромокаемый плащ с капюшоном, был далеко не так спокоен.

— Всему виной твоя беспечность, Ингольф, — раздраженно говорил он. — Нам следовало прийти сюда на час раньше, и мы бы еще до бури были в закрытом фьорде¹.

— Опять упреки! — пробормотал Ингольф. — Жаль только, что этим ты делу не поможешь и не изменишь направления ветра. Это было бы спасением...

— Что ты сказал: спасением?!

— Ну да, если через полчаса ветер не переменится — мы погибли.

— Погибли?!

— Я уже испробовал все средства, и скоро нам останется одно: рубить мачты.

— Но твоя опытность! Неужели она тебе ничего не подскажет?.. Как можешь ты рассуждать так спокойно?.. Твое хладнокровие приводит меня в бешенство!..

— Моя опытность здесь ни при чем. Что я могу сделать против ветра и течения, которые несут нас к берегу?

— Значит, у нас нет никакой надежды на спасение?

— Нет, если только в ближайшее время ничего не случится.

— Неужели ты надеешься на чудо?

— Нет! Но ветер капризен, как женщина. К тому же на

¹ Ф и о р д, или ф ь о р д — узкий и сильно вытянутый (на десятки километров) в длину, глубокий, часто разветвленный морской залив с крутыми и высокими берегами; фьорды представляют собой обработанные ледником, а затем затопленные морем речные долины. Характерны для Скандинавии, особенно Норвегии.

море трудно что-нибудь предугадать. Стоит, например, тем тучам на западе пролиться дождем, и море успокоится.

— Не случится ли это слишком поздно?!

— Замолчи, трус! Мне противен твой страх! — воскликнул Ингольф. Помолчав немного, он добавил: — Неужели, Над, ты никогда не сумеешь быть настоящим мужчиной?

При этих словах человек, которого звали Надом, сделал резкое движение, как будто протестуя. Капюшон упал с его головы и открыл копну рыжих волос, из-под которой дико сверкал единственный зрячий глаз. Другой глаз, выбитый из орбиты, мутный и неподвижный, держался каким-то чудом на красных волокнах.

Широкий, с толстыми губами рот, открывающий зубы-клыки, и приплюснутый, с большими ноздрями нос делали это лицо похожим на чудовищную звериную маску.

— О, нет, Ингольф! — проговорил он решительно и твердо. — Никто не скажет, что Надод Красноглазый испугался смерти. Но умереть теперь, когда мы уже почти у цели, когда месть так близка... Ведь я двадцать лет ждал этой минуты!.. О, мне кажется, я начинаю сходить с ума!.. — воскликнул страстно Надод.

— Что касается меня, — возразил Ингольф, — я ничего не имею против такой смерти: погибнуть в борьбе за обладание тридцатью миллионами гораздо почетнее, чем умереть на виселице. И все-таки какой-то тайный голос подсказывает мне, что еще не пробил последний час жизни корсара Ингольфа Проклятого.

И как бы подтверждая его слова, сгустившиеся на горизонте тучи разразились дождем, и ветер стих.

Некоторое время спустя бриг входил в Розольфский фиорд, где никакая буря ему уже не могла быть опасна.

Глава II

КОРСАР ИНГОЛЬФ

Никто на бриге, не исключая ближайших помощников, не знал прошлого Ингольфа.

Известно было только, что он когда-то служил в датском военном флоте, но потом вышел в отставку.

В 1788 году, когда началась война между Россией и Швецией, Ингольф предложил последней свои услуги.

Король шведский, Густав III, дал под его команду быстроходный, прекрасно вооруженный бриг и крейсерский па-

тент, дающий ему право на ношение капитанского мундира.

Набрав себе команду из самых отчаянных головорезов, Ингольф выказывал чудеса храбрости и в самом непродолжительном времени заслужил славу бесстрашного и грозного корсара.

Но скоро шведы потерпели от русских поражение на суше и принуждены были заключить мир.

С окончанием войны крейсерский патент Ингольфа терял всякое значение. В награду за оказанные услуги король шведский обещал Ингольфу зачислить его в регулярный флот. Но этому воспротивился офицерский корпус, видевший в лице отважного корсара только неизвестного авантюриста.

Тогда, побуждаемый чувством справедливого гнева и жаждой мести, Ингольф попросту отказался вернуть шведскому правительству доверенный ему бриг и, таким образом, сделался обыкновенным пиратом.

С редким упорством и беспощадностью начал он преследовать шведские суда, которыми командовали враждебные ему офицеры, и после жестоких схваток пускал их ко дну.

«Я уничтожу все ваши корабли, один за другим», — писал он Густаву III.

И с необыкновенным усердием он принялся за исполнение своего обещания.

Однако для того, чтобы содержать свой экипаж, ему приходилось нападать и на купеческие суда.

Горе было одинокому кораблю, отважившемуся на дальнейшее плавание. Сорок пушек и восемь гаубиц, а также абордажные топоры в руках молчаливых демонов делали в ночной тишине свое дело, а наутро не оставалось ни одного живого свидетеля совершенного преступления.

После того как груз перетаскивался на разбойничий бриг, достаточно было одного-двух ядер, чтобы захваченный корабль погрузился в морскую глубину, которая никогда не выдавала своих тайн.

Только долгое отсутствие сведений о каком-либо судне говорило о постигшей его участи.

Удача, которая сопутствовала Ингольфу, и страх, который он внушал всем мореплавателям, создали ему скоро мрачную известность и прозвище Капитана Вельзевула, а впоследствии — Ингольфа Проклятого.

Но эта же известность обратила на него внимание европейских держав, правительства которых, возмущенные беспримерной дерзостью пирата, решили покончить с ним.

Военные суда этих держав получили предписание во что

бы то ни стало поймать злодея и повесить со всей командой на реях его собственного судна.

Но издать такой приказ было легче, чем исполнить его. Ингольф сделался положительно неуловим. Когда преследователи начинали его очень беспокоить, он внезапно исчезал на время, но только на время, а потом появлялся там, где его меньше всего ожидали.

Очевидно, у пиратов было какое-то убежище, где они прятали свой груз и время от времени скрывались сами.

Но открыть их логовище никому не удавалось.

Личный состав «Ральфа» — так назывался пиратский бриг, — кроме шестидесяти матросов, состоял из восьми вахмистров, шести старших матросов, боцмана и четырех помощников капитана.

Когда Ингольфу случалось в частых схватках терять нескольких из своих людей, он оставлял в живых такое же количество вражеских моряков. И не было случая, чтобы те предпочли смерть службе под его начальством. Через самое непродолжительное время они делались заправскими пиратами.

Порядку и дисциплине на «Ральфе» могло бы позавидовать любое военное судно. А преданность команды своему капитану и вера в него были безграничны.

Что же заставило капитана Ингольфа направить свое судно к этому опасному побережью, где бриг едва не стал добычей свирепых волн?

Об этом читатель узнает из последующих глав.

Глава III НА КРАЮ ГИБЕЛИ

Сумерки быстро сгущались.

Округлив паруса под напором свежего северо-западного ветра, «Ральф» легко огибал линию береговых скал, служивших продолжением Розольфского мыса.

Скалы эти тянутся мили на три-четыре и вместе с берегом образуют глубокую бухту.

Буря уже прошла, но океан еще не успокоился и продолжал вздымать пенистые волны; загоняемые ветром в узкий проход, они не разбивались о берег, а скользили вдоль его извилистой линии, представляющей неполную окружность, не образуя нигде прибоя.

Это обстоятельство привлекло внимание Ингольфа.

Рассматривая в подзорную трубу черную линию воды и утесов на горизонте, он неуверенно покачал головой; потом подозревал своего старшего помощника Альтенса.

— Взгляни, — сказал он ему, указывая на быстро приближавшийся берег.

Старший помощник был старый и опытный моряк. Достаточно было одного взгляда, чтобы он верно определил странное явление:

— Прибоя нет.

— Что же это по-твоему значит?

— Мы приближаемся к водовороту.

— Не ошибаешься ли ты, Альтенс?

— Нет! Местные рыбаки говорили мне, что около Розольфского мыса есть водоворот и что он опаснее мальстрема.

— В таком случае попытаемся избежать его.

— А куда мы идем?

— В Розольфский фьорд.

— Тогда мы должны пойти против ветра и, миновав центр притяжения, выйти в открытое море. Обогнув мыс миль на шесть...

Но было уже поздно.

Сильный толчок, который испытал «Ральф», прервал собеседников и едва не сбил их с ног.

Судно вступило в водоворот.

— Руль на бакборт ¹! — закричал Ингольф, бросаясь к штурвалу.

Но бриг не повиновался рулю. Подхваченный течением, он повернулся, и паруса его, лишённые ветра, бессильно обвисли и болтались вокруг мачт и рей.

Ингольф побледнел. Он не преувеличивал опасности, угрожавшей бригау.

На всем земном шаре есть только четыре или пять таких водоворотов. Они носят по-норвежски название «мальстрем», что значит «течение, которое мелет», и губительны для мореплавателей.

— Не надо раньше времени тревожить матросов, — сказал капитан. — Мы всегда успеем предупредить их, Альтенс.

Молча поклонившись, помощник удалился.

В это время на палубе появился Надод. Ничего не подозревая, он спокойно приблизился к Ингольфу.

— Послушай, Над, — обратился к нему тот, — хватит ли у тебя мужества, чтобы выслушать меня?

— К чему такая торжественность? — пошутил Надод. — Опять какая-нибудь неприятность?

¹ Б а к б о р т — левая сторона судна.

— Знаешь ли ты, что такое мальстрем? — продолжал Ингольф, не обращая внимания на его слова.

— Прескверная штука. На наше счастье, нам не придется познакомиться с ним. Ведь он находится вблизи острова Моске.

— Да, но есть еще один мальстрем, возле Розольфсского мыса. Короче говоря, я имею в виду именно тот, который в настоящий момент увлекает «Ральф» и нас вместе с ним.

Конвульсивная дрожь прошла по телу уродца, но он сдержал готовый вырваться крик отчаяния.

— Хорошо, — произнес он. — На земле всегда были жертвы и, видно, мне на роду написано быть одной из них. — Потом, протянув руку к видневшимся невдалеке смутным очертаниям земли, продолжал: — Ты опять торжествуешь, Гаральд Биорн. Твои собранные веками сокровища останутся неприкосновенными. Да, теперь ты сможешь достигнуть своей цели. Но если только значат что-нибудь проклятия человека, у которого ты отнял семью, который обречен тобой на изгнание и теперь по твоей вине умирает, — будь проклят из рода в род ты, твои дети, внуки, правнуки!..

— Парус с левого борта! — прозвучал в ночи резкий окрик вахтенного.

И при ярком свете вынырнувшего из-за горизонта полярного солнца — оно заходит летом только на один час — все увидели стройную и изящную яхту.

Распустив все паруса, яхта быстро и плавно скользила по волнам по ту сторону Розольфсского мыса; на ее грот-мачте¹ ветер трепал небольшой флаг: золотой крест на белом поле.

Весь экипаж «Ральфа» высыпал на палубу и с любопытством следил за странной яхтой.

— Это увеселительная яхта, — пробормотал Ингольф. — Но что заставило ее прийти сюда? Стоит ей обогнуть эти скалы, и она разделит с нами нашу участь.

И, повернувшись к Альтенсу, он приказал:

— Как только течение приблизит нас к мысу, сигнализируйте яхте опасность.

— Есть, капитан! — ответил старший помощник. Между тем, увлекаемый водоворотом, «Ральф» быстро приближался к прибрежным скалам. Еще несколько минут — и бриг налетит на них и разобьется в щепки.

Гибель, казалось, была неминуема. Несмотря на это, ни один человек из экипажа не роптал — так велики были их преданность и вера в своего капитана.

¹ Г р о т - м а ч т а — вторая от носа мачта.

Вот уже не более двадцати метров осталось до скал. Волны с глухим ревом ударялись о берег и, не задержавшись, бешено мчались дальше.

И вдруг, на расстоянии не более одного метра от алчущих своей добычи черных утесов, бриг, повинувшись силе течения, сделал крутой поворот и продолжал свой путь вдоль берега.

Из десятков грудей вырвался радостный крик. Но сердце Ингольфа сжалось от боли; он знал, что настоящая опасность, которую они не в силах избежать, была впереди. И матросы также скоро поняли это.

Со все возрастающей скоростью мчался «Ральф» по окружности... Описывая все уменьшающиеся концентрические круги, он неминуемо должен был достигнуть центра водоворота. Оттуда уже не могло быть возврата.

Тщетно напрягал Ингольф все свои способности, придумывая средство к спасению. Он распорядился притянуть покрепче руль к бакборту и таким образом сделал шире круг, который описывал «Ральф». И все же это означало только небольшую отсрочку.

Ингольф признавал свое полное бессилие, а помощи ждать было неоткуда.

Глава IV НЕОЖИДАННЫЕ СПАСИТЕЛИ

Снова, но уже на большем расстоянии от берега, прошел «Ральф» свой второй круг. Теперь его отделяла от яхты только узенькая полоска земли.

Короткая команда старшего помощника — и на грот-мачте брига взвилась коллекция разноцветных флажков. В переводе с морского кода они должны были означать: «Берегитесь этих вод, в них вам грозит смертельная опасность».

Но неизвестная яхта осталась глуха к этому величайшему акту благородства и солидарности. Ни живой души не было видно на ее палубе, и ни одним сигналом не дала она понять, что приняла предупреждение людей, которые, сами погибая, заботились о безопасности яхты.

В следующее мгновение яхта скрылась за извилистой цепью береговых скал. Но взоры всех были обращены ко входу в бухту, ожидая появления таинственного судна.

И оно наконец появилось — стройное, изящное, почти игрушечное. Обогнув линию подводных рифов, яхта смело вошла в бухту и бросила якорь в маленькой природной гавани, совершенно закрытой скалами от ветра.

Ингольф, наблюдавший в подзорную трубу за маневрами яхты, вскрикнул от изумления:

— Глядите, Альтенс, глядите! Никак они собрались рыбу ловить?

Действительно, человек двадцать матросов разворачивали на палубе яхты огромную веревочную сеть.

— Неудачное же время они для этого выбрали, — проворчал помощник капитана.

Между тем люди на яхте продолжали свое дело. Скоро веревочная сеть была переброшена на берег, и на мачтах яхты неожиданно замелькали цветные сигналы: «Внимание! Следуйте нашим указаниям. Мы спасем вас».

Трудно описать безумие, охватившее экипаж «Ральфа». Матросы и офицеры пели, танцевали, смеялись, обнимали друг друга.

«Прицепитесь к большому бую из весел и досок. Поставьте паруса против ветра», — сигнализировала яхта.

Ничего не понимая, Ингольф все-таки слепо повиновался этому приказанию.

Достаточно было одного свистка боцмана, чтобы команда брига пришла в себя и заняла свои места. Через несколько минут все весла, доски и другие деревянные части были связаны все вместе и на крепком канате спущены на воду. Такое курьезное сооружение обладает свойством ослаблять силу течения и задерживать ход корабля.

Тем временем от яхты отчалила небольшая лодочка и бесстрашно направилась к выходу из гавани. Волны подхватили ее там и завертели. На мгновение она скрылась из глаз, потом вынырнула. Два человека, сидевшие в ней, налегли на весла, и лодочка стрелой понеслась к водовороту.

Единодушный крик ужаса раздался на «Ральфе».

— Безумцы! Они погибнут!

— Похоже на то, что эта скорлупка хочет взять нас на буксир, — рассмеялся Надод.

Но никто не обратил внимания на его неуместную веселость. Взоры всех были прикованы к двум отважным морякам, рисковавшим ради их спасения собственной жизнью.

Маленькая лодочка, увлекаемая водоворотом, мчалась с колоссальной быстротой.

В течение десяти минут она прошла путь, пройденный «Ральфом», и быстро приближалась к нему.

Пушечным выстрелом яхта потребовала внимания. На ее мачтах появился новый сигнал: «Готовьте швартовы¹!».

¹ Швартовы — трос (или цепь), которым судно привязывается к пристани или другому судну во время стоянки.

В мгновение ока все свободные канаты были спущены в море. И вовремя: лодочка поравнялась с бригом, и сидевшие в ней люди схватили концы канатов и быстро привязали их к лодке.

— Тащите! — крикнули они.

Десятки сильных рук схватились за канаты и подняли лодку на палубу.

Ингольф ожидал увидеть двух суровых, закаленных моряков, и был удивлен, когда на палубу вышли двое молодых стройных юношей.

Окинув взглядом весь экипаж, они узнали капитана по шведскому мундиру, с которым тот никогда не расставался, и подошли к нему.

— Капитан, — сказал старший из них, не обнаруживая ни малейшего волнения после только что пережитой опасности, — велите тянуть за эти веревки. — Он указал на свою лодку. — Они доставят вам канат, один конец которого прикреплен к рифам; с помощью него вы выберетесь из водоворота. Только спешите: каждая минута дорога.

Шестьдесят матросов «Ральфа» легко притянули на бриг канат и привязали его к шпилью. Это был тот канат, который Ингольф принял было за рыболовные сети. Едва только успели закрепить канат, как он, дрожа, натянулся.

Наступила томительная пауза. Несколько бесконечно долгих секунд. Затаив дыхание, трепетно ждали люди, выдержит ли канат. От этого зависела сотня человеческих жизней.

Канат выдержал. «Ральф» был спасен.

Тогда начали медленно вращать шпиль, наматывая канат, до тех пор, пока бриг не вышел из водоворота.

Встав под ветер, он обогнул рифы и бросил якорь в маленькой гавани, рядом с «Сусанной» — так называлась таинственная яхта.

Глава V

НАДОД УЗНАЕТ СВОИХ ВРАГОВ

— Ваш подвиг не имеет себе равных, и мы никогда не забудем, что обязаны вам жизнью! — горячо воскликнул Ингольф, пожимая руки молодым людям. — Знайте же, что семьдесят храбрых моряков никогда этого не забудут, и, если только вам когда-нибудь понадобится их помощь или даже жизнь, вы смело можете на них рассчитывать.

— О, вы преувеличиваете нашу заслугу, капитан,— ответил один из незнакомцев.— Мы с братом выросли в этих местах, и то, что мы сделали сегодня, нам удавалось часто и раньше. Мы очень довольны тем, что нам удалось спасти и сохранить для нашей родины такое прекрасное военное судно.

Эти слова прозвучали укором для всего экипажа, и даже Ингольф не мог скрыть своего замешательства.

Но понимая, что теперь остается только продолжать играть навязанную ему роль до конца, он смело сказал:

— Король узнает о вашем поступке, и я не сомневаюсь, что он пожелает должным образом вознаградить вас.

— Это совершенно лишнее, милостивый государь,— гордо перебил его юноша, молчавший до сего времени.— Если вы считаете себя хоть сколько-нибудь обязанным нам, исполните нашу просьбу и не говорите никому о том, что произошло. Этим вы окажете нам неоценимую услугу.

— Что ж,— произнес Ингольф,— ваше желание будет для меня законом. И все-таки я не могу понять причин, которые заставляют вас поступать таким образом и отказываться от заслуженной награды.

— О, мы вполне довольствуемся сознанием, что оказали помощь своему ближнему, и лучшей награды нам не надо. Оставим этот неприятный для нас разговор, капитан. Но скажите, что заставило вас прийти в эти воды? Обычно военные корабли очень редко посещают их. Вероятно, у вас есть особое задание? Или, быть может, вы ищете дерзкого пирата, Капитана Вельзевула? Говорят, его недавно видели вблизи Эльсинора.

— Нет, нет,— поспешил ответить Ингольф.— Знаменитый корсар меня сейчас нисколько не интересует. У меня только простое поручение, имеющее некоторое гидрографическое значение.

— Знаменитый корсар?! — удивились молодые люди.— Вы делаете слишком много чести этому разбойнику, называя его корсаром. Как жаль, что вам не придется сразиться с ним. Располагая таким прекрасным судном и такой командой, вы без труда избавили бы нас от него.

Это оскорбление из уст человека, которому он был обязан жизнью, заставило Ингольфа позабыть всякую осторожность и благоразумие.

— Вы забываете,— возразил он горячо,— что этот человек обстоятельствами был вынужден стать на скользкий путь пирата. вспомните, какие услуги оказал он Швеции во время войны, а когда она окончилась, его выбросили, как ненужную

ветошь. Он пытался протестовать, а его объявили вне закона. Ему не оставалось больше ничего, как защищаться...

Последние слова Ингольф произнес голосом, дрожащим от волнения.

«Глупец, выдает себя с головой», — подумал Надод, внимательно прислушивавшийся к разговору.

Но Ингольф вовремя спохватился.

— Конечно, я не собираюсь оправдывать его, но все-таки я думаю, что молва была к нему слишком несправедлива.

К счастью, молодые люди не обратили внимания на его волнение, слишком заинтересованные самим рассказом.

— Скажите, капитан, — обратился к Ингольфу старший из них, — правда ли, что этот корсар предательски захватил предоставленный ему во временное пользование бриг?

— Не совсем так, сударь. Ведь Густав III сам выдал ему крейсерский патент, а потом, под влиянием злых наветов, решил поступить с ним, как с пиратом. Тогда он только отказался вернуть свой корабль тому, кто заплатил ему за самоотверженную службу самой черной неблагодарностью.

Молодые люди молча переглянулись.

— В этом поступке легко узнать Густава III... После того, что вы нам рассказали, мы готовы взглянуть другими глазами на этого авантюриста. Будьте спокойны, мы вполне разделяем чувство справедливости, побудившее вас стать на его защиту.

— Подумаешь, какой святоша наш капитан, — мрачно пробормотал Надод. — Жаль только, что он умолчал о своих пиратских подвигах...

В эту минуту на «Сусанне» раздались веселые крики:

— Сюда, Фриц! Сюда! Вот я тебя палкой!

Все оглянулись на яхту. По ее палубе весело прыгал большой белый медведь. За ним с хохотом и шутками гонялись матросы.

— О, медведь вырвался из клетки! — воскликнул Ингольф.

Молодые люди рассмеялись.

— Что вы! Да ведь это ж ручной медведь! Мы его медвежонком подобрали в Лапландии и сами воспитали. С тех пор он бежит за нами, как собака. Когда мы ехали к вам на помощь, он непременно хотел сесть с нами в лодку, и его пришлось запереть. Теперь он вырвался на волю и, услышав наши голоса, хочет пробраться к нам, а матросы его не пускают. Но вы увидите, он скоро будет здесь.

— Вам, вероятно, стоило большого труда его приручить? Ведь эти звери очень дики и злы.

— Совсем нет! Первым долгом мы постарались отучить его от мяса. Для этого мы несколько раз предлагали ему кусок свежего мяса, обернутый раскаленной проволокой. Медведь жадно бросался на мясо и обжигал себе морду, язык и лапы. После этого он болел целый месяц, но зато больше и смотреть не может на мясо.

Тем временем медведь, видя, что матросы закрывают со всех сторон дорогу, полез на грот-мачту и, словно акробат пройдя по грот-рее¹, спустился по касающимся ее снастям «Ральфа» на палубу брига. С радостным ворчанием огромный зверь улегся у ног своих хозяев.

— Как ты смел сюда прийти без позволения! — прикрикнул один из них, притворяясь сердитым. — Пошел назад!

Медведь сконфуженно встал и, опустив свою тяжелую голову, медленно вернулся на яхту тем же путем, каким и пришел.

— Ну а теперь, капитан, — продолжал старший из незнакомцев, — мы должны вернуться на свое судно, так как нас дома ждет отец. Он в полной уверенности, что мы совершаем небольшую прогулку по Розольфскому фьорду.

— Розольфский фьорд! — прошептал Надод. — Неужели Ингольф не спросит, как их зовут?

И, как бы догадываясь о его желании, Ингольф сказал:

— Надеюсь, милостивые государи, что вы, по крайней мере, не оставите нас в неизвестности относительно имен наших спасителей.

И, поклонившись с достоинством, он отрекомендовался:

— Капитан второго ранга шведского королевского флота Эйстен.

Молодые люди ответили изысканно вежливым поклоном.

— Мое имя — Эдмунд, а брата моего зовут Олаф, — сказал старший. — Наш отец — владетельный герцог Норландский. Если время позволит вам, мы будем всегда рады видеть вас у себя.

Дикий крик не то боли, не то радости раздался за ними. Оглянувшись, они увидели Надода, который, покачиваясь на ногах, как будто изнемогая от страданий, спускался в свою каюту.

Тщательно заперев за собой дверь и убедившись, что его никто не слышит, Красноглазый торжествующе поднял свою огромную голову.

— Я не ошибся, — заговорил он дрожащим от возбуждения голосом, — они здесь. Теперь наконец я сумею утолить

¹ Г р о т - р е я, или г р о т - р е й — поперечный брус у нижнего паруса грот-мачты.

всю полноту моей мести. Трепещи, Гаральд Биорн! Ты не сжалился над моей матерью, когда она в слезах валялась у твоих ног!.. Не будет и у меня сострадания к тебе.

Несчастный урод скрежетал зубами; на губах у него выступила пена; единственный здоровый глаз его налился кровью.

В эту минуту Надод был страшен.

Глава VI

НЕПРИЯТЕЛЬСКАЯ ЭСКАДРА

Странное, почти необъяснимое влечение испытывал Ингольф к молодым людям. Он бы охотно принял их приглашение, но тайный договор, заключенный им с Надодом, связывал его и лишал возможности располагать своим временем.

Только что собрался он в как можно более мягкой форме ответить отказом, как к нему подбежал Альтенс.

— Капитан,— проговорил старший помощник,— важные новости!..

Извинившись перед новыми друзьями, Ингольф прошел вместе с Альтенсом в свой кабинет.

— Ну, рассказывай скорее,— нетерпеливо попросил он.

— Эскадра на горизонте, командир; семь военных судов. Без сомнения, они ищут нас.

— О, ты по обыкновению преувеличиваешь все, мой милый Альтенс. Почему же непременно нас?

— А что еще могло привести в Ледовитый океан целую эскадру?

— Да, ты прав.

— Они держат курс на запад и еще не заметили нас, потому что тогда повернули бы в нашу сторону.

— Но не пройдет и часа, как они увидят нас, и тогда...

— Мы попали в мышеловку, командир, и нам остается только... Впрочем, не мне вас учить.

— Говори, говори, старый друг; ты знаешь, как я ценю твои советы.

— Мы бы еще успели скрыться, выйдя в открытое море... Ведь «Ральф» — превосходный ходок.

— Да, но наше бегство обнаружило бы, кто мы такие, а это не входит сейчас в мои расчеты.

— Тогда нам остается только разоружить и расснастить бриг и спрятать его корпус за прибрежные скалы.

— Нет, мне пришло в голову кое-что получше. Знаешь ли ты Розольфсский фьорд?

— Еще бы! Юнгой я плавал на небольшой шхуне, которая доставляла в замок разные товары.

— Как называется этот замок?

— Не знаю. Хозяин при мне никогда не произносил его названия.

— Будет ли там «Ральф» в безопасности?

— О да, командир! «Ральф» сидит очень мелко, а ни одно судно с большим водоизмещением не сумеет пройти в фьорд. Но, насколько мне известно, фьорд составляет часть владений герцога Норландского и без его разрешения...

— Знаю, знаю, и об этом я и хотел с тобой поговорить. Молодые люди, спасшие нас, — сыновья герцога Норландского, и они только что пригласили меня к себе в гости.

— Тем лучше, командир, так как это избавит нас от необходимости спасаться бегством, — бесстрастно ответил суровый моряк.

— Не будем же медлить, Альтенс. Вели поднимать якорь: мы должны войти в фьорд прежде, чем нас заметит эскадра.

Поднявшись на палубу, Ингольф сообщил молодым людям, что с благодарностью принимает их приглашение.

— Думаю, что потеря нескольких дней не будет в ущерб порученному мне делу, — сказал он.

Следом за яхтой бриг прошел узкий проход, образуемый береговыми утесами, и вступил в Розольфсский фьорд.

В это время Альтенс, наблюдавший с марса за вражеской эскадрой, увидел, что она изменила свое направление и пошла к берегу.

Одновременно на одном из кораблей сверкнул огонь, и чуткое ухо старого моряка уловило эхо далекого выстрела. Несомненно, выстрел относился к ним, и эскадра требовала, чтобы они остановились.

Ингольфа это известие несколько не смутило.

— Не знаешь ли ты, какой национальности эти корабли? — спокойно осведомился он.

— Трудно сказать определенно: слишком уж велико расстояние, но мне кажется, что это англичане, — ответил Альтенс.

— Англичане! — воскликнул Ингольф. — О, они дорого заплатят мне за свою дерзость. Прикажи бессленно наблюдать за ними и сообщай мне о каждом их движении.

Несмотря на внешнее спокойствие, Ингольф прекрасно понимал, что положение значительно осложнилось.

Удалившись в свою каюту, он позвал к себе Надода. Общность интересов заставляла Ингольфа ничего не предпринимать, не посоветовавшись со своим сообщником.

Странно было видеть этих двух людей, связанных одной целью и таких различных между собой характером и происхождением. Весь внешний вид Ингольфа говорил о его благородстве, а на уродливом лице Надода отражались самые низменные побуждения.

Как-то невольно возникало представление о том, что Ингольф является только слепым орудием в жестоких руках Красноглазого.

Глава VII БИОРНЫ

Старинное гнездо Биорнов, Розольфский замок, был выстроен еще в девятом веке. Окруженный толстыми зубчатыми стенами, на которых высились четыре башни, и глубоким рвом, наполненным водой, он представлял из себя настоящую крепость.

В то время, когда не было еще огнестрельного оружия, замок этот не боялся никаких осад, и за его неприступными стенами Биорны чувствовали себя в полной безопасности.

Миль на сто в окружности простиралась однообразная равнина, густо поросшая мхом и высоким кустарником, делавшим ее почти непроходимой.

Такое расположение их владений благоприятствовало Биорнам, упорно отстаивавшим свою независимость и не пожелавшим подчиниться даже норвежским королям.

Почти все Биорны были отважными и неустрашимыми мореплавателями. Занимаясь сначала морским грабежом, а потом рыбной ловлей, они составили себе огромное состояние.

Погреба Розольфского замка заключали в себе неисчислимые сокровища, собранные в течение нескольких веков со всех стран света розольфскими кораблями.

На этом богатстве и основывалось главным образом могущество Биорнов, так как фактически вся власть их простиралась только на окружающие замок бесплодные и необитаемые людьми степи и Розольфский фьорд, по берегам которого ютилось пять-шесть сотен жалких жилищ. Эта небольшая территория и составляла Норландское герцогство, наследными герцогами которого являлись Биорны.

О богатстве Биорнов ходили настоящие легенды. Случалось нередко, что даже короли, попав в стесненные обстоя-

тельствва, обращались к Биорнам за помощью, и те охотно ссужали их деньгами, которых никогда потом обратно не просили.

Во время первого крестового похода Биорны вооружили и содержали за свой счет десять тысяч копейщиков.

Они же предложили калифу¹ выкуп за святого Людовика, составлявший неслыханную по тем временам сумму в сто тысяч золотых экю.

Немудрено поэтому, что таинственный Розольфский замок всегда привлекал к себе внимание не только всевозможных преступных организаций и шаяк, но даже коронованных владетелей.

Но все попытки смирить непокорных викингов², как гордо именовали себя Биорны, и завладеть их сокровищами кончались неудачей.

Вопреки дворянскому обыкновению того времени, все старшие в роде Биорнов занимались торговлей и способствовали обогащению рода, а на долю младших выпадала обязанность поддерживать честь и достоинство фамилии.

Как только какому-нибудь из Биорнов исполнялось шестнадцать лет, глава семьи набирал ему полк и отправлял служить во Францию или Россию.

Согласно старинной привилегии, все Биорны, поступая на военную службу, получали генеральский чин.

Был еще один обычай в роду Биорнов, вокруг которого сложились разные предания и легенды.

Живший в четырнадцатом веке Сигурд Биорн родился на свет уродом, не способным ни к какому физическому труду. Обладая прекрасными способностями, он с детства пристрастился к науке. В одной из башен замка была устроена для него лаборатория, в которой Сигурд проводил дни и ночи. Никто не знал, что он там делал, так как величайшим секретом окружил он свою работу. Отблески красного пламени падали из окон лаборатории, придавая фантастический вид старой башне. Говорили, что урод колдует, и люди старательно обходили башню и избегали даже говорить о ней.

Еще при жизни Сигурд открыл свою тайну одному пле-

¹ К а л и ф, или х а л и ф — в ряде мусульманских стран титул государя, являвшегося одновременно главой мусульман. Калифами называли также представителей знати.

² В и к и н г и — скандинавы, участники морских торгово-завоевательных походов в конце VIII — середине XI века в страны Европы. На Руси их называли варягами, в Западной Европе — норманнами. В IX веке захватили Северо-Восточную Англию, в X веке — Северную Францию (Нормандия). Достигли Северной Америки.

мяннику. Тот продолжал работу после смерти Сигурда и в свою очередь избрал себе восприемника. С тех пор один из младших в роде Биорнов посвящал себя научной деятельности.

.

Старый Гаральд Биорн, прозванный Черным Герцогом, отец Олафа и Эдмунда, лет двадцать оставался младшим в роде. Все свое детство он провел среди реторт и колб, изучая науку, которую в то время называли алхимией¹. Внезапная смерть двух его старших братьев, убитых на охоте, возложила на него обязанности главы рода и оторвала от научных занятий. Но ненадолго. Скоро неожиданные события заставили его вернуться к ним.

События эти были настолько значительны, что Гаральд приказал своим сыновьям, которые служили во французском военном флоте, немедленно вернуться на родину.

Напрасно ожидали братья, что отец объяснит им причины, заставившие его пожертвовать их карьерой. Предоставив сыновьям полную свободу в пределах розольфских владений, он заперся в своей лаборатории и почти не покидал ее.

Обреченные на безделье, молодые люди со страстью предались охоте. В сопровождении неразлучных с ними дядек Гуттора и Грундвига и младшего брата, пятнадцатилетнего Эрика, они нередко целыми неделями пропадали в степи, преследуя медведей и волков. Возвращались они нагруженные трофеями, при виде которых лицо Черного Герцога озарялось гордой и счастливой улыбкой.

— Молодцы, сынки! Молодцы! — шептали его старческие губы. — Недаром в ваших жилах течет королевская кровь.

Старый герцог не ошибался, говоря так. Дважды, в 802 и 935 годах, представители рода Биорнов занимали шведский престол. Покуда на троне восседали потомки древних скандинавских вождей, Биорны заботились лишь о сохранении своей традиционной независимости. Но когда на престол был приглашен голштинский принц Адольф-Фридрих, Биорны заявили громкий протест, и с тех пор герцоги Норландские ждали только удобного случая, чтобы снова предъявить на него свои права.

¹ А л х и м и я — донаучное направление в развитии химии (возникло в Египте в III—IV веках н. э.), главная цель которого — нахождение так называемого «философского камня» (особого вещества) для превращения неблагородных металлов в золото и серебро, получения эликсира долголетия и др. Алхимики открыли или усовершенствовали способы получения минеральных и растительных красителей, стекол, эмали, металлических сплавов, кислот, щелочей, солей, а также некоторые приемы лабораторной техники (перегонка, взгонка и др.).

Глава VIII

ПРОПАВШИЕ БЕЗ ВЕСТИ

Счастье и удача сопутствовали Биорнам во всех их начинаниях, и все-таки как будто злой рок тяготел над старинным родом.

У Черного Герцога был младший брат, Магнус. Будучи на двадцать лет моложе Гаральда, он никогда не вмешивался в семейные дела. Единственной его страстью были география и мореплавание.

Шестнадцатилетним юношей он совершил свое первое кругосветное путешествие и с тех пор только на короткое время возвращался домой.

Из своих экспедиций Магнус привозил многочисленные коллекции редкостей, вывезенные им из далеких стран, которые он посещал.

Собранные в одной из башен замка, коллекции эти могли бы сделать честь любому европейскому музею.

За несколько лет до описываемых нами событий Магнус уехал в далекую экспедицию, из которой уже не вернулся. Ходили слухи, что он погиб у берегов Азии, но никто ничего достоверно не знал. Старый же герцог запретил всякие разговоры о пропавшем брате.

Немного времени спустя после этого первого несчастья, посетившего Биорнов, случилось второе: пропал пятилетний сын Гаральда, старший брат Эдмунда и Олафа, Фредерик Биорн.

Случилось это при следующих обстоятельствах.

При рождении Фредерика Биорна к нему, согласно старинному обычаю, приставили в качестве дядьки и товарища игр двенадцатилетнего Надода, сына герцогского камердинера.

Мальчик был умен и добронравен и казался преданным. Вскоре маленький Фредерик безгранично привязался к своему пестуну. Но Над, как сокращенно звали Надода, питал к своему барчонку иные чувства. Хитрый и дальновидный, он только прикидывался преданным, а в душе таил слепую, непримиримую ненависть. Его свободолюбивая гордая натура не могла примириться с сознанием, что отныне он всю жизнь будет служить Фредерику, станет его собственностью, его вещью. Еще детское, но преждевременно развитое воображение Нада рисовало ему в самых заманчивых красках картины бегства из замка и полной свободы.

Однажды, катаясь с Фредериком на лодке по заливу, они встретили неизвестное иностранное судно. И тогда в голове Нада родился ужасный план, продиктованный ненавистью, которая переполняла его маленькое сердце.

Подъехав к кораблю, он рассказал тут же выдуманную им историю о том, что они — бедные сироты, которым нечем кормиться, и так разжалобил капитана, что тот согласился взять на воспитание молодого Биорна.

В ту минуту Надоду казалось, что, избавившись от Фредерика, он снимет с себя тяжелое ярмо рабства, так угнетавшее его.

Но когда корабль скрылся из виду, Над опомнился и ужаснулся тому, что сделал.

Три дня плавал он по фьорду, не осмеливаясь вернуться в замок.

Наконец его отыскали и привели к старому герцогу. С горьким плачем и криками отчаяния он рассказал о том, как маленький Фредерик, перегнувшись через борт лодки, упал в воду и утонул.

Горе старого герцога не знало границ, а месть его была беспощадна. Надода приговорили к сотне палочных ударов, а выполнение приговора поручили слугам герцога Грундвигу и Гуттору.

Привязав голого мальчика к скамье, они с таким усердием принялись отсчитывать удары, что, когда окончили свое страшное дело, перед ними лежала только бесформенная окровавленная масса.

Жизнь еле теплилась в ней, но материнская любовь и заботливость сделали чудеса, и после ужасных страданий в течение нескольких месяцев, когда смерть, казалось, была ближе к нему, чем жизнь, Надод начал поправляться.

Увидев себя впервые после болезни в зеркале, он испустил крик злобы и ужаса: лицо его представляло уродливую маску и внушало отвращение.

Он пытался покончить самоубийством, но мать удержала его.

— Ты права, — сказал он, — я должен жить, чтобы отомстить.

И он поклялся, что не успокоится, пока хоть один из Биорнов остается в живых.

Как только силы позволили ему, Надод покинул родину, и никто из жителей замка его больше не видел. Все розыски Фредерика не привели ни к чему, и решено было, что тело его унесено каким-нибудь подводным течением в море.

В часовне замка поставили Фредерику надгробный памят-

ник, и старый герцог часто приходил туда оплакивать своего первенца.

У Гаральда Биорна была еще дочь Елена. Но она жила со своим мужем, графом Горном, командиром дворянского полка, в Стокгольме.

Таковы были последние представители старинного рода Биорнов, герцогов Норландских, дружинников Роллана и Сигурда, давших Швеции двух королей.

Глава IX КРИК БЕЛОЙ СОВЫ

Ураган, захвативший «Ральфа» и едва не потопивший его, пронесся и над сушей, вызвав не в одном сердце смятение.

Старый Гаральд XIV, герцог Норландский, стоял на опущенном подъемном мосту своего замка.

Черный бархатный камзол плотно облегал его прямую еще, несмотря на шестидесятилетний возраст, фигуру. Из-под камзола виднелись короткие бархатные того же цвета панталоны. Тонкие нервные ноги в шелковых чулках табачного цвета были обуты в туфли с большими пряжками. Голову украшала шапочка из меха чернобурой лисицы с большим бриллиантом.

Правая рука его лежала на осыпанной драгоценными камнями рукояти широкого норвежского меча.

Взор его, привыкший повелевать, как будто хотел проникнуть сквозь мрачные тучи, скрывавшие далекий горизонт.

Во всей позе старика чувствовались напряженное ожидание и тревога.

Приложив к губам небольшой свисток, висевший у него на шее на золотой цепочке, он извлек из него резкий и протяжный звук. Не успело еще замолкнуть вдали эхо, как появился Грундвиг.

— Неужели мои сыновья в такую погоду отправились в море? — спросил герцог.

— Ваша светлость, — пролепетал слуга, — я думаю, что они... не извольте беспокоиться... наверное, они на охоте.

— Ты что-то путаешь, Грундвиг, — сердито оборвал его Гаральд. — Говори правду, где твои господа?

— О, ваша светлость, я полагал, что они уехали на охоту, но, видно, они обманули меня: ведь «Сусанны» нет на месте.

— Горячая кровь! Безумные головы! Когда-нибудь их постигнет та же судьба, что и их дядю Магнуса, — прошептал Гаральд.

— Они больше не хотят слушать моих советов,— продолжал с невыразимой горечью старый слуга.— Слишком стар стал для них Грундвиг. А ведь было время, когда они без меня шагу не могли ступить.

Смахнув непрошеную слезу, старик продолжал с мольбой:

— Ваша светлость, освободите меня от надзора за ними. Мне не под силу эта задача. «Ты не годишься больше в мореплаватели»,— сказали они мне. И уехали сами в такую погоду... А я не с ними, не могу предостеречь их, помочь им своей опытностью.

Но все жалобы Грундвига не достигали своей цели — герцог не обращал на него внимания.

— Да, да! Кровь древних викингов говорит в них,— бормотал он.— Я не могу запретить им рисковать своей жизнью, потому что, когда я приказываю, всякий должен повиноваться. Все Биорны таковы. Только в борьбе со свирепой стихией можно закалить свое тело и дух. Нет, я не могу запретить им это.

Потом, обращаясь к своему слуге, герцог сказал:

— Хорошо, Грундвиг, я освобождаю тебя от обязанности наблюдать за ними. Оставайся по-прежнему их товарищем, другом. Сопровождай их во всех поездках... Помни только, что я не хотел бы, чтобы они без необходимости рисковали жизнью. Еще до сих пор не перестал я оплакивать своего ребенка...

— Ваша светлость, я никогда не верил в его смерть.

— Ты помешан на своей идее найти его, Грундвиг.

— Нет, нет, ваша светлость... Старый Грундвиг знает, что говорит. Море было в тот день спокойно, а Надод плавал как рыба. Никогда бы не дал он дитяти утонуть. К тому же, если ваша светлость вспомнит, в тот день видели в фьорде чужой корабль.

— Ну конечно, и этого было достаточно, чтобы ты вообразил, что ребенка похитили... Но ведь я сам допрашивал Нада и даже обещал ему полное прощение и большую награду. Но он упорно твердил свое: «Ребенок выпал за борт и пошел ко дну. Я не успел его поймать».

— Зачем ему было врать? — продолжал задумчиво герцог.— После этого Надод исчез бесследно. Его, правда, слишком сурово наказали, но ведь и наше горе было велико.

— И все-таки, ваша светлость, я останусь при своем убеждении. Я уверен, что мальчика украли и воспитали в полном неведении о его высоком происхождении. Но когда-

нибудь я найду его. Ведь у каждого Биорна на груди есть знак, выжженный при рождении...

— Но кто мог быть заинтересован в том, чтобы украсть моего сына?

— Ваша светлость забывает, что теперешняя голштинская династия одержала на сейме¹ большинство всего пятью голосами. Они никогда не забудут, что Биорны происходят от древних королей и имеют больше прав на шведский престол. И они боятся, как бы вы не предъявили эти права.

— Но в таком случае почему они не делали попыток украсть других моих сыновей?

— А вы уверены в этом, ваша светлость?

— Стало быть, ты скрыл что-то от меня? — бледнея, с трудом выговорил герцог.

— Никто не знает об этом, кроме меня и Гуттора, а воды фьорда не возвращают шпионов, в них сброшенных.

.

Темнело. Порывы ветра доносили глухой шум бушующего моря.

— Ужасная ночь! — вздохнул герцог. — Как только подумаю я, что эта буря могла их захватить, мое сердце сжимается от страха.

— Они слишком опытные моряки, ваша светлость, и, наверное, заблаговременно укрылись в каком-нибудь фьорде.

Вдруг Черный Герцог вздрогнул. Сквозь шум бури до его слуха донесся слабый звук рога. Он прислушался. Звук повторился, но такой слабый, что его можно было принять за вой ветра.

— Это, должно быть, пастух собирает свое стадо, — сказал Грундвиг.

— Нет, — возразил герцог, — это зов о помощи. Какой-нибудь путник заблудился в скоге².

И, как бы подтверждая его слова, вдали раздался выстрел, а вслед за ним второй.

— На коней, Грундвиг! — крикнул герцог. — И пусть Гуттор возьмет с собой четырех вооруженных людей.

Через несколько минут небольшая группа всадников выехала из ворот замка и, пригнувшись к шеям коней, помчалась в ту сторону, откуда раздались сигналы о помощи.

Добрые степные лошадки привычно находили дорогу в темноте.

¹ С е й м — сословно-представительный орган в некоторых феодальных государствах.

² С к о г — степь.

Не проехали всадники и двух миль, как Гаральд и Грундвиг, ехавшие впереди, внезапно остановились. Перед ними, посреди дороги, черным силуэтом вырисовывались фигуры человека и лошади. Казалось, человек старался успокоить свою лошадь, которая была чем-то испугана и рвалась из его рук.

Грундвиг сейчас же узнал того таинственного незнакомца, который в последнее время несколько раз появлялся на короткое время в Розольфсе.

Увидев прибывших, незнакомец радостно воскликнул, но Гаральд быстрым движением приложил палец к губам.

Обернувшись к своим спутникам, герцог сказал:

— Поезжайте домой. Вы мне больше не нужны.

Четыре всадника прищипорили коней, и скоро топот их копыт растаял в ночной мгле.

Тогда Гаральд приблизился к незнакомцу.

— Что у тебя случилось, Анкарстрем?

— Черт возьми, вы немного опоздали. Я сам справился с ним. Взгляните.

При слабом свете захваченного с собой фонаря Гаральд и Грундвиг увидели тушу пещерного медведя, лежавшего в луже дымящейся крови. В груди медведя по самую рукоятку торчал кинжал.

— Ловкий удар! — воскликнул герцог. — Узнаю руку, нанесшую его. Но все-таки ты счастливо отделался.

— Право же, герцог, я недостоин вашей похвалы. Все это случилось помимо моей воли. Я рассчитывал приехать в замок еще засветло, но меня захватил ураган. В темноте я потерял дорогу и решил, что заблудился. Тогда я стал трубить в свой рог в надежде, что меня услышат в замке. Вдруг моя лошадь взвилась на дыбы и чуть не сбросила меня. В то же время я услышал свирепое рычание. Раздумывать было некогда. Я соскочил с седла и увидел темную массу прямо перед собой. Отскочив в сторону, я вонзил в медведя свой кинжал, а потом, когда он упал, добил его двумя выстрелами из пистолета.

— И все-таки тебе нельзя отказать в мужестве и хладнокровии. Какие новости ты привез мне, Анкарстрем?

— Чрезвычайно важные, герцог... Могу я говорить?

— О, здесь нас никто не услышит, а от Грундвига у меня нет тайн.

— Решительный час пробил, герцог! Мы должны действовать. Народ недоволен тяжелыми поборами и волнуется. В среде дворянства тоже брожение: Немец, занимающий престол Биорнов и Ваза, распустил дворянский гвардейский

полк. Это переполнило чашу терпения и оттолкнуло от короля тех, кто еще колебался. Ваш зять, граф Горн, который командовал дворянским полком, примкнул к национальной лиге.

— Не может быть!

— Я вам представлю доказательства. Армия ждет только сигнала...

— Послушайте, ваша светлость,— перебил его Грундвиг,— есть вещи, которые не следует доверять даже ветру, дующему в степи. Вспомните Сверра и Эйстена, позорно погибших от руки палача. А ваш отец, павший от руки неизвестного убийцы!..

— Твоя осторожность граничит с трусостью, Грундвиг. Ну, скажи, кто осмелится прийти в такую ночь в ског? Слышишь, какой вой подняли волки? Они растерзают всякого, кто рискнет забраться сюда.

— Ах, ваша светлость, я сегодня ночью слышал странные звуки... Да вот, извольте прислушаться сами.

Со стороны моря совершенно явственно донесся крик какой-то птицы.

— Белая сова,— прошептал герцог.

И тотчас же откуда-то слева раздался ответный крик.

— Вы правильно сказали, ваша светлость, это кричит белая сова. Но откуда здесь быть теперь этой птице? Ведь она на лето улетает от нас в Лапландию... Тридцать пять лет тому назад была точно такая же ночь и точно так же у меня было дурное предчувствие. Точно так же кричали зловещие птицы... Ваш родитель, благородный герцог Эрик, не послушал меня тогда и уехал на охоту, а домой его привезли пронзенным семью кинжалами.

— Ваш слуга прав, герцог,— вмешался Анкарстрем.— Немец догадывается о том, что против него что-то готовится, и разослал всюду своих шпионов. Осторожность не будет лишней.

— В таком случае поспешим в замок,— сказал Гаральд.— Мне не терпится поскорее узнать ваши новости, а там, я ручаюсь, нас никто не подслушает.

И вскочив на своих лошадей, три всадника стрелой полетели по дороге в Розольфский замок.

Глава X

ДВА ШПИОНА

— А ведь знаешь, Анкарстрем,— сказал герцог, не в силах долее сдерживать свое нетерпение по пути в замок,— со времени твоего последнего посещения я возобновил свои ста-

рые занятия и мне удалось добиться того, о чем просил меня мой зять, граф Горн.

— Вы изобрели бездымный порох и беззвучный пистолет?

— Да.

— В таком случае дни Немца сочтены.

— Как, разве вы не удовольствуетесь его отречением?

— Никогда. Слишком много крови на его совести.

— Но кто же решится поднять на него руку?

— Жребий выпал мне.

И, склонившись к самому уху Гаральда, ехавшего бок о бок с ним, Анкарстром прошептал:

— Через две недели Немец дает костюмированный бал, на который приказано явиться всем дворянам. Граф Горн знает костюм, в котором будет король, и даст мне знак, обратившись к нему со словами: «Здравствуй, прекрасная маска!» После этих слов Немец упадет мертвым.

— Но ведь это будет убийство!

— А разве вашего отца не убили, заманив в западню? Кровь наших лучших людей вопиет о мщении!..

Увлечшись разговором, они придерживали лошадей и ехали почти шагом.

— Навряд ли мои сыновья согласятся принять участие в заговоре, имеющем целью...

— Тише, ваша светлость, ради Бога, тише! — перебил герцога Грундвиг, беспокойно оглядываясь вокруг.

И как бы в подтверждение его опасений шагах в двадцати от всадников прозвучал резкий крик белой совы и повторился с другой стороны дороги.

Черный Герцог невольно вздрогнул. Крик этой зловещей птицы показался ему плохим предзнаменованием.

— Проклятая птица! — выругался Анкарстром. — Попадись только ты мне в руки, я тебе сверну шею.

— Это не птица, — проворчал старый слуга.

И так как до замка было уже недалеко, он приложил к губам рог и протрубил, давая знать о приближении герцога.

Лошади уже не нуждались в поводьях. Почувяв конюшню, они сами перешли на рысь.

.

Как только всадники скрылись из виду, из кустов, группами разбросанных по долине, выскочили два человека и быстро зашагали по направлению к морю.

— Боюсь, что Сборг тебя не похвалит, — сказал один из них. — Ведь нам строго приказано не вызывать никаких подозрений в жителях замка.

— О, я не мог удержаться, чтобы не подразнить немного этого старого плута Грундвига...

— ...И навести его на наш след. Впрочем, это твое дело. Я здесь ни при чем, и если Сборг будет недоволен, то ты разбирайся с ним, как сам знаешь.

— Ты преувеличиваешь, Трумп! Нельзя придавать такое значение простой шутке. Здесь все отлично умеют подражать крику белой совы. В худшем случае, Грундвиг заподозрит, что это перекликалась какая-нибудь запоздавшая пара.

— Ну да, Торнвальд, у тебя на все найдется отговорка. Ты за словом в карман не полезешь.

— Это потому, что я опытнее тебя, дружище. Ты ведь еще только новичок у нас, а я уже травленный волк. Поверь, что тебя недаром прикомандировали ко мне. Следуй только моим советам, и из тебя выйдет отличный «грабитель».

— Послушай, Торнвальд, а кто такой наш Сборг?

— Хорошенько и сам не знаю. Он, как и ты, у нас недавно, но сам Пеггам ему безгранично доверяет. Лучшим доказательством служит то, что он назначил этого Красноглазого начальником нашей экспедиции. Ну и негодяй же этот Пеггам! Шестьдесят лет подряд он душит и грабит людей, а между тем в Англии пользуется безупречной репутацией честного человека.

— Как это странно!..

— Подожди немного, еще не такие странности увидишь. Только держи язык за зубами, если дорожишь своей шкурой. Мы находимся в руках общества, девиз которого: «Повинуйся и молчи». И, главное, помни, что «Грабители морей» никогда не прощают своих изменников.

— Ты пугаешь меня.

— Пока у нас нет оснований бояться. Свое дело мы сделали: ребята наши расставлены в указанных местах и снабжены провиантом на три дня. А, кроме того, мы проследили незнакомца, приехавшего в замок. Полагаю, что на этот раз мы угодим Сборгу.

Так разговаривая, приятели дошли до фьорда и пошли вдоль его извилистого берега.

На одном из поворотов они неожиданно увидели красивую яхту, за которой следовал большой корабль. С этого корабля только пять дней тому назад высадили их Красноглазый вместе с десятком других негодяев.

— Ба! Да ведь это «Ральф»! — изумился Торнвальд.

— Ну и молодец наш Сборг! На этот раз розольфским миллионам не миновать его рук.

Глава XI

ИСТОРИЯ НАДОДА

Когда Ингольф послал за Надодом, желая предупредить его о неожиданных изменениях, внесенных случаем в их планы, Красноглазый просил отложить разговор, ссылаясь на головную боль.

Такой ответ был как нельзя более кстати для Ингольфа, так как давал ему время свободно обдумать создавшееся положение.

В свою очередь, и Надоду предстояло разрешить немало-важные вопросы.

Узнав о том, что их спасители были сыновьями его злейшего врага, он с тревогой спрашивал себя: согласится ли Ингольф дальше помогать ему, если узнает всю правду? Ему пришла в голову мысль устранить Ингольфа и взять в свои руки руководство экспедицией. Но он знал, что ни один из матросов «Ральфа» не пойдет против своего капитана.

Если бы в распоряжении бандита было больше времени, он попробовал бы привлечь на свою сторону команду подкупам и обещаниями. Но времени не было.

С другой стороны, узнай Ингольф о его происках, он не преминет застрелить своего сообщника как бешеную собаку.

Тогда Красноглазый решил предоставить событиям идти своим чередом.

Но прежде чем перейти к дальнейшему рассказу, не лишним будет раскрыть ту тайну, которая связывала Ингольфа с Красноглазым.

В последнем читатель, вероятно, уже узнал бывшего розольфского крепостного Нада.

Со времени своего бегства из замка Над вел такую жизнь, которая очень скоро довела его до тюрьмы.

По выходе из Эльсингорского острога Надод сделался грозой всего Стокгольма.

Но благодаря предательству одного из своих сподвижников он был скоро пойман и приговорен к каторжным работам.

Когда его привели на эшафот и палач собрался приложить к его плечу раскаленное клеймо, он вырвался, и понадобился целый взвод солдат, чтобы его укротить.

Свыше двадцати побегов из острогов и тюрем насчитывал Надод в своем прошлом.

Никакие чрезвычайные меры предосторожности не могли его удержать, и только исключительная наружность по-

могала его ловить. Но все-таки он каждый раз совершенно непостижимым образом исчезал снова.

Сначала он занимался только грабежами и воровством. Но после своего двадцать первого побега он дал слово отомстить своим судьям.

В одно прекрасное утро все пять разбравших его дело и вынесших ему каторжный приговор судей были найдены зарезанными в своих постелях.

Это происшествие взволновало общественное мнение. Была поставлена на ноги полиция всех государств Европы.

Надоду поймали и приговорили к смерти.

Казалось, на этот раз бегство было невозможно. Но Надод не терял надежды.

Притворившись больным, он целый месяц пролежал, не двигая правой рукой и правой ногой и скривив ужасным образом правую часть лица. Тюремный врач легко поддался обману и констатировал паралич правой половины тела, заявив при этом, что больному остается недолго жить.

В тот день, в который состоялся побег, преступнику стало, по-видимому, гораздо хуже, и тюремное начальство пригласило к нему пастора.

Пришедший пастор попросил, чтобы их оставили наедине. При виде его Надод еле внятно прошептал:

— Зачем вы смущаете последние минуты моей жизни?

— Раскайся, сын мой,— ласково обратился к нему пастор,— и подумай о том, кто смертью своей искупил наши грехи.

— Убирайтесь вы к черту с вашими грехами! — нашел в себе силы выговорить умирающий.

— Искреннее раскаяние искупает всякий грех,— продолжал увещевать пастор.

— Уберешься ли ты, наконец, отсюда?! — прохрипел закоренелый негодяй, начиная выходить из себя.

— Полегче, Надушка, полегче! — заговорил, вдруг меняя тон, странный пастор.— Здесь нет шпионов.

— Кто ты такой? — воскликнул преступник.

— Какое тебе дело? Меня послали, чтобы спасти тебя...

— А что, если ты шпион?

— Глупец! Если ты считаешь меня шпионом, зачем же ты шевелишь правой рукой, которая у тебя поражена параличом?

Надод смущенно молчал.

— Скажи,— продолжал пастор,— хочешь ты иметь власть приказывать и быть начальником людей, которые по одному твоему слову пойдут в огонь и воду?

— О, с такими людьми я переверну весь мир!

— Вот, возьми, — сказал ложный пастор, вынимая из-под рясы сверток. — Здесь все необходимое для побега. «Грабителям» нужны люди твоего закала. Как только ты освободишься, приезжай в Чичестер и спроси нотариуса Пеггама. Условным паролем будут служить слова: «Я тот, кого ждут».

И быстро засунув под постель сверток, пастор проговорил смиренно:

— Да будет с тобой мир, сын мой!

Надод слегка повернул голову и понял: дверь в это время отворилась, и посетителю снова пришлось играть роль пастора.

— Ночи не проживет, — сокрушенно прошептал мнимый пастор, выходя из камеры.

Глава XII

«ГРАБИТЕЛИ МОРЕЙ»

По старым тюремным правилам, освещать камеры полагалось только с семи и до десяти часов вечера. Вот это-то обстоятельство и было на руку Надоду.

Воспользовавшись минутой, когда оба сторожа, из которых один неотлучно дежурил в его камере, а другой — перед ней, вышли куда-то, он развернул принесенный ему сверток. В нем оказались костюм сестры милосердия и бритва.

Первой мыслью Надода было перерезать горло своим сторожам и, переодевшись, бежать. Но он вовремя вспомнил, что ему придется проходить через гауптвахту, где его одного, конечно, не пропустили бы.

Тогда в его голове быстро созрел другой план.

Быстро выбрившись, он переоделся в платье сестры милосердия, а из своего платья сделал чучело и положил на постель под одеяло. Потом, опустившись на колени, он принялся ждать.

В это время было уже настолько темно, что обман не мог броситься в глаза.

Вернувшийся сторож был поражен, застав в камере преступника благочестивую сестру. Впрочем, ее вид не вызвал у него подозрения. Сестры общины милосердия нередко посещали тюрьму, облегчая последние минуты приговоренных к смерти.

— Кто вас сюда впустил, мать честная? — спросил он.

— Сам господин директор по рекомендации того пастора, который был у узника. Но этот несчастный отвернулся к сте-

не и ругаясь заявил, что он не хочет меня слушать и не нуждается в моих молитвах,— проговорил Надод шепотом, чтобы не выдать своего голоса.

— Будьте уверены, что так оно и есть, матушка,— ответил старик.— Я так думаю, что вы не знаете, к кому вас послали.

— Нет.

— Это знаменитый разбойник и убийца, Надод Красноглазый. Когда его привели к нам, он сказал: «Менее чем через месяц я убегу отсюда, и это будет мой двадцать второй побег». Он мог бы прибавить «и последний», так как ему поневоле придется скоро выйти отсюда, но только ногами вперед и не иначе, как в деревянном ящике.

— Я полагаю, что мне здесь нечего делать,— прошептала сестра милосердия.— Мое присутствие неприятно ему.

Все нервы Надода были напряжены до крайности. Пот крупными холодными каплями выступил на его лице.

— О, вы не добьетесь от него ни звука, сестра. Ступайте с Богом. Я провожу вас.

Надод облегченно вздохнул.

Не торопясь, сторож выбрал из целой связки нужный ему ключ и открыл дверь камеры.

— Ты подождешь здесь, Иогансон,— сказал он второму сторожу и, равнодушно насвистывая, пошел вперед по коридору, показывая дорогу.

Через каждые десять метров открывалась железная дверь и захлопывалась со зловещим стуком, заставляя трепетно сжиматься сердце Надода.

Каждая такая дверь была новым шагом к его свободе.

— Скажите, сестра,— обратился к нему сторож,— вас господин директор через канцелярию провел?

Бандит похолодел от ужаса. Он вспомнил, что по тюремным правилам все посетители должны были проходить через канцелярию, которая при входе и выходе удостоверяла их личность.

— Нет! — растерянно прошептал он.— Господин директор провел меня прямо в камеру.

— В таком случае и мы сейчас пройдем тем же путем.

Свернув в боковой коридор, сторож открыл дверь на гауптвахту и, пропустив туда сестру, объявил:

— По приказанию господина директора.

— Пароль? — спросил караульный начальник.

— «Бдительность и верность!» — шепнул сторож на ухо солдату.

— Проходите!

Лицо благочестивой сестры было закрыто покрывалом. Сторож проводил ее до самого выхода.

— До свиданья, благочестивая мать! — сказал он, низко кланяясь.

Надод был свободен.

В нескольких шагах от тюрьмы его ожидал экипаж, запряженный парой быстрых лошадей.

Когда через десять минут было обнаружено исчезновение преступника и со стороны тюрьмы раздался пушечный выстрел, бандит был уже далеко.

Посланная по горячим следам погоня вернулась ни с чем.

.

Тюремный сторож лишился своего места. Это была еще сравнительно легкая кара, но для него она была ужасна, так как он был единственным кормильцем в семье.

Как-то вечером сидел он, окруженный женой и детьми, и с отчаянием думал о приближающихся голодных днях. Вдруг в дверь постучали, и вошедший незнакомец положил на стол небольшой кожаный мешок и без слов удалился.

В этом мешке оказалось двадцать тысяч золотых талеров и записочка, коротко гласившая: «От сестры милосердия».

.

Надод исчез бесследно.

В это время только что окончилась Семилетняя война, в которой принимали участие Пруссия, Франция, Австрия и Россия.

Опустошенная и обессиленная Европа представляла благодатные условия для развития всевозможных преступных обществ и организаций, носивших разнообразные названия: «Рыцари Шварцвальда», «Нагреватели», «Вольные товарищи», «Рыцари горных стран» и «Грабители морей».

Самым значительным из этих обществ было «Грабители морей», отличавшееся большим размахом своих операций. Они действовали не только на море, но и на суше. В их распоряжении находились многочисленные корабли, прекрасно вооруженные и снабженные хорошо подобранным экипажем, и сухопутные шайки.

Прежде чем приступить к делу, «грабители» получали самые точные указания от своих агентов, среди которых многие принадлежали к высшему свету и занимали важные государственные посты.

Так, когда шайка «грабителей» собиралась ограбить какой-нибудь дворец, начальник ее получал точный план рас-

положения комнат с подробным описанием их и ключи от всех дверей.

У «грабителей» были могущественные покровители и заступники, и нередко случалось, что, пойманные на месте преступления, они непонятным образом освобождались от наказания.

Это объяснялось тем, что «грабители» часто действовали в интересах отдельных высокопоставленных лиц.

Невольными свидетелями одного из таких преступлений оказались Эдмунд и Олаф Биорны.

Спрятавшись за утесами в бухте одного островка в Северном море, они наблюдали, бессильные что-либо предпринять вдвоем против шестидесяти, как бандиты бросили в море отца, мать и пятерых детей.

Несчастные молили о пощаде.

— Мой брат хочет получить мой титул и мое состояние, — говорил отец. — Я уступаю ему все. Только не губите нас! Составьте протокол о нашей смерти и высадите нас на одном из островов Тихого океана. Никто никогда не узнает о нашем существовании.

Но негодяи были безжалостны.

Убийством руководили два человека, в одном из которых молодые люди впоследствии узнали чичестерского нотариуса Пеггама, а лицо и атлетическая фигура другого были скрыты плащом. Это был Надод.

Вне себя от того, что им пришлось увидеть, братья дали торжественную клятву во что бы то ни стало разыскать убийц и достойно наказать их.

Глава XIII ПРЕСТУПНЫЙ ЗАГОВОР

Сокровища Розольфсского замка представляли слишком заманчивую добычу, чтобы «Грабители морей» не сделали попытки овладеть ими.

Была организована специальная экспедиция, начальство над которой поручили Надоду; в его же распоряжение были предоставлены все силы и все средства общества.

Однако Красноглазый скоро убедился, что легкие корабли «Грабителей» были бессильны против толстых стен, пушек и эскадры из семи быстроходных и хорошо вооруженных кораблей, составлявших надежную защиту Розольфсского замка.

Тогда Надод решил действовать иным путем.

Он обратился к любимцу шведского короля и первому министру двора Гинго, рекомендуя ему средство для укрепления королевского трона.

Надо сказать, что положение Густава III было в то время довольно шатким. Дворянство ненавидело его, и со всех сторон ему угрожали заговоры. Даже в придворных кругах открыто поговаривали о том, чтобы восстановить на шведском престоле династию Биорнов.

Понятно, министр с радостью ухватился за сделанное ему предложение.

Бандит и королевский любимец встретились на нейтральной территории, в Англии.

Надоду очень легко удалось убедить Гинго в том, что душою всех заговоров против короля являлись Биорны и что в целях водворения в Швеции мира и спокойствия необходимо уничтожить этот мятежный род.

— Какой же поддержки вы ждете от нас и какой награды потребуете себе в случае успеха? — спросил министр.

— Мне необходим военный корабль с тридцатью пятью пушками и шестьюдесятью матросами, — ответил Надод. — И вы должны гарантировать отмену всех вынесенных мне судебных приговоров. Кроме того, мне должно быть пожаловано дворянское достоинство и предоставлено право разделить со своими помощниками все то золото, которое будет найдено в замке.

— Я согласен, — ответил титулованный негодяй. — Только вы сами понимаете, что предоставить в ваше распоряжение военное судно я не могу. Это значило бы скомпрометировать себя окончательно и ускорить свое падение. Постарайтесь обойтись собственными силами.

— Нет, — возразил Надод, — без корабля я ничего не смогу сделать.

Некоторое время министр молчал, погруженный в глубокое раздумье. Потом он радостно воскликнул:

— Постойте! Мне пришла в голову великолепная идея. После войны с Россией мы совершили большую несправедливость, не выдав обещанного патента на звание капитана корсару Ингольфу. С тех пор он пиратствует, мстя нам за нанесенную ему обиду. Вот человек, какого вам надо. Разыщите его и предложите ему от нашего имени прощение и чин капитана первого ранга. Я уверен, что вы сговоритесь с ним, но только помните, что убийство Биорнов должно носить характер случайного преступления.

— Вы думаете, что Ингольф поверит вторично вашему обещанию? — усомнился Надод.

И он поставил условием, чтобы ему были выданы на руки королевская грамота о полной амнистии и о даровании патента капитану Ингольфу.

Положение было настолько серьезное, что Гинго обратился к королю, и тот без колебания поставил свою подпись.

Разыскать Ингольфа не представило для Надода большого труда. Описав ему в ярких красках положение короля, он взывал к его чувству благородства и великодушия.

— В случае нашей удачи и поражения заговорщиков, — закончил хитрый негодяй, — друзья короля сумеют выхлопотать для тебя все, чего ты захочешь. К тому же в замке нас ожидает богатейшая добыча.

Королевские грамоты Надод приберег на тот случай, если бы Ингольф заупрямился.

Но, к его удивлению, пират легко согласился.

Новые сообщники отправились к нотариусу Пеггаму, у которого заключили формальный договор. Но, помимо того, Надод взял с Ингольфа честное слово, что тот ни под каким видом не изменит общему делу.

Так собиралась над головой Гаральда и его сыновей гроза, о которой никто в Розольфсе и не помышлял.

.

Перед вечером «Сусанна» и «Ральф» вошли в Розольфскую гавань и бросили якоря рядом.

Эдмунд и Олаф поспешили представить отцу нового друга, и старый герцог гостеприимно пригласил Ингольфа к обеду.

Когда, одетый в парадный мундир, сохранившийся у него еще со времени войны, Ингольф явился в замок, Грундвиг, вышедший встретить гостя, почувствовал внезапное волнение и должен был прислониться к стене, чтобы не упасть.

— Что с тобой, любезный? — ласково спросил Ингольф, подходя к старику и поддерживая его.

— Голос герцогини!.. — бормотал про себя верный слуга. — А сходство какое!.. Неужто я схожу с ума?..

Изумленный капитан стоял в нерешительности, не зная, что ему предпринять.

Появление Эдмунда вывело его из затруднительного положения.

— Что ж ты, Грундвиг, задерживаешь моего друга? — спросил юноша. — Нездоровится тебе, что ли?

И, взяв под руку Ингольфа, он увлек его в глубину старинных сводчатых зал.

— Дай Бог, чтобы это оказался он!.. — пролепетал старый слуга.

Глава XIV АНГЛИЧАНЕ!

В конце обеда, за которым Ингольф успел завоевать симпатии всех присутствующих своей веселостью и умением держать себя, явился матрос одного из розольфских кораблей и сообщил герцогу, что у входа в фьорд остановилась английская эскадра, а один корабль — с адмиральским флагом — вошел в канал, несмотря на предостережение, поданное ему береговым телеграфом.

Фьорд входил в состав Норландского герцогства, и никто не имел права посещать его без разрешения герцога.

— Какая дерзость! — гневно воскликнул Гаральд. — Почему же в них не стреляли?

— Начальник береговой стражи не осмелился на это, но он протянул цепи у Адских ворот и остановил английский корабль. А когда командир последнего пригрозил, что наведет свои пушки и разобьет цепи, начальник заявил, что не замедлит открыть огонь со всех батарей и потопит его судно.

— Вот это достойный ответ! А что он сделал потом?

— Прислал меня к вашей светлости за приказаниями.

Гаральд тут же продиктовал своему секретарю следующее письмо, адресованное командующему английской эскадрой.

«Гаральд XIV, верховный владетель герцогства Норландского, предписывает командиру английского судна немедленно удалиться из Розольфского фьорда, входящего в состав территории герцогства, под угрозой насильственного удаления. О том же предупреждается вся эскадра, которой дается срок до солнечного восхода.

Гаральд XIV, герцог Норландский».

Слепому случаю было угодно, чтобы имя Биорнов опять не было упомянуто.

Когда посланный удалился, старый герцог, обращаясь к Ингольфу, возмущенно сказал:

— Подумайте, англичане пользуются слабостью совре-

менной Европы и присвоили себе право заходить в любые порты, когда им заблагорассудится. Но, слава Богу, я располагаю достаточными средствами, чтобы заставить всякого уважать мои права. И если бы даже пришлось дать бой англичанам... шесть кораблей...

— Семь, ваша светлость,— перебил его с живостью Ингольф.

— Ошибаетесь, капитан. Седьмое мое судно, «Сусанна» — только увеселительная яхта.

— И все-таки у вас будет семь кораблей, считая мой бриг, потому что я тоже решил принять участие в битве.

— Как! Но ведь вы можете ответить за это перед своим правительством.

«Ваша светлость! — хотелось крикнуть Ингольфу. — Я не тот, за кого вы меня принимаете. Я — знаменитый пират. Я — Капитан Вельзевул. Прикажите меня арестовать за вашей трапезой, и вы избегнете необходимости проливать кровь из-за меня».

Но он вовремя вспомнил о своей команде, слепо доверявшей ему, и понял, что не имеет права рисковать жизнью этих храбрых людей.

— Не беспокойтесь, ваша светлость,— ответил он. — Я буду сражаться под вашим флагом, и никто никогда не узнает моего настоящего имени.

Последние слова были произнесены с какой-то странной улыбкой, но смысла ее никто не понял.

— Браво, капитан! — с юношеским жаром воскликнул герцог. — Это будет уже третья морская битва за честь герцогства Норландского. Датчане и голландцы кое-что помнят об этом.

Олаф и Эдмунд, радуясь случаю помериться силами с англичанами, горячо пожали Ингольфу руку.

— Если только мы их победим,— прошептал старый герцог на ухо Анкарстрему,— это будет полезно для наших планов.

— Это вызовет всеобщий восторг в Швеции и Норвегии,— отозвался тот,— и тогда не может быть никаких сомнений, что сейм остановит свой выбор на Эдмунде.

.

Громкий рокот норвежской военной трубы прокатился по окрестностям замка. Это герцог сзывал своих вассалов на защиту замка.

Глава XV

ИНГОЛЬФ ПРИНИМАЕТ РЕШЕНИЕ

Стояла прекрасная полярная ночь, полная необычайной тишины и бесчисленных звезд, уронивших свое отражение в темные воды фьорда, когда Ингольф вернулся на палубу своего брига.

Здесь его с нетерпением ждал Надод, решившийся, наконец, открыть сообщнику свои карты.

— Я запоздал, — сказал Ингольф. — Но сейчас произошли события чрезвычайной важности, и я хотел бы с тобой поговорить о них. Мне кажется, что нам придется отказаться от нашей экспедиции.

Лицо Красноглазого перекосилось от бешенства, но он сдержал себя.

— Само собой разумеется, я здесь ни при чем. Вероятно, кто-то пронюхал о наших замыслах... И вот английская эскадра из семи кораблей стоит у входа в фьорд. Конечно, они имеют в виду только нас. Но герцог-то этого не знает, и он решил дать англичанам сражение, чтобы заставить их уйти из его владений. А так как розольфские корабли численно слабее английских, то я предложил герцогу свой бриг. Не мог же я равнодушно смотреть, как они будут защищать меня!..

Волосатые руки Надода судорожно сжались.

— А потом, — спросил он хриплым голосом, — когда англичане уйдут?..

— Я буду продолжать экспедицию.

Гнев бандита остыл. Значит, Ингольф не собирался изменять ему. И Красноглазый рискнул взять быка за рога.

— Послушай, — обратился он к Ингольфу. — Я тоже хотел сделать тебе одно важное сообщение, но прежде скажи: способен ли ты нарушить свое слово?

— Никогда!

— Даже если б от этого зависела твоя жизнь?

— Да.

— А для спасения жизни своего друга, благодетеля?..

— Разумеется, нет.

— Ты твердо уверен в этом?

— Конечно.

— Знай же, что те люди, которым я собираюсь так жестоко отомстить, не кто иные, как владельцы Розольфского замка, Биорны, герцоги Норландские.

Несколько минут Ингольф стоял совершенно ошеломленный.

— Герцог Норландский... Биорн...— проговорил он наконец,— сыновья которого рисковали жизнью, чтобы спасти нас...

И внезапно вспыхнув, он выкрикнул:

— Нет! Этого не может быть! Неужели ты считаешь меня подлецом, Надод?!. Чтобы я заплатил такой черной неблагодарностью моим спасителям!..

— А! Так ты отказываешься! — зарычал урод и, выхватив из кармана пистолет, он направил дуло его в грудь собеседника.

Но тот ловким ударом выбил пистолет из его рук.

— Негодяй! — крикнул Ингольф, хватая Надода за горло.— Мне ничего не стоит задушить тебя.

— Пощады, пощады! — взмолился Красноглазый.— Вспомни свое слово.

Это напоминание сразу отрезвило Ингольфа и заставило его выпустить своего противника.

— Счастье твое, что я дал слово,— пробормотал он.

Как только Надод почувствовал себя свободным, он сразу перешел в наступление, не давая опомниться своему врагу.

— Выслушай меня, Ингольф,— вкрадчиво сказал он.— Ты должен простить мне мою вспышку. Я двадцать лет ждал этой минуты и теперь, когда мне показалось, что месть ускользает от меня, я совершенно обезумел. Взгляни на меня! Взгляни на это обезображенное лицо! Разве не вызывает оно у каждого отвращение?.. Да, я урод, жалкий урод!.. А ведь когда-то и я был молод... И всем этим я обязан Биорнам!..

— Но они спасли нас!

— И погубили меня.

— Но ведь Олаф и Эдмунд невиновны!

— А мои родители, умершие от горя, были виновны?

Что было делать Ингольфу? Тщетно напрягал он свои мозги, стараясь найти выход из положения.

Вдруг его внимание привлек какой-то крик, донесшийся с берега.

— Что это такое? — спросил он.

— Ничего,— смущенно ответил Надод.— Это сова. Разве ты никогда не слышал, как она кричит?

— Нет, мне показалось...

Вторично на берегу раздался крик совы.

— Это похоже на сигнал.

— Да, ты прав,— сказал Надод, предпочитая игру в открытую.— Это мои сыщики дают мне знать, что все готово для нападения на замок. Несколько дней назад ты сам высадил пятнадцать человек на берег. Как видишь, я обо всем

позаботился, и тебе придется только помочь нам взять замок. Все остальное тебя не касается. Конечно, свою долю в добыче ты получишь.

Ингольф понял, что он не в силах остановить меч, занесенный над головой Гаральда и его сыновей. Тогда он попробовал выиграть время, надеясь придумать какой-нибудь другой способ помешать Красноглазому осуществить свое намерение.

— Хорошо, — сказал он. — Я дал слово и сдержу его. Но как можем мы что-нибудь предпринять в виду английской эскадры? К тому же герцог собрал в замок всех своих вассалов для его защиты.

— О, не беспокойся об этом. У меня есть средство заставить англичан немедленно удалиться. Достаточно будет дать знать командиру эскадры, что перед ними не простой пират, а офицер королевского шведского флота...

И, вынудив из-за пазухи королевский указ, восстанавливающий прежнего пирата во всех правах, он торжественно вручил его пораженному Ингольфу.

С некоторого времени Ингольф ловил себя на странных ощущениях. Ему казалось, что замок Розольфс и окружающие его фьорды, берега и степи каким-то непостижимым образом знакомы ему, как будто он уже когда-то видел их, бывал здесь. Какие-то смутные воспоминания, в которых он был пока не в силах разобраться, зарождались в нем.

Огромный ветвистый дуб возле замка вызывал в нем чувство, близкое к волнению.

Точно под таким дубом играл он в своем далеком детстве. Так уютно было под густой сенью столетнего гиганта, а рядом с ним стоял каменный рыцарь и держал в руке копьё.

Повернувшись к старому замку, Ингольф отыскал глазами дуб. Что это? Не галлюцинация ли? Статуя стояла там, где он и ожидал ее увидеть.

Прохладный ночной ветерок легко и ласково касался разгоряченного лба...

Вдоль всего берега мелькали маленькие и большие огни. То розольфсцы готовились к защите замка.

.

Громкие голоса, раздававшиеся на палубе «Сусанны», вывели Ингольфа из задумчивости.

Оба корабля стояли так близко друг от друга, что он ясно различал слова говоривших.

— Какая славная ночь, Анкарстрем! — произнес первый

голос.— И все-таки мне хочется, чтобы она поскорее прошла. Я горю нетерпением узнать, что ждет нас с рассветом.

— Позвольте мне, герцог, не разделять ваше чувство,— отвечал второй голос.

— Я бы охотно отдал десять лет своей жизни за то, чтобы помешать тому, что произойдет завтра. Теперь, когда вашему сыну предстоит занять королевский престол, он не имеет права рисковать своей жизнью,— продолжал тот же голос.

Чувство досады, что он подслушал чужой разговор, охватившее вначале Ингольфа, сменилось у него мрачной решимостью.

Из уст самого герцога слышал он об его измене. Мог ли он после этого колебаться? Как офицер королевского флота он должен был исполнить свой долг.

В то же время он успокаивал себя тем, что сделает все возможное для спасения Гаральда и его сыновей.

Он не отдаст их в руки Красноглазого, а отвезет в качестве пленников в Стокгольм.

Там сторонникам Биорнов нетрудно будет предоставить им возможность бежать...

Глава XVI

В ПЛЕНУ

Этой ночью Ингольф заснул как убитый. Разбудил его страшный шум, крики и топот множества ног над головой.

Чей-то совершенно незнакомый голос кричал по-английски:

— Всех, кто сопротивляется, рубить без сожаления!

Выбежав наверх, Ингольф увидел неожиданное и страшное зрелище: человек пятьсот английских моряков наводнили палубу брига. Вся команда его была обезоружена и жались в кучку на корме, где дула английских мушкетов удерживали ее в повиновении.

Под покровом темноты англичане на шлюпках неслышно приблизились к «Ральфу» и, прежде чем вахтенный успел что-либо заметить и поднять тревогу, ворвались на корабль.

Сопротивляться было немыслимо, так как экипаж пиратского судна, не подозревавший об опасности, был захвачен во время сна. К тому же англичан приходилось пятеро против одного.

На палубе, освещенной факелами, было светло, как днем.

Рядом с английским офицером стояли Черный Герцог и его сыновья.

— Сдавайтесь, капитан! — обратился офицер к Ингольфу, делая знак своим матросам.

Но старый герцог остановил его.

— Позвольте, сударь! Ведь вам известно мое условие.

И, приблизившись к Ингольфу, он сказал:

— Капитан! Я буду называть вас так, пока мне не докажут, что вы не имеете на это права. В ответ на мой ультиматум английский адмирал Коллингвуд лично явился ко мне и представил несомненные доказательства того, что вы не тот, за кого себя выдаете. Мало того, он обвинил вас в том, что вы член преступного общества «Грабители морей» и явились сюда с целью ограбить Розольфский замок и посягнуть на жизнь мою и моих сыновей.

— В награду за нашу смерть, — продолжал Черный Герцог, — недостойный министр Густава III, Гинго, обещал вам патент капитана первого ранга. Все это побудило меня дать адмиралу разрешение временно арестовать ваш корабль, но с тем условием, чтобы без моего разрешения не был тронут ни один волос на вашей голове. Теперь ваша судьба в ваших руках. Я жду от вас ответа. Кто бы вы ни были, вы все-таки джентльмен, и с меня будет достаточно одного вашего слова. Докажите, что адмирал Коллингвуд ошибся, и вы немедленно получите свободу со всеми вашими матросами, а англичане удалятся, сделав вам на прощание, в виде извинения, салют из всех орудий.

Самые разнообразные чувства волновали Ингольфа во время этой полной достоинства речи. Но ни на одну минуту он не задумался над тем, чтобы осквернить ложью свои уста.

— Я тоже вправе ожидать от вас объяснения, — проговорил он твердым, спокойным голосом. — Правда ли, что Гаральд Биорн, герцог Норландский, замышляет убийство своего короля Густава III? Правда ли, что он хочет возвести на шведский престол своего сына Эдмунда?... Нет, можете мне не отвечать, — быстро продолжал он, не дав времени герцогу возразить. — Я не умею лгать. Адмирал Коллингвуд прав. Я — Капитан Вельзевул. Но, клянусь честью, я не намеревался грабить ваш замок и убивать вас. Я только вчера узнал о производстве меня в капитаны шведского флота и вместе с тем получил предписание арестовать вас троих за государственную измену...

— Довольно, милостивый государь! — прервал его герцог. — Итак, вы готовились арестовать молодых людей, которые за несколько часов перед тем спасли вам жизнь!.. Вы забыли долг благодарности, а также то, что Норландское герцогство независимая страна... В измене можно обвинять

только подданного, а я не подданный шведского короля...

— Все это так,— возразил капитан,— но вы составили заговор против короля, и король имел право защищаться.

— Я не оспариваю у него этого права, но оно в такой же мере принадлежит мне. Шведский король поручает свою защиту Капитану Вельзевулу, а я — адмиралу Коллингвуду. Вы — пленник адмирала, сударь,— закончил он повелительным тоном.— И так как вы пират, то ответите за свои поступки перед военным судом.

Четыре матроса подошли к Ингольфу и положили ему свои руки на плечи. Капитан «Ральфа» понимал, что сопротивление бесполезно, и дал себя спокойно арестовать.

Проходя мимо Эдмунда и Олафа, он остановился и сказал, обращаясь к ним:

— Мне очень грустно терять ваше уважение, господа, но поверьте, что за два часа перед этим я не знал, что мне поручено арестовать именно вас, и если я и принял это поручение, то с единственной целью спасти вас. Прощайте, господа! На моей совести много грехов, но я еще никогда не лгал,— закончил он с достоинством.

— Отец! — воскликнули молодые люди.

— Не мешайте! — остановил их Черный Герцог.— Правосудие должно свершиться.

Глава XVII ПОБЕГ

Военный суд, заседавший под председательством адмирала, приговорил Капитана Вельзевула и всю его команду, за морской разбой и покушение на ограбление Розольфсского замка к смерти через повешение. Исполнение приговора было назначено на утро следующего дня; осужденным дали двадцать четыре часа, чтобы подготовиться к смерти.

Так мстили англичане знаменитому корсару, взявшему с боя и потопившему одиннадцать английских кораблей, из которых каждый был значительно сильнее его брига.

Объявленный матросам «Ральфа» приговор был выслушан ими с мужественным спокойствием, после чего всех, за исключением капитана, переведенного в замок, заперли в трюме собственного корабля и, забив наглухо люки, приставили стражу.

Нечего было опасаться бегства, так как пленники были безоружны, а на палубе брига расположился многочисленный отряд англичан.

День прошел спокойно и, к удивлению англичан, из трюма не доносилось ни малейшего шума. Когда осужденным принесли пищу, их нашли сидящими в порядке, по ранжиру, при унтер-офицерах и офицерах, готовых по команде идти на смерть.

Конечно, у англичан не было повода тревожиться, так как они не знали, что на бриге имелись все приспособления для бегства, на случай захвата его неприятелем.

В конце трюма имелся выдвижной люк, через который можно было бесшумно высадить часть экипажа, причем с борта корабля ничего нельзя было заметить, а под трюмом был спрятан запас оружия, достаточный, чтобы вооружить весь экипаж «Ральфа».

За исключением капитана и старшего помощника капитана Альтенса никто об этом не знал.

Как только пленные остались одни, Альтенс приказал матросам разместиться в обычном порядке и обратился к ним с краткой, но энергичной речью.

— Англичане подлецы и трусы, — сказал он. — Они захватили нас изменническим образом. Но они никогда не решатся сразиться с нами в открытом море, хотя бы их было и пятеро против одного. Они трепетали при одном имени Капитана Вельзевула и им понадобилось семь кораблей и две тысячи человек экипажа, чтобы погнаться за нами. Но мы еще не повешены!..

После этого он раскрыл перед ними свой план побега.

— В крайнем случае, — закончил старый моряк, — нам придется вступить в бой. Англичан пятьсот человек, а нас восемьдесят. Но нам это не впервые.

Переговорив между собою, офицеры и матросы передали Альтенсу единодушный ответ.

— Мы не уйдем без нашего капитана. Мы освободим его или умрем вместе с ним.

— Я с вами вполне согласен, друзья, — взволнованно ответил Альтенс. — Но как осуществить это? Напасть сейчас на замок — значило бы идти на верную гибель.

— Это правда! — слышались голоса.

Тогда поднялся один человек, по имени Йоиль. Это был один из «грабителей», приведенных Надодом.

— Не доверите ли вы мне спасение капитана? — сказал он. — Ручаюсь, что на его голове не тронут ни одного волоска.

В толпе пиратов слышался глухой ропот.

— Ты сам себя не мог спасти, как же ты думаешь спасти капитана?

— Я по доброй воле разделил вашу участь, — возразил Иоиль. — Но скажите мне, верите ли вы Альтенсу?

— Верим, верим! — слышалось со всех сторон.

— Так вот что: я посвящу в свои намерения Альтенса. Пусть он решит.

— Сделаем так, как прикажет Альтенс.

— Правильно, — заявил старший помощник. — Я вам позволил говорить, но решать здесь имею право только я один. Помните, что сейчас дисциплина нам нужнее, чем когда-либо. А поэтому подчиняйтесь беспрекословно, если не хотите болтаться на реях. Офицеры передадут вам мои распоряжения, и первое из них будет — разmozжить голову всякому, кто окажет неповиновение. У меня есть свой собственный план спасения капитана, но я выслушаю и план Иоиля и выберу тот, который окажется лучше.

Оба отошли в сторону.

По мере того, как Иоиль говорил, суровое лицо Альтенса прояснялось.

— Хорошо, — сказал он. — Но кто же возьмется передать требование адмиралу?

— Я! — ответил Иоиль.

Альтенс решил привести в исполнение свой замысел с наступлением темноты.

Бесконечно долго потянулись часы. О том, что происходило наверху, пленные догадывались только по доносившимся к ним звукам. Наконец, шум понемногу стал затихать. Раздавались только мерные шаги часовых, но скоро и они смолкли. Утомленные предыдущей ночью, проведенной на ногах, и уверенные в своей безопасности, англичане спали.

Необходимо было решительно действовать. Раздав всем своим матросам по мушкету, кортику и абордажному топору, Альтенс осторожно открыл люк.

То, что он увидел, чуть не заставило его вскрикнуть от радости. Берега фьорда были безлюдны, а возле «Ральфа» стояли десять или двенадцать шлюпок, в которых приехали англичане.

Чтобы неслышно приблизиться к бригу, англичане обернули весла тряпками, и эта предосторожность должна была теперь сыграть на руку пиратам.

Разместившись в двух шлюпках, они неслышно отъехали от «Ральфа», прошли мимо «Сусанны» и скоро затерялись в полосе прибрежных скал.

Глава XVIII

ПРИЗРАК

Отъехав на достаточное расстояние, Альтенс скомандовал звучным голосом:

— Вперед, ребята! Налегай на весла! Мы должны спешить. Пока месяц не взошел, надо успеть все сделать.

Тридцать два гребца налегли на весла, и шлюпки помчались со скоростью двенадцати узлов в час.

План Альтенса был очень прост и заключался в следующем: предположив, что десантный отряд, занимающий «Ральф», взят с того фрегата, который вошел в фиорд, он задумал захватить его врасплох, так же, как и англичане захватили бриг.

Через час обе шлюпки очутились в виду фрегата, грозные очертания которого рельефно выделялись на темном фоне ночи.

— Стой! — тихо скомандовал старший помощник. И шепотом, так как шлюпки ехали рядом, обратился к матросам: — Ребята! На таких кораблях бывает от пятисот до восьмисот человек экипажа. Если предположить, что отсюда взято пятьсот человек, остается еще триста. Согласны ли вы попытать счастья?

— Умереть или отомстить! — ответили матросы.

— Вы правы! Это единственное, что нам остается, потому что мы не можем проскочить мимо английской эскадры на двух шлюпках. Итак, помните: пощады никому!

Тихо приблизились лодки к мирно дремавшему фрегату и скрылись в его тени.

Восемьдесят призраков бесшумно поднялись на палубу английского судна. Минута — и оба вахтенных упали с проломленными черепами. Теперь очередь была за другими. Шестьдесят человек вахты, спавших на палубе, завернувшись в свои плащи, перешли в другой мир, не успев даже проснуться.

Вахтенный офицер, услышав какую-то возню, вышел на палубу и упал, чтобы больше уже никогда не вставать. Четверо матросов зашли в капитанскую каюту и закололи капитана. Другие перебили всех офицеров. До сих пор раздавалось только два или три глухих стога.

Наверху все было кончено.

Тогда пираты ворвались в междупалубное пространство и принялись крошить топорами направо и налево. Это была настоящая бойня, так как спящие раздетые люди и не думали защищаться.

Из трехсот английских моряков не осталось в живых ни одного.

На рассвете шесть остальных судов английской эскадры увидели фрегат «Медею» выходящим на всех парусах из залива.

«Спешное поручение в Англию. Приказ адмирала», — сигнализировал фрегат. И, отсалютовав флагом, исчез в утреннем тумане.

Комната, в которой заперли Ингольфа, помещалась в одной из башен замка, которую некогда занимал Магнус. Она освещалась небольшим квадратным окошечком, и единственная дверь ее была массивная и обитая железом. У человека, попавшего в эту каменную клетку, не могла даже зародиться мысль о возможности побега.

Внизу, под тюрьмой Ингольфа, находились комнаты Магнуса. После его смерти их никто не посещал. Ходил слух, что в тех комнатах повесился когда-то один розольфский управляющий, и беспокойный дух его продолжает обитать там, появляясь в виде привидения с веревкой на шее. Некоторые даже утверждали, что по ночам из башни доносятся громкие стоны и стук костей.

Никто из слуг не решился бы пройти через апартаменты Магнуса, но к комнате, в которой был заключен капитан пиратов, вел отдельный ход через широкую террасу, окружавшую башню.

Тщательно исследовав свою тюрьму, Ингольф пришел к заключению, что у него нет шансов на спасение.

Мысль о том, что он обречен на позорную смерть, приводила его в бешенство.

В бессильной ярости колотил он кулаками в железную дверь, бросался на глухие и равнодушные к его отчаянию стены. Маленькое, узкое окошечко, казалось, смеялось над ним. Оно представляло из себя единственный путь к свободе, но через него могла пролететь разве только птица.

Наконец, порыв возбуждения прошел и сменился упадком сил. Прислонившись к стене, Ингольф судорожным движением разорвал душивший его воротник мундира.

— Меня зовут Капитаном Вельзевулом! — воскликнул он. — Неужели же даже черт не придет мне на помощь!

И, как бы в ответ на его слова, в стене раздался глухой стук.

Капитан пиратов не был суеверен и все же ощутил невольную дрожь.

Затаив дыхание, Ингольф прислушался. Стук не повторился. Он дважды ударил кулаком в стену. Молчание. Тогда он припал к камню ухом и невольно вздрогнул. За стеной раздавались какие-то странные звуки, похожие на человеческий стон, а потом старческий, дрожащий голос затянул какой-то однообразный, тоскливый мотив, похожий на колыбельные песни гренландцев и лапландцев.

Изумление охватило Ингольфа.

«Кто бы это мог быть?»

Вдруг на террасе раздались шаги. В тюремной двери открылась форточка.

— Капитан! — раздался чей-то голос.

— Что вам нужно? — недовольно ответил пират.

— Я должен исполнить неприятное поручение...

— Говорите.

— До вашей казни остается только десять минут.

— Как! Вы собираетесь казнить меня ночью?!. Варвары!

— Но ведь вы не знаете... — замялся голос.

— Опять какая-нибудь гнусность?..

— Нет. Ваши матросы бежали из трюма «Ральфа».

— И адмирал боится, что мои храбрые моряки попытаются освободить меня. О, ему не избежать битвы с ними! Мои матросы не такие люди, чтобы спокойно смотреть издали, как будут вешать их капитана.

— К сожалению, казнь ваша совершится во внутреннем дворе замка.

— Этого следовало ожидать от таких подлецов и трусов, как вы.

— Я только адъютант адмирала и исполняю то, что мне приказано. Если у вас есть последнее желание...

— Только чтобы вы оставили меня одного.

Форточка захлопнулась. Шаги постепенно замерли вдали. Ингольф остался наедине со своими мыслями.

Нельзя сказать, чтобы он очень спокойно относился к предстоящей смерти. Кто же захочет умирать в двадцать семь лет, в полном расцвете сил? Другое дело пасть в сражении, погибнуть в борьбе со свирепой стихией...

О чем думал Ингольф и думал ли он вообще о чем-нибудь, — этого он, пожалуй, и сам не мог бы сказать.

Какое-то тупое оцепенение охватило его и лишило мыслей, и только время, казавшееся бесконечным, угнетало его.

— Как долго тянутся эти последние в моей жизни десять минут! — проговорил он с тоской и вздрогнул.

Три глухих удара прозвучали в стене.

— Кто ты? — крикнул Ингольф. — Друг или враг? Зачем ты смущаешь мой покой?

Едва он успел проговорить эти слова, до его слуха долетели мерные, тяжелые шаги солдат.

— Значит, десять минут кончились!.. — прошептал он.

— Стой! — раздалась команда офицера. — Становись в две шеренги!

Загремели железные засовы.

Капитан сделал два шага по направлению к двери и гордо выпрямился.

Вдруг одна из боковых стен раздвинулась и открыла узкий проход, в котором показалась похожая на привидение фигура в черном саване с горящим светильником в руке. Привидение медленно подняло руку, как бы приглашая узника следовать за собой.

Тяжелая дверь заскрипела на ржавых петлях. Ингольф без колебания бросился в темное отверстие, и стена за ним бесшумно закрылась.

— Капитан Вельзевул, — раздался за стеной голос офицера, — следуйте за мной.

И вслед за тем прозвучал крик ярости.

Глава XIX ГРУНДВИГ ДЕЙСТВУЕТ

Вернемся несколько назад, к событиям, предшествовавшим захвату пиратского брига англичанами.

Пораженный необычайным сходством Ингольфа с покойной герцогиней, Грундвиг твердо решил проверить свои подозрения.

В сопровождении Гуттора, этого северного богатыря, он отправился на берег фьорда, к тому месту, где бок о бок с «Сусанной» стоял «Ральф».

Не имея никакого определенного плана, Грундвиг надеялся, что неожиданный случай придет ему на помощь. Последнее время он испытывал что-то вроде предчувствия надвигавшейся беды.

Появление неизвестного корабля, крик белой совы, бродяги, которых видели в окрестностях Розольфса, — все это нельзя было считать прямым доказательством готовящегося злодеяния, но оно сигнализировало об опасности.

Во всяком случае необходимо было действовать, и он предпринял разведку, полагаясь на свою изобретательность и силу Гуттора, о которой ходили целые легенды.

Притаившись в густом кустарнике, в изобилии покрывавшем побережье фьорда, друзья погрузились в терпеливое ожидание.

Долго ночную тишину ничто не нарушало.

Наконец, их слуха коснулся звук шагов.

Два человека шли по тропинке, громко разговаривая, в полной уверенности, что их никто не слышит.

Сначала до розольфсцев доносились только отдельные слова.

— ...Надод не велит близко подходить к кораблю.

— ...Он будет доволен нами.

— ...Будет чем поживиться в Розольфсском замке. Ему не дают спать миллионы...

Потом, по мере приближения собеседников, разговор становился слышнее.

— Правда, не знаю, что меня удержало в ту ночь от того, чтобы не подстрелить герцога. В решительный день было бы одним врагом меньше.

— Скажи, Торнвальд, а разве их всех перебьют?

— Надод никого не хочет щадить. Говорят, у него есть какие-то старые счеты с герцогом.

Грундвиг и Гуттор напряженно внимали, стараясь не пропустить ни слова.

— Страшный человек наш Сборг.

— Да тебе-то, Трумп, что за дело до этого? Ведь благодаря ему мы станем богаты.

— И тогда, в свою очередь, будем бояться воров.

Эта шутка рассмешила говоривших, и они разразились громким хохотом.

Воспользовавшись этой минутой, Грундвиг шепнул Гуттору:

— Будь готов. Когда они поравняются с нами, я дам знак.

Не доходя двух-трех шагов до засады, бандиты остановились.

— Нам незачем дальше идти, — сказал Торнвальд. — Надод услышит нас и отсюда.

И он издал резкий, протяжный звук, подражая крику снеговой совы.

— Вперед! — едва внятно произнес Грундвиг.

Скользя, как тени, два друга беззвучно поползли в траве.

— Что за ночь! — продолжал Торнвальд. — Не одна душа совершит сегодня свой последний путь...

Он не успел кончить: железные руки сдавили ему горло, и он, вздрогнув несколько раз, успокоился.

Та же участь постигла его товарища.

— Что нам делать с этой падалью? — спросил Гуттор.

— Оттащи их в сторону, — ответил Грундвиг. — Не надо, чтобы Надод наткнулся на них.

Из разговора бандитов оба друга уже давно поняли, что имеют дело с бывшим розольфским крепостным Надодом.

— О, на этот раз он не уйдет живым из моих рук, — проворчал богатырь.

— Нет-нет, Гуттор. Не забывай, что в его руках тайна Фредерика Биорна.

— Ты все еще продолжаешь верить в то, что он жив...

— Тсс... Молчи...

Послышался шорох раздвигаемых кустов, и в темноте смутно вырисовался человеческий силуэт.

Он медленно и осторожно продвигался, постоянно оглядываясь, по временам останавливаясь, как бы в нерешительности.

Гуттор быстро присел в траву, а Грундвиг отошел на несколько шагов в сторону и издал неопределенное восклицание, чтобы указать идущему направление.

— Это ты, Торнвальд? — проговорил тот обрадованно. — А где же Трумп?

— Он заснул здесь, в траве, — невнятно пробормотал Грундвиг, стараясь не выдать себя голосом.

— Ты можешь говорить громче, нас никто...

Голос говорившего внезапно оборвался. Гуттор, с которым он поравнялся, вскочил и заключил его в свои могучие объятия.

Через минуту бандит лежал, спутанный веревкой по ногам и рукам, рот его был заткнут тряпкой.

Глава XX

БАШНЯ СИГУРДА

— Ну, как ты себя чувствуешь теперь, Надушка? — проговорил насмешливо Гуттор, обращаясь к лежавшему на земле Красноглазому. — Что ж, значит, ты на старости лет не выдержал и вернулся проводить родные места? Будь спокоен, ты останешься доволен нашим приемом. Или, быть может, ты рассчитываешь, что мы не знаем про твои намерения? О, твои люди слишком много болтают. Двое из них уже заплатились за это жизнью. Очередь за тобой, Над. Старые счета еще не покончены. Ведь герцогиня после пропажи сына умерла с горя. Впрочем, ты еще можешь заслужить про-

щение. Стоит только тебе во всем чистосердечно признаться, и ты еще получишь вознаграждение, которое поможет тебе начать честную жизнь. Но имей в виду, что ты должен говорить чистую правду, в противном случае, не погневайся!..

Слова эти возымели на Надода обратное действие. Попад в руки к своим злейшим врагам, он уже мысленно простился с жизнью, но теперь им овладела сильнейшая радость.

«Стало быть, еще не все потеряно,— подумал бандит. В его хитром, изворотливом уме быстро составилась новый план.— Скоро они сами будут умолять меня на коленях о пощаде».

После краткого совещания решено было отвести Красноглазого в Сигурдову башню. Так называлась она по имени строителя ее, Сигурда Биорна. Башня стояла на расстоянии семи-восьми миль от замка в безлюдном, но изобиловавшем всевозможной дичью ское. Изредка посещали ее охотники. Высокая, в пять этажей, в каждом из них она имела несколько комнат, а с вершины башни открывался великолепный вид на окрестности. В самом нижнем этаже помещалась столовая с буфетами, наполненными всевозможными яствами и напитками.

При случае можно было провести в башне несколько дней, не терпя лишений.

Смотрителем башни был старый служитель Гленноор, живший в ней безвыходно круглый год.

Эта башня была излюбленным местом Олафа и Эдмунда, охотно посещавших ее во время своих прогулок.

Но Черный Герцог неодобрительно относился к этим посещениям.

В четверти мили от башни находились норы полярных крыс, или, как их называют в Норвегии, леммингов.

Миллионы этих грызунов населяли степи Норландии и Лапландии.

Можно было сколько угодно ходить по их норам,— крысы высовывали головы и с любопытством наблюдали за вами, но не причиняли никакого вреда.

Но стоило только раздражить их — и против их зубов ничто не могло устоять. Проявляя удивительную солидарность, сотни, тысячи их набрасывались на неосторожного, будь то человек или животное, и загрызали до смерти, а потом начисто обгладывали скелет.

Случалось, что, потревоженные чем-нибудь, бесчисленные массы этих грызунов перекочевывали в другие места, истребляя все по пути. И тогда ни реки, ни заливы, ни горы — ничто, за исключением огня, не могло остановить их.

Таким образом, беспокойство герцога, когда его сыновья отправлялись в Сигурдову башню, имело свои основания.

Достаточно было какому-нибудь злоумышленнику взорвать в скоге одну мину, и потревоженные крысы напали бы на первого попавшегося человека.

Это обстоятельство не было принято во внимание Гуттором и Грундвигом, не звавшими также о том, что Надод высадил на Нордкапе целую шайку негодяев; но в расчеты Красноглазого оно входило.

И поэтому, когда его спросили, согласен ли он идти сам, он кивнул головой.

До старой башни было не более получаса ходьбы. Гуттор и Грундвиг перемолвились за дорогу едва парой слов.

Но Красноглазый дорого бы дал за то, чтобы освободить свой рот. Он не сомневался, что поблизости должна была находиться его шайка, и, с тревогой и надеждой оглядываясь по сторонам, ждал только случая, чтобы дать сигнал своим сообщникам.

Но случая не представлялось.

Уже серел рассвет, когда три пешехода приблизились к Сигурдовой башне.

Вокруг нее царило угрюмое молчание. Двери в башню были закрыты.

Гуттор свистнул три раза. Ответа не было.

«Ладно,— подумал бандит.— Лучше бы я и сам не мог сделать. Теперь мои ребята будут предупреждены».

— Странно,— покачал головой Грундвиг,— я был уверен, что старый Гленноор ждет нас.

Подойдя к двери, он толкнул ее.

Дверь легко отворилась. Глиняная лампа на столе, стоявшем посредине комнаты, слабо освещала ее.

— Гленноор!.. Гленноор!..— позвал Грундвиг, входя в комнату, служившую столовой.

Следом за ним Гуттор ввел пленника.

Башня казалась мертвой, но тишина ее не успокаивала, а казалась угрожающей.

Случайно заглянув под стол, Грундвиг испустил крик ужаса. Там лежало тело старого Гленноора, и в груди у него торчал кинжал.

Очевидно, преступление было совершено недавно, так как труп еще не успел остыть.

— Он убит! — с горестью констатировал богатырь.

— Право, Гуттор, я начинаю бояться,— прошептал Грундвиг.

На губах Надода играла зловещая улыбка,

Глава XXI НАДОД ЗАГОВОРИЛ

Заперев Красноглазого в подземелье, Гуттор и Грундвиг исследовали всю башню. Но нигде им не удалось найти следов убийцы.

Тогда друзья устроили военный совет.

— Во всем этом я узнаю руку «Грабителей»,— сказал Грундвиг.— Не один замок на берегах Швеции, Норвегии и Англии ограбили и разрушили они за последнее время. Конечно, еще не все потеряно, но положение наше тем серьезнее, что опасность угрожает замку и с суши и с моря.

— Послушай, Грундвиг, неужели же капитан Ингольф заодно с ними?

— Боюсь, что да. Коварный Надод мог воспитать его в ненависти к Биорнам и теперь привел сюда, чтобы сын убил собственного отца.

— Замолчи, Грундвиг! Твои слова приводят меня в ужас!..

— А знаешь ли ты, кто был виновником гибели Магнуса и старшей дочери нашего герцога, прекрасной Леоноры? Все тот же проклятый Надод. А теперь он собирается уничтожить весь род герцогов Норландских.

— К счастью, он находится в наших руках...

— И мы должны выведать у него замыслы бандитов.

— А если он откажется говорить?

— Старый Грундвиг найдет средство развязать ему язык.

— Ну, а если он признается во всем? Отпустим ли мы его?.. Ведь мы дали честное слово.

Старик горько улыбнулся.

— «Честное слово!»... Может ли идти речь о нем, когда от этого зависит безопасность Биорнов!

— Нечего терять время,— продолжал Грундвиг.— Веди сюда пленника, и ты увидишь, что я сумею заставить говорить и немого.

Спустившись в подземелье, Гуттор скоро вернулся, подталкивая впереди себя Надода.

Тем временем Грундвиг достал откуда-то маленькую жаровню и стал разжигать ее.

— Ну что,— обратился он к вошедшему Надоду,— обдумал ли ты мои слова и согласен ли ты отвечать?

Красноглазый молча покачал головой. Он знал, что ему нечего надеяться на прощение от своих заклятых врагов. К тому же он с минуты на минуту ожидал, что бандиты придут к нему на помощь. Об этом свидетельствовало убийство Гленноора.

На условном языке преступников это означало: «Господин, мы еще недостаточно сильны, чтобы напасть на твоих стражей, но скоро мы вернемся с подкреплением и освободим тебя».

Потом, устремив на Грундвига взгляд, исполненный смертельной ненависти, он сказал:

— Вот уже двадцать лет, как мы с вами не виделись, но вы хорошо знаете, что меня нельзя запугать. Я решил молчать. Делайте со мной, что хотите.

— Это твое последнее слово?

— Первое и последнее. Я в ваших руках, но мы еще увидим, чья возьмет.

— Увидим,— со зловещей усмешкой ответил старик и, не говоря ни слова, принялся раздувать жаровню.

Надод почувствовал, как холодные мурашки пробежали по его телу. «Неужели они осмелятся подвергнуть меня пытке?» — подумал он.

Окончив свое занятие, Грундвиг вынул из-за пояса широкий нож и сунул его в жаровню, потом, обернувшись к Гуттору, сказал:

— Свяжи ноги этому негодяю.

Богатырь немедленно исполнил приказание.

— Что значит эта шутка? — спросил Надод, щелкая зубами от страха.

Никто ему не ответил.

Вынув из жаровни нож, Грундвиг подошел к бандиту и поднес к его лицу раскаленное добела лезвие.

— Сжальтесь, сжальтесь!..— завопил тот, обезумев от ужаса.— Я буду говорить!

— Ага! Ты поумнел наконец,— засмеялся Грундвиг.— Выслушай же меня еще раз. Тебя зовут Красноглазым, но даю слово, что тебя будут называть Безглазым, так как я выжгу твой единственный глаз, если только ты не ответишь без утайки на все мои вопросы...

— Правда ли, что Фредерик Биорн утонул?

— Нет, он жив, но я не знаю, что случилось с ним.

Раскаленное железо снова приблизилось к лицу бандита.

— Клянусь именем матери! — закричал в испуге несчастный. — Я говорю правду.

Грундвиг опустил нож.

— Объяснись, — сказал он.

— Я ненавижу с детства Биорнов за то, что они обладали могуществом, богатством и славой, а я был только жалким рабом. Мне хотелось причинить им какое-нибудь зло. И вот, катаясь с мальчиком на лодке, я встретил однажды незнакомое судно, и капитан его забрал с собой Фредерика.

— Как же ты отдал ребенка?

— Я рассказал, что мы сироты и мне нечем кормить братишку.

— Негодяй!.. А как назывался тот корабль?

— Не заметил.

— А под каким он был флагом?

— Кажется, под датским.

Грундвигу очень хотелось крикнуть в лицо Красноглазому: «Лжешь! Ты отлично знаешь, что капитан Ингольф и есть Фредерик Биорн».

Но он сдержал себя и только спросил:

— И с тех пор ты нигде не встречал Фредерика?

— Где же я мог его встретить? Ведь вы меня так жестоко избили, что я шесть месяцев проболел и только чудом остался жив. А после, когда я выздоровел, я не мог бы его найти, так как сам не знал, кому я его отдал.

— Он прав, — тихо прошептал Гуттор.

— Это так, — подтвердил Грундвиг. — Но какими же судьбами в таком случае встретились они на «Ральфе»?

Глава XXII

В ОСАДЕ

Допрос продолжался.

Надод, не боявшийся смерти, предпочел рассказать всю правду, только бы не лишиться зрения. Убежденный, что его товарищи явятся к нему на выручку, он решил оттянуть время.

Откровенно рассказав все то, что уже знают читатели о подготовке нападения на Розольфский замок, он не скрыл даже требования Ингольфа пощадить владельцев замка, а в заключение раскрыл тайну гибели Элеоноры Эксмут, ее мужа и детей.

Взволнованные всем, что им пришлось услышать, Грундвиг и Гуттор угрюмо молчали.

Вдруг Надод, не перестававший прислушиваться, вздрогнул, и на лице его отразилась злобная радость.

— Это они, — беззвучно прошептал он.

Три сильных удара в дверь заставили Грундвига и Гуттора очнуться от задумчивости. Кто бы это мог быть? Не заметил ли герцог отсутствие своих слуг и не послал ли за ними людей?

— Кто там? — спросил Грундвиг, подходя к двери.

— Ваши друзья, — ответил незнакомый голос. — Отворите.

Забыв осторожность и то, что убийцы Гленноора могли каждую минуту вернуться, Грундвиг отодвинул засов, запиравший дверь.

И тотчас же прозвучал его крик:

— Гуттор!.. Ко мне, на помощь!..

Тщетно старался старик закрыть снова дверь, — человек пять уже уперлись в нее, и она медленно открывалась, уступая их усилиям. Вот один из них уже наполовину пролез в комнату. Одним прыжком подскочил Гуттор и, схватив переднего из нападавших, втащил внутрь и, захлопнув дверь, прижал ее спиной.

— Запереть, что ли? — спокойно спросил он.

— Конечно, ведь их там десять на одного!..

— Только десять? — заметил богатырь, с сожалением задвигая засов.

Бандит, которого он втащил в комнату, притаился, не шевелясь, в углу. Это был дюжий, широкоплечий мужчина и, должно быть, силач, опасный для всякого, кроме Гуттора.

— Что нам делать с этой гадиной? — спросил он, встряхивая бандита за ворот.

— Для убийц Гленноора не может быть пощады, — ответил Грундвиг. — Они явились, чтобы покончить с нами и освободить своего атамана.

— Не убить ли одним ударом двух зайцев? — кивнул богатырь в сторону Надода.

— Нет, этот нам еще будет нужен. Пусть сам герцог решит его участь.

Между тем удары градом сыпались в дверь, но крепкое старое дерево, из которого она была сделана, не уступало.

Тогда один из бандитов закричал:

— Наберем валежнику и подожжем их.

— Да, да!.. — подхватило несколько голосов. — Подожжем их!..

— Ладно же! И я вас потешу! — проворчал Гуттор и, схватив своего нового пленника, он потащил его на верх башни.

Войдя на террасу, он взглянул вниз. Человек двадцать пять бандитов копошилось там, складывая у подножия башни большой костер.

— Эй, вы! Псы голодные! — крикнул богатырь. — Ловите вашего товарища!

И, схватив одной рукой несчастного, он покрутил его над головой и швырнул с такой силой, что тот распластался на земле шагах в двадцати от башни.

Яростный крик был ответом на этот поступок, и бандиты подожгли валежник.

Огонь сразу охватил сухие ветки и побежал по ним, треща и разгораясь. Пламя лизнуло серую каменную громаду и потянулось наверх, туда, где на светлом фоне неба стоял, скрестив на груди руки, Гуттор.

С презрительным спокойствием он смотрел на костер, потом произнес:

— Ладно! Мы еще покажем вам!.. Не так-то легко войти сюда!

И, медленно повернувшись, он сошел вниз.

В погребе башни хранились большие поленья, употреблявшиеся для огромных средневековых каминов. Выбрав одно из них, футов десять длиною, Гуттор приладил к нему старую секиру и, вооружившись таким образом, стал у дверей.

При виде этого Надод невольно вздрогнул. С таким оружием богатырь мог перебить половину нападающих прежде, чем они ворвутся в башню.

Торжествующие крики доносились снаружи. Еще несколько минут, и дверь должна была загореться.

Неожиданно разразился сильнейший ливень, и костер потух.

Глава XXIII ГЕРБ БИОРНОВ

— Идите за мной, — сказал призрак, — вам больше нечего бояться.

Ингольф вздрогнул, почувствовав на своей руке прикосновение костлявых, холодных пальцев, но все же смело пошел за своим неизвестным проводником. Они спустились по узенькой винтовой лестнице, устроенной в толще стены.

На одном из поворотов привидение остановилось и, подняв ночник, осветило им лицо Ингольфа. Бескровные губы зашевелились, и капитан услышал слабый, как дуновение, голос:

— Вылитая герцогиня. И как это Гаральд не узнал его.

И, тяжело спускаясь по крутым ступеням, старик продолжал бормотать:

— Гаральд! Чего я хочу от него?.. Он занят Эдмундом и Олафом... Бог накажет его за то, что он покинул своего брата. За себя я его прощаю... мне уже недолго осталось жить. Лестница кончилась.

— Мы пришли,— сказало привидение, и Ингольф увидел, что одна из стен раздвинулась, образуя проход.

Он вошел и остановился в изумлении.

Большая комната была убрана с восточной роскошью. Вдоль стен тянулись мягкие диваны, покрытые дамасским штофом; стены и потолок были обиты тисненой кожей; паркетный пол покрывал толстый пушистый ковер; с потолка на серебряной цепи спускалась лампа из богемского хрусталя. По одной стене шли полки красного дерева, уставленные толстыми книгами одинакового формата и в одинаковых переплетах; на корешках каждой из них был обозначен год ее издания. Тут были все года от 1130 до 1776.

Оглядев комнату, Ингольф повернулся к своему проводнику. Перед ним стоял маленький старичок, на ссохшемся и тощем теле которого, как на вешалке, болтался черный кафтан с длинными рукавами, спускавшийся ниже колен. Эту одежду Ингольф принял было за саван. Кожа на лице старичка сморщилась и своим цветом напоминала слоновую кость. Потухшие глаза его сидели глубоко в орбитах, придавая ему сходство с мертвецом. И даже голос звучал глухо, как будто шел издалека.

Ингольф низко поклонился старичку.

— Кто бы вы ни были,— сказал он,— вы спасли меня, и я благодарю вас от всей души. Вы меня не знаете, но если только мне представится случай доказать...

— Я вас не знаю? — перебил старичок. — Я вас не знаю? — повторил он своим замогильным голосом, от которого невольно бросало в дрожь. — Как вы можете знать, знаю ли я вас?

— Откуда же вы меня знаете? — изумился Ингольф.

— Мне ли его не знать, когда он при мне родился! — бормотал старик.

Ингольфу показалось, что его собеседник впал в детство.

— Кто же я такой, по-вашему? — спросил он с ласковой улыбкой.

— Твое теперешнее имя я забыл, хотя Грундвиг и говорил мне его. Память у меня становится слаба. Я — как законченная книга, к которой нельзя прибавить больше ни одной

страницы. Но при рождении ты получил имя Фредерика Биорна и титул принца Розольфсского, потому что все старшие сыновья герцога — принцы.

Ингольфу слова эти показались забавными.

— И, значит, отец хотел повесить собственного сына, а вы спасли герцога от такого страшного преступления? — сказал он.

Старик понял насмешку.

— Ты тоже принимаешь меня за сумасшедшего... Нет, нет, — заторопился он, заметив, что Ингольф собирается протестовать. — Я не сержусь на тебя нисколько...

Уверенность, с какой говорил старик, произвела на капитана сильное впечатление.

— Грундвиг рассердится, что я украл у него радость, — продолжал старик. — Этот счастливый миг принадлежит ему по праву. В продолжение двадцати лет он ищет тебя... Я тоже имею право на это счастье, но мне осталось жить всего несколько часов.

Достав из выдвинутого в столе ящика изящный медальон, старик протянул его Ингольфу.

— Тебе знаком этот портрет?

Из овала медальона глянула на капитана прелестная женская головка. Необъяснимое волнение охватило Ингольфа.

— Моя мать! — воскликнул он и в порыве чувств прижал портрет к губам. А между тем он не знал своей матери. Ему говорили, что она умерла во время родов.

Легкое прикосновение вывело Ингольфа из раздумья.

— А взгляни на эту вещь, — проговорил старик и протянул ему небольшую печатку с яшмовой ручкой.

На печатке был выгравирован летящий орел с сердцем в когтях. Внизу стояло: *Sursum corda* — горе сердца¹.

Это был герб Биорнов и их девиз.

— Покажи свою грудь, Фредерик Биорн, — произнес замогильный голос.

Изумлению капитана не было границ. Откуда мог этот старик знать его тайну, о которой он никогда никому не говорил?

Быстрым движением открыл он грудь. На ней был вытатуирован тот же рисунок, что и на яшмовой печати.

Старик поднял голову. Казалось, он помолодел лет на двадцать, и, когда он заговорил, голос его звучал почти твердо.

¹ Воскликание католического священника во время мессы, которое означает «выше сердца», или «вознесем наши сердца Богу».

— Мы с Грундвигом никогда не верили в то, что ты утонул, и не отчаивались отыскать тебя.

— Как? Разве здесь думали...

— Слушай меня. Мы обыскали все дно фьорда в том месте, где предполагали, что ты упал в воду. Мы шесть часов искали по всем направлениям, куда мог тебя отнести отлив, и ничего не нашли. Это убедило нас в том, что ты жив и что тебя украли или продали кому-нибудь. Мы надеялись отыскать тебя по этому знаку на груди. Знаешь ли ты, кто наложил его на тебя? Я, старый Розевель, сделал это.

— Вы! — вскричал Ингольф, бросаясь ему на шею. — Вы спасли меня и теперь возвращаете моим родным!.. Как мне благодарить вас!

И он запечатлел поцелуй на холодном лбу старика.

Глава XXIV О ДЯДЕ МАГНУСЕ

В памяти Ингольфа всплыли картины детства.

Вспомнил он, как отец прогнал слугу, который сказал при нем, что у него нет отца. При поступлении в кадетский корпус вместо метрических бумаг было представлено какое-то нотариальное свидетельство.

Значит, его отец — датский арматор — не был его отцом.

Ингольф больше не сомневался в этом.

Теперь он понял, почему все в Розольфсе казалось ему таким знакомым.

Он хотел знать все подробности своего похищения и с жадным вниманием выслушал рассказ старого Розевеля.

Да, поистине Надод был злым гением всего рода Биорнов.

И какое странное совпадение: его вернул на родину тот же человек, который оторвал его от родного дома.

При одной мысли о том, что могло произойти, если бы не эта неожиданная развязка, Ингольф чувствовал, что волосы у него становятся дыбом. Правда, он не собирался убивать отца и братьев, но смог ли бы он удержать от этого своих разъяренных матросов? А Надод?

— О, как жаль, что этот негодяй не в моей власти! — воскликнул Фредерик. — Он, вероятно, убежал вместе с моими матросами...

— Нет, — ответил старик, — он еще до этого скрылся с корабля. Это говорили англичане. Отсюда слышно все, что говорится во внутреннем дворе... Много лет у меня не было другого развлечения, так как мне запрещено выходить из

этих комнат. Видишь решетки на окнах?.. Я не могу даже выглянуть наружу. Единственный человек, который навещает меня,— Грундвиг. Он мне приносит пищу и беседует со мной о старине. Кроме него и твоего отца никто в замке не знает, что я здесь живу. Эта башня считается необитаемой. Люди говорят, что в ней иногда появляется привидение. Это правда... ведь я так похож на привидение. Такова воля Гаральда. Он боится за Эдмунда и Олафа... Но тот, там, среди вечных льдов... Как должен был он проклипать его, умирая, если только действительно умер...

Капитан слушал старика, не перебивая.

— Что же здесь происходит? — бормотал он в недоумении.— Расскажите мне толком, и если вам нужен защитник...

— Это очень печальная история,— сказал после некоторого колебания Розевель,— но тебе следует все-таки узнать ее. Быть может, еще не слишком поздно, и тебе удастся спасти его.

— Кого?

— Твоего дядю Магнуса... Выслушай меня спокойно,— продолжал старик.— Тебе нечего опасаться: никто, кроме меня и Грундвига, не знает о существовании потайной лестницы, и нас здесь никто не потревожит. Впрочем, при первом подозрительном шуме я сумею надежно спрятать тебя.

— Хорошо, Розевель, я слушаю тебя.

— Узнай, во-первых, что я на два года моложе твоего отца, хотя по виду намного старше. Не удивляйся этому. Я перенес столько страданий, что силы мои надломились... Масло в лампе выгорело почти до последней капли, и в один прекрасный день я угасну незаметно для самого себя. Но довольно обо мне. Тебе известно, что Биорны владели огромным рыболовным флотом и занимались более семи веков ловлей рыбы и охотой на китов? Видишь эти книги в шкафах? — спросил Розевель.— Это все корабельные журналы. Так вот, когда твоему дяде, Магнусу Биорну, исполнилось четырнадцать лет, у него в голове прочно засела одна идея. Просматривая корабельные журналы наших капитанов, собранные здесь, он заметил во всех одну любопытную подробность. При наступлении холодов, когда корабли возвращались в Розольфс, чтобы не застрять во льдах, со всех концов Европы тянулись птицы, направляясь к Северному полюсу. Пролетали они в таком количестве, что застилали небо. С наступлением весны птицы возвращались обратно. Очевидно, что они летели на север не за льдом, если убегали от сравнительно легкой европейской зимы. И, следовательно, там, на севере, около полюса, должна была быть страна, изобилующая болотами,

реками, быть может, даже свободное ото льда море, берега которого покрыты густой растительностью, в которой мириады птиц могли найти себе пропитание. Об обширности этой земли можно было судить уже по количеству улетающих туда птиц. Эта-то неизвестная обетованная земля и была причиной гибели моего господина. Он задался целью открыть ее... «Розевель,— твердил он мне постоянно,— мы с тобой прославимся открытием шестой части света». Пять лет плавали мы с ним по Северному морю, зимовали на Шпицбергене, на Новой Земле, побывали на берегах Лены и достигли восьмидесят шестой параллели. Все приготовления к будущей экспедиции держались в строгой тайне, так как Магнус не хотел огорчать своего брата Гаральда, а с другой стороны, не хотел, чтобы его секрет был разглашен заранее: он надеялся преподнести всему миру сюрприз.

Помолчав, старик продолжал:

— Семь лет прошло с того дня, когда мы выступили в нашу экспедицию из Сибири, взяв с собой нескольких слуг и наняв отряд эскимосов с собаками и санями. Впереди мы гнали стадо оленей, которые должны были служить пищей нам и собакам. С большими трудностями достигли мы восьмидесят седьмой параллели. Там нас застала третья зима. Медленно продвигались мы дальше... Однажды мы взошли на ледяную гору, высотой около трех тысяч футов. К большому удивлению заметили мы, что наверху мороз был меньше. Вдруг Магнус закричал от радости. Мы взглянули в направлении, в котором он указывал. Далеко на горизонте узкая голубая полоска отражала, как в зеркале, лучи заходящего солнца. Это было море, свободное ото льда. Мы достигли нашей цели. Но радость наша была преждевременна. Нам предстояло пройти еще около двадцати миль по ледникам. Шаг за шагом прорубали мы себе топорами во льду дорогу, и с каждым пройденным шагом уходили наши силы... К довершению всех бед, выяснилось, что на третью зимовку у нас не хватит провианта. Я стал советовать вернуться назад. Но Магнус предпочитал скорее погибнуть, чем вернуться назад накануне успеха.

Старик помолчал, потом вздохнул и продолжал слабым голосом:

— Он решил во что бы то ни стало провести во льдах третью зиму. Эскимосы вырубили нам во льду пещеры, и мы остались... Что было дальше — я не помню. Очнулся я уже в Розольфсе, куда меня без сознания привезли эскимосы. Благодаря заботливому уходу Грундвига я поправился. Гаральд, узнавший обо всем от привезших меня эскимосов, ис-

пугался, как бы Эдмунд и Олаф не вздумали отправиться за дядей... Ведь они оба отличались пылкостью и благородством характера!.. Тогда распустили слух, что иностранец, которого привезли в замок, умер. И так как меня по приезде никто не узнал, — настолько я изменился и постарел, — то слуху поверили. Я же был осужден на вечное заточение в этой башне... Вот уже три года прошло с тех пор, и я жду не дождусь, когда смерть соединит меня с моим господином.

— Ты думаешь, он уже умер?

— Как знать?.. Но если даже он жив, помощи ждать неоткуда.

— Ты ошибаешься, старик, — с живостью перебил его Ингольф. — Фредерик Биорн отправится на поиски своего дяди.

— Ты! Ты! — крикнул вне себя от охватившего его возбуждения Розевель. — Ты хочешь сделать это?

— Клянусь, что я разыщу его живым или мертвым и этим искуплю свои прегрешения!

Глава XXV «ДРУГ ПЕГГАМА»

Узник бежал!

Это известие поразило всех. Суеверные розольфсцы были недалеко от истины, предполагая, что дело не обошлось без участия призрака. Но скептически настроенный адмирал Коллингвуд думал иначе и предложил произвести строжайший обыск во всем замке. К его удивлению, предложение его встретило единодушный отказ. Олаф и Эдмунд не могли отрешиться от симпатии к человеку, которого они спасли от гибели в мальстреме, и даже сам Гаральд решительно восстал против обыска.

— Как вам угодно, любезный герцог, — сказал задетый за живое Коллингвуд. — В сущности, речь идет о вашей безопасности, и поэтому вы вольны распорядиться, как вам заблагорассудится. Но я не могу понять вашей слабости к этому негодяю, замышлявшему ограбление замка и вашу смерть.

— Нельзя ему отказать в справедливости, — отвечал Черный Герцог. — Капитан Ингольф теперь уже не простой пират, а офицер регулярного флота, исполнявший приказ своего начальства. Поэтому он не несет ответственности за свои действия. К тому же, обедая за моим столом, он не знал, что приказ касается меня: он дал в этом честное слово.

— Я все равно не допустил бы, чтобы его повесили, —

продолжал герцог.— Биорны сражаются с врагами лицом к лицу, они честные воины, а не поставщики сырого материала для виселиц.

— В таком случае, герцог, я вижу, что мне здесь нечего делать...

Адмирал не договорил.

Толпа английских матросов втащила в залу какого-то человека со связанными руками.

— Оставьте меня, скоты этакие! Пустите, вам говорят! — кричал человек, отбиваясь от матросов.— Ведь я же вам повторяю, что я хочу видеть вашего адмирала!

— Господин адмирал,— сказал один из матросов,— это пират, бежавший с «Ральфа». Нам удалось изловить его.

— Сам ты пират, бочка английская! — огрызнулся Иоиль.— Нашел, чем хвалиться: поймали! Это когда я сам пришел к вам... Победители тоже! Двадцать на одного...

— Ну этот от меня не уйдет! — воскликнул Коллингвуд.— Этого я непременно велю повесить.

— Во-первых, не забывайте, что здесь вы не на английской земле,— смело возразил Иоиль, и этот ответ сразу завоевал ему расположение всех норландцев.— А во-вторых, через пять минут вы будете меня сами защищать. А пока извольте приказать, чтобы мне развязали руки.

— Молчи, дерзкий!

— Берегитесь, адмирал Коллингвуд! Как бы вам не пришлось потом раскаяться.

— Негодяй! Ты смеешь мне угрожать!..

— Я имею к вам поручение от мистера Пеггама,— торопливо проговорил Иоиль.

— От Пеггама!

Кровь отхлынула от лица адмирала.

— Как ты сказал: Пеггам? — переспросил Олаф, не в силах больше скрывать свое изумление.

Но Эдмунд вовремя остановил брата.

— Молчи! — прошептал он.— Давай лучше слушать.

— Да, от лучшего друга их милости, Пеггама,— громко подтвердил Иоиль.

— Развязать его! — неожиданно приказал адмирал, и на его бледном лице появилась натянутая улыбка.— Я ни в чем не могу отказать посланцу моего приятеля Пеггама.

Иоиль с торжествующим видом оглядел всех присутствующих.

— Я так и знал! — заявил он.

— Пеггам ваш друг? — спросил Эдмунд, впиваясь взглядом в лицо адмирала.

— Ну да, разумеется, — ответил тот. — Что ж тут особенного? Он мой нотариус и поверенный.

Конечно, в этом не было ничего особенного, а между тем что-то угрожающее носилось в воздухе. Что это было, знали только Иоиль и Коллингвуд.

Чувствуя себя крайне неловко, адмирал первый заговорил.

— Так как поручение Пеггама не имеет отношения к этим господам, — обратился он к Иоилью, — то не лучше ли будет, если мы пойдем ко мне на корабль и там ты передашь мне, в чем оно заключается.

— Для этого не стоит так далеко ходить, — дерзко отвечал посланец. — Поручение несложное. Я требую именем Пеггама, чтобы вы освободили капитана Ингольфа.

— Это уже не в моей власти: пленник убежал час тому назад.

— Вы лжете! — крикнул, краснея от гнева, Иоиль.

— Спроси у них! — возразил Коллингвуд, делая вид, что не расслышал оскорбления.

— Это правда, — сказал кто-то. — Его не нашли в темнице, хотя за десять минут перед тем он был там.

— Значит, этот человек убил его. — Иоиль протянул руку, указывая на адмирала. — Как раньше убил...

— Молчи, негодяй! — простонал, задыхаясь, Коллингвуд.

— Говори! — приказал Эдмунд.

Иоиль стоял в нерешительности.

Он знал, что одного его слова будет достаточно, чтобы началось кровопролитие, и его пугали последствия.

Пятьсот англичан находились поблизости, готовые прийти на помощь адмиралу, а в замке было слишком мало народа, чтобы противостоять им.

— Мне нечего больше говорить, — громко ответил он и прибавил шепотом так, что его расслышал только один Эдмунд: — Не спрашивайте сейчас ни о чем... Скоро вы все узнаете...

Единственным желанием Коллингвуда было теперь очутиться как можно скорее на палубе собственного корабля.

— Очевидно, мы имеем дело просто с помешанным, — сказал он. — А засим, господин герцог, разрешите с вами проститься, а также обратить ваше внимание на то, что вчера наша помощь была, очевидно, более желательна, чем сегодня.

Гаральд молча поклонился.

Взбешенный Коллингвуд в сопровождении свиты покинул замок.

— Объясни же нам, что означают твои слова, — обратился к Иоилью Эдмунд, как только адмирал вышел.

— Я буду говорить только при герцоге и его сыновьях, — ответил Иоиль.

Повелительным жестом герцог отослал своих людей.

— Мы слушаем, — произнесли в один голос Эдмунд и Олаф.

— Прикажите вашим кораблям пустить ко дну шлюпки адмирала, когда те будут проходить мимо них.

— Что это значит?

— Знаете ли вы, кто такой Коллингвуд?

— Ну конечно.

— Я спрашиваю, знаете ли вы его титул?

— Нет.

— Он числится в списках верхней палаты английского парламента под именем Чарльза VI, герцога Эксмута.

— Бог мой! — воскликнул Гаральд. — Так он брат моего несчастного зятя?.. Отчего же он мне ничего не сказал?

— Потому что он сам, с помощью нотариуса Пеггама и Надода Красноглазого, утопил своего брата в море вместе со всей его семьей, чтобы завладеть его титулами и богатством...

— Так это наша сестра была!..

— И мы не могли спасти ее!

Олаф и Эдмунд в отчаянии ломали себе руки.

— Да что ж вы медлите! Бегите скорей! — кричал старый герцог, вне себя от горя и гнева. — Велите палить картечью в этих разбойников!

Олаф и Иоиль бросились, чтобы исполнить его приказание, но Эдмунд жестом остановил их.

— Что ты делаешь? Ведь они уйдут от нас! — бросил ему с упреком старый герцог.

— Отец, — возразил почтительно, но твердо Эдмунд, — с ним находится пятьсот ни в чем не повинных людей, которых не должна коснуться наша месть.

— О, я прекрасно помню его!.. — воскликнул Олаф. — Он стоял поодаль с закрытым лицом, не так ли, Иоиль?.. А бедная Леонора на коленях умоляла пощадить ее детей... Ах, когда я вспоминаю об этом, кровь начинает во мне кипеть!.. Нет, не от картечи должен умереть этот негодяй! Он должен умереть медленной, жестокой смертью... Боже мой! Что со мной делается... Я начинаю сходить с ума!..

— Успокойся, брат, — проговорил Эдмунд, кладя ему на плечо руку. — Отец, согласишься ли ты своим сыновьям дело мести?

Старый герцог гордо поднял свою голову.

— Дети мои,— сказал он торжественно.— Вам поручаю я отомстить за вашу несчастную сестру. Помните, что это ваш первый и священный долг!..

— И мой также! — произнес молодой звонкий голос.

— Капитан Ингольф! — воскликнули в один голос герцог и его сыновья.

— Нет, теперь я Фредерик Биорн,— возразил капитан, бросаясь к ногам старого герцога.— Отец мой, узнайте своего сына!

И, проворно расстегнув кафтан, он обнажил свою грудь, показав вытатуированный на ней герб Биорнов.

Глава XXVI ЛЕММИНГИ

Плохо бы пришлось осажденным в Сигурдовой башне, если бы один розольфский псарь не забрел случайно к ней, выслеживая дичь.

Заметив около башни вооруженных людей, он поспешил в замок и сообщил об этом герцогу.

Фредерик, вспомнив о том, что Надод высадил на берег шайку «грабителей», предположил, что Гуттор и Грундвиг в погоне за Красноглазым наткнулись на бандитов и принуждены были, спасаясь от них, запереться в башне.

Необходимо было как можно скорее спешить к ним на выручку.

Уже все было готово к выступлению, когда к Фредерику подошел Иоиль и спросил:

— А ваши матросы, капитан? Что прикажете им передать?

— Ах, да! — воскликнул Фредерик.— Я чуть было не забыл о них!.. Что с ними?.. Где они?

Иоиль описал капитану бегство пиратов с брига и взятие английского фрегата. Беспрецедентное мужество матросов «Ральфа» вызвало всеобщий восторг.

Даже Черный Герцог не удержал своего восхищения.

— Молодцы! — похвалил он.— Право, молодцы!

— Да, отец, экипаж у меня был отборный,— сказал Фредерик с глубоким вздохом.

Герцог понял его и с улыбкой заметил сыну:

— Разве ты думаешь, что те, которые верой и правдой служили капитану Ингольфу, потеряют все свои хорошие качества на службе у Фредерика Биорна?

— Отец! — не помня себя от радости, воскликнул Фредерик.

— Ты сам знаешь, что у нас довольно сильные враги, и потому нам не приходится пренебрегать такими храбрыми защитниками.

Получив возможность говорить, Иоиль закончил свой рассказ:

— Захватив фрегат, Альтенс взял курс на юг, чтобы сбить англичан с толку, а потом должен был крейсировать у берегов и выслать в фьорд лодку за капитаном.

— Поезжай к ним, сын мой, — сказал старый герцог. — Негодяй Коллингвуд, наверное, поторопится уйти, и ты сумеешь сегодня же вечером вернуться в Розольфс.

— Но разве я могу покинуть вас в такую минуту, отец мой?

— Не бойся за меня. Нас много, и мы хорошо вооружены. Спешу к своим товарищам, ты не должен покидать их в опасности.

Несколько минут спустя Фредерик и Иоиль мчались на отличных конях по направлению к фьорду, а Гаральд в сопровождении сыновей и отряда из тридцати всадников спешил к Сигурдовой башне. Не проехал отряд и четверти мили, как Олаф и Эдмунд услышали позади себя знакомое рычание. Это был друг Фриц. Убедившись, что о нем все забыли, медведь сорвался с цепи и догнал своих хозяев.

Прислушиваясь к тому, что происходило снаружи, Надод мало-помалу терял всю свою самоуверенность. Он понимал, что каждая лишняя минута увеличивала шансы его противников, и он досадовал на своих сообщников, что они не сообразили дать ему как-нибудь знать, исполнены ли его приказания.

Вдруг до него донесся обрывок разговора двух бандитов.

— И чего ждут? — говорил один. — Несколько фунтов пороха, и дверь разлетится вдребезги.

— А ты разве забыл, что весь порох израсходовали по приказанию Торнвальда на другое дело?

— Почему же не взять его оттуда обратно? Ведь он там больше не нужен?

— Это еще неизвестно. Седжвик уверен в успехе. Он приказал не собирать больше хвороста для костра. Нам остается только сторожить башню. И если к вечеру розольфсцы сюда не соберутся, то это будет доподлинно несчастьем.

Разговаривающие удалились.

«Мои планы сбываются!» — торжествующе прошептал Надод.

— Не видать помощи, — сказал Гуттор. — По правде говоря, я надеялся, что о нас скорее вспомнят. Костер больше не горит, но негодяи держат совет. Боюсь, что они замышляют что-то скверное. Если так будет продолжаться, то я даю тебе слово, что сверну Красноглазому шею и сделаю вылазку.

— Превосходно! — засмеялся Грундвиг. — Ты будешь в авангарде, я в арьергарде, а в центре будет то расстояние, какое окажется между нами.

— Смейся, смейся... А по-моему, это просто унижительно подвергаться осаде со стороны такого сброда, у которого нет даже огнестрельного оружия.

Действительно, все бандиты были вооружены только холодным оружием, так как Надод строжайше запретил им брать с собой огнестрельное оружие, боясь, что нечаянным выстрелом они могут выдать свое присутствие.

— А у нас разве есть оно, Гуттор?.. Но это еще ничего; ты забываешь, что я не такой силач, как ты, и тебе придется одному бороться против всех...

— Поверь, я этой дубиной уложу на месте одним ударом человек шесть...

Гуттор замолчал. Вдали послышался звук рога.

— Это они! — обрадовался богатырь. — Я узнаю рог Гуттора.

Он бросился наверх и сейчас же спустился.

— Это герцог и с ним целый отряд, настоящее войско... Бандиты попрятались все до одного.

— Они не трусы, — с сомнением покачал головой Грундвиг. — Здесь кроется что-то другое.

Надод, казалось, разделял радость двух друзей, и она выражалась у него отчаянными гримасами, от которых становилось еще безобразнее его уродливое лицо.

Десять минут спустя дверь башни отворилась. Вошел герцог и с ним два его сына, Олаф и Эдмунд.

Смерть Гленноора опечалила герцога.

В глубоком раздумье стоял он над трупом старика, как вдруг его позвал чей-то голос. Обернувшись, он увидал Надода.

— Герцог Норландский, — говорил Красноглазый, — взгляни на дело твоих рук. Тот человек умер и больше не

страдает, а я, по твоей милости, терплю ужасные мучения.

— Кто ты такой? — смущенно спросил Гаральд.

— Я — Надод, твой бывший крепостной. Теперь меня зовут Красноглазым. Узнаешь ли ты меня?

Все бросились к бандиту, чтобы заставить его замолчать, но Черный Герцог повелительным жестом остановил их.

— Назад, холопы! — крикнул Надод. — Не мешайте осужденному на смерть говорить со своим палачом.

— Кто тебе сказал, что ты осужден на смерть?

— Посмотри, как меня связали: веревки впились в тело.

— Развяжите его! — приказал герцог.

— Ваша светлость, не делайте этого! Остерегитесь... — умоляюще произнес Грундвиг.

Но герцог был занят собственными мыслями.

— Довольно крови... сегодняшней день должен быть днем прощения... Сегодня мне возвратили сына... — шептали его губы.

Видя, что никто не торопится исполнить его приказание, он подошел и сам развязал веревки, которыми был связан пленник.

Это неожиданное великодушие тронуло Надода, но только на минуту: злоба вспыхнула в нем с новой силой.

Вырвав листок из записной книжки, Гаральд что-то написал и отдал Красноглазому.

— Возьми это и уходи, а то я не ручаюсь за своих людей. И постарайся сделаться честным человеком.

На бумажке стояло:

«Банкирскому дому Рост и Мейер, во Франкфурте.

Предъявителю сего выплатите сто тысяч ливров.

Гаральд Биорн».

Порвав на мелкие клочки бумажку, Надод бросил ее к ногам герцога и убежал вон.

Глава XXVII

МЕСТЬ КРАСНОГЛАЗОГО

Стоя на террасе башни, Эдмунд любовался открывавшимся оттуда пейзажем. Озаренное заходящим солнцем, налево сверкало темно-зеленое море, а направо погружалась в сумерки зеленеющая степь. Один за другим присоединились к нему другие розольфсцы. Только Гаральд и Олаф оставались внизу. Расположившись в удобных старинных креслах, предавались они своим мечтам.

Можно ли было быть такими беспечными в виду коварного и хитрого врага?

Вот в открытых дверях мелькнула тень.

Отец и сын, занятые своими мыслями, не заметили ее. Чья-то темная фигура, согнувшись, прокралась вдоль стен. Потом одним прыжком очутилась возле герцога.

Один взмах топором — и герцог упал, даже не крикнув.

Не успел Олаф очнуться, как второй удар обрушился на его голову.

— Двое! — прорычал Надод и, бросив окровавленный топор, выскочил из башни, отвязал коня Гаральда и, вскочив на него, ускакал.

С вершины башни раздался страшный крик.

В тот же момент из всех окрестных кустов выбежали бандиты и, отвязав розольфских лошадей, умчались на них вслед за своим атаманом.

Сбежавшие вниз остановились, пораженные ужасом, но предаваться отчаянию было некогда. Надвигалась новая опасность.

Грундвиг первый заметил ее.

Еще раньше обратил он внимание на легкие взрывы, донесшиеся из степи. Теперь оттуда надвигался неясный гул, все приближаясь и нарастая, как шум прибоя.

— Это лемминги! — воскликнул он. — Мы погибли!

— Запирайте двери!.. Запирайте двери!.. — раздались крики.

Столпившись на вышке башни, наблюдали розольфсцы приближение леммингов.

Они двигались сплошной темной массой, захватив, насколько хватал глаз, всю степь.

Это было настоящее наводнение, еще более опасное потому, что его нельзя было остановить ничем, кроме огня.

Но для этого нужно было зажечь со всех четырех сторон ског, а этого запертые в башне розольфсцы не могли сделать.

Двадцать лет уже жили спокойно лемминги в своих норах под мхом и землей, не предприняв за это время, несмотря на сильное размножение, ни одного переселения. Но достаточно было малейшего толчка, чтобы потревожить их. Таким толчком оказались мины, которые, по приказанию Надода, взорвали в степи бандиты.

Красноглазый правильно рассчитал свою месть. На этот раз розольфсцам не избежать было ее.

Заперев дверь и заткнув чем попало бойницы, они вооружились длинными шестами и приготовились отражать неприятеля.

Скоро первый живой вал докатился до башни, и маленькие зверьки сплошь покрыли стены нижнего этажа.

Их крошечные глазки блистали, как миллионы искр, и угрожающе доносилось шелканье множества маленьких челюстей.

Миновав первый и второй этажи, они добрались до третьего, и борьба началась.

Каждый удар шестом сбрасывал вниз целые ряды хищников, но их место занимали сейчас же тысячи других.

Лемминги видели перед собой упорных противников, и это ожесточало их.

Час проходил за часом, не принося никакого изменения, если не считать того, что люди окончательно выбились из сил.

Надежда на то, что друг Фриц, убежавший в замок при появлении леммингов, поднимет тревогу, была довольно слаба, и осажденные с тоской переглядывались между собой.

Отекшие, онемевшие руки отказывались повиноваться... Так продолжалось весь день.

А к вечеру маленькие злобные создания ворвались в башню...

Когда на следующий день явился Фредерик Биорн во главе своих моряков и с помощью вассалов замка зажег степь и прогнал леммингов, ему представилось страшное зрелище.

На самой вершине башни, на флагштоке, висели тела трех человек, напоминая казненных.

Это оказались Эдмунд, Грундвиг и Гуттор.

Когда богатырь увидел, что спасенья нет, он взял на свои могучие плечи Эдмунда и, взобравшись на флагшток, привязал его там. Проделав то же с Грундвигом, он сам повис рядом с ними, держась на руках.

В таком положении пробыл он до утра, показав пример необычайной силы.

Анкарстрем уехал из замка накануне этих событий, а через две недели шведский король Густав III пал от его руки на маскараде.

Сейм по первому голосованию предложил корону старшему сыну герцога Норландского.

Но Фредерик Биорн ответил послам сейма:

— Моя жизнь больше не принадлежит мне. Я дал клятву отыскать в полярных льдах моего дядю Магнуса и отомстить за моих родственников и должен сдержать ее.

Часть вторая

СВОБОДНОЕ МОРЕ

Глава I

«ДЯДЯ МАГНУС»

Горячее июньское солнце лило с голубого небесного купола потоки ослепительных золотых лучей. Они падали почти отвесно на плодородные зеленые равнины Шотландии и отражались в прозрачных водах реки Клайд, сверкая на ее поверхности миллионами золотистых искр.

Минуя город Глазго, истари соперничающий с Эдинбургом, река Клайд впадает в Атлантический океан.

Спокойная в своем верхнем течении, ниже Глазго, этого промышленного центра Шотландии, она оживленна и кишит большими и малыми коммерческими судами.

Несмотря на воскресный день, улицы Глазго были переполнены оживленным людом. Любопытство всех было крайне возбуждено. Местная кораблестроительная фирма «Самуил Бартон и К°» готовилась к спуску огромного трехмачтового брига в две тысячи пятьсот тонн.

В прошлом веке, когда еще не научились управлять силой пара и когда не была известна гидравлика, спуск большого корабля представлял невероятные трудности и являлся настоящим событием.

Нередко случалось, что корабль сворачивал с назначенного ему пути или совсем останавливался. Тогда уже никакая сила не могла сдвинуть его с места и приходилось разбирать его по частям и заново перестраивать.

Немудрено поэтому, что горожане, волнуясь, спешили к той верфи, с которой должен был произойти спуск «Дяди Магнуса». Так назывался новый корабль.

Два раза уже делались попытки спустить его на воду, и оба раза они кончились неудачей.

Первый раз «Дядю Магнуса» строила кораблестроительная фирма «Прескот», второй раз — «Братья Бернс» и, наконец, это дело поручено было фирме «Самуил Бартон и К°».

Когда в первый раз корабль застрял на верфи, Прескот страшно рассердился на своих инженеров, заведовавших спуском.

— Вы позорите мою фирму! — кричал он.

Но произведенное расследование доказало, что несчастье случилось не по их вине: чья-то преступная рука, по всей

вероятности, ночью, накануне спуска подпилила подпорки мостика.

Успокоившись, что честь его фирмы не пострадала, Прескот списал со своих счетов миллионные убытки, но, не желая подвергать новому риску свою репутацию, категорически отказался перестраивать корабль.

Тщетно уговаривал его уполномоченный заказчика, по имени Грундвиг.

Прескот был неумолим.

— Нет, нет, мистер Грундвиг, — отвечал он на все доводы последнего. — Я не соглашусь на это, хотя бы вы предложили мне золотые горы.

— Подумайте только, — продолжал отказываться Прескот, — если это несчастье повторится еще раз, наша фирма потеряет всякое доверие. Ведь публика-то не станет разбираться в причинах нашей неудачи. Тогда нам грозит полное разорение.

— Послушайте, любезный сэр, — настаивал Грундвиг, — я уполномочен не только заплатить вам полтора миллиона франков за понесенные вами убытки, но и выдать вам вперед три миллиона франков на перестройку «Дяди Магнуса».

— Ваше предложение очень выгодное, — упорно стоял на своем Прескот, — но я не могу принять его. В настоящее время наша фирма имеет заказов более чем на сто миллионов франков, и мы не можем рисковать ими.

Грундвигу не оставалось больше ничего, как обратиться к другой фирме, что он и сделал.

Спустя полгода «Дядя Магнус» был перестроен фирмой «Братья Бернс».

Все уже было готово к спуску, верфь была окружена усиленной охраной, когда внезапно раздался крик: «Огонь! Огонь!»

Сухой лес, из которого был построен корабль, вспыхнул как костер, и прежде чем успели принять какие-нибудь меры, «Дядя Магнус» был весь охвачен пламенем.

На этот раз «Братья Бернс» предусмотрительно оговорили в контракте, что, если несчастье произойдет не по вине фирмы, ей должна быть выплачена сполна вся сумма. Таким образом, убыток пришелся на долю заказчика.

Убедившись, что во всем этом деле замешана чья-то упорная ненависть, Грундвиг стал советовать молодому герцогу отказаться от постройки «Дяди Магнуса».

Но Фредерик Биорн, задумавший экспедицию к Северному полюсу, считал, что она будет иметь успех только в том

случае, если будет предпринята на специально построенном для этой цели корабле.

Все усилия Грундвига, Гуттора и братьев герцога отговорить его от задуманной экспедиции не привели ни к чему.

— Я дал клятву,— отвечал Фредерик,— и скорее умру, чем стану клятвопреступником.

— Клятва, данная сумасшедшему, не может иметь силы,— возражал Эдмунд.— Ведь старый Розевель давным-давно впал в детство.

— Какое мне дело до того, был ли в своем уме человек, которому я дал клятву? Ведь я-то сам был в здравом уме. А трудность предприятия не может меня остановить. Наконец, неужели наш дядя Магнус был тоже не в своем уме, когда сказал Розевелю: «Поезжай за помощью, у меня вся надежда на тебя!»?

— Правда,— волнуясь, доказывал Фредерик,— с тех пор прошло уже восемь лет, но это не значит, что мы должны оставить дядю без помощи и на девятый год... Вы говорите, что мы рискуем жизнью ради мертвеца. Ну что ж! Мы привезем на родину его останки и похороним в фамильном склепе. У меня есть предчувствие, что мы найдем его. А если нет, если даже мне суждено погибнуть в снегах, я все-таки пойду до конца и умру спокойно, с сознанием, что исполнил свой долг,— закончил герцог.

В словах Фредерика звучала такая решимость, что братья принуждены были уступить.

— Ну хорошо,— согласились, наконец, братья,— но в таком случае наше место рядом с тобой.

И немедленно же начались все необходимые приготовления.

Грундвиг был послан в Глазго с поручением выстроить и снарядить там корабль. Размеры корабля, прочность и все детали были заранее обдуманы и строго рассчитаны. Ведь ему предстояло бороться с плавучими льдами и выдерживать страшное давление Ледовитого океана, волны которого, замерзая, разбивают самые крепкие китобойные корабли.

Никто лучше Грундвига не смог бы справиться с этой задачей; он и при покойном герцоге Гаральде заведовал починкой кораблей розольфского флота.

Тем временем Фредерик и его братья не сидели сложа руки.

Для каждого нашлось занятие, сообразное его силам и способностям. С помощью эскимосов они дрессировали собак, делали сани из оленьих шкур, вымоченных в различных жид-

ких жирах, заготавливали провизию. Фредерик Биорн предполагал обеспечить себя всем необходимым на пять лет.

Все было уже почти готово, как вдруг пришло известие о второй катастрофе, постигшей «Дядю Магнуса». Теперь уже не могло быть сомнения, что неизвестный злоумышленник мстил Биорнам.

Но герцог не хотел сдаваться.

Он послал Грундвигу приказ заключить во что бы то ни стало договор с третьей фирмой, не стесняясь никакими средствами, и сообщить о дне спуска, так как он хотел лично присутствовать при этой церемонии.

Однако это оказалось далеко не легким делом. Грундвиг натолкнулся на всеобщее предубеждение. Никто не хотел принимать заказа, опасаясь той участи, которая уже постигла фирмы «Прескот» и «Братья Бернс».

Не помогла ни двойная, ни тройная цена, которую в отчаянии предлагал Грундвиг. Оставалось обратиться к одной из мелких, а следовательно, и менее надежных фирм, когда Грундвиг получил извещение от Самуила Бартона, что его фирма согласна взяться за перестройку «Дяди Магнуса» по цене три тысячи франков за каждую тонну. Это составляло значительную сумму в семь с половиной миллионов франков.

Но Грундвиг поспешил согласиться на эти условия, боясь только одного: чтобы Самуил Бартон не раздумал и не взял обратно своего слова. А герцог Норландский обещал фирме миллион франков премии, если спуск «Дяди Магнуса» закончится благополучно.

Глава II

ТАИНСТВЕННАЯ УГРОЗА

Оснащенный и совершенно готовый к спуску стоял «Дядя Магнус», гордо высясь своими мачтами.

К чести Самуила Бартона, нужно сказать, что хотя он и взял тройную цену, зато корабль получился отличный. При всем желании нельзя было ни к чему придраться. Необыкновенно прочный и изящный, отделанный внутри со всем возможным комфортом, «Дядя Магнус» представлял, по тому времени, последнее слово корабельной техники.

Но удивительнее всего было то, что, несмотря на несчастный пример Прескота и Бернсов, Бартоны не приняли никаких исключительных мер предосторожности, за исключением одной, и даже не усилили охрану верфи.

Единственная принятая ими предосторожность заключалась в особом приспособлении для спуска на воду больших кораблей.

Изобретенное главным инженером фирмы приспособление это должно было быть впервые испытано на «Дяде Магнусе».

Не сомневаясь в благополучном исходе, Бартоны захотели обставить спуск «Дяди Магнуса» со всей торжественностью.

Лорд-мэру, ольдерменам¹ и всем именитым горожанам были посланы приглашения прибыть на торжество спуска, после которого должен был состояться банкет.

Однако никто в Глазго не разделял уверенности Бартонов. Слишком живо было еще в памяти впечатление о неудачах, постигших фирмы «Прескот» и «Братья Бернс».

Самые разнообразные слухи и толки ходили по городу: люди недоумевали, что заставило Самуила Бартона принять заказ. Не тройная ли плата?

Но об истинных причинах никто не догадывался.

Все были твердо убеждены, что таинственная дуэль между заказчиками и их невидимыми врагами еще не кончилась, и с нетерпением ждали ее продолжения.

Берега реки Клайд около верфи, насколько хватало глаз, были покрыты густой толпой любопытных. Со всех сторон доносились громкие голоса людей, обсуждавших шансы за и против успеха. Составлялись пари, как на скачках, которые неизвестно откуда вынырнувшие букмекеры² тут же записывали. Большинство ставок оказывалось против благополучного спуска.

Особенно азартные пари заключались около самой верфи, где стоял «Дядя Магнус».

Здесь собрались наиболее состоятельные горожане, приехавшие в своих колясках и каретах. Среди них стояло ландо³, в котором, возвышаясь над толпой, сидел высокий мулат. Грубое, неприятное лицо его было почти сплошь закрыто черной курчавой бородой.

— Сто соверенов за успех! — раздался возглас мулата.

Эти слова заставили всех обернуться на него.

¹ Л о р д - м э р — городской голова. О л ь д е р м е н, или о л д е р м е н — член совета графства и городского совета, который не избирается населением, а кооптируется (назначается самим советом).

² Б у к м е к е р — лицо, принимающее денежные ставки при игре в тотализатор, главным образом на скачках и бегах.

³ Л а н д ó — четырехместная карета с открывающимся верхом.

Грундвиг, беседовавший с главным инженером, невольно вздрогнул.

— Что с вами? — спросил его собеседник. — Почему вы так побледнели?

— Мне показался знакомым этот голос, — ответил Грундвиг, внимательно разглядывая мулата.

И потом прибавил про себя:

— Нет, слава Богу. Мертвые не могут говорить!

Наконец пробило одиннадцать часов — время, назначенное для спуска.

Море человеческих голов заволновалось. Все теснились вперед, каждый хотел не пропустить ни одной подробности.

Заведующий оснасткой отдавал последние распоряжения. Одетый в парадный костюм — в треуголку, кафтан с золотым шитьем и ботфорты, — этот почтенный человек волновался больше всех. Он следил за постройкой корабля от киля до верхушки мачт и должен был покинуть его последним, вручив его заказчику.

Ежеминутно обращался он с вопросами к главному инженеру, который, улыбаясь, советовал ему успокоиться.

Но вот последние подпорки были сняты.

Послышался протяжный звук трубы.

Толпа замерла, как один человек. Десятки тысяч сердец тревожно забились.

— Смирно!.. Готовься!.. — раздалась звучная команда заведующего оснасткой.

Двадцать четыре топора поднялись над головами. Все затаили дыхание. Напряжение достигло высшей точки.

Что будет?

Неужели таинственные враги опять помешают спуску?

Только один мулат не обнаруживал признаков беспокойства. Он стоял, скрестив на груди руки, с презрением глядя на окружающих.

В мертвой тишине отчетливо прозвучал голос заведующего оснасткой:

— Канаты прочь!

Толпа заволновалась. Сдержанный гул пронесся по ней.

Двадцать четыре топора опустились с механической точностью. Громадный корпус «Дяди Магнуса» вздрогнул, освободившись от сдерживающих его пут, и корабль плавно опустился на воду, которая под его давлением всколыхнулась и разошлась волнами.

Успех был несомненный.

Восторженным криком толпа приветствовала самый большой корабль, когда-либо построенный в Глазго. Бартонов

поздравляли все, даже конкуренты. Тут уже не могло быть места зависти. Каждый житель Глазго считал, что успех местной фирмы делает честь всему городу.

Грундвиг, стоявший на носу корабля, увидел отряд матросов во главе с герцогом и его братом, приближавшийся к кораблю, чтобы вступить во владение им.

Он поспешил им навстречу.

— Я ждал вас, ваша светлость, и, не видя вас, начал опасаться, что вы не прибудете! — воскликнул он.

— Вот видишь, Грундвиг, все окончилось как нельзя лучше. Я знал, что золото открывает все двери и что с его помощью мы добьемся всего, чего захотим. Доказательством этому может служить то, что я привез с собой не только матросов, которые составят экипаж «Дяди Магнуса», но и запасы провизии, эскимосов, оленей и собак.

— Мы приехали на нашем лучшем корабле, «Леоноре», — заявил герцог, — и стоит только сделать перегрузку — и мы сможем немедленно начать нашу экспедицию.

— Из которой никто из вас не вернется, — произнес чей-то тихий и слабый, как дуновение ветра, голос.

Напрасно вглядывались собеседники в окружающую их густую толпу. Трудно было заподозрить кого бы то ни было. Находившийся поблизости мулат был занят расчетами с теми, кто принял его пари. Не было ни малейшего основания думать, что угроза произнесена именно им.

— Не к добру все это! — молвил старый слуга, печально качая головой.

— Опять предчувствия, дорогой Грундвиг, — сказал укоризненно герцог. — Стоит ли принимать это всерьез? Верно, какой-нибудь шутник подслушал наш разговор и захотел напугать нас.

— Боюсь, что за этим кроется что-то, ваша светлость.

— Что ты этим хочешь сказать?

— Неужели, ваша светлость, вы не придаете значения двум катастрофам, постигшим «Дядю Магнуса»?

— Конечно, нет! Я убежден, что месть злоумышленников была направлена против фирм, а не против нас. Ведь Бартоны не принимали никаких особых мер предосторожности, и корабль легко было бы уничтожить в третий раз.

— Вы правы, ваша светлость.

— Да и откуда бы у нас взяться новым врагам? Разве не видал ты своими глазами смерть Пеггама, Коллингвуда и Надода? Знаешь, Грундвиг, я отношу все твои страхи за счет твоих нервов...

— Ах, если бы это было так!

— Так что же ты боишься? Уж не думаешь ли ты, что нам станут мстить мертвые?

— Мщение мертвых бывает ужаснее мести живых,— прошептал за их спиной глухой голос.

Герцог и Грундвиг быстро обернулись, но заметить говорившего им не удалось.

— Кто бы это ни был,— сказал герцог нарочно громко, чтобы неизвестный шутник или враг услышал его,— нам нечего бояться и никакие угрозы не запугают нас.

— А все-таки, ваша светлость,— тихо произнес Грундвиг,— все это более чем странно.

— Ну вот еще! — сказал герцог.— Ничего нет в этом странного. Просто кто-нибудь из «Грабителей» затесался в толпе и хочет омрачить нашу радость. Но от этой угрозы до действительной опасности еще очень далеко. Навряд ли они осмелятся что-нибудь предпринять против нас.

Впрочем, герцог и сам не был уверен в том, что говорил, но он чувствовал, что необходимо как-нибудь рассеять зарождавшиеся у его друзей сомнения.

Грундвиг молчал.

«Неужели,— думал он,— исполнится старинное пророчество о гибели рода Биорнов?»

В это время к норландцам подошел Самуил Бартон. Не помня себя от радости, что спуск окончился благополучно и фирма получит миллион франков премии, он торопился передать корабль заказчику и сложить с себя тяжелую ответственность.

Час спустя «Дядя Магнус» благополучно вышел из бассейна и поплыл по реке Клайд в Глазговскую гавань, где его ожидала «Леонора».

Глава III ВЫСТРЕЛ НОЧЬЮ

Прежде чем перейти к дальнейшему, необходимо познакомить читателя с событиями, последовавшими вскоре после смерти старого герцога Гаральда¹.

Поклявшись отомстить «Грабителям», Фредерик Биорн в течение двух лет упорно выслеживал их.

Счастливый случай помог ему узнать тайну нотариуса Пеггама, фактически бывшего главой преступного общества.

¹ Эти события послужили темой для отдельной книги под названием «Грабители морей».

Союзник и любимец Пеггама, клерк Джошуа, изменяет своему покровителю и передает в руки герцога карту Безымянного острова, тайнственного убежища бандитов.

Герцог снаряжает карательную экспедицию и с помощью одного капитана, бывшего на службе у «Грабителей» и прогнанного за пьянство, прибывает на остров.

Все бандиты, не ожидавшие нападения, погибают, и в числе их Пеггам, Надод Красноглазый и Коллингвуд.

*

Старый Грундвиг не мог отделаться от своих подозрений. Ему невольно чудилась какая-то связь между странным мулатом и тайнственными угрозами. Разве не подозрительна была уверенность мулата, с какой он держал пари за успешный спуск корабля? И Грундвиг решил вместе с Гуттором выследить мулата и попытаться узнать у него что-нибудь.

Переодевшись и изменив насколько возможно свою наружность, они весь вечер провели в поисках по тавернам, посещаемым иностранцами.

А в это время тайнственный мулат сидел на банкете у Бартонов по правую руку герцога Норландского, занимавшего почетное место.

На следующее утро «Дядя Магнус» вышел из Глазго и взял курс на Шпицберген. Его сопровождала «Леонора», которая должна была остаться в Исландии и в задачу которой входило четыре раза в год возобновлять припасы для «Дяди Магнуса» в течение всего времени, покуда будет продолжаться экспедиция.

Провожать «Дядю Магнуса» собралась на пристани большая толпа народа.

В воздухе мелькали сотни шляп и платков, люди восторженно кричали, желая успеха смелым мореплавателям.

Герцог нарочно выбрал для отплытия весеннее время, чтобы за лето успеть добраться до ближайшей к полюсу территории.

Стоя у борта, Фредерик и Эдмунд задумчиво глядели на постепенно исчезающие вдали берега Шотландии.

— Доволен ли ты, брат? — спросил Эдмунд, беря Фредерика за обе руки.

— Очень доволен, Эдмунд, — ответил молодой человек со счастливой улыбкой. — Ты знаешь, эта клятва камнем лежала у меня на сердце. Мне постоянно грезился наш дядя Магнус, больной, голодный, среди вечных льдов, с надеждой протягивающий к нам руки... О, уверяю тебя, я с радостью

пожертвую своей жизнью, но меня смущает только одно: имею ли я право рисковать твоей жизнью и жизнью наших товарищей?

— Перестань, брат! Я не хочу слышать ничего подобного. Мы идем за тобой по доброй воле, и ни у кого из нас нет ни жен, ни детей, которые бы стали нас оплакивать. Мы все с радостью готовы пожертвовать своей жизнью для такого дела... Подумай, быть может, тебе суждено открыть шестую часть света; тогда и на нас тоже падет частичка твоей громкой славы,— закончил Эдмунд.

Не отвечая ни слова, Фредерик благодарно пожал руку брата.

Уже давно наступила ночь, когда зазвонил колокол, призывая к ужину.

Едва успели братья усесться за стол в кают-компании, как вдруг Фредерик привстал от удивления: беря салфетку, он стряхнул с нее себе на колени маленький кусочек бумаги, сложенный вчетверо. Быстро развернув и пробежав его глазами, он побледнел и откинулся на спинку кресла.

Присутствующие в изумлении глядели на него, не решаясь обратиться с вопросом. Но Фредерик скоро пришел в себя.

— Господа! — сказал он, бросая на стол записку и обращаясь к присутствующим офицерам своего экипажа.— Между нами есть изменник. Надо открыть его и наказать достойным образом. Прочтите сами!..

Эдмунд взял записку и прочел вслух:

«Фредерик Биорн! Я тебя ненавижу с детства. Всю жизнь ты стоял на моей дороге, и я поклялся в непримиримой ненависти к тебе. Наконец, ты пролил мою кровь. Трепещи, ибо час мести пробил.

Призрак Красноглазого».

Эдмунд замолчал среди всеобщего смущения.

Никто не мог объяснить, каким путем попала сюда записка, и всех охватил страх перед неведомой опасностью. Из всего экипажа только герцог и брат его не способны были верить, что эта записка написана покойником.

— Наша экспедиция проклята Богом, Гуттор,— прошептал Грундвиг.— С мертвыми нельзя бороться...

— Да,— мрачно повторил Фредерик.— Негодяя надо поймать во что бы то ни стало, и предупреждаю, что я буду к нему беспощаден.

Вдруг дверь с силой распахнулась, и ворвавшийся порыв ветра заколебал пламя висевшей над столом лампы.

Все в испуге вскочили, ожидая появления неизвестного врага, но в это время в каюту вбежал друг Фриц, подпрыгивая и мотая вправо и влево своей громадной головой. Появление медведя встретили громким смехом, разрядившим напряженную атмосферу. Друг Фриц подошел к Эдмунду и положил ему свою голову на колени, как бы напоминая, что без него не принято садиться за стол.

По окончании ужина Фредерик жестом велел присутствующим остаться и сказал:

— Господа, прошу вас зорко наблюдать за матросами. Нет сомнения, что в их среду затесался предатель. Но помните: никому ни слова о том, что здесь произошло.

Офицеры молча поклонились в знак того, что они поняли, и вышли.

— Скажи, брат,— проговорил задумчиво Фредерик,— вполне ли ты уверен в этом французе, который находится у нас на борту?

— Ты говоришь о нашем марсовом, бретонце Ле-Галле?

— Да, о нем.

— О, в этом человеке я уверен, как в самом себе. Когда мы оставили службу во французском флоте, он не захотел расстаться с нами. Ты еще не знаешь его, брат. Это неоценимый человек. Превосходный моряк, он храбр, как лев, честен и неподкупен и не заражен суеверием, как наши матросы.

— Хорошо. Пришли ко мне его завтра утром, я поговорю с ним.

Становилось поздно.

Эдмунд отправился отдыхать в свою каюту, так как ему предстояла вахта, а Фредерик вышел на палубу, чтобы подышать свежим воздухом.

Держа компас на Полярную звезду, «Дядя Магнус» быстро бороздил воды океана. Ночная тишина нарушалась только голосами перекликавшихся вахтенных.

Луна еще не взошла, и было так темно, что в пяти шагах ничего нельзя было разглядеть.

Перегнувшись через перила, Фредерик смотрел на светлую борозду, бежавшую за кормой корабля.

Внезапно ему показалось, что вдоль наружного борта скользнула какая-то тень.

Подозвав к себе знаком вестового, который всегда неотступно следовал за ним, когда он выходил на палубу, Фредерик приказал ему позвать Эдмунда, а сам вынул из-за пояса пистолет, взвел курок и принялся ждать.

Узнав от брата о случившемся, Эдмунд спустился в мат-

росскую спальню и убедился, что все свободные от вахты матросы спали. Потом, вернувшись на палубу, он запер за собой дверь, чтобы никто не мог оттуда выйти, и произвел поверку вахтенных. Все они оказались налицо.

Эдмунд сообщил об этом брату.

— Хорошо,— сказал тот.— Возможно, что это мне помешалось. Хотя...

Он оборвал фразу, схватив брата за руку и призывая к молчанию.

Тень снова появилась, но уже с противоположной стороны, и беззвучно двигалась по карнизу, шедшему вдоль наружной обшивки корабля.

Притаившись на палубе, братья наблюдали за ней.

Дважды поднимал герцог пистолет, порываясь выстрелить, и дважды удерживал его Эдмунд.

— Подождем. Он все равно не уйдет от нас.

Между тем таинственная тень прошла почти вдоль всего борта и достигла основания бушприта.

Тогда Фредерик, не в силах более сдерживаться, прицелился и выстрелил.

Сливаясь с треском выстрела, раздался пронзительный человеческий крик, потом послышался глухой звук падения в воду какого-то тела, и злобный голос прокричал:

— Будь проклят, Капитан Вельзевул!

И все стихло.

— Что ты сделал? — спросил Эдмунд, дрожа от волнения.

— То, что и следовало,— ответил герцог.— Теперь мы, по крайней мере, узнаем, кто нам изменил.

В это время прибежали разбуженные выстрелом Гуттор и Грундвиг, и Эдмунд в нескольких словах сообщил им, в чем дело.

— Все наверх! — лаконично отдал команду Фредерик Биорн.

Раздался резкий свисток боцмана, и через несколько минут все матросы были на палубе.

Гуттор приступил к перекличке.

— Здесь!.. Здесь!.. — раздавался всякий раз ответ, как произносилось чье-нибудь имя.

— Попробуем иначе,— сказал герцог, желая убедиться, что никто не отвечает за отсутствующего.— Пусть каждый вызванный, откликнувшись, перейдет со штирборта¹ на бак-борт.

¹ Штирборт — правая сторона судна.

Произведенный при таких условиях опыт дал те же результаты.

Матросы совершенно не понимали всего происходящего, так как ничего не знали о замеченной герцогом таинственной тени. И это было к лучшему, потому что иначе brave моряки оскорбились бы незаслуженным подозрением.

Распространился слух, что герцогу показалось, будто в море упал человек, и он выстрелом дал знать «Леоноре», чтобы она подобрала утопающего.

Глава IV ТАЙНА МУЛАТА

Возвратившись в гостиную в сопровождении своего брата, Гуттора и Грундвига, Фредерик обратился к ним со следующей речью:

— Я очень рад, что между нашими людьми не оказалось изменника. Но зато я, к своему огорчению, убедился, что на корабле совершенно нет надзора за его безопасностью. Это меня тем больше возмущает, что я привык командовать военным судном, где все делалось с механической аккуратностью. Надеюсь, что больше мне не придется об этом говорить.

Эти слова, произнесенные холодным тоном, относились непосредственно к Гуттору и Грундвигу, которым была вверена охрана корабля.

Верные слуги были обижены до слез незаслуженным упреком.

Эдмунд не побоялся открыто вступить за них.

— Послушай, брат, ты несправедлив, — сказал он. — Наш корабль не военный, а потому здесь и не может быть разговора о дисциплине, а только о преданности тебе. В этом отношении ты и сам прекрасно знаешь, что можешь, безусловно, положиться на них. Что же касается охраны корабля, то я могу засвидетельствовать, что она производится самым тщательным образом...

— Прости меня, брат, — перебил его Фредерик. — Я не хотел обидеть ни тебя, ни Гуттора с Грундвигом, но, право же, меня слишком рассердило, что мы не можем разобраться во всей этой чертовщине.

— О, дело тут простое, брат. Вероятно, кто-нибудь из «грабителей» пробрался на корабль и спрятался на нем с целью посеять панику. Но теперь он уже понес заслуженную кару, и труп его сделан добычей хищных рыб.

— Ты прав, не стоит больше об этом говорить, — сказал

герцог.— Но, главное, нужно постараться скрыть все это от матросов, чтобы не давать пищи их суеверию.

— Послушай, Гуттор,— сказал Грундвиг своему товарищу, когда они остались одни.— Допускаешь ли ты мысль, чтобы кто-нибудь мог спрятаться на корабле?

— Нет, не допускаю. Ведь мы сами обшарили все уголки. Я думаю, что на корабле появился призрак.

— Вот что, Гуттор, я доверяю тебе тайну, которой не открыл еще ни одному человеку. Уже давным-давно Биорны знают о существовании на севере моря, свободного ото льда. Многие из них изучали старинные книги, покрытые какими-то письменами, и занимались тайными науками. И в роду их из поколения в поколение живет предание, что один из Биорнов непременно откроет такое море; но он же будет последним в роду и умрет, не успев поведать миру о своем открытии.

— Несчастный герцог,— вздохнул Гуттор.— Он идет с закрытыми глазами к своей гибели!

— Я слышал еще от деда,— продолжал Грундвиг,— что в той стране, окруженной недоступными ледниками, живут души преступников, осужденных на вечное блуждание по земле под видом оборотней, вампиров и призраков. Они носятся вместе с метелями и поют вместе с бурей ее страшную песнь. Всякого, кто осмелится проникнуть в их страну, они убивают. Четверо или пятеро Биорнов погибли там еще до Магнуса...

Проснувшись на следующее утро, Фредерик Биорн нашел у себя на одеяле траурный конверт, в котором лежала записка следующего содержания:

«Проклятый Капитан Вельзевул!

В эту ночь переполнилась чаша моего терпения. Ты выстрелил в меня, забыв, что призрак неуязвим. Даю тебе одну неделю срока, чтобы подготовиться в дальний путь, из которого никто не возвращается. По истечении его я взорву пороховую камеру.

Ничего не забывающий и ничего не прощающий

Призрак Надода».

Положение становилось серьезным.

На корабле происходило что-то непонятное.

Наскоро одевшись, Фредерик позвал брата и, посоветовавшись с ним, решил произвести повальный обыск всего корабля от трюма до палубы.

Когда они собирались подняться наверх, пришел лейтенант Людвиг и заявил, что хочет сделать герцогу важное сообщение. Вместе с офицером пришел марсовый Иоганн.

— Я вас слушаю, Людвиг,— сказал герцог.— Говорите!

— Нет, ваша светлость, пусть расскажет все сам Иоганн, так как он видел это своими глазами.

— Говори ты, Иоганн!

— Дело было так, ваша светлость,— начал смущенно матрос, вертя в руках шапку.— Я был свободен от вахты и проходил по палубе... Наклонившись так просто, из любопытства, через борт, я увидел какого-то человека. Он висел под бушпритом, как будто делал гимнастику... Я подумал, что это бретонец Ле-Галль,— он любит этим заниматься,— и окликнул его, но человек этот ударил меня снизу чем-то по голове, и я потерял сознание... Когда я пришел в себя и взглянул вниз, там уже никого не было. Я побежал разыскивать Ле-Галля и нашел его крепко спящим на своей койке.

— Кто же это, по-твоему, был, если не Ле-Галль? — спросил герцог.

— О, ваша светлость,— ответил смущенно матрос,— это был, наверное, кто-нибудь из призраков... Они ведь часто шалют на кораблях.

Фредерик и Эдмунд невольно улыбнулись этому наивному суеверию и отпустили матроса.

Оставшись одни, братья молча переглянулись. Было ясно, что кто-то скрывался на их корабле. Но где? Это надо было разузнать во что бы то ни стало, а пока на корабле усилить охрану. Перед пороховой камерой день и ночь стояли трое часовых, сменявшихся каждый час.

Вечером герцог устроил небольшое совещание, на котором, кроме его брата, Гуттора и Грундвига, присутствовали еще несколько офицеров.

О принятом решении никто ничего не узнал: оно сохранялось в строгой тайне.

Когда после катастрофы у Прескота и братьев Бернс Грундвиг обратился к Самуилу Бартону с предложением взять на себя постройку корабля, тот сначала наотрез отказался.

Прошло несколько дней, и однажды главе фирмы доложили, что его спрашивает какой-то иностранец.

Самуил Бартон велел просить его в кабинет.

Иностранец оказался высоким, представительным мулатом, с густой черной бородой. Поклонившись, он произнес обычную в таких случаях фразу:

— Имею ли я честь говорить с мистером Самуилом Бартоном?

— Вы не ошиблись, сэр. Чем могу быть вам полезен?

— Моя имя — дон Рамон Маркез Валоомброза. Я родился в Гаване. Мой отец был испанцем, а мать туземкой. Сейчас я объясню вам цель моего визита.

Пока мулат говорил, Самуил Бартон внимательно рассматривал его.

Это был широкоплечий мужчина лет сорока пяти. В наружности его было что-то свирепое и хищное.

— Однажды вечером, — рассказывал дон Рамон, — мой отец, возвращаясь из клуба, подвергся нападению своих врагов и был смертельно ранен. Он умер, завещав мне отомстить убийцам. Я вижу, вы удивлены тем, какое это имеет отношение к вам... Немного терпения.

— Прежде всего, — продолжал мулат после паузы, — разрешите познакомить вас с этой бумагой. Она — неограниченный аккредитив, выданный мне на вашу фирму торговым домом Мартинец и Перейра.

— Бумага в порядке, — согласился Самуил Бартон, взглянув на документ, — и мы можем вас кредитовать на сумму в двадцать пять миллионов франков.

— О, так много мне не понадобится... Благодарю вас. Теперь разрешите перейти к делу. Скажите, вы отказались взять на себя постройку корабля для герцога Норландского?

— Совершенно верно, сэр.

— Не можете ли вы мне сообщить, почему?

— Мы не хотим подрывать репутацию нашей фирмы, так как ничем не гарантированы, что покушение не повторится.

— А если у вас будут эти гарантии?

— А кто же мне даст их?

— Я!

— Вы?.. Вы не шутите?

— Нисколько. Это я уничтожил оба раза корабли. Но я дам вам возможность выстроить его, если вы согласитесь на мои условия.

— Какие же ваши условия?

— В носовой части корабля должна быть сделана двойная стена и в ней потайная комната; при простукивании стена должна казаться глухой. Вход в тайник лучше всего будет устроить под бушпритом через люк, открывающийся при помощи пружины. Оттуда в пороховой погреб должен быть протянут фитиль, натертый серой и просмоленный для предохранения от сырости.

— Значит, вы все-таки хотите уничтожить корабль, но

только тогда, когда вам это покажется более выгодным?

— Вы угадали. Я взорву его в открытом море, и никто из тех, кто будет на нем, не спасется.

— В том числе и вы, конечно. И вы пожертвуете собой, чтобы отомстить убийцам вашего отца?

— О, нет!.. Напротив, я буду единственным из всех, который останется в живых. Как только я подожгу фитиль, я брошусь в воду и доплыву до своей шхуны, которая будет следовать на небольшом расстоянии от «Дяди Магнуса».

— Ваша шхуна называется «Красный Глаз»?

— Откуда вы знаете это?

— О, мы имеем самые точные сведения о всех приходящих кораблях. Этого требуют дела фирмы... Итак, сэр, вы рассчитываете на наше содействие?

— Несомненно, мистер Бартон. Мне вас рекомендовали с лучшей стороны мои друзья Мартинец и Перейра... Я говорю о тех, которым вы строите превосходные корабли. Насколько я знаю, эти корабли отличаются одним ценным свойством: они благополучно выходят из гавани, но дальше морского дна никуда не доходят.

— Дон Аланцо Мартинец очень умный человек.

— Да, действительно, вы правы.

— И если он рекомендовал меня вам,— сказал мистер Бартон,— то он не ошибся: мы с вами сговоримся, если только...

— Что?

— Вы будете поступать так же, как он.

— Я вас не понимаю.

— Аланцо Мартинец никогда не спорит с нами о цене.

— Я последую его примеру.

— Великолепно. Я вижу, он сказал правду о вас.

— Кто? О ком вы говорите?

— О вашем друге... Неужели вы полагали, что, открывая вам такой широкий кредит, дон Рамон не сообщил мне в то же время самых подробных сведений о вас?

— Стало быть, вы знаете...

— Что ваш отец, убитый врагами, никогда не существовал, что вы отлично умеете гримироваться мулатом... Впрочем, меня это совершенно не касается... Перейдем ближе к вашему делу. Мои условия таковы: полтора миллиона за тайник и полтора за фитиль.

— Я согласен,— сказал Надод, ибо это был он.

Полгода спустя «Дядя Магнус» вышел в океан, увозя с собой злейшего врага Биорнов, замышлявшего их гибель.

Во время всеобщего избиения «грабителей» на Безымянном острове Красноглазый спасся лишь чудом. Весь покрытый кровью и ранами, лежал он рядом с Пеггамом и Коллингвудом, и его сочли мертвым. Он выздоровел только благодаря крепости своего организма.

Вернувшись в Лондон, он собрал уцелевших «грабителей» и поделил с ними все богатства Пеггама. При этом, конечно, ему пришлось львиная доля.

Сделавшись обладателем огромного состояния, он захотел обеспечить свою будущность.

Но прежде он решил покончить с герцогом Норландским.

Один знаменитый врач сделал ему операцию лица и вставил искусственный глаз. После этого Надод стал неузнаваем.

Загримировавшись мулатом, он приехал в Глазго и стал строить свои козни. В чем они заключались, мы уже знаем.

Когда герцог выстрелил в него, он не был ранен, но от испуга потерял равновесие и упал в воду, ему удалось ухватиться за канат, и он с большим трудом взобрался на борт.

Этот случай послужил Надоду хорошим уроком, и он стал осторожнее. Несмотря на всю свою бдительность, норландцы больше не видели его.

Свою угрозу взорвать корабль Надод не приводил в исполнение.

Он знал, что после того, как назначенный им срок пройдет, норландцы перестанут остерегаться.

Он решил привести в исполнение свой замысел, как только «Дядя Магнус» выйдет из Исландии и расстанется с «Леонорой».

Глава V

ЧЕЛОВЕК ЗА БОРТОМ

На совете, состоявшемся накануне, решено было перебраться всем на «Леонору» и выждать, пока пройдет роковой день.

Но за ночь у Эдмунда явились новые соображения, и рано утром он поспешил поделиться ими с братом.

— Знаешь, брат, — сказал он, — я много думал этой ночью и пришел к заключению, что все эти тайнственные проделки, которые совершаются на нашем корабле, следует приписать «грабителям». Нет ничего удивительного в том, что кто-нибудь из главарей этого преступного общества вздумал отомстить нам за смерть своих товарищей.

— Возможно. Ну и что же?

— Разве не мог Самуил Бартон принадлежать к этому обществу? Для него это представляло прямую выгоду: его кораблям нечего было бы бояться «Грабителей»... Допустим, что Бартон устроил на нашем корабле какой-то тайник и в него посадил своего уполномоченного.

— Ты фантазируешь.

— Выслушай меня до конца. Если бы спрятанный на нашем корабле человек хотел взорвать пороховую камеру, — он не стал бы предупреждать нас. Ведь нам достаточно было бы убрать весь порох, чтобы обезопасить себя. Поэтому я полагаю, что на корабле где-то должна быть заложена мина, о которой мы не имеем ни малейшего понятия. И вот ее-то мы должны найти...

— Прекрасно. Но какой же смельчак решится взорвать себя вместе с нами?

— Ты прав, брат; вот почему он и откладывает со дня на день исполнение своей угрозы.

Герцог с удивлением взглянул на брата.

— Ты говоришь, как будто сообщаемь достоверные факты, а не делаешь предположения.

Прежде чем Эдмунд успел ответить, раздался громкий голос вахтенного:

— Корабль слева!

— Вот и ответ, — сказал Эдмунд.

— Ты смеешься...

— И не думаю... Рулевой! Подать сюда журнал.

Матрос немедленно исполнил приказание.

— Обрати внимание, — продолжал Эдмунд, перелистывая корабельный журнал, — начиная с момента нашего отплытия по сей день ежедневно утром и вечером в одни и те же часы делается одна и та же отметка: «...двенадцатого мая в шесть часов вечера шхуна приближается к «Дяде Магнусу», потом поворачивает и уходит». То же самое занесено тринадцатого, четырнадцатого, пятнадцатого и так далее. Смотри, рулевой, когда я его позвал, уже начал записывать: «Двадцатого мая в шесть часов утра неизвестная шхуна...»

— Захвати с собой подзорную трубу и поднимемся на мостик, — предложил Эдмунд.

Последовав за братом на палубу, Фредерик навел на горизонт подзорную трубу и увидал издали небольшую шхуну.

— Что это значит?

— Это значит, что шхуна идет следом за нами и аккуратно в известные часы приближается к нашему кораблю. Очевидно, она должна быть у кого-то под рукой и ждет только сигнала... Я думаю, брат, что этот сигнал даст ей человек,

спрятавшийся у нас на корабле, как только он решится взорвать нас. Сделав это, он бросится в воду, а шхуна подберет его.

— Ты прав, брат! — воскликнул герцог. — Прости меня, что я усомнился в твоих словах. Мы немедленно же приступим к исследованию крьют-камеры¹.

Порох из камеры был, на всякий случай, убран уже давно. Теперь, по приказанию герцога, туда спустились корабельный мастер и заведующий арсеналом со своими помощниками и приступили к отдиранию железной обшивки стен. Энергично застучали топоры, но только через четыре часа утомительного труда одна из железных досок наконец поддалась. Присутствовавшие при этом герцог и его брат одновременно вскрикнули. Под обшивкой оказалось углубление, в котором стоял цинковый ящик, и из него выходила просмоленная веревка.

Эдмунд бросил на брата торжествующий взгляд и, схватив из груды инструментов, принесенных оружейным мастером, большие ножницы, приготовился перерезать веревку.

Оружейник вовремя успел схватить его за руку.

— Берегитесь, дорогой господин! — крикнул он. — Этак вы нас всех взорвете. Достаточно было бы малейшего сотрясения, чтобы последовал взрыв.

— Спасибо, Георген, — ответил, вздрогнув, Эдмунд. — Я чуть было не наделал беды. Но что же нам сделать, чтобы обезвредить эту штуку?

— Если его светлость уполномочит меня... — И оружейник вопрошающе взглянул на герцога.

— Я вполне полагаюсь на твою опытность, — сказал Фредерик.

Взяв широкое металлическое сверло, Георген осторожно просверлил в боковой стенке цинкового ящика небольшое отверстие. Потом, приставив к нему конец пожарного рукава, приказал своим помощникам качать.

В несколько минут порох, находившийся в ящике, был залит водой и обезврежен.

Теперь, следя за фитилем, легко было добраться до тайника, в котором прятался злоумышленник.

Тогда корабельный мастер подал дельный совет.

— Ваша светлость, — сказал он, — нет необходимости отдирать обшивку по всему борту. Направление фитиля указывает, что тайник устроен в носовой части, поэтому оттуда сле-

¹ К р ю й т - к а м е р а — помещение на военном корабле, в котором хранились взрывчатые вещества.

дует начать поиски. Это займет не более двух часов времени. Велите только поставить часовых, чтобы птица не упорхнула.

Проект этот заслужил всеобщее одобрение и был принят.

На «Дяде Магнусе» убрали все паруса, чтобы движение не мешало работе.

«Леонора», получив сигнал, проделала то же самое, и оба судна легли в дрейф в пяти кабельтовых¹ друг от друга.

Как только стали отдирать обшивку на носу, сейчас же обнаружился просмоленный фитиль.

Весь экипаж уже знал, что на корабле спрятался один из «грабителей», и матросы, столпившись, с тревогой наблюдали за работой плотников.

В это же время мнимый мулат, сидя в своем тайнике, скоро догадался, что означает частый стук в борт корабля. Сначала он предположил, что это производится простое исследование прочности обшивки, и успокоился, зная, что при помощи простукивания его тайник нельзя обнаружить. Свинец, подложенный под дерево обшивки, давал глухой звук. Но удары, следуя в одном направлении, приближались... Приложив ухо к стене, Надод отчетливо услышал голоса работающих и понял, что это производится облава на него.

— Скажите-ка, мастер, — говорил один из рабочих, — а что сделают с тем молодцом, которого найдут тут?

— Не наше с тобой это дело, — ответил корабельный мастер. — Но если бы меня спросили, я приказал бы, не задумываясь, повесить его на рее.

Надод понял, что он открыт, и затрепетал при одной мысли, что попадет живым в руки Биорнов. Несмотря на свой грим, он не был уверен в том, что его не узнают, и этот человек дрожал, как ребенок...

Если бы он не обагрил своих рук кровью Гаральда и Олафа, он мог бы еще надеяться на прощение. Теперь же, он знал, возмездие свершится, и даже великодушные Фредерик и Эдмунд не дрогнут, вынося ему приговор.

В отчаянии Надод ломал руки, мечась, как загнанный зверь, по своей тесной клетке.

Что ему делать? Не открыть ли люк и не выброситься ли в море?.. Нет, это было бы бесполезно. Шхуна далеко, и его выловят при громком хохоте матросов, а Фредерик Биорн равнодушным тоном прикажет:

— Вздернуть этого молодца повыше!

Все огромное тело Надода подергивалось от конвульсив-

¹ К а б е л ь т о в — единица длины, применяемая в мореходной практике, равна 0,1 морской мили, или 185,2 метра.

ных рыданий. Как избежать позора?.. Ах, если б только работа протянулась до заката, тогда успеет подойти шхуна и он будет спасен... Но нет, работа шла усиленным темпом, и самое большее через полчаса его должны были захватить, как зверя в норе.

В безграничном отчаянии проклинал Надод свою нерешительность. Чего он ждал?.. Почему уже давно не взорвал корабль?.. Теперь те, с кем он собирался играть, как кошка с мышью, держали его в своих руках.

Вдруг стук прекратился. Что бы это могло означать?

Сильное покачивание объяснило ему все: налетел шквал и отдалил час возмездия.

С палубы донеслась команда вахтенного офицера:

— Все наверх!

Для борьбы с ураганом понадобились все свободные руки.

— Руль к ветру! — крикнул офицер.

Совершив ловкий поворот, корабль стал к ветру. Громадные волны теснились вокруг него и вздымались, угрожая ему своей яростью.

Вдруг одна волна обрушилась на палубу и прокатилась по ней от кормы до носа.

— Человек за бортом! — раздался крик.

Волна подхватила бретонца Ле-Галля и унесла его в море.

Немыслимо было даже думать о его спасении. Всякая попытка угрожала гибелью тем, кто бы ее предпринял.

В течение нескольких минут видно было, как он барахтался в волнах, затем он исчез.

Потеря этого храброго и преданного человека была тяжелым ударом для Эдмунда.

Все остальные матросы успели схватиться за поручни или броситься ничком и уцелели.

Около четверти часа боролся бриг с ветром и волнами, причем его крепкий корпус трещал и вздрагивал. Вой и рев ветра заглушали слова команды и свистки боцманов.

Совершенно неожиданно хлынул проливной дождь. Потом сразу все стихло. Бури как не бывало. Показалось солнце, и успокоившееся море тихо плескалось...

Подобные шквалы именно тем и опасны, что они налетают неожиданно и почти всегда застают корабли врасплох. «Дядя Магнус» вышел из этого испытания с честью. Но где была «Леонора»? Насколько хватало глаз, ее не было видно. По всей вероятности, буря далеко отнесла легкий корабль.

Работа на носу возобновилась. Надод, которому буря принесла некоторую надежду, понял, что на этот раз его игра окончательно проиграна.

Но счастье вторично улыбнулось ему.

Когда корабельный мастер отдираал уже последнюю доску обшивки, скрывавшей тайник, на горизонте показался парус.

Все были уверены, что это приближается «Леонора», и не обратили на него большого внимания, продолжая с нетерпением следить за работой плотников.

Опять корабельный мастер выказал большую проницательность.

— Ваша светлость, — шепотом обратился он к герцогу, — так как неизвестного злоумышленника видели под бушпритом, то прикажите спустить лодку и пусть она наблюдает за этим местом.

— К чему это? — так же тихо спросил Фредерик.

— Надо полагать, что из тайника есть люк наружу...

— Ну и что ж из того?

— А то, что если бы я попал в подобное положение, я не задумываясь бросился бы очертя голову в воду.

— Разумное предложение, — сказал герцог и приказал спустить лодку.

Приближалась развязка.

Глава VI ДВОЙНАЯ МИНА

Почувствовав, что последняя доска обшивки, скрывающая его от врагов, отделяется, Надод открыл люк и без колебания прыгнул в море.

Попал он прямо в подстерегавшую его лодку и, прежде чем успел опомниться, был связан по рукам и ногам.

— Попался, дружок! — сказал боцман. — Теперь держись! Бьюсь об заклад, что тебе здорово влетит.

Свисток дал знать на корабль о поимке гнусного злоумышленника.

Со свойственной ему сообразительностью, Надод понял, что у него остается только один-единственный шанс на спасение. Он был искусно загримирован и до такой степени походил на настоящего мулата, что трудно было заподозрить обман.

Во время спуска «Дяди Магнуса» Надод был все время на виду у Грундвига, но тот не обратил на него ни малейшего внимания. Только когда мулат заговорил, звук его голоса вызвал у старого слуги смутное подозрение.

Надод решил выдать себя за агента Бартонов и не признаваться ни в чем, хотя бы его подвергли пыткам.

Вся команда брига, вместе с Фредериком, Эдмундом, Гуттором и Грундвигом, собралась встречать пленника.

— Мулат!.. Это мулат!.. — повторил несколько раз в изумлении Грундвиг, когда Надода подняли на палубу.

— Разве ты знаешь этого человека, Грундвиг? — спросил герцог.

— Нет, не знаю, ваша светлость. Но он присутствовал при спуске «Дяди Магнуса» и держал крупное пари...

— За или против успеха?

— За, ваша светлость.

— Странно, — пробормотал герцог и подошел к пленнику, которого поставили под грот-мачтой.

Странное впечатление производил Надод. Съежившись и сгорбившись, он с ловкостью профессионального актера сумел в одну минуту изменить свой наружный вид.

Все ожидали увидеть бравого, энергичного молодца, а вместо него стоял жалкий, запуганный человечешко с глупым и растерянным лицом.

Фредерик и Эдмунд также попались на обман.

«Нет, — подумал решительно герцог, — этот ничтожный человек не может быть ни в коем случае душой заговора, а разве только послушным орудием в чьих-то опытных руках».

Зато Грундвигу показалось, что в наружности мулата произошли какие-то изменения, но он не решился утверждать это, не полагаясь на свою память.

— Приготовить все для виселицы! — распорядился герцог. — Чтобы через десять минут негодяй висел!

— Так точно, ваша светлость, — ответил боцман.

Кажущееся безразличие пленника поразило герцога.

— Ты слышал? — спросил он его.

Пленник ответил равнодушным жестом. Черная борода, закрывавшая его лицо, помогала ему скрывать свое волнение.

— И ты не боишься нисколько? — продолжал допрашивать герцог.

— Нет, — как бы нехотя бросил мулат.

— Почему?

— Я знал, на что иду. Меня предупреждали.

— Кто предупреждал?

— Старый Сам.

— Кого ты так называешь?

— Кого же, как не Самуила Бартона...

Заинтересованный этими ответами, Фредерик сказал:

— Послушай! Вместо того чтобы отвечать на мои вопросы, не расскажешь ли ты сам, какую роль ты играл во всей этой истории?

— Нет, я не стану рассказывать... Какой мне интерес изменять тем, которым я служу?.. Ведь вы все равно меня повесите.

— Ну, а если тебя подвергнут до казни жестокой пытке?

— Что ж, сила на вашей стороне, делайте, что хотите!.. — отозвался пленник.

Надод знал благородство Биорнов и то, что они никогда не решатся на такую меру.

— Ты напрасно испытываешь свою судьбу.

— Так ведь я только отвечаю вам. Вы собираетесь меня повесить, и я не могу помещать вам. Вы хотите пытать меня. Опять-таки я не могу ничего сделать.

— Расскажи все откровенно. Возможно, что мы найдем в твоём поведении смягчающие обстоятельства и заменим смерть другим наказанием.

— Что ж я вам могу сказать? Я не питаю к вам никакой ненависти и, в сущности, даже не знаю вас... Я заведовал у Бартонов их конторой в Гаване, — продолжал рассказывать пленник, — как вдруг был спешно вызван в Глазго. Как только я приехал, Самуил Бартон потребовал у меня клятву, что я сохраню в строжайшей тайне все, что увижу. Потом он показал мне тайник, устроенный на вашем корабле, и заявил, что мне поручается взорвать корабль, как только он выйдет в море. Тогда же он передал мне несколько записок, которые я должен был подбрасывать вам, чтобы держать вас в постоянном страхе.

— Какая гнусная жестокость!

— Да, это было ужасно... И я сначала решительно отказался... Но Самуил Бартон напомнил мне, что моя семья находится в его руках... «Следующий же корабль возьмет на борт твое семейство, — сказал он, — под предлогом, что ты вызываешь его в Европу, и выбросит по дороге, в открытом море. А чтобы ты не болтал, мы и тебя сумеем устранить». Долго я колебался, но чувство привязанности к семье взяло в конце концов верх. Я принял его предложение, но все-таки никак не мог решиться взорвать людей, которые никогда не причинили мне зла, и поэтому со дня на день откладывал приведение в исполнение своей угрозы. Вот и все, что я могу вам сообщить, — закончил мулат.

— Первую часть твоих показаний, — проговорил недоверчиво герцог, — мы не можем проверить. Что же касается второй, то ты что-то скрываешь от нас. Если ты и откладывал взрыв, то только потому, что боялся сам погибнуть вместе с нами.

— Вы заблуждаетесь, командир,— перебил его мулат.— Я медлил, не желая брать греха на душу.

— Чем же ты это докажешь?

— Если вашей милости угодно...

— Честным людям верят на слово, но тебе... ты сам понимаешь...

— Я и не прошу, чтобы мне верили на слово, но я вам могу показать, как бы я поступил, чтобы спастись после взрыва.

— Ближе к делу. Мы ждем.

Взглянув на горизонт, Надод увидел свою шхуну, которая лавировала издали, как бы не решаясь приблизиться, и которую на бриге принимали за «Леонору».

В голове бандита зародился смелый план. Он задумал использовать доверчивость герцога, чтобы спастись и отомстить.

— Видите ли вы тот корабль? — начал он, указывая на шхуну.

— Да, ведь это наше вспомогательное судно, «Леонора».

— Нет, командир, вы ошибаетесь,— смело возразил бандит.— Это шхуна старого Сама, и она предоставлена в мое распоряжение. Она все время следует за вами, и я переговариваюсь с ней сигналами. Если вы разрешите, я сейчас проделаю опыт...

Эдмунд был в восторге от того, что все его предположения оправдываются.

— Послушай, брат,— прошептал он, наклоняясь к Фредерику,— мне не хотелось бы вешать этого беднягу. Почему не дать ему возможность привести в свою пользу смягчающие обстоятельства...

— Ты знаешь,— ответил герцог,— что я всегда стою за милосердие.— И, обращаясь к мулату, он сказал: — Позволяю тебе проделать опыт.

— Благодарю вас, командир,— воскликнул тот, с трудом сдерживая охватившую его радость.— Но только необходимо, чтобы наружно на бриге все сохраняло свой обычный вид, а то на шхуне могут заподозрить обман... Как видите, я ничего не скрываю от вас...

— Хорошо, я распоряжусь, но не злоупотребляй нашим терпением.

— О, я прошу у вас только полчаса времени, и тогда вы сами убедитесь, что я был прав.

С этими словами Надод спустился в свой тайник и, выставив из люка руку с белым платком, стал махать им, давая шхуне сигналы.

Сердце его так сильно билось, что он явственно различал его удары. Ведь это была его последняя ставка... Заметят ли на шхуне его сигналы?.. Не догадается ли кто-нибудь на бригае о его хитрости?..

Вдруг Надод вскрикнул от радости: его план удался — шхуна шла прямо на «Дядю Магнуса».

Тем временем на палубе брига все с интересом следили за маневрами шхуны.

Еще несколько минут, и она столкнется с бригом, если не изменит свой курс.

Но она и не думала его менять. Быстро и уверенно приближалась она к «Дяде Магнусу».

Фредерик и Эдмунд перешли на нос брига.

Теперь оба корабля находились почти рядом.

На палубе шхуны видны были только четыре матроса и капитан на мостике.

— Good morning, gentlemen! ¹ — приветствовал он Фредерика и Эдмунда, слегка прикоснувшись пальцами к фуражке.

— Good morning, captain! ² — отвечали братья.

— Very splendid weather and very good wind! ³ — продолжал капитан, ловко пытаясь привлечь на несколько минут внимание собеседников.

— Very good wind indled! — счел своим долгом ответить Фредерик и прибавил: — Aye you going avound the ship? ⁴

Но капитану шхуны уже не было необходимости продолжать разговор.

— Ставь паруса! — зычно скомандовал он.

И как будто шхуна только ждала этой команды. Сразу вся она покрылась парусами и, рванувшись вперед от напора ветра, скользнула мимо брига, почти коснувшись его бортом.

В тот же момент люк тайника раскрылся, и оттуда на палубу шхуны вылетел мнимый мулат. Команда шхуны встретила его восторженными восклицаниями, а капитан, сняв фуражку и помахав ею на прощанье, насмешливо прокричал:

— Favewel, commodore, favewel! Splendid weather, good wind! ⁵

Одновременно с этим с кормы шхуны спрыгнул какой-то человек и, схватившись за бушприт «Дяди Магнуса», перекинулся на его палубу.

¹ Доброе утро, джентльмены! (англ.)

² Доброе утро, капитан! (англ.)

³ Прекрасная погода и отличный ветер! (англ.)

⁴ Вы хотите обойти вокруг моего корабля? (англ.)

⁵ Прощайте, капитан, прощайте! Прекрасная погода, отличный ветер! (англ.)

Это был бретонец Ле-Галль.

У норландцев не хватило времени даже на изумление.

Едва очутившись на палубе, Ле-Галль закричал, как сумасшедший:

— Скорее! Скорее!.. Еще одна мина в правом борту!.. Через пять минут будет поздно... Негодяй, наверно, успел поджечь фитиль.

Когда бретонца смыло с палубы и все думали, что он погиб, его подобрала разбойничья шхуна. Долго находился он без чувств, а когда пришел в сознание, притворился слабым, чтобы избежать расспросов и прежде узнать, в чьи руки он попал. Полагая, что он спит, бандиты разговаривали вокруг него не стесняясь.

Из их разговоров он узнал, что шхуна шла к «Дяде Магнусу», чтобы забрать с него человека, который должен был его взорвать.

Это не удивило Ле-Галля, так как поиски неизвестного злоумышленника начались еще при нем, но то, что он услышал дальше, повергло его в ужас.

Один из бандитов выразил опасение, что фитиль может потухнуть, не дойдя до мины.

— Этого нечего бояться, любезный, — сказал капитан. — Мины заложены с двух сторон. Если потухнет фитиль с левого борта, то взорвется мина в правом борту.

Ле-Галль знал, что на «Дяде Магнусе» не предполагали о существовании второй мины, и он решил предупредить бриг об опасности. Это ему блестяще удалось.

В сопровождении растерявшихся матросов он бросился к трапу вниз.

Один только Фредерик сохранил полное присутствие духа. Сообразив, что каждый лишний человек будет только помехой, он крикнул:

— Стой!

И, когда все послушно остановились, он вызвал корабельного и оружейного мастеров и их помощников и с ними спустился в междупалубное пространство.

Там, в каюте лейтенанта, уже работал топором бретонец, отдирая обшивку стены. Корабельный мастер поспешил прийти ему на помощь.

— Скорее, господин мастер, скорее! — торопил Ле-Галль. — Если через три минуты фитиль не будет обнаружен, все мы взлетим на воздух!

Корабельный мастер старался изо всех сил, но обшивка, сделанная из крепкого норвежского дуба, с трудом поддавалась.

С ожесточением рубил он топором и вдруг вонзил его с такой силой, что не в состоянии был вытащить.

— Мы погибли! — воскликнул Ле-Галль.

— Гуттор! Гуттор! — завопил не своим голосом мастер.

В один прыжок богатырь был около них и выдернул топор вместе с доской обшивки, ярдов до трех в длину.

Вздых облегчения вырвался из груди присутствовавших. За обшивкой находился цинковый ящик, совершенно сходный с тем, который уже был найден, и с таким же точно просмоленным канатом, выходившим из него.

Оружейный мастер немедленно повторил операцию заливания водой. Только что он кончил, как фитиль вспыхнул у самого его лица и опалил ему бороду.

Одна минута промедления могла стоить жизни всему экипажу брига.

Бледный, как мертвец, Фредерик прислонился к стене, чтобы не упасть. Но эта минутная слабость скоро прошла, уступив место вспышке гнева, и он взбежал на палубу, чтобы отдать приказание преследовать бандитов.

Теперь шхуна оказалась среди двух огней, так как вдали появилась, наконец, «Леонора», спешившая присоединиться к «Дяде Магнусу».

Погоня началась.

Предупрежденная сигналом, «Леонора» начала маневрировать, стараясь пересечь дорогу шхуне. Но та не обратила внимания на эту угрозу. Очевидно, бандиты с минуты на минуту ожидали взрыва на бриге и только по истечении времени поняли, что вторую мину тоже постигла неудача.

Тогда шхуна быстро оделась парусами и понеслась наперерез «Леоноре», намереваясь проскользнуть между ней и бригом. Ни у кого больше не оставалось сомнений, что в этой борьбе на скорость победа останется за легоньким судном. На маленькой шхуне все нарочно было приспособлено так, чтобы сообщить ей наибольшую скорость. Она делала семнадцать узлов в час, а «Дядя Магнус» только десять или двенадцать; «Леонора» делала до четырнадцати узлов в час. При таком соотношении сил, конечно, нечего было и рассчитывать на успех погони.

Посоветовавшись с братом, герцог приказал обоим кораблям продолжать путь к северу.

Но шхуна совершенно не собиралась спасаться бегством. Выказав свою быстроту, она повернулась и с той же скоростью стала приближаться к бригу.

Уж не собиралась ли она уничтожить каждого из своих врагов порознь? Такое предположение было бы смешно. Она

была слишком мала даже для того, чтобы сразиться с «Лео-
норой».

Вероятнее всего шхуна просто собиралась посмеяться над бригам, пользуясь превосходной быстротой своего хода.

И она тем легче могла это сделать, что пушки «Дяди Магнуса» были рассчитаны только на пробивание льда и могли стрелять на расстояние всего лишь в пятнадцать локтей вокруг корабля.

Приближение шхуны и ее дерзость вызвали глухой ропот среди экипажа брига.

Еще при первой встрече со шхуной, так предательски обманувшей их, Фредерик шутя спросил ее капитана, не собирается ли он обойти их кругом. По морским понятиям такой поступок считается оскорблением, которое никогда не прощается. И часто случалось, что корабли обменивались пушечными выстрелами из-за этой, с виду такой невинной, шутки.

— Ребята,— сказал Фредерик матросам,— стоит ли обращать внимание на моську, которая лает на слона? Будь этот корабль достойным противником, я бы, не задумываясь, принял бой, но при данных обстоятельствах самое лучшее, что мы можем сделать, это не обращать внимания на бессильную злобу ничтожного врага.

Голос герцога успокоил матросов, и шхуна обошла вокруг брига при гробовом молчании.

Ободренная успехом, она так рассчитала свой ход, чтобы пройти под ветром у брига в двух кабельтовых. В это время трое из матросов махали на палубе шапками, а двое, стоя на реях, кричали:

— Ура, «Дядя Магнус»!

Вдруг на корме шхуны показался человек с черным знаменем в руках. Потрясая им, он воскликнул дважды:

— Мщение! Мщение!

— Надод! Красноглазый! — В ужасе заметались норландцы.

Глава VII

БУХТА НАДЕЖДЫ

То обстоятельство, что их смертельный враг жив, не очень беспокоило Фредерика и Эдмунда.

— Когда мы разыщем дядю Магнуса или, по крайней мере, узнаем, какая судьба его постигла,— сказал Фредерик,— мы вернемся и постараемся уничтожить Надода. До тех же пор нам поневоле придется оставить его в покое.

Братья были уверены, что Красноглазый не рискнет преследовать их среди полярных льдов.

Простояв несколько дней в Исландии и взяв на борт медика-француза по имени Леблон, который присоединился к их экспедиции, оба корабля пошли в Гренландию.

«Леонора» должна была сопровождать «Дядю Магнуса» до его зимней стоянки, чтобы ознакомиться с ней и в дальнейшем служить связующим звеном между бригам и остальным миром.

Весь план экспедиции был превосходно продуман и давал все основания надеяться, что предпринятая на этот раз попытка достичь Северного полюса не кончится неудачей, как все предшествовавшие.

Не знакомый с теми средствами, которыми располагал дядя Магнус, Фредерик Биорн был уверен, что они были вполне достаточны; Магнус Биорн почти достиг успеха и отправил Розевеля за помощью, в которой покойный герцог Гаральд ему отказал.

Эту вину Черного Герцога и хотел загладить Фредерик.

После зрелого обсуждения он пришел к заключению, что для успеха предприятия необходимо, продвигаясь вперед, оставлять позади себя пункты, снабженные жизненно необходимыми припасами: одеждой, топливом, пищей.

Таким образом, встретив на пути какое-нибудь непреодолимое препятствие, экспедиция получала возможность отступить для того, чтобы переждать неблагоприятное время или подготовить соответствующие условия.

Еще до постройки «Дяди Магнуса» «Леонора» приходила в Гренландию, и ее капитан уговорился с одним эскимосским племенем об оказании помощи экспедиции. Можно было вполне положиться на этих людей, на их выносливость и знание местности.

Вождами эскимосов были два молодых человека. Одного звали Гётшальк, а другого — Рескиавик. А весь отряд эскимосов должен был состоять из пятидесяти человек.

Часть эскимосов, во главе с обоими вождями, была заранее привезена в Глазго и теперь совершала путь на «Дяде Магнусе». Остальные эскимосы встретили их по прибытии экспедиции в Гренландию.

Радости этих северных жителей не было границ, когда они увидели, в каких шубах щеголяют их приехавшие на бриге товарищи; они надеялись, что им тоже дадут такие роскошные подарки, и не уставали выражать свой восторг.

Через несколько дней, приняв на борт эскимосов, оба корабля вышли в море, держа курс на север. Они прошли мимо

Шпицбергена, Земли Мельвиля и так называемых Ледяных берегов, потому что они освобождаются ото льда и снега только на коротких пять недель в году.

Исследовав до реки Меккензиевой все верхние берега, омываемые Ледовитым океаном, экспедиция вернулась назад, обогнув мыс Ледяной, Шпицберген и северные берега Гренландии.

Наконец, Фредерик выбрал для стоянки небольшую бухту. Она лежала на восемьдесят втором градусе семидесятой минуте северной широты и шестом градусе двадцать второй минуте восточной долготы и была окружена высокими утесами, которые защищали ее от ветра.

Фредерик назвал ее Бухтой Надежды.

Сутки простояли корабли рядом, а на следующее утро герцог отослал «Леонору» назад, приказав вернуться только следующей весной с надлежащим количеством припасов.

Прощание матросов двух экипажей вышло очень трогательным: матросы «Леоноры» плакали, не скрывая своей жалости к товарищам, едущим на гибель, как они думали, а те крепились, не желая показаться слабодушными.

Глава VIII ЭДУАРД ПАКИНГТОН

Только что успели закончить приготовления к зимней стоянке, как появились первые льдины.

Матросы «Дяди Магнуса» радостно приветствовали их, так как с их помощью могли двинуться дальше.

По другую сторону равнины, вплотную подходившей к бухте, снова простирался Ледовитый океан, по льдинам которого можно было проехать на санях пространство в два градуса.

Бухта, избранная Фредериком Биорном для зимовки, отнюдь не была лишена оживления. Морские птицы в большом количестве носились в воздухе и реяли над самым кораблем с такой беззаботностью, которая указывала на то, что они еще не познакомились с человеком. Моржи и тюлени подплывали к корме брига, как будто хотели ознакомиться с этой невиданной громадой.

Однажды друг Фриц порядком позабавил моряков.

Вместе с ними он смотрел на птиц, которые ловили почти на лету куски вяленой рыбы. Вдруг в бухте появилось стадо моржей с длинными, изогнутыми клыками. Моржи резвились, ныряя и кувыркаясь в воде. При виде их друг Фриц завиз-

жал, совсем как щенок, и начал вздрагивать и трясти своей огромной головой.

Что с ним происходило? Захотелось ли ему порезвиться с моржами или проснулись в нем кровожадные инстинкты, которых он до этих пор не знал, так как был взят от матери сосунком?

Возможно, и то и другое.

Как бы то ни было, он неожиданно спрыгнул с корабля, и, как бомба, упал среди морских животных. Сперва медведь погрузился в воду, но потом выплыл с громким фырканием. Он был сыт и, по-видимому, не питал злых намерений, но моржи приняли его появление по-своему, не делая разницы между цивилизованным и диким зверем. Поэтому, как только друг Фриц вынырнул, он получил жестокий удар клыком, сразу ошеломивший его. Моржи угрожающе обступили его, ожидая нападения и готовясь отразить его.

Но бедный ручной медведь совсем растерялся от оказанного ему неласкового приема и, вероятно, ему пришлось бы плохо, если бы матросы не пришли к нему на помощь.

Столпившись у кормы, они подняли крик, и испуганные моржи обратились в бегство.

Взобравшись на палубу, медведь казался очень сконфуженным и ходил, низко опустив голову.

Шел густой снег, и бывалые люди говорили, что это означает приближение больших холодов, хотя еще стоял конец сентября.

Показались первые небольшие стаи перелетных птиц. Все они тянулись на север, к тому свободному ото льда морю, в существовании которого нельзя было сомневаться.

Стаи птиц все увеличивались и, наконец, стали заслонять небо, как тучи. Они летели двумя большими летными дорогами, из которых одна проходит между Гренландией и Шпицбергенем, другая — между Алеутскими островами и Беринговым проливом. И все эти бесчисленные стаи стремились к какому-то месту, где, несомненно, был умеренный климат.

Страна с умеренным климатом! Свободное ото льда море!

Вот загадка, которая давно смущала умы величайших людей науки и бесстрашных исследователей. Франклины, Ламберы, Белло и Норденшельды рисковали жизнью, чтобы разрешить ее. Правда, они не добились своей цели, но это еще не значило, что цель эта была недостижима.

Когда пролетели последние стаи, начались холода. Термометр резко упал до восемнадцати градусов ниже нуля. Начался ледостав. Со дня на день лед должен был окреп-

нуть и отрезать «Дядю Магнуса» от остального мира.

Но вдруг, совершенно неожиданно, бриг получил товарища в лице маленькой, хорошенькой яхты. Она пришла однажды вечером, перед солнечным закатом, и была с энтузиазмом встречена норландцами.

Хозяином яхты оказался чистокровный янки из Нью-Йорка. Звали его Эдуард Пакингтон. От всей его крупной, сильной фигуры веяло добродушием и вместе с тем энергией и настойчивостью. Красный, мясистый нос обнаруживал не совсем умеренное пристрастие к спиртным напиткам. Волосы на голове и бороде были ярко-рыжие. Одним словом, это был представитель англо-саксонской расы. Он первый нанес визит хозяевам бухты, как он любезно назвал Фредерика и Эдмунда.

Страстный мореплаватель, Пакингтон давно знал о существовании за магнитным полюсом (который произвольно предполагается на семидесятом градусе, но в действительности находится гораздо выше) земли с умеренным климатом. На эту мысль его впервые натолкнули осенние перелеты птиц с юга на север.

— И тогда, — закончил Пакингтон свой рассказ, — я снарядил экспедицию, запасся всем необходимым и отправился к Северному полюсу. В Исландии я нанял двух эскимосов, которые уже служили проводниками какой-то полярной экспедиции, погибшей от голода и холода. И вот, джентльмены, я здесь.

Откровенность американца побудила Фредерика Биорна ответить ему тем же. Почтенный янки был чрезвычайно поражен, узнав, что видит перед собой владетельного герцога. В те времена звания и титулы производили на американцев такое же действие, как и в наши дни.

— Конечно, — сказал Фредерик, — мы не можем относиться безразлично к тому, что вы оспариваете у нас славу открытия, но мы все-таки охотно уступим вам всю честь его, потому что вы преследуете исключительно научную цель, а нами руководят личные мотивы.

— О, я не согласен! — запротестовал янки. — Это будет несправедливо. Мы разделим пополам честь открытия.

Он так твердо стоял на своем, что пришлось согласиться с ним.

Узнав план герцога, Пакингтон пришел в восторг.

— Нет, подумать только, как это просто! Признаюсь, мне бы никогда не пришло в голову устроить вспомогательные пункты... Какая великолепная идея!.. О, соединившись вместе, мы добьемся своего!..

Молодые люди молча улыбались возбуждению, охватившему почтенного янки. Они чувствовали, что обрели в его лице нового друга.

Когда первый пыл восторга немного прошел, Пакингтон поинтересовался, каким образом предполагает Фредерик устраивать эти пункты.

— Мы не будем пользоваться палатками, — сказал герцог, — а поступим по примеру эскимосов: будем вырубать пещеры во льдах и на каждом таком пункте оставлять гарнизон из нескольких эскимосов и европейцев.

— Bravo, герцог! — воскликнул Пакингтон. — Да это будет у нас с вами не экспедиция, а увеселительная прогулка.

В эту минуту на палубе яхты появились два эскимоса, нанятые американцем. Они с любопытством разглядывали огромный бриг и, казалось, были удивлены его размерами.

Оба эскимоса были закутаны с ног до головы в меха, оставлявшие отверстия для зрения и дыхания. Издали их неуклюжие фигуры мало чем отличались по виду от друга Фрица.

Один из эскимосов был высок, другой — приземист. Фредерик и Эдмунд удивились тому, что они уже одеты по-зимнему, но не придали этому обстоятельству большого значения.

Однако на борту «Дяди Магнуса» находился человек, которого поразила подробность, оставленная без внимания герцогом и его братом. Это был Грундвиг, питавший недоверие положительно ко всему на свете.

Поделившись, по обыкновению, своими мыслями с Гуттором, он в один прекрасный день попросил у Пакингтона разрешения осмотреть его яхту. Тот охотно дал свое согласие. Главной целью Грундвига и Гуттора было увидеть поближе эскимосов, но те помещались отдельно от американских матросов, и друзья, при всем желании, не могли найти ничего подозрительного.

И все-таки Грундвиг решил продолжать наблюдать за эскимосами.

Как только посетители удалились, в помещении эскимосов произошел следующий разговор:

— Иорник, ты видел двух людей, которые приходили сюда?

— Да, господин.

— Ты должен избавить меня от них. Даю тебе неделю срока.

— Хорошо, господин.

— За смерть каждого из них ты получишь по пять тысяч пиастров.

- Скоро Иорник будет богат, господин.
- Смотри же!
- Еще одно слово скажет Иорник.
- Говори.
- Господин! Иорник убьет всех, кого ты велишь, но он не хочет висеть на рее.
- Ну да, разумеется же.
- Он убьет их в пути. На суше легче спрятать трупы.
- Делай как знаешь, но помни: если ты попадешься, я тут ни при чем. Я не желаю поплатиться за твою неловкость. Уговор дороже денег.
- Иорник знает это, господин. Иорник принял уговор.

Глава IX

ГУСТАПС И ИОРНИК

Ночью разразилась буря. Она свирепствовала три дня подряд, и Эдуард Пакингтон, нанесший со своими двумя эскимосами визит Фредерику, принужден был все это время оставаться на бриге.

Несмотря на то, что термометр упал до тридцати шести градусов ниже нуля, океан не замерзал: ему мешала буря.

Североамериканский гражданин по-своему боролся с ветром и холодом: он непрерывно тянул стаканами то виски, то джин, то бренди, то херес. И он делал это очень добросовестно и серьезно, не умея, как и все американцы, ни на что больше употребить свой досуг.

На все вопросы Фредерика один из эскимосов, Иорник, отвечал, что несколько лет тому назад они провожали одного европейца со слугами до самой ледяной стены, через которую еще не переступал ни один человек. Потом эскимосы отправились к своему племени за помощью, так как у европейцев кончились припасы. Но когда они вернулись, не было уже никого в живых: все европейцы погибли от холода и голода.

Правда, впоследствии распространился слух, что двое или трое из членов экспедиции перебрались через ледяную стену, за которой лежит земля, свободная ото льда, куда улетают на зиму птицы; но и эта земля так же холодна, как и соседние страны, и поэтому те двое или трое европейцев, вероятно, тоже погибли.

Ответы эскимосов не дали герцогу ничего нового.

В течение трех дней, которые эскимосы пробыли на «Дяде Магнусе», они ничем не возбудили против себя подозрений. Напротив, Иорник выказал себя крайне услужливым и преду-

предительным. Он одобрил мысль Фредерика устраивать по дороге вспомогательные пункты и этим завоевал его симпатии.

Обычно Иорник говорил за себя и за своего товарища, Густапса, своего родственника, который, по его словам, был немой.

И эта услужливость, и немой родственник заставляли старого Грундвига с сомнением качать головой.

— Что-то не нравится мне вся эта история, — говорил он.

Когда буря стихла, льдины быстро смерзлись и образовали сплошное ледяное поле. Солнце появлялось на горизонте только на самое короткое время. Пора уже было оставить корабли и двинуться в дальнейший путь.

Однажды, после обеда, за столом остались только Биорны, Пакингтон и Гуттор с Грундвигом.

Беседа шла, разумеется, о предстоящей экспедиции.

— Скоро, — сказал Пакингтон, — солнце скроется на целых полгода.

— Вы ошибаетесь, — возразил ему герцог. — В этой части Гренландии полярная ночь продолжается только три месяца, и то все время с неба не сходит северное сияние.

— А не скажете ли вы, почему вы избрали для начала экспедиции именно такое время?

— Мы сделали это со специальным расчетом. Все прежние полярные исследователи делали иначе. Они начинали свое путешествие летом, что было, конечно, значительно легче вначале. Но зато потом, когда наступала суровая зима, у них уже не хватало сил, чтобы бороться с нею, и они погибали или отступали. Мы же надеемся преодолеть зиму со свежими силами, а к тому времени, когда появится усталость, подойдет лето, и это значительно облегчит нашу работу. А на крайний случай у нас есть вспомогательные пункты, которые обеспечат нам свободное отступление.

— Но нам не придется прибегнуть к их помощи, потому что я твердо верю, что мы добьемся своей цели! — воскликнул Пакингтон.

Глава X НОЧНОЕ ПОКУШЕНИЕ

Если бы кто-нибудь заглянул в помещение эскимосов на яхте американца в эту ночь, он бы застал Иорника и Густапса бодрствующими.

— Вполне ли ты уверен, Иорник, что взрыв произойдет

вовремя? — спрашивал Густапс. — Ты сам назначил срок в десять дней... Помни, что я хочу, чтобы гибель «Дяди Магнуса» и смерть Биорнов и их слуг последовали одновременно.

— А господин даст Иорнику обещанные двадцать пять тысяч пиастров?

— Ты их получишь, Иорник. Но помни, что ни один норландец не должен вернуться. Никто не узнает о том, что случится здесь!

— Не беспокойтесь, господин. Иорник дал слово, и он сделает свое дело.

— И ты не сомневаешься в успехе?

— Нет, господин. Я уверен в нем так же, как в том, что я существую. Я провел фитиль в крюйт-камеру яхты и точно рассчитал время его горения. Через десять дней яхта взлетит на воздух, а с нею и бриг, который стоит рядом.

— А разве не может случиться так, что бриг уцелеет?

— Как это может быть, господин? На яхте десять тысяч килограммов пороха. Этого хватит, чтобы взорвать целую эскадру!

— Да, да! Ты прав, Иорник. На этот раз все наши враги будут уничтожены, и мы сумеем спокойно вернуться на южный берег и будем ждать корабль, который должен прийти за нами.

— И Иорник будет богат и не вернется больше на землю своих предков, а поедет с белыми людьми и будет есть рост-биф, пить водку, курить глиняную трубку.

Густапс заснул. Читатели, вероятно, догадались без труда, что мнимой немой эскимос был не кто иной, как один из «грабителей».

Проверив еще раз устройство своего фитиля, Иорник тоже собрался было идти спать. Вдруг неожиданная мысль привела его в глубокое смущение. «А что, если враги Густапса богаче и заплатят дороже за его смерть? — подумал эскимос. — Не стоит ли изменить своему жестокому господину?»

Сердце эскимоса, когда мысли его заполнены золотом и водкой, мягче воска.

Взяв пистолет, Иорник подполз к спящему товарищу и прицелился ему в затылок. Он уже готов был спустить курок, когда Густапс тревожно заметался во сне и забормотал:

— Измена!.. Измена!.. Горе тому, кто меня тронет!..

Иорник, не знавший совести белых людей, знал зато о существовании духов-покровителей. Невежественный дикарь решил, что дух Густапса предупреждает его во сне об опасности, и испугался. Отбросив пистолет, Иорник упал на колени, громко крича:

— Пощадите!.. Пощадите!.. Злой дух смутил меня, но я больше не поддамся ему!.. Я буду верен вам, как собака!..

Проснувшийся Густапс сразу понял, в чем дело.

— Ага! — воскликнул он. — Ты хотел продать меня, Иорник?.. Подойди ко мне!..

Эскимос, дрожа, приблизился. Густапс вынул свой пистолет и поднял дуло его вровень с головой Иорника.

— Стрелять или нет?

— Как угодно господину, — смиренно отвечал тот. — Злой дух ввел меня в искушение, но я удержался.

— Ну на первый раз я тебя прощаю. Но если что-нибудь подобное повторится еще раз, помни: пощады не будет!

Эта ночь, озаренная великолепным северным сиянием, была последней перед выступлением в поход. Наутро все норландцы и эскимосы должны были уехать на санях, за исключением десяти человек, которых оставили для охраны брига.

В назначенный час экспедиция выступила в путь. Норландцы шли под командой Эдмунда, американцы — во главе с Пакингтоном, а эскимосы со своими вождями Готшальком и Рескиавиком шли впереди.

За экспедицией следовало пять саней, нагруженных вещами и припасами. Предполагалось, что один день сани будут везти собаки, другой — олени. Таким образом удалось бы сохранить на возможно большее время силы тех и других.

Иорник и Густапс были возведены в звание главных проводников, а общее начальство и руководство экспедицией взял на себя Фредерик Биорн.

Первые несколько миль были пройдены бодро, с веселыми песнями. Но потом песни умолкли, и экспедиция продолжала продвигаться среди глубокой тишины, нарушаемой только скрипом полозьев по мерзлому снегу и лаем собак.

Глава XI НЕМОЙ ГОВОРIT

Ровно неделю продолжался переезд через мыс Парри, имеющий около сорока миль в ширину. За ним снова простирается Ледовитый океан, вплоть до земли, покрытой вечным снегом и известной под именем Ледяных берегов.

Там Фредерик Биорн решил устроить первую промежуточную станцию.

По приказанию герцога матросы отыскивали удобное место и принялись вырубать топорами пещеру в массе льда и снега.

Работа спорилась в могучих руках норландцев. В несколько часов было готово углубление, настолько значительное, что снаружи не было видно работавших в нем.

Вдруг один из них выбежал оттуда с криком:

— Ваша светлость, идите скорее!.. Там, во льду, какой-то огромный зверь...

Фредерик в сопровождении Эдмунда и Пакингтона вошел в наполовину вырубленную пещеру и остолбенел от изумления. Во всю прозрачную ледяную стену чернела какая-то масса. Можно было различить только ноги и часть туловища. Это было животное, почти вдвое больше современного индийского слона.

— Это, как будто, слон, — заметил американец.

— Не совсем так. Это доисторический слон, или так называемый мамонт. Эти животные давно исчезли с лица земли и превратились теперь в ископаемых.

— Но как же он мог сохраниться, если он доисторический?

— Лед сохранил его в целости. Возможно, что он пробыл в нем тысячи лет, — сказал Фредерик.

— Я никогда не слыхал об этом.

— Это уже давно известно, и не мы первые делаем такое открытие.

Фредерик велел вырубить мамонта изо льда. Животное великолепно сохранилось, и когда тушу разрубили на части, мясо оказалось совсем розовым и свежим. Его отдали собакам, которые с жадностью на него набросились.

Устройство станции заняло два дня.

Ледяные стены пещеры закрыли звериными шкурами, на пол также постлали шкуры. Когда все было готово, встал вопрос о том, кому оставаться для охраны станции.

Не желая брать это на себя, Фредерик предложил матросам сговориться между собой и самим выделить желающих остаться.

Ночевали люди в новой пещере, и ночь прошла беспокойно. Среди сна их тревожил какой-то шум и возня, как будто зверь рычал и царапался в массивную, сработанную из толстых досок дверь станции.

Когда утром один из норландцев открыл дверь, чтобы выйти наружу, он увидел лежащего у порога огромного белого медведя и в испуге бросился назад.

Но Эдмунд сразу догадался, кто был их неожиданный гость, и воскликнул:

— Друг Фриц!.. Друг Фриц!..

Медведь сейчас же бросился к своему господину и начал ласкаться.

Верное животное, по совету эскимосов, боявшихся, что медведь привлечет к ним других хищников, оставили на корабле. Гаттору, начальнику охраны брига, было поручено следить, чтобы он не удрал. Шесть дней медведя держали на цепи, а на седьмой, видя, что он тих и смирен, спустили. Хитрый друг Фриц только этого и ждал и сейчас же побежал разыскивать своих хозяев, руководствуясь чутьем.

Конечно, отправить назад зверя было нельзя, и волей-неволей пришлось примириться с его присутствием и включить его в число членов полярной экспедиции.

Поняв, что его оставляют, медведь весело запрыгал вокруг Эдмунда, потом стал обходить всех присутствующих, обнюхивая их и как бы отдавая долг вежливости при встрече. Когда очередь дошла до Густапса и Иорника, медведь угрожающе зарычал, и его с трудом удалось успокоить.

Эта необъяснимая антипатия медведя к двум эскимосам показалась подозрительному Грундвигу заслуживающей внимания, и он удвоил свою бдительность.

На общем совете матросы предложили оставить для охраны станции Грундвига и Гуттора, но оба друга протестовали.

— Мы с Гуттором офицеры, — сказал Грундвиг, — и простые матросы не могут нами распоряжаться. Надо было спросить нашего согласия.

— Ты должен согласиться, что они правы, — сказал Эдмунд. — Ты уже стар и тебе не под силу будет путешествие к полюсу, а здесь ты бы мог принести нам гораздо больше пользы...

И, видя, что старик пытается все-таки протестовать, он добавил:

— Если с тобой что-нибудь случится в дороге, это будет для меня большим горем: ведь я смотрю на тебя теперь как на своего второго отца.

Крупные слезы показались на глазах старика и медленно поползли по морщинистым щекам.

— Эдмунд! — сказал он, с трудом удерживая рыдания. — Зачем говоришь ты мне все это?.. Ты заставил меня плакать, как малого ребенка... Я сделаю все, что ты захочешь! Если ты прикажешь — я останусь.

С этими словами слуга и господин бросились друг другу в объятия.

— Ну а ты, Гуттор,— спросил Фредерик,— согласен ли остаться?

— Я сделаю так, как скажет Грундвиг,— отвечал гигант.— Но раньше дайте нам посоветоваться.

Поднявшаяся снежная буря заставила герцога отложить свой отъезд до следующего дня, и в распоряжении Грундвига и Гуттора была еще целая ночь. Они решили использовать ее для своих планов.

Узнав, что отъезд отложен, Иорник явился к герцогу и попросил разрешения отлучиться.

— Я хочу,— сказал он,— отправиться к ледникам, которые возвышаются в двух милях от нас и через которые нам придется перебираться, чтобы посмотреть, нельзя ли их обойти. Это бы значительно облегчило нам продвижение вперед.

— Хорошо, Иорник. Ты молодец! — похвалил его Фредерик.— Я чрезвычайно доволен тобой и твоим товарищем и по окончании экспедиции щедро вознагражу обоих.

— Спасибо, господин. Вы очень добры к Иорнику.

— Поезжай и возьми мои легкие сани и моих собак; они гораздо быстрее твоих.

— Да, господин.

— А когда вернешься, не забудь сейчас же доложить мне обо всем.

Спустя несколько минут лучшая упряжка герцога Норландского стояла перед палаткой эскимосов.

Внутри палатки Густапс и Иорник готовились в дорогу.

Иорник был обыкновенный эскимос с кожей темно-коричневого цвета, с широкими ноздрями приплюснутого носа и узкими щелочками глаз.

Товарищ его натирал себе лицо медвежьим салом для предохранения от мороза. Но даже за этим занятием он не снял с головы мехового капюшона, и разглядеть его лицо было трудно. Зато руки без перчаток поражали белизной, так характерной для всех рыжих людей.

— Ну теперь мы можем ехать,— сказал немой.

— Тише, тише! — предостерегающе зашептал Иорник.— Нас могут услышать.

— С каких пор стал ты таким трусом? — продолжал Густапс.— Кому бы пришло в голову подслушивать нас?

— Вы смеетесь,— возразил с упреком эскимос,— а Иорник боится. Тот большой человек, которого зовут Гуттором, постоянно следит за нами. Быть может, он и сейчас проник сюда...

Иорник оглянулся с крайне испуганным видом, вызвавшим улыбку на губах Густапса. В самом деле, палатка была так мала, что Гуттор при своем гигантском росте не только не мог бы в ней спрятаться, но и вообще с трудом поместился бы в ней.

После этого разговора два эскимоса вышли из палатки и сели на сани. Шесть лапландских собак, понукаемые бичом, дружно взяли с места и потянули. Скоро они скрылись вдали.

Из снежного сугроба, окружающего палатку, выползла человеческая фигура.

Это был Гуттор.

Два часа тому назад забрался он в свое снежное убежище и, таким образом, был свидетелем разговора, происходившего между Густапсом и Иорником. Прорезав ножом парусину, богатырь разглядел обоих проводников.

Не было сомнения, угроза опять нависла над экспедицией.

«Надо пойти предупредить Грундвига», — подумал он и попробовал подняться на ноги, но ему удалось только сесть. Ноги не слушались его.

Долгое лежание в снегу, на льду, не прошло для него даром. Все тело заоченело, и он с трудом мог владеть только своими руками.

Богатырь чувствовал, что замерзает.

Лагерь был всего в пятнадцати шагах. Он стал звать на помощь, но буря заглушала его крики.

— О, Боже! — стонал несчастный. — Как это ужасно!.. Умереть здесь и не быть в состоянии предупредить герцога.

Он опять попробовал кричать, напрягая всю силу своих легких, но сам почти не различал своего голоса.

Убедившись в бесполезности своих усилий, он опустился на снег и закрыл глаза, чувствуя, что засыпает, и будучи не в состоянии противиться сну.

В это время дверь станции распахнулась и кто-то позвал:

— Гуттор!.. Гуттор!..

Но Гуттор не слышал.

Метель засыпала снегом его бесчувственное тело.

Глава XII

ГУТТОР ВОСКРЕСАЕТ

— Скажите, доктор, он умер? — встревоженно спрашивали Фредерик и Эдмунд.

Доктор Леблон не отвечал. Стоя на коленях перед распро-

стертым на полу телом Гуттора, он внимательно выслушивал его. Старый Грундвиг рыдал, не скрывая своего отчаяния.

Наконец доктор поднял голову.

— Боюсь, что да! — сказал он. — Пульс не слышен, сердце не работает, и стекло, которое я поднес к его губам, даже не запотело. Но есть еще слабая надежда...

— Какая?.. Не мучьте нас, доктор...

— Состояние его очень похоже на смерть, но возможно, что органы еще функционируют, но так слабо, что их деятельность нельзя заметить. Во всяком случае, времени терять нельзя.

— Что же нужно делать? Говорите!..

— Надо растирать все тело снегом, и как можно сильнее, а потом увидим.

Грундвиг и еще несколько норландцев выбежали из помещения и, вернувшись со снегом, принялись с таким усердием растирать богатыря, что через несколько минут от его тела начал подыматься густой пар.

— Это хороший признак, — проговорил доктор, от удовольствия потирая руки.

— Еще немножечко!.. Хорошенько!.. Вот так!.. — приговаривал он и вдруг, скинув сюртук и засучив рукава, стал сам помогать матросам.

Через несколько минут Леблон достал из своего ящика с медикаментами серебряную трубочку и попробовал вставить ее в рот Гуттора, но челюсти его до того были крепко сжаты, что попытка эта не удалась.

Тогда доктор взял ножичек и, просунув лезвие между зубами пациента, слегка раздвинул их и вставил в рот трубочку. Затем он начал вдвухать через нее воздух в легкие богатыря.

Прошло четверть часа. Никто не произнес ни одного слова, а Грундвиг за эти немногие минуты осунулся и постарел на несколько лет.

Выбившись из сил, доктор попросил Фредерика Биорна сменить его у трубки, а сам приложил ухо к груди Гуттора.

— Почти никакой надежды, — объявил он. — Я испробую последнее средство. Если и оно не окажет никакого действия, значит вашему другу уже ничто не поможет.

Взяв стакан, Леблон вложил в него кусок ваты, пропитанной спиртом, зажег его и приставил стакан к груди Гуттора.

Банка подействовала. На груди вздулась опухоль, почти заполнившая стакан. Еще несколько раз повторил доктор свой опыт, а потом надрезал опухоли. Кровь, показавшаяся из них, доказала, что больной жив.

Тогда Леблон влил в рот Гуттору ложку какого-то лекарства и сделал кровопускание из руки. Выпустив полстакана крови, доктор наложил на руку повязку.

Гуттор слабо вздохнул и открыл глаза. Ему дали немного вина, после чего его щеки окрасились слабым румянцем. Он пришел в себя и узнал окружающих.

Попытка приподняться ему не удалась: он был слишком слаб.

— Доктор,— проговорил он еле слышно.— Вы мне спасли жизнь! Как мне благодарить вас?

— Ладно! Ладно! — перебил его Леблон.— Не говорите слишком много, это вам вредно.

Некоторое время больной лежал молча и не двигаясь. Потом на его лице отразились тревога и волнение, и он стал озираться, как бы ища кого-то.

Грундвиг подошел к нему. При виде старика больной обрадовался. Слабым и дрожащим голосом он в нескольких словах рассказал Грундвигу о своем опасном приключении.

— Послушай,— спросил тот,— а зачем же ему было притворяться немым?

— Ты положительно стареешь, Грундвиг. Конечно же, для того, чтобы скрыть свой голос.

— Ну, а кого мы могли бы узнать по голосу?

— Только один человек мог бы этого бояться.

— Кто?

— Красноглазый.

— Я думаю то же самое. Меня радует твоя проницательность, Гуттор. С какой же целью пристал он к нашей экспедиции?

— Цель его мне ясна: убить при первом удобном случае герцога и бежать. Нельзя ни на минуту спускать с него глаз.

— Как же нам это сделать, когда мы дали слово, что останемся? Не лучше ли рассказать все герцогу?

— Если ты можешь доказать, что Густапс и Надод одно и то же лицо, говори; но если ты этого не докажешь, на нас посмотрят как на сумасшедших и не будут верить больше ни одному нашему слову.

— Ты прав,— согласился Гуттор.— Будем следить за ним.

Благодаря исключительно крепкому и здоровому организму, он через несколько часов был уже почти здоров. Только небольшая боль в тех местах, где ставили банки, давала о себе знать, и слабость мешала ему стать на ноги. Во всяком случае, он рассчитывал на следующий день отправиться с экспедицией, а Грундвиг, чтобы не возбуждать подозрений, должен был остаться на станции.

Иорник и Густапс вернулись очень поздно и не спешили сообщить герцогу о результатах своей поездки. Узнав, что эскимосы приехали, и видя, что они не приходят, герцог велел позвать их. Они сейчас же пришли и были, казалось, изумлены при виде больного Гуттора.

В то время как Иорник говорил с герцогом, Густапс жестами старался обратить на себя внимание.

— Что он хочет сказать? — спросил герцог.

— Он просит разрешения снять капюшон, — ответил Иорник, — так как находит, что здесь слишком жарко.

Герцог позволил, улыбаясь дикости эскимоса с черным скуластым лицом.

Грундвиг и Гуттор были поражены.

«Не во сне же я видел все это!» — думал растерявшийся богатырь.

Когда после ухода проводников он обратился к Грундви-гу, тот только руками развел:

— Возможно, что твои глаза были воспалены от холода и... в темноте тебе могло показаться...

Что бы сказал старик, если бы знал, что на станцию с Иорником приходил настоящий эскимос, выданный за Густапса, а мнимо немой родственник преспокойно сидел в своей палатке.

Вернувшись из своей поездки, Иорник и Густапс узнали, что богатыря подняли у их палатки замерзающим. Осмотрев палатку, они нашли разрез, сделанный Гуттором, и это окончательно подтвердило их подозрения. Тогда они решили проделать маленькую мистификацию, и она им удалась как нельзя лучше.

Эскимос, сыгравший роль Густапса, получил в награду за оказанную услугу две пачки табаку, и на его молчание можно было положиться.

Фредерик Биорн имел обыкновение приглашать к своему обеду и ужину каждый раз двух моряков и двух эскимосов. На этот раз очередь выпала на долю Иорника и Густапса. За столом они сидели между Гуттором и Грундвигом. Ужин прошел весело. Пили за здоровье воскресшего из мертвых богатыря и за успех предстоящего выступления.

Между прочим, все обратили внимание на то, что Грундвиг был какой-то сонный в этот вечер и едва ворочал языком.

— Слабеет ваш старик, — шепнул мистер Пакингтон на ухо герцогу.

— Ему уже много лет, — так же тихо ответил герцог. —

А сколько он перенес за свою жизнь! Другой бы не выдержал и десятой доли того.

Спать все разошлись очень поздно.

На другое утро Грундвиг проснулся со страшной головной болью и с трудом, шатаясь, встал на ноги.

Кругом все было тихо. Гуттор спал, ослабев от потери крови.

Старик громко крикнул. Никто ему не ответил.

— Странно! Что это значит? — пробормотал он и направился к двери, но на пороге столкнулся с молодым моряком Эриксоном.

— Ух, как у вас здесь жарко, — воскликнул тот, сияя круглым добродушным лицом. — Снаружи адский холод! Здравствуйте, Грундвиг! Как поживает ваш друг Гуттор?

Молодой человек говорил как-то особенно бойко и развязно. Видно было, что ему хотелось оттянуть минуту объяснения.

— Где герцог? — резко перебил его Грундвиг.

— Он, вероятно, не успел далеко отъехать, — пролепетал юноша. — Впрочем, все зависит от езды и... от препятствий...

Старику показалось, что все завертелось у него в глазах.

— Они уехали... Они бросили нас... — невнятно произнесли его губы.

Опустившись на шкуры, покрывавшие пол, он горько заплакал.

Эриксону стало жаль старика.

— Полноте, чего же вы плачете? — уговаривал он, чувствуя, как у самого на глазах выступают слезы. — Разве они бросили вас?.. Ведь при вас остались я, Рескиавик и еще один наш матрос. Он сейчас привязывает собак...

— Каких собак?..

— Господин Эдмунд оставил вам сани и своих лучших собак и сказал, что если вам здесь очень не понравится, чтобы вы догоняли его.

— О, мой дорогой мальчик!.. Он подумал обо мне!..

В это время проснулся Гуттор.

— Грундвиг! — позвал он слабым голосом. — Я не знаю, что такое со мной... Как будто дурманом опоили...

— И со мной то же самое. Я вчера был слаб и сегодня утром... Кто же это мог сделать?

— Грундвиг, помоги мне подняться! — воскликнул Гуттор. — Мы должны ехать... Нашим господам грозит беда!..

— Беда?!

— Вспомни все, что было вчера. Эти негодяи, должно быть,

подсыпали нам чего-нибудь в вино... А говорящий немой?.. Неужели ты ничего не соображаешь?..

При этих словах Грундвиг вспомнил все и, вскрикнув, без чувств упал на пол.

Гуттор быстро приподнялся, но не рассчитал своих сил, и, застонав от боли, откинулся на подушки.

Эриксон и Рескиавик бросились к Грундвигу.

Глава XIII ЛЕДЯНАЯ СТЕНА

Прошло пять месяцев. Путешественники настойчиво продвигались вперед, руководствуясь компасом и ориентируясь по звездам, которые были отчетливо видны на совершенно чистом небе.

После невероятных трудностей и целого ряда препятствий экспедиция наконец благополучно достигла знаменитой ледяной стены. Она возвышалась на тысячу двести ярдов над землей и закрывала доступ к обетованной стране, лишенной льда.

Вычисления показывали восемьдесят девять градусов тридцать три минуты северной широты. Следовательно, до географического полюса было около двенадцати миль. Но этот полюс не вполне совпадает с полюсом холода.

Восхищенные, стояли путешественники перед невиданным зрелищем. Высота ледяной стены была такова, что, казалось, она подпирает небо. Необыкновенно прозрачная, она отражала, как в стоячей воде, синее звездное небо.

Фредерик первый опомнился.

— О чем задумался? — спросил он брата.

— Не находишь ли ты, брат, — ответил Эдмунд, — что перед лицом такого величия невольно сознаешь свое ничтожество?

— Да, ты прав. Но меня больше занимает сейчас вопрос, как мы перейдем через это препятствие.

— Придется вырубить во льду ступени и строить лестницы.

— Я тоже так думаю. Интересно, что скажут наши проводники. Их мнением нельзя пренебрегать. За эти полгода они вполне доказали свою преданность.

В нескольких шагах от братьев стоял Густапс. Скрестив на груди руки, он также наблюдал величественную картину. Последние слова Фредерика Биорна долетели до его слуха и вызвали у него на губах злобную улыбку.

— Час моей мести близок! — прошептал Густапс.

В течение пяти месяцев он со дня на день откладывал исполнение своего замысла.

До сих пор он находил удовлетворение только в преступлениях, которые совершал, но эта экспедиция, в которой он поневоле принял участие, и своеобразная жизнь, которую вели путешественники, увлекли его, и он решил подождать до открытия полюса.

«Я убью их, когда они достигнут своей цели, и тогда моя месть будет еще полнее», — думал он.

У основания стены построили последнюю, одиннадцатую, станцию и называли ее именем Гаральда.

Потом герцог разрешил людям недельный отдых, чтобы собраться с силами для последнего и решительного усилия.

В составе экспедиции теперь оставалось пятнадцать эскимосов и сорок европейцев и американцев. Больных не было ни одного, если не считать умерших в пути двух матросов Пакингтона. Они сами были виноваты в своей смерти, так как не хотели разнообразить свою пищу и питались почти исключительно солониной и консервами. В конце концов они схватили скорбут и умерли.

На общем совете было решено тщательно осмотреть основание стены, прежде чем начать восхождение. Для этого экспедиция разбилась на два отряда, которые должны были отправиться в противоположные стороны и сойтись снова на станции.

Начальство над одним отрядом приняли Фредерик и Эдмунд, над другим — Густапс и Йорник. Каждый отряд захватил с собой по топору, лому, на три дня провизии и по дюжине ракет, чтобы в случае успеха дать знать об этом своим товарищам.

Выступили в восемь часов утра, при пятидесяти двух градусах мороза. Погода была ясная и сухая.

Фредерик и Эдмунд волновались, а Пакингтон смеялся и шутил.

Герцог вспоминал слова старого Розевеля:

«Идите прямо на север, не отклоняясь от стрелки компаса! Вы придете к высокой стене, на которую мы вместе с Магнусом Биорном взобрались. Оттуда видели мы свободное море и землю с тропической растительностью... По дороге вы найдете наши следы и разные сделанные нами отметки».

Путешественники шли уже несколько часов, а между тем до сих пор они не заметили ничего такого, что можно было

бы принять за знак, оставленный проходившими здесь людьми. По той ли дороге они шли?

Норландские матросы пели песни своей родины, но звук их голосов раздавался странно: воздух не отражал его, точно так же, как гладкое тонкое стекло не отражает солнечных лучей.

Стрелка компаса как будто потеряла направление и дрожая вертелась на своем острие...

Люди чувствовали необыкновенную легкость во всех движениях и какой-то прилив жизненных сил. Не было ли здесь каких-нибудь неизвестных токов, повышавших жизнедеятельность организма?..

Путешественниками начал овладевать страх.

Вдруг два матроса, шедшие впереди, стали криками звать остальных.

Фредерик и Эдмунд поспешили вперед.

— Извольте взглянуть, ваша светлость, — сказал один из матросов.

Братья взглянули и, задыхаясь от охвативших их волнения и радости, бросились в объятия друг другу.

В сплошной ледяной массе были вырублены топором ступени. Они вели от основания до вершины ледяной стены. Завиваясь наподобие винта, они были достаточно широки, чтобы два человека могли разойтись на них.

Когда первое изумление прошло, Фредерик ракетами дал знать второму отряду и, приказав людям оставить лишнюю тяжесть внизу, начал восхождение.

Несмотря на то, что была полярная ночь, благодаря безоблачному небу и ярким звездам казалось светло, как утром.

Поднявшись на первые двести ярдов, путешественники встретились с новой опасностью, к которой они не были подготовлены.

У многих закружилась голова. Между тем, идти с закрытыми глазами было нельзя, так как каждый неловкий шаг грозил гибелью.

Первым почувствовал себя плохо Эдмунд.

— Брат, — сказал он Фредерику, внезапно останавливаясь, — поддержи меня. У меня голова кружится... Это невыносимое чувство... Я готов броситься головой вниз, только бы избавиться от него...

— Остановитесь! — крикнул Фредерик своим спутникам и, обращаясь к брату, прибавил:

— Обопрись на меня, Эдмунд, и закрой глаза.

В эту минуту один из матросов, охваченный головокруже-

нием, зашатался и упал бы вниз, если бы его не подхватил Ле-Галль.

— Ваша светлость, у нас головокружение... Что нам делать? — слышались снизу полные отчаяния голоса.

Герцог молчал, не зная, что предпринять. Тогда бравый бретонец, у которого были крепкая голова и железные нервы, видя, что губительная паника овладевает всеми, крикнул, обращаясь к матросам:

— Ах, вы, мокрые курицы! Ну, у кого там голова кружится?.. Стыдитесь!..

Эти энергичные слова ободрили всех и успокоили. Самолюбие матросов было задето, но они все еще стояли в нерешительности.

Вдруг герцогу пришла в голову великолепная мысль.

— Ребята, — крикнул он, — зажгите фонари!

Фредерик зажег свой, и Эдмунд с радостью убедился, что свет фонаря разгоняет головокружение.

Восхождение продолжалось. На половине пути встретилась широкая площадка. На ней передохнули десять минут. Потом двинулись дальше.

После пяти часов утомительного подъема отряд достиг вершины ледяной стены. Теперь путешественники находились на круглой площадке. С другой стороны стена снижалась отлогими террасами.

Взяв подзорную трубу, Фредерик Биорн осмотрел окружающую землю. Нигде не было видно льда или снега.

— Ребята! — закричал герцог радостно. — Перед нами свободная земля! Конец нашим испытаниям! Скоро взойдет солнце, и при свете его вы увидите то, что с избытком вознаградит вас за перенесенные страдания.

— Только найдем ли мы то, что ищем, — с грустью заметил Эдмунд.

В эту минуту к нему подошел друг Фриц и начал тереться о его плечо мордой, напрашиваясь на ласку.

Эдмунд приласкал его, но медведь не уходил. Схватив зубами полу шубы молодого человека, он тащил его за собой. Эдмунд попробовал прогнать его, но зверь не унимался.

— Постой, брат, — сказал Фредерик, — я думаю, что друг Фриц нашел что-то и хочет нам показать. Пойдем за ним.

Видя, что за ним готовы следовать, медведь выпустил из пасти полу и, радостно ворча, побежал к краю площадки.

Фредерик и Эдмунд пошли за ним.

Медведь быстро начал спускаться по склону.

Когда братья приблизились к краю площадки, друга Фрица уже нигде не было видно.

Глава XIV

ДЯДЯ МАГНУС НАЙДЕН

— Фриц! Фриц! — окликнул Эдмунд повелительным тоном.

Где-то рядом послышалось знакомое ворчание, и друг Фриц выбежал из углубления, находившегося под их ногами. Маленькая тропинка, очевидно, проложенная человеком, вела к этой пещере.

— Что это может быть? — проговорил дрожащим голосом Эдмунд. — Что еще суждено нам увидеть?

— Пойдем, пойдем, — сказал Фредерик, волнуясь не меньше брата.

До пещеры было всего несколько шагов, но какой-то безотчетный страх заставлял их замедлять шаги...

Еще издали заметили они, что пещера эта искусственная и вырублена топором человека.

Герцог Норландский повернулся к брату и молча взглянул на него. Оба были необыкновенно бледны.

— Что же ты неходишь? — спросил Эдмунд, в свою очередь останавливаясь перед входом в пещеру.

Фредерик Биорн нерешительно сделал еще один шаг и остановился.

Бывший капитан «Ральфа», получивший за свою храбрость прозвище Вельзевул, дрожал от страха.

— Пропусти меня вперед, брат, — нетерпеливо произнес Эдмунд.

В этих словах Фредерику почудился упрек. Он быстро и решительно вошел в пещеру.

Глухой крик вырвался у него, и он прислонился к стене, чтобы не упасть. Вошедший за ним Эдмунд сложил руки и склонился на колени.

В пещере, недалеко от входа, на грубо обделанном табурете сидел старик с длинной седой бородой и такими же волосами. Глаза его были открыты, а голова наклонена вниз, как будто он читал рукопись, лежавшую у него на коленях.

Старик не пошевелился даже при входе молодых людей. Он был мертв.

Фредерик и Эдмунд догадались, что перед ними Магнус Биорн.

Так, тщетно ожидая помощи, уснул он незаметно для себя вечным сном от холода в пещере, которую вырубил во льду собственными руками.

Несколько успокоившись, братья взяли из рук мертвеца рукопись и боязливо заглянули в нее.

«Восемь лет в свободной области Северного полюса», — прочли они заголовок.

— Когда же он умер? — спросил Эдмунд.

Фредерик заглянул в конец рукописи.

Она кончалась так:

«8 февраля 1819 года. Все еще ничего!»

Значит, восьмого февраля 1819 года он еще был жив! А теперь было десятое марта того же года...

Магнус Биорн умер всего лишь месяц с лишним тому назад. Умер, полный здоровья и жизни, по неосторожности поддавшись сну на холоде.

Отчаяние братьев было безгранично. Если бы они ехали скорее и тратили меньше времени на всякие предосторожности и постройку станций, они бы успели вовремя и спасли дядю Магнуса.

Несколько часов провели они в слезах возле мертвеца. Холод вернул их к действительности.

С помощью людей тело дяди Магнуса вынесли из пещеры и на веревках спустили вниз. Когда его спускали, вдруг вспыхнуло ослепительное сиянье. Это был магнитный свет.

Свободная земля лежала в центре магнитного полюса. Через каждые тридцать шесть часов оттуда выделялся магнитный ток и в течение восемнадцати часов освещал землю.

По временам магнитный ток достигал необыкновенной силы, и тогда его видели почти во всех странах северного полушария. Этот свет называется северным сиянием.

Когда эскимосы под начальством Густапса и Иорника вернулись на станцию, они застали странную картину. Вокруг сидящего в той же позе, в какой его нашли, Магнуса Биорна стояли на коленях все европейцы и американцы. Это была вечерняя молитва, которую благословлял мертвый Магнус Биорн.

В сердце закоренелого бандита что-то дрогнуло. Густапс невольно преклонил колена и присоединился к молящимся. Несчастный раскаивался и уже готов был отказаться от всех своих преступных замыслов и чистосердечно признаться во всем Фредерику.

Но сама судьба была против Надода.

В ночной тишине слышались скрип полозьев по снегу и голос человека, покрикивавшего на собак.

Кто бы это мог быть?

Фредерик и Эдмунд пошли к двери, чтобы встретить прибывших, и на пороге столкнулись с Гуттором. За ним вошли на станцию Грундвиг, лейтенант Лютвиг и Гаттор.

— Слава Богу! Они живы! — воскликнул Грундвиг и бросился в объятия своего друга.

— Ура! Ура! — закричали четыре американских матроса, оставленные для охраны яхты и приехавшие вместе с матросами брига.

Все присутствующие стояли в изумлении, ничего не понимая в происходящем.

Только Густапс и Иорник догадались, в чем дело, и попытались благоразумно скрыться.

Осторожно пятясь задом, они добрались до двери и только собирались юркнуть в нее и бежать, воспользовавшись санями Грундвига и Гуттора, как богатырь, бывший настороже, схватил их за воротники.

— Стойте, каналы! — крикнул он. — Теперь уж вы не уйдете от меня!

Прибывшие с ним люди стали у двери и загородили ее.

— Гуттор, что ты делаешь? — крикнул нетерпеливо герцог.

— Сейчас, ваша светлость, я вам все объясню, — заговорил Грундвиг. — Я просто обезумел от радости, увидев вас невредимыми... Знаете ли вы, кто эти люди?.. Гуттор, стащи с него маску!..

— Я и сам сниму! — зарычал Густапс и сорвал с себя капюшон и маску.

— Красноглазый! — раздался дружный крик изумления. Да, это был Красноглазый.

Он стоял с искаженным от бешенства лицом и сверкающим глазом и дерзко смотрел на своих врагов.

— Это я, — сказал бандит, — при одном имени которого вы трепещете. Я имел глупость дважды пощадить вас... Не бойтесь, Красноглазый не будет просить пощады, он сохранит ненависть к вам даже после смерти.

— Свяжите этого человека и заткните ему рот! — приказал герцог.

Глава XV ПОСЛЕДНИЙ В РОДУ

Узнав, что Эдмунд оставил ему сани и собак, Грундвиг сейчас же хотел ехать по следам экспедиции, оставив больного Гуттора на станции. Но Эриксон решительно воспротивился этому, говоря, что Грундвига без Гуттора ему запрещено отпускать.

— Можете спросить Рескиавика, он вам то же самое скажет, — настаивал он.

— Если с нашими господами что-нибудь случится, будете виноваты вы, — пригрозил им Грундвиг.

— Что же им грозит? — спросил встревоженный лейтенант.

— Проводники — эскимосы Густапс и Иорник — хотят убить герцога и его брата.

— Но ведь в этом нет ни капли здравого смысла, — возразил Эриксон.

Грундвиг понимал, что спорить с ним бесполезно, и, скрепя сердце, согласился ждать выздоровления Гуттора.

Прошло две недели, прежде чем богатырь поправился настолько, что был в состоянии отправиться в путь.

На этот раз ни Эриксон, ни Рескиавик не препятствовали Грундвигу.

Сани уже были запряжены и все готово к отъезду, когда неожиданно приехали Гаттор и Лютвиг с десятью норландцами и четырьмя американцами, оставленными в бухте Надежды для охраны кораблей.

Что же их побудило приехать с такой поспешностью?

В нескольких словах Гаттор передал все Грундвигу.

Оружейный мастер брига частенько захаживал к своему приятелю, плотнику яхты, распить бутылочку-другую пива и раскурить за беседой пару трубок.

— Знаешь, Джемс, — сказал однажды оружейный мастер, — у тебя здесь сильно пахнет порохом, и не простым, а фейерверочным.

— У нас и в помине такого нет, — возразил плотник.

На этом в тот день и покончили.

Но в следующий раз оружейник опять заявил:

— Бьюсь об заклад, Джемс, что у тебя где-то горит фейерверочный порох.

— Да уверяю тебя, что у нас его нет.

— Ты вполне уверен в этом?

— Так ведь ключи от пороховой камеры постоянно находятся у меня. Неужто бы я не знал...

— Ну, ну, ладно!.. Не будем ссориться.

На третий день оружейный мастер, полагаясь на свое чутье, никогда его не обманывавшее, уверенно заговорил:

— Ставлю бочонок рома за то, что у тебя горит порох!

Плотник был большой любитель рома.

— Идет! — сказал он.

Приятель вместе спустился в крюйт-камеру.

Там запах горящего пороха был настолько ощутимым, что и плотник не на шутку встревожился.

Осматривая бочонок с порохом, оружейник вдруг воскликнул:

— Эге! А почему он такой легкий? И что это за штука выпущена из него?.. Ба! Да ведь это просмоленный фитиль...

Сбегав за ножницами, мастер осторожно перерезал фитиль и обезвредил опасное приспособление.

Весть о том, что кто-то подготавливал взрыв на яхте, скоро стала известна матросам обоих кораблей и возбудила самые оживленные толки.

Единственными виновниками, по общему мнению, могли быть только Иорник и Густапс.

— Если бы здесь не были замешаны эскимосы,— сказал Гуттор,— то я предположил бы во всем этом руку «Грабителей», так как от взрыва должен был пострадать также и бриг.

И он рассказал американцам о двукратной катастрофе, постигшей «Дядю Магнуса» при спуске, и о попытке Надода взорвать его в открытом море.

— Но ведь Густапс не эскимос,— заявил плотник.— Я его видел однажды без зимней одежды: он европеец.

— О, тогда нам нельзя терять ни минуты,— заявил Гаттор.— Мы должны догнать экспедицию, так как злодеи, наверное, замышляют что-нибудь против наших господ.

Оставив для охраны брига и яхты всего четырех человек и запасшись провизией на год, оба экипажа отправились в путь.

Рассказ этот еще больше увеличил тревогу Грундвига, и оба отряда, соединившись, поспешили вперед.

На последней станции им удалось догнать экспедицию.

Надод едва не задохнулся от злости, услышав, что все его планы рухнули.

Герцогу стало жаль его.

— Негодяй нам больше не опасен,— сказал он и велел развязать Надода.

Ослепленный бешенством, бандит забыл, что жизнь его висит на волоске.

— Глупцы! — кричал он.— Вы торжествуете, что я в ваших руках!.. Но наше товарищество еще живо. Вы целых полгода потратили на поиски, а тем временем «Грабители» взяли и разрушили Розольфский замок. Ваш брат Эрик и все, кто был с ним, убиты.

Из груди Эдмунда вырвался гневный стон:

— Ты лжешь, негодяй!

И, бросившись на бандита, он схватил его за горло. Красноглазый воспользовался этим моментом. Быстрее мысли выхватил он из-за пояса Эдмунда кинжал и вонзил его по самую рукоятку в грудь молодого человека. Эдмунд вскрикнул и упал мертвый.

Фредерик лишился чувств.

Присутствующие стояли, онемев от ужаса.

Только Гуттор не растерялся. Подскочив одним прыжком к Надоду, он вырвал у него кинжал и далеко отбросил от себя.

Потом, зажав голову Красноглазого между своими могучими ладонями, богатырь, с рассчитанной медленностью, стал сжимать ее.

— Помнишь старого Гаральда, которому ты разрубил топором череп? — приговаривал он. — А Олафа, убитого тобой?..

— О, сжался!.. Убей меня сразу! — молил Надод.

— Не торопись! — зловеще улыбался Гуттор. — Смерть — это избавление от всех страданий. Надо сперва заслужить ее.

— О! Прости меня! Прости! — стонал Красноглазый. — Я не в силах больше терпеть этих мучений! Убей меня!

Даже норландцы, ненавидевшие Надода, не в состоянии были смотреть на эту сцену.

В последний раз сжались ладони гиганта, и череп злодея треснул. Кровь и мозг брызнули во все стороны...

Гуттор выпустил из рук безжизненное тело и, опустившись на пол, зарыдал, как ребенок.

Когда герцога удалось привести в чувство, оказалось, что он сошел с ума.

Много лет прошло с тех пор.

Туристы, посещавшие развалины старого Розольфского замка, встречали возле них молодого человека, которого всегда сопровождал столетний старик.

Молодой человек занимался тем, что срывал цветы и мох, росшие среди развалин. Иногда он останавливался, и в его безумных глазах появлялся проблеск сознания.

— Надод! Красноглазый! — шептал он тогда.

Но вслед за этим взор его опять тускнел, и, опустив голову, он продолжал забавляться цветами.

Этот безумный был Фредерик Биорн, последний из славного рода владетельных герцогов Норландских.

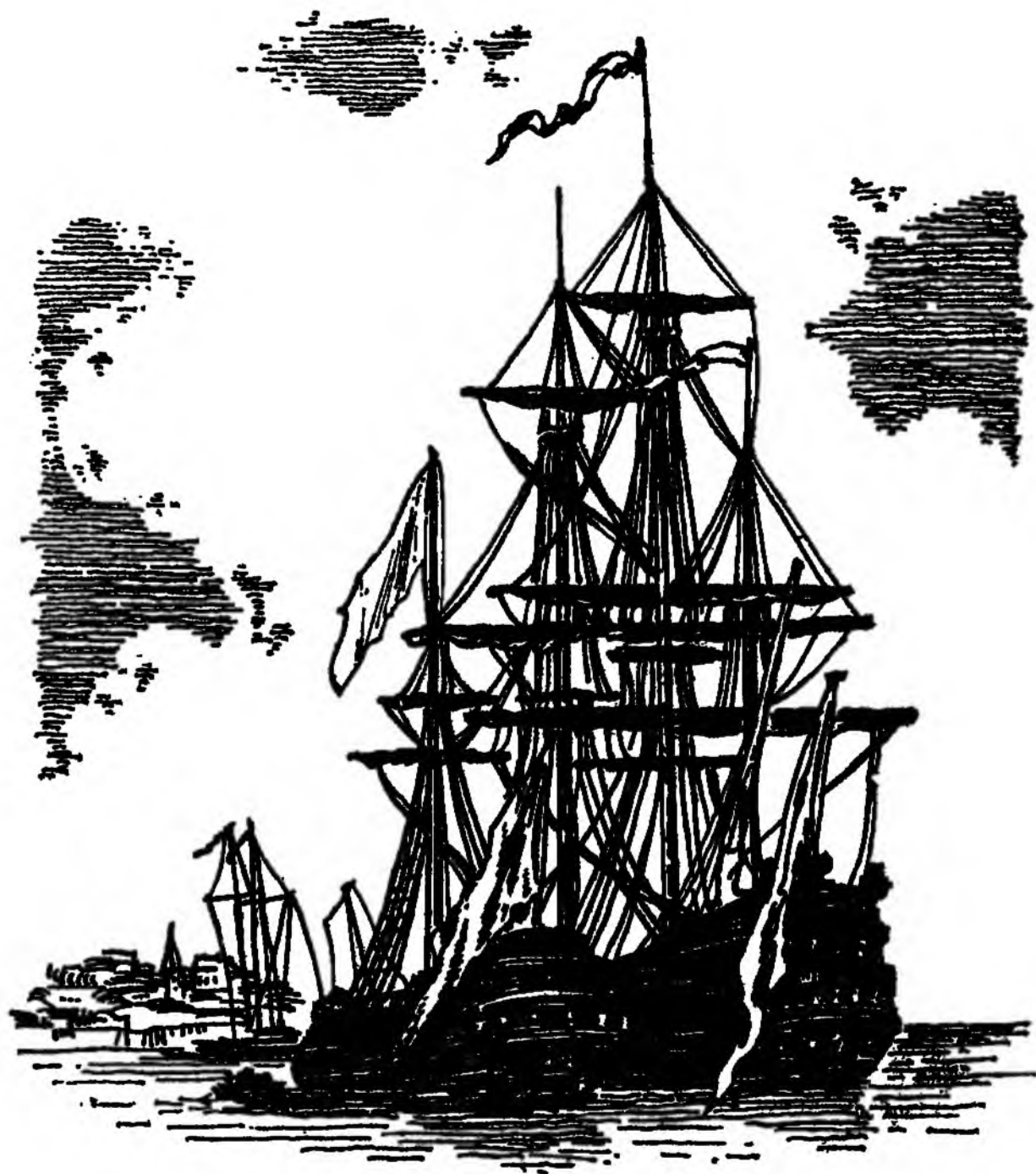
Дру

ЖАКОМНО

**ГРАБИТЕЛИ
МОРЕЙ**

БИБЛИОТЕКА ПРИКЛЮЧЕНИЙ

Глава I

ТАВЕРНА «ВИСЕЛЬНИК»

Вечерело. Тяжелый густой туман, весь пропитанный черным дымом фабричных и заводских труб, висел над Лондоном. Было уже темно. На улицах стоял неопределенный гул, который производила толпа возвращавшихся из деловых центров города в свои жилища людей.

В те времена Лондон по ночам не освещался: только у королевских дворцов и у домов знатных лордов зажигались фонари. Это обстоятельство как нельзя более благоприятствовало «ночным дельцам», беспрепятственно взимавшим дань с запоздалых прохожих.

Правда, полицейские правила предписывали обывателям, под угрозой ограбления, по ночам выходить из домов только группами и обязательно с фонарями, но и это не смущало ночных джентльменов, действовавших целыми шайками; они

по-прежнему продолжали грабить и раздевать прохожих и нередко оставляли свои жертвы в том же виде, в каком ходил Адам до грехопадения. Поэтому, по указу короля Георга III, при всех полицейских постах были устроены склады одеял. Эта разумная мера имела своей целью пощадить стыдливость почтенных граждан.

Мало-помалу шум в городе затих и, когда часы на Тоуэре¹ пробили восемь, на улицах не оставалось никого, кроме бездомных собак; изредка проходил полицейский патруль, совершая свой случайный обход, нисколько, впрочем, не мешавший ночным джентльменам обделывать по соседству свои делишки.

Та часть Лондона, которая теперь называется Сити (центр), в конце восемнадцатого века пользовалась дурной славой. Это было место сборища самых разнообразных элементов преступного мира, находивших себе убежище в многочисленных кабаках и трактирах, торговавших всю ночь.

В самом центре Сити, на улице Ред-Стрит, стоял один из таких притонов, носивший громкое название таверна «Висельник». Это был излюбленный притон «Грабителей морей».

Страшная ассоциация «Грабители морей» сделалась чрезвычайно опасной для общества в конце восемнадцатого века, когда Европа, раздираемая продолжительными войнами, лишенная дорог и удобных сообщений, предоставляла каждому гражданину самому заботиться о своей безопасности. Не было ни одной провинции, где бы не завелась своя собственная шайка разбойников, грабителей, убийц, смеявшихся над всеми усилиями полиции и грабивших подчас целые селения и города.

Но ни одна из таких шаяк не могла сравниться могуществом и размахом своих операций с грозными «Грабителями морей». У этого общества был свой флот, сухопутные шайки и могущественные покровители во всех слоях общества, даже в верхней палате английского парламента и в коронном суде Великобританской державы.

Ламаншский канал, Балтийское море, Северное море служили обычно ареной преступных подвигов этой ассоциации, наводившей страх на берега Англии, Дании, Швеции, Норвегии, Голландии и Германии.

¹ Тóуэр, или Тáуэр — с конца XI века замок-крепость в Лондоне; до XVII века — одна из королевских резиденций, затем до 1820 года — главная государственная тюрьма, сейчас музей.

Самый Лондон в течение почти двадцати лет находился под ужасным террором «Грабителей морей». Дело дошло до того, что «Грабители» стали взимать подать со всех богатых негоциантов, арматоров, банкиров и домовладельцев Сити. Этим лицам посылались категорические требования доставить в такой-то день и час в таверну «Висельник» такую-то сумму, которая исчислялась соразмерно богатству облагаемого этим незаконным побором лица. В письме, обыкновенно, упоминалось «о прискорбных последствиях, которые неминуемо должен повлечь за собой отказ», и внизу ставилась подпись: «Грабители».

Первое время некоторые энергичные люди пробовали сопротивляться «Грабителям», но они скоро бесследно исчезали. В конце концов, никто больше не отваживался противодействовать дерзким бандитам.

Несколько раз в таверне «Висельник» устраивались полицейские облавы и производились массовые аресты. Но скоро всех арестованных там приходилось выпускать за неимением достаточных улик. Никто не решался свидетельствовать против них.

Совершая налеты, «грабители» обычно убивали свои жертвы и всех невольных свидетелей совершенного преступления.

Железная дисциплина обеспечивала преступному обществу повиновение всех членов; но зато и доля прибыли давала каждому из них возможность свободно предаваться каким угодно излишества.

В описываемый нами вечер в таверне «Висельник», вопреки обыкновению, было очень мало народа. Лишь в глубине тускло освещенной залы сидели за столом два человека. Один из них, более молодой, был богатырского роста и телосложения. По сравнению с ним его товарищ казался ребенком, но на лице его лежал отпечаток ума, и серые глаза его глядели проницательно и решительно.

Они оживленно беседовали и пили шотландское пиво, наливая его в стаканы прямо из дубового бочонка, стоявшего перед ними на массивном столе, и казались совершенно спокойными.

Но далеко не так спокоен был хозяин таверны мистер Боб. Он знал, что в скором времени здесь должны были собраться «Грабители морей», а эти ребята не терпели присутствия чужих на своих сборищах.

С уважением поглядывая на внушительную фигуру одно-

го из посетителей, трактирщик не без основания полагал, что дело может принять нежелательный и даже опасный оборот.

— Ну, дружище Боб,— бормотал он про себя, опрокидывая в горло стаканчик крепкого джина для храбрости,— у тебя непременно будут неприятности, если ты заранее не примешь мер.

Порываясь что-то сказать незнакомым джентльменам, он несколько раз делал попытки обратить на себя их внимание легким покашливанием, но незнакомцы продолжали разговаривать на каком-то иностранном языке и не обращали на него ровно никакого внимания. Между тем стрелка часов коварно приближалась к десяти, приводя в ужас и трепет несчастного трактирщика, находившегося под влиянием алкоголя.

Приняв отчаянное решение, он стал осторожно приближаться к столу, за которым сидели посетители.

— Гм!.. Кхе, кхе!..— произнес он, собравшись с духом.— Почтенные джентльмены!.. Кхе, кхе!..

— Чего от нас нужно этому дураку, Гуттор? — спросил старший из собеседников, обращаясь к гиганту.— Посмотри, как он все время вертится вокруг нас, как колесо вокруг оси.

— Я только что хотел тебе сказать то же самое, Грундвиг,— отвечал гигант. И, обернувшись к хозяину, он вопросительно уставился на него.

Мистер Боб окончательно смутился. Не мог же он, без всякой видимой причины, предложить незнакомцам заплатить за пиво и покинуть таверну.

— Гм!.. Гм!.. Я бы желал, почтенные джентльмены...— начал он, запинаясь.— Видите ли... гм!.. Я бы желал вам дать один добрый совет... Гм!.. Кхе!.. Да, очень добрый совет...— И он замолчал, вытирая выступивший на лбу пот и с отчаянием поглядывая на безжалостные часы.

— Ну что же, почтенный хозяин, скоро вы развяжете ваш язык? — спросил Грундвиг.

Мистер Боб сделал над собой отчаянное усилие.

— Гм... вот именно...— заговорил он, торопясь и захлебываясь.— Сейчас видно, почтенные джентльмены, что вы не здешние... Гм!.. Иначе бы вы знали, что по лондонским улицам небезопасно ходить в такой поздний час. На вашем месте я бы расплатился, как подобает порядочным людям, и отправился как можно скорее домой.

— Только-то! — воскликнул Гуттор и громко расхохотался.

Такая беспечность окончательно озадачила мистера Боба, и он в отчаянии выставил свой последний и самый веский аргумент.

— Стало быть, вы не знаете, где находитесь? Ни один констебль¹ не решится сунуть сюда ночью свой нос; ночные патрули и те боятся ходить по этой улице... Вы находитесь... в таверне «Грабителей морей»!

Мистер Боб несомненно рассчитывал, что после этих слов оба случайных посетителя его вскочат и без оглядки бросятся вон из таверны, позабыв даже заплатить по счету. И он уже заранее приготовился к этой небольшой жертве со своей стороны. Тем больше он был удивлен, когда посетители отнеслись совершенно равнодушно к его сообщению.

А между тем Боб не преувеличивал, говоря об опасности, грозящей всякому, кто бы осмелился затесаться на собрание злодейской шайки.

Сколько кровавых драм разыгралось здесь на его глазах. Сколько мужчин и женщин было сюда привезено для того, чтобы уже никогда не выйти отсюда... Только Боб один знал счет трупам, зарытым в подвалах и погребам трактира или брошенным в огромную цистерну для стока воды, находившуюся под домом.

Эти картины и сейчас ярко вставали в его памяти. Однажды вечером к таверне подъехала закрытая карета, из которой вышла богато одетая молодая женщина с тремя маленькими детьми. Ей сообщили, что ее муж внезапно заболел на улице и был перенесен в этот дом. Вне себя от испуга приехала она, захватив с собой детей, прошла через залу трактира и стала спускаться по лестнице к комнате, где, как сказали ей, лежал ее муж. Вдруг раздался ужасный крик: ступени провалились под ногами несчастной, и она упала в грязную цистерну вместе с тремя невинными малютками. Час спустя приехал ее муж, вызванный тем же способом, и разделил ее участь.

Много подобных происшествий случилось в таверне «Висельник» за последние десять лет. Дяди отделялись таким образом от племянников и племянниц, опекуны от опекаемых, младшие братья от старших, мужья от жен и жены от мужей.

На образном языке «грабителей» эта нечистая клоака называлась «Яма наследников». Да не подумает читатель, что

¹ Констебль — в данном случае низший полицейский чин в Англии и США.

это вымысел; это — исторический факт, проверенный во время разбирательства дела «Вайтчапельских убийц» в 1778 году.

Пораженный тем, что его слова не произвели ожидаемого эффекта, мистер Боб удалился за стойку и там попытался утешить себя еще одним стаканом джина.

А собеседники, как ни в чем не бывало, возобновили прерванный разговор.

— Я весь дрожу от бешенства и нетерпения при мысли, что сейчас увижу этого злодея и что, быть может, он на этот раз не минет наших рук, — проговорил Гуттор и с такой силой ударил своим могучим кулаком по столу, что бочонок, стоявший на нем, подпрыгнул, а стаканы жалобно задребезжали.

— Я вполне разделяю твое чувство, — подхватил Грундвиг. — Как жаль, что мы не прикончили Надода еще ребенком, когда старый герцог приказал нам наказать его палками. И подумать только, что целых двадцать лет, по милости этого негодяя, мы считали Фредерика Биорна, старшего сына герцога Норландского, погибшим. Ну и попало же от нас Надоду тогда: сто хороших ударов отсчитали мы ему; у него оказались разбитыми нос и челюсть и выбит один глаз. Как только он остался жив?

И, отпив глоток пива из своего стакана, Грундвиг продолжал:

— Да, негодяй живуч. Он поклялся тогда жестоко отомстить и чуть было не сдержал своего слова. Меня до сих пор охватывает ужас, когда я вспоминаю, что орудием своей мести он избрал Фредерика Биорна. Кто же мог подозревать в корсаре Ингольфе старшего сына герцога Норландского. Но всемогущий Бог не допустил, чтобы сын убил отца. Адмирал Коллингвуд...

— Это тот самый адмирал, который утопил своего старшего брата, его жену, прекрасную Элеонору, дочь покойного герцога, и их детей, чтобы занять его место в парламенте и наследовать его титулы?

— Да-да. Так оно и было. И он действовал через нотариуса Пеггама, который состоит членом парламента от Чичестера и является предводителем «Грабителей морей». Ну так вот, очевидно корсар Ингольф порядком досадил этому адмиралу, потому что он гонялся за ним по всему морю с целой эскадрой. И ему бы никогда не поймать нашего сокола, если бы тот не положился на гостеприимство старого герцога, — герцог-то не признал в нем сразу сына. И вот, когда сын готовился напасть на отца...

— По настоянию Надода... Ведь он не посвящал Ингольфа в свои планы. Мошенник убедил его, что старик-герцог является изменником короля, а за арест герцога ему был обещан патент на звание капитана первого ранга королевского флота. Уж, конечно, Ингольф и не догадывался о том, что должно было произойти в последнюю минуту...

— Ну еще бы! — перебил богатыря старший собеседник. — Сердце-то у него было благородное. Ведь и корсаром сделался он лишь потому, что после стольких услуг, оказанных им королю во время войны, его обошли назначением. Нет, никогда бы он не согласился на предательство. Другое дело, когда он нападал на корабли в открытом море. Там был честный бой, лицом к лицу, а не подлое убийство из-за угла.

— Да, англичане подоспели как раз вовремя, чтобы помешать гнусным замыслам Надода. И все же на этот раз адмирал просчитался: он-то думал, что ему удастся прикончить Ингольфа. Правда, ему удалось захватить без боя «Ральф» — так, кажется, назывался корабль Ингольфа — и его самого; они судили нашего сокола военным судом, несмотря на то, что у него был королевский патент на звание капитана, и приговорили к повешению...

— И повесили бы, если бы старый слуга не спас его в последнюю минуту.

— Да, старик Розевель узнал своего господина по сходству его с покойной герцогиней.

— И он вывел его потайным ходом из башни, где тот ожидал казни, и открыл ему тайну его рождения. А тем временем ребята Ингольфа бежали со своего корабля, обманув английскую стражу, и захватили стоявший в Розольфской бухте на якоре английский фрегат.

— О, это были brave ребята, они способны были разнести по камням весь Розольфский замок, чтобы освободить своего капитана. И они сделали бы это, и не избежать бы кровопролития, если бы среди них не нашелся сподвижник Надода (сам Надод бежал, когда англичане захватили «Ральф»), присутствовавший при гибели маркизы Элеоноры.

— Да, он явился в замок и пригрозил адмиралу, что выдаст его, если тот не освободит их капитана. Но Ингольф и без того был свободен. Тогда адмирал поспешил ретироваться на свой корабль. А в это время явился сам Ингольф и показал старому герцогу знак на своей груди.

— Да, нет ни одного мужчины в роду Биорнов, у которого не был бы выжжен этот знак.

— Ты прав. После этого герцог уже не мог сомневаться. Вспомнить только, как он плакал от радости.

— И на свою беду освободил Надода, которого мы с тобой захватили.

— А этот неблагодарный негодяй, взбешенный тем, что ему не удалось пожить в замке, предательски убил старого герцога и его младшего сына Олафа.

Поникнув головой, старый слуга смахнул с ресниц набежавшую слезу и, глубоко вздохнув, продолжал:

— Вот уже два года прошло с тех пор. А наши молодые господа Фредерик и Эдмунд Биорны, забыв обо всем на свете, горят жаждой мщения.

— О, они были бы недостойны носить имя Биорнов,— воскликнул гигант,— если бы не отомстили подлым убийцам!

— Да-да. Кровь Биорнов течет в их жилах, и эта кровь вызывает о мести. И, я надеюсь, на этот раз месть близка.

— А уверен ли ты, что он придет сюда?

— Я ведь говорил тебе, что Надод встретил случайно Билля, который плавал с ним на «Ральфе», а теперь командует нашим судном, и предложил ему вступить в общество «Грабители морей». Билль притворился, что ему это предложение подходит, и они условились встретиться сегодня здесь, чтобы окончательно договориться.

— Понимаю. Но, во всяком случае, с Надодом надо быть настороже. Уверен ли ты, что он не может нас узнать?

— Вполне уверен.

— Что касается тебя, Грундвиг, я нисколько не сомневаюсь. Ты сумел так изменить свою внешность, что я сам был бы способен ошибиться, не зная я наверное, что это ты. Но скажи по совести: не выдаст ли меня мой рост? Ведь красноглазый Надод — тонкая шельма...

— Это верно, но твои опасения напрасны. Скоро здесь соберется столько разного сброда, что навряд ли Надод узнает нас в этой толпе. К тому же ему и в голову не приходит, что мы в Лондоне.

— Послушай, Грундвиг, а что если этот злодей пронюхал, что Билль состоит у нас на службе? Ведь он способен в таком случае устроить ему здесь западню. Право же, мы недурно сделали, что пришли сюда. Быть может, мне еще придется расправиться со всеми этими бандитами, не исключая и самого Надода!.. Мне это будет не труднее сделать, чем выпить стакан пива.

И, наполнив до краев свой стакан, гигант залпом осушил его.

Глава II

В ЛОВУШКЕ

Часы пробили десять. Бой часов, казалось, пробудил дремавшего за прилавком хозяина таверны. Заметив, что его посетители все еще сидят на своем месте, он побледнел от испуга.

— Да уходите же отсюда! — воскликнул он. — Неужели вы не поняли, что я вам говорил?

— Это публичное место, и каждый имеет право оставаться здесь, если только он платит за то, что берет, — равнодушно отозвался Грундвиг. — Что же касается ваших «грабителей», то вы не беспокойтесь, почтеннейший: мы с ними не начнем ссоры, если только они сами...

Он не успел договорить. С улицы слышались свистки, и лицо Боба исказилось от ужаса.

— Послушайте, хозяин, — спросил Грундвиг, — чего вы так боитесь?

— Они!.. Они!.. — дрожащим голосом твердил Боб. — Я погиб, и вы вместе со мной.

Грундвиг и Гуттор не успели ответить: у входа в трактир раздались громкие голоса, и Боб стремительно бросился встречать гостей.

Гуттор и Грундвиг поняли, к сожалению, слишком поздно, что они совершили большую неосторожность. В их намерения не входило вызывать «грабителей» на ссору и тем самым выдавать свое присутствие. По словам Билля, Надод стал совершенно неузнаваем. Искусный хирург уничтожил его уродство, вставив ему искусственный глаз и выправив нос и челюсть. Поэтому Гуттор и Грундвиг решили воспользоваться удобным случаем, чтобы увидеть преобразенного Надода, проследить его до квартиры и, если окажется возможным, похитить. Теперь собственная неосторожность путала все их расчеты.

Приятеля не успели поделиться своими мыслями, как в таверну ввалилась толпа «грабителей». Они вели какого-то человека, завернутого в одеяло, которого они отбили у констеблей, провожавших его домой. Само собой разумеется, что обобрали его не они, — такими мелкими делами «грабители» не занимались, — а какие-то воришки.

— Ах, негодяи! Ах, разбойники! Ах, убийцы! — кричал во все горло человек в одеяле. — Они раздели меня донага, они украли мое платье. Ах, Боже мой, что скажет миссис Ольдгам!..

Услышав имя Ольдгам, Гуттор и Грундвиг вздрогнули; судьба посылала им в руки еще одну путеводную нить: мистер Ольдгам был клерком¹ нотариуса Пеггама.

В эту минуту в трактир вошли еще два «грабителя». Один из них нес под мышкой одежду Ольдгама. Увидев ее, клерк даже взвизгнул от радости. «Грабителей» боялись все жулики Сити, и потому выручить украденные вещи клерка их патрона не стоило никакого труда. Покуда Ольдгам одевался, дверь снова с шумом распахнулась, и в залу, отбиваясь от державших его разбойников, вбежал молодой человек с покрасневшимся лицом и сверкающими глазами.

— Говорят же вам, что меня ваш Сборг сюда пригласил! — воскликнул он, выхватывая из-за пояса пистолет. — Прочь от меня, а не то я размозжу голову первому, кто ко мне сунется!

Это был Билль. Четыре разбойника, пытавшиеся его задержать, отступили в сторону, и один из них сказал:

— Ну хорошо. Если ты лжешь, тебе все равно не сдобровать.

— Зачем бы я стал лгать? — возразил молодой человек. — Мне до вас нет дела, так же как и вам до меня. Вы не имеете права меня спрашивать, а я не желаю вам отвечать. Ведь я не спрашиваю вас, зачем вы сюда собрались. Так оставьте и вы меня в покое и не мешайте мне выпить бутылочку эля... Эй, трактирщик! Бутылку сюда! Да смотри, живее у меня!

В толпе пробежал одобрителный ропот. Открытое, смелое обращение юноши понравилось всем; к тому же и имя Сборга подействовало магически.

Билль спокойно прошел через всю залу и как бы случайно подошел к столу, за которым сидели Гуттор и Грундвиг, но сел на противоположном конце и вполоборота к ним. Тут только «грабители» заметили посторонних. Но прежде чем они успели что-либо предпринять, дверь с улицы открылась и в залу величественно вошел Красноглазый.

Все смолкли.

Нахмурив брови, Надод пыливо обвел глазами залу. Увидав Билля, он злобно усмехнулся и направился к нему.

— Взять его! — произнес повелительным тоном Красноглазый, указывая рукой на молодого человека.

Человек двенадцать бросились исполнять приказание Сборга и вдруг остановились как вкопанные.

¹ К л е р к — служащий при парламенте, суде, нотариусе в торгово-промышленном предприятии, ведущий делопроизводство, составляющий отчеты.

Билль встал, бледный и дрожащий от гнева, и приготовился стрелять из пистолета; но в эту самую минуту Гуттор протянул руку, осторожно взял молодого человека за талию и переставил его по другую сторону стола, а сам медленно выпрямился во весь свой гигантский рост и произнес своим ровным и звучным голосом:

— Ну-ка, попробуйте, возьмите его!

Грундвиг не удерживал своего товарища: он понимал, что нельзя оставить без помощи их молодого друга.

В зале все притихло. Слышно было только дыхание нескольких десятков человек.

При виде гиганта Надод, казалось, был поражен. Но затем ему сразу вспомнились богатырь Розольфсского замка и его друг, и он, несмотря на переодевание, узнал их обоих.

— Гуттор! Грундвиг! — воскликнул он. — О! Это сам ад предаст вас в мои руки!

— Да, мы — Гуттор и Грундвиг, — отвечал богатырь, видя, что ему больше уже нечего терять. — И на этот раз тебе не избежать наших рук.

В ответ Красноглазый презрительно рассмеялся.

— Твой последний час пробил! — злобно крикнул он. — Ребята, пятьсот золотых крон тому, кто схватит этого хвастуна.

Приближалась минута ужасной, беспощадной борьбы. Надод, пылая жаждой мести к людям, которые некогда исполнили над ним приговор старого герцога, не мог сдержать своей радости. Его воображение уже рисовало ему страшные пытки, которым он подвергнет своих врагов, прежде чем убьет. После этого он мог бы спокойно уехать в Америку, которая только что завоевала себе независимость и в которой он надеялся найти забвение, счастье и покой.

Как раз в этот самый вечер ему предстояло получить от адмирала Коллингвуда значительную сумму, которая вместе с прежде накопленными деньгами должна была обеспечить его благосостояние. На следующий день Надод собирался исчезнуть навсегда и скрыться от мести Фредерика Биорна в неизмеримых пустынях Нового Света.

Хотя в окончательном исходе борьбы нельзя было сомневаться, однако исполнить приказ Надода было вовсе не так легко. Богатырь и его два товарища занимали очень удобную позицию: они стояли, прислонясь к стене и прикрываясь большим тяжелым столом. Напасть на них можно было только спереди. Кроме того, Гуттор нашел у себя под руками грозное оружие: вдоль стены была протянута толстая железная жердь в четыре метра длиной, вделанная концами в стену.

На эту жердь ставились бочки с пивом, когда в трактире устраивалось большое пиршество. Гуттор схватил эту жердь, поднатужился и вырвал ее из стены. Два обыкновенных человека едва могли бы приподнять ее, но богатырь действовал ею свободно, как дубиной.

При виде такой страшной силы, разбойники, бросившиеся было исполнять приказ Надода, отхлынули прочь. Ропот удивления пробежал по всей зале. Физическая сила всегда производит большое впечатление на толпу.

Надод закусил губы от злости. Он понял, что эта жердь в руках Гуттора была грозным орудием.

«Грабители» были люди храбрые, способные пойти навстречу какой угодно опасности, но при условии, что кто-нибудь поведет их вперед, показывая пример. На этот раз Надод не хотел рисковать своей жизнью, хотя вообще он был далеко не трус.

Нужно было, однако, решиться на что-нибудь. В зале стояла глубокая тишина. Разбойники с тревогой поглядывали на своего вождя.

Теперь Гуттор имел полное право глумиться над «грабителями», но, не зная еще, какой оборот примет дело, он благо-разумно воздержался от этого. В сущности, разбойникам стоило только броситься в атаку всей массой и пожертвовать десятком товарищей, и все было бы окончено в несколько минут. Но, как это всегда бывает, они ждали какого-нибудь повода, способного вызвать в них ярость.

К счастью для Гуттора и Грундвига, бандиты не были вооружены: им строго воспрещалось ходить в таверну с оружием, так как прежде ни одна сходка не обходилась, по крайней мере, без одного убийства.

Положение нескольких десятков разбойников, боявшихся начать нападение на трех человек, становилось, в конце концов, просто смешным. Надод понял это и в злобном отчаянии воскликнул:

— «Грабители!» Отворяйте двери, снимайте шляпы и становитесь на колени! Дайте пройти этим людям, раз уж вы, будучи в числе пятидесяти против трех, все-таки не решаетесь с ними сразиться.

Слова, сказанные презрительным тоном, вызвали долгожданную ярость. Толпа разбойников бросилась вперед, но сейчас же на нее несколько раз опустилась смертоносная железная дубина... Несколько человек было убито наповал.

Бешенство «грабителей» росло, и они продолжали наступать на Гуттора. Шестеро из них ухватились за железную жердь, выждав момент, когда она опустилась, совершив свое

страшное дело. Гуттор, показывая опять невероятный пример мускульной силы, поднял свое оружие вместе с уцепившимися за него разбойниками и при этом встряхнул его так, что разбойники посыпались прочь и разбились кто об стену, кто об пол. Но на этот раз жердь выпала из рук богатыря, и он оказался безоружным.

Зала огласилась криком торжества, но вслед за тем произошло нечто уже совсем невероятное: богатырь повлек за собой облепивших его со всех сторон «грабителей» и, разбежавшись, ударился о стену. Затрещали кости, брызнули мозги из разбитых голов... Богатырь продолжал давить бандитов, как насекомых. Стоны, крики и вой стояли в зале.

— Неужели мы дадим ему перебить всех наших? — кричал Надод, вне себя от ярости.

Собрав разбойников, еще не принимавших участия в битве, он приготовился броситься с ними на Гуттора, как вдруг сцена изменилась: в залу ворвалось человек двенадцать «грабителей», вооруженных ружьями.

В честь прибывшего подкрепления грянуло бешеное «ура». Курки щелкнули. Дула ружей направились на трех героев. Но Красноглазый, подняв руку, остановил своих подчиненных. Несколько человек еще боролись с Гуттором и выстрелы могли их задеть.

— Все назад! — скомандовал Надод громким голосом.

«Грабители» поспешили повиноваться. Еще несколько секунд — и зал должен был грянуть. Вдруг позади розольфцев бесшумно открылась дверь, скрытая за печкой, и в отверстии появился Боб. Бледный и безмолвный, он молча указал им жестом на дверь. Они бросились туда, и дверь за ними захлопнулась.

— Бегите по прямой линии, — торопливо шепнул им Боб. — В конце коридора выход в переулок. Там вы будете спасены.

Три друга быстро побежали вперед в темноте; но едва они сделали десяток шагов, как пол под их ногами провалился, и они полетели в пустоту, не успев даже вскрикнуть.

— Трусы! — кричал Надод, видя, что его враги скрылись за печкой. — Вы боитесь взглянуть смерти прямо в глаза и прячетесь... За мной, ребята! Никому пощады!

«Грабители» кинулись вслед за Надодом...

Пространство за печкой оказалось пустым.

— Измена! — заревел Надод в бешенстве. — Они убежали!

Дверь за печкой снова отворилась, и в отверстии опять показалась фигура Боба.

— Успокойся, Сборг,— сказал он,— твои враги навсегда похоронены в «Яме наследников».

В ту же минуту снаружи раздался громкий крик:

— Спасайтесь!.. Солдаты!..

В несколько секунд бандиты рассеялись по соседним переулкам, и когда в таверну вступила рота кэмбелевского горно-шотландского полка, расквартированного в Сити, в таверне «Висельник» не было уже никого. Только в луже крови на полу валялись тридцать трупов. Никому бы и в голову не пришло, что это дело рук одного человека.

Во время обыска солдаты нашли под столом бледного, дрожащего человека. Это был клерк Ольдгам, который забился туда от страха. Так как он был весь в крови, то его арестовали, приняв за опасного убийцу, принадлежащего к преступной шайке.

На другой день вышел королевский указ, повелевавший навсегда закрыть таверну «Висельник» по случаю целого ряда преступлений, совершенных в ней в последнее время. Самый дом, где помещался трактир, приказано было срыть до основания.

Несчастный Ольдгам, как уличенный на месте преступления, подвергался опасности быть приговоренным к смертной казни через повешение.

— Увы! — говорил он, сидя под арестом.— Недаром мой покойный тесть, мистер Фортескью, всегда говорил, что в моем взгляде есть что-то роковое. Оказывается, мне на роду было написано сделаться жертвой судебной ошибки, и это только потому, что я не послушался почтенной миссис Ольдгам и вышел из дому в столь позднее время.

Однако его мрачным предчувствиям не суждено было сбыться. Его ожидала совсем иная участь.

Глава III ПО ГОРЯЧИМ СЛЕДАМ

Когда фальшивый пол выскользнул из-под ног Гуттора и его товарищей, они упали в цистерну, которая долгое время служила приемником для стока воды. Глубина ее была метров шесть или семь, не более. После знаменитого процесса «Вайтчапельских убийц» нотариус Пеггам, желая уничтожить всякие вещественные доказательства, приказал в одну ночь очистить цистерну от человеческих костей и строго запретил делать из нее прежнее употребление; он даже отвел от нее сточные трубы, чтобы кому-нибудь не пришло в голову

еще раз воспользоваться ямой. Надод, вступивший в общество «Грабителей» после «Вайтчапельского дела», не знал, что механизм, с помощью которого опускался пол над ямой, еще существует. Знай это, он, разумеется, сам приказал бы Бобу своевременно употребить это верное средство и тем самым спас бы жизнь трем десяткам самых энергичных бойцов из своей шайки.

По необыкновенно счастливому случаю Гуттор, упавший первым, принял на свою спину обоих товарищей, так что они сравнительно мало пострадали, сам же он отделался лишь незначительными ушибами. Встав на ноги и несколько опомнившись, все трое первым делом окликнули друг друга. Удостоверившись в том, что все живы, они принялись в полной темноте исследовать яму в поисках выхода из нее. Но все четыре стены цистерны оказались глухими. Только Биллю удалось в одной из стен нащупать квадратное отверстие.

— Во всяком случае, верх недалеко,— заметил по этому поводу Грундвиг,— потому что в цистернах такие отверстия делаются обыкновенно очень близко от верха.

— Это мы увидим,— отвечал Гуттор.— Я придумал...

Богатырь вдруг умолк. Наверху, над головами заключенных, явственно послышались голоса.

— Ну, жалкий трус, показывай дорогу,— говорил чей-то голос.— Ведь еще раз патруль в эту ночь не придет.

Три друга вздрогнули; этот голос принадлежал Надоду Красноглазому.

— Я их не боюсь, Сборг,— отвечал другой голос, в котором не трудно было узнать голос трактирщика Боба.— Я, если захочу, могу тут спрятаться на несколько месяцев и смело ручаюсь, что меня никто не найдет. Впрочем, кроме меня никто не сумеет отворить двери из залы в коридор.

— Затворил ли ты ее опять, болтун этакий?

— Затворил, Сборг.

— Хорошо. Ну, зажигай свой фонарь!.. Дженкинс, Партеридж, вы тут?

— Здесь, господин.

— Брр... Как жутко было мне шагать через трупы товарищей, убитых этим извергом.

— Сам ты изверг! — проворчал Гуттор.— И если только ты попадешься когда-нибудь мне в руки...

— Тише! — шепотом сказал Грундвиг.— Они направляются к нам. Ляжем на пол и прикинемся мертвыми.

— Вот сила-то необычайная! — продолжал Надод, не скрывая своего восторга.— Не подоспей к нам помощь, он бы нас уколошил всех до одного. Ну, да теперь он уже, навер-

ное, успокоился навсегда. По правде сказать, я бы не желал еще раз встретиться с таким противником.

— Но ты встретишься, негодяй, клянусь Богом! — проворчал Гуттор, лежа на спине поперек ямы.

— Уверен ли ты, что яма достаточно глубока, и что они убились до смерти? — спросил Надод.

— Четырнадцать локтей глубины, Сборг, — ответил мистер Боб. — Не разбиться тут нельзя.

— Поторапливайся же, — продолжал Надод. — Свети сюда фонарем. Я хочу удостовериться.

— Осторожнее, Сборг, — предостерег его Боб. — Вы можете тут оступиться и упасть, как они. Позвольте, я поверну коромысло и открою люк.

— Открывай, да поскорей: мне до полуночи нужно поспеть в Вест-Энд.

— Мы слишком симметрично лежим, — торопливо прошептал Грундвиг. — Это может внушить подозрение. Ляжем так, как будто бы мы свалились один на другого, а Гуттор пусть ляжет сверху. Надод подумает, что богатырь окончательно нас задавил.

Едва они успели переменить свое положение, как в яму упал свет фонаря.

Наклонившись над отверстием ямы, стояли четыре человека: трактирщик Боб, Надод и еще два разбойника. Все они с тревожным любопытством разглядывали Гуттора и его товарищей, лежавших без движения на дне ямы.

— Ну, я думаю, что дело кончено, — сказал Надод со вздохом облегчения. — Это нам дорого обошлось, но, во всяком случае, теперь они не смогут нам больше вредить.

— Они сразу же расшиблись насмерть, — заметил Боб. — Взгляните, гигант придавил собою тех двух, а сам ударился головой прямо о каменную стену.

— Хотелось бы мне удостовериться, не в обмороке ли оп только, — продолжал Красноглазый.

— Я думаю, в яму можно на чем-нибудь спуститься, — заметил Дженкинс.

Гуттор вздрогнул всем телом. Оба товарища, лежавшие под ним, задрожали от страха.

— Спуститься никак нельзя, — сказал Боб. — Прежде для этого употреблялась лестница, но она уже давно никуда не годится.

— Дайте мне кто-нибудь свой пистолет, — обратился Надод к своим товарищам.

Опять Гуттор ощутил невольную дрожь ужаса. Он знал, что бандит стреляет метко.

Взяв поданный ему Дженкинсом пистолет, Красноглазый тщательно осмотрел его.

— Свети мне, Боб, чтобы видна была голова гиганта. Вот увидите, как я снесу ему полчерепа.

Он стал медленно прицеливаться.

Руки богатыря, лежавшие на плечах Грундвига и Билля, тихо пожали эти плечи, и он произнес чуть слышно:

— Прощайте! Отомстите за меня.

Грянул выстрел.

Пуля, задев висок богатыря и ссадив на нем кожу, ударилась в камень, на вершок от его лица. От камня брызнули мелкие осколки и оцарапали щеки Гуттора, но он не пошевелился.

— Промазал! — воскликнул Надод. — Впрочем, так всегда бывает, когда стреляешь из непривычного оружия. Надобно было целиться на вершок выше: у этого пистолета слишком сильная отдача. Дженкинс, заряди опять! На этот раз я уже не промахнусь, только клади пороху поменьше. На таком коротком расстоянии достаточно половины заряда.

Грундвиг и Билль переживали ужасные минуты, сознавая, что их товарищ бесповоротно осужден на смерть, но сам Гуттор был спокоен, примирившись с неизбежным.

В эту решительную минуту вдруг начали медленно бить часы на дворце лондонского лорд-мэра. Надод принялся считать: раз, два, три...

— Одиннадцать! — сказал он, когда часы кончили бить. — Мы больше не можем терять времени. Впрочем, богатырь наш совершенно мертв, иначе выстрел заставил бы его очнуться. Спрячь свой пистолет, Дженкинс, а ты, Боб, уйди на минутку. Я должен поговорить с этими господами об очень важных вещах и не хочу, чтобы ты слышал наш разговор. Ступай на улицу и жди нас там, да не вздумай подслушивать, иначе я попробую вторично пистолет милорда Рочестера уже на тебе самом.

Мистер Боб ушел, ворча, а Надод продолжал, обращаясь к товарищам:

— Слушайте меня внимательно, потому что, когда мы выйдем на улицу, разговаривать будет уже неудобно. Вот в чем дело. Вы сами лично были очевидцами смерти лорда Эксмута и знаете, что мы в этом случае хлопотали для его брата, адмирала Коллингвуда. Сегодня вечером адмирал должен отдать нам плату за кровь своего брата. Ему уже дано знать, что я явлюсь к нему в дом незадолго до полуночи, чтобы получить условленную сумму в обмен на два документа, которые подписаны его рукой и которых вполне достаточ-

но для того, чтобы отправить его на виселицу. Адмирал Коллингвуд — человек, способный на всякую пакость. Я не сомневаюсь, что он захочет получить оба документа даром, без денег.

— Еще бы! — заметил Дженкинс. — Сто тысяч фунтов стерлингов — сумма аппетитная. Сохранить ее у себя всякому лестно.

— Поэтому я решил, чтобы вы пошли со мной. Документы я передам одному из вас, и вы будете ждать меня у дверей адмиральского дома. Таким образом, если лорд Коллингвуд захочет смошенничать, то бумаги будут спасены, и он вынужден будет пойти на сделку. Если же он согласится честно расквитаться со мной, то я постучу в окно, и один из вас принесет мне документы, а другой останется у дверей. Надобно все предусмотреть. Если через четверть часа мы оба не возвратимся, то пусть тот из вас, который останется у дверей, пойдет и уведомит Тома Пирса, которому я заранее дал соответствующие приказания. Том Пирс явится во главе сотни вооруженных товарищей и возьмет штурмом дом герцога Эксмута, которому дорого придется поплатиться за свою подлость. Поняли вы меня?

— Поняли, Сборг! — ответили оба разбойника.

— Тогда идемте. Вот документы, Дженкинс. Возьми их себе, а ты, Партеридж, карауль хорошенько.

— Вы еще хотели что-то приказать Бобу, — напомнил Партеридж.

— Да, позови его... Или нет, не нужно: мы встретим его на улице.

Бандиты вышли из коридора, не позаботившись закрыть яму. Ведь там лежали три трупа, о которых мистер Тернепс должен был позаботиться сам, а Надод торопился к лорду Коллингвуду.

Если все произойдет так, как он надеется, то через несколько часов он будет уже на корабле, отходящем в Новый Орлеан, и скажет последнее «прости» старой Европе, которую он в течение двадцати лет истощал своими преступлениями.

С тремя миллионами в кармане он рассчитывал начать честную жизнь и обзавестись семьей. Станный это был характер: совершая самые гнусные преступления, Надод не переставал надеяться окончить свои дни честным человеком. Но для того, чтобы быть добродетельным и начать новую жизнь, ему необходимо было иметь много денег. И вот теперь деньги были в его руках.

Шум в таверне смолк. Стук затворяемых дверей дал нашим пленникам знать, что теперь они могут подумать о своем спасении.

— Клянусь святым Гудольфом, моим патроном,— заявил, вставая, Гуттор,— что я в этот раз не на шутку за себя перепугался.

— Да, прескверное положение,— заметил Грундвиг.— Чувствовать, что в тебя прицеливается негодяй, каких мало, и каждую секунду ожидать смерти. Тут вполне простительно испугаться. И тебе, Гуттор, за свой страх не приходится краснеть.

— Во всяком случае, теперь мы можем позаботиться о том, чтобы выбраться из ямы,— сказал Гуттор.— Мне кажется, это будет не особенно трудно; у меня даже готов план...

— В чем же состоит твой план?

— Он очень прост. Мы встанем друг на друга, но только ты ставь ноги не на плечи мне, а на ладони вытянутых рук. Точно так же сделает Билль относительно тебя. Таким образом Билль наверное достанет руками до краев ямы. Подтянуться затем на руках и вылезть вон для моряка ничего не стоит. Выбравшись на волю, Билль принесет в коридор и спустит к нам в яму одну из тех длинных скамеек, которые стоят в зале по стенам. По этой скамейке мы в несколько минут выберемся на волю.

— Bravo, Гуттор! Невозможно лучше придумать.

— Только нужно спешить. Вы ведь слышали: Коллингвуд — в Лондоне. Это чрезвычайно важная новость...

— Да,— согласился Грундвиг,— это значит, что и наш дорогой герцог, а ваш бывший капитан, мой милый Билль, находится тоже в Лондоне.

— Подумайте, как это было бы хорошо,— продолжал Гуттор,— если бы можно было Надода и Коллингвуда поймать в одну сеть. И мы сделаем это, если успеем вовремя.

— Как это я сам об этом не подумал? — сказал Грундвиг.— Где была у меня голова?.. Верно, страх за тебя чуть не лишил меня рассудка... Ну, скорее за дело! Пора выбираться отсюда.

Все произошло так, как предсказал богатырь, и через несколько минут три друга благополучно выбрались из ямы.

Придерживаясь за стену, они стали пробираться к дверям, через которые их провел трактирщик. Вдруг в коридоре показался свет. То был Боб с фонарем. Он только что соби-
рался исполнить приказание Надода, которое состояло в том, чтобы выбросить в секретную яму все тридцать трупов и за-

крыть отверстие наглухо. Коронер¹, который не замедлит явиться на следующее утро, не должен был ничего найти. Не говоря ни слова, как бы по молчаливому соглашению, друзья плотно прижались к стене.

Боб шел пошатываясь, — очевидно, он уже успел пропустить себе в горло несколько стаканов джину, — и бормотал сквозь зубы:

— Черт бы взял этого Сборга с его нелепыми выдумками... Неужели он думает, что это легко — перетаскать на себе...

Он не договорил.

Чья-то рука вырвала у него фонарь. Он остановился, окаменев от испуга, и крик застрял у него в горле: перед ним, лицом к лицу, стояли живые и невредимые те, которых он оставил мертвыми на дне «Ямы наследников».

— Что это, мистер Боб? — с деланным удивлением произнес Гуттор. — Вы уже перестали узнавать старых друзей?

Негодяй стоял ни жив ни мертв. Он хотел заговорить и не мог.

— Я очень рад, мистер Боб, что нам довелось встретиться перед разлукой, — продолжал богатырь. — А чтобы с вами в наше отсутствие не случилось какой-нибудь неприятности, мы спрячем вас в такое место, где уж, разумеется, никто вас не побеспокоит.

И, вполне довольный своей остротой, Гуттор схватил негодяя за пояс, раскачал над отверстием ямы и бросил. Глухой стук и донесшийся снизу крик показали, что Гуттор достиг цели.

— Правосудие свершилось! — воскликнул Грундвиг. — Теперь нам нужно как можно скорее бежать в дом герцога Эксмута, если только мы хотим поспеть туда вовремя.

Глава IV

СЕКРЕТАРЬ АДМИРАЛА

Лорд Коллингвуд вернулся в Англию по вызову первого министра Вильяма Питта, который в это время старался провести в верхней палате свой знаменитый «Индийский билль» и для этой цели собирал все благоприятные голоса. Адмирал рассчитывал пробыть в Лондоне не больше месяца, хотя Ад-

¹ К о р о н е р — особый судебный следователь в Англии, США и других странах, на обязанности которого лежит расследование случаев насильственной или внезапной смерти.

миралтейство предоставило ему гораздо более продолжительный отпуск.

Но дело в том, что Коллингвуд чувствовал себя на суше скверно. Ему казалось, что он находится в безопасности только в море, среди своей эскадры. Он предвидел, что рано или поздно наступит день, когда сыновья старого герцога Норландского потребуют у него отчета в смерти своей сестры.

Вследствие этого он распродал все имения и недвижимое имущество герцогов Эксмутских, за исключением неотчуждаемого майората¹, сопряженного с титулом, обратил в деньги акции Индийской компании, которых оказалось на десять миллионов, и вынул из Лондонского королевского банка двадцатипятимиллионный капитал, положенный туда прадедом адмирала еще при основании банка. Все эти суммы адмирал Коллингвуд перевел в Америку, рассчитывая бежать туда при малейшей тревоге.

Теперь его задерживали только те два документа, которые ему должны были вручить «Грабители» в обмен на сто тысяч фунтов стерлингов. Эту сумму он обязался уплатить в тот день, когда займет место в палате лордов. Как раз сегодня за получением этих денег к нему должен был явиться поверенный чичестерского нотариуса Пеггама, Надод, и передать ему компрометирующие его документы.

Получив их, Коллингвуд рассчитывал вздохнуть наконец свободнее, так как до этих пор он опасался, что бесчестный Пеггам будет при помощи этих документов жестоко эксплуатировать его.

И все-таки братоубийца уже понес тяжелую кару. Каждую ночь его посещали кошмары. Ему представлялось, что к нему сходятся все его несчастные жертвы и, испуская жалобные стоны, начинают плясать вокруг него, потом подхватывают его на руки и несут к Лафоденским островам, к тому месту, где погибла Элеонора Биорн со своим мужем и детьми... Иногда ему снилось, что он попадает в руки сыновей герцога Норландского, которые запирают его в одно из подземелий Розольфсского замка и бесчеловечно истязают. После таких кошмаров несчастный просыпался, весь дрожа и в холодном поту.

Ночи для него стали пыткой. Он с ужасом встречал приближение темноты и зачастую совсем не ложился спать, расхаживая взад и вперед по палубе своего корабля в надежде, что физическое утомление поможет ему найти душевный по-

¹ М а й о р а т — в данном случае имение, переходящее в порядке наследования к старшему брату в роде или старшему из сыновей.

кой. С приездом в Лондон положение не улучшилось; он также бродил ночи напролет по улицам и ложился спать только на рассвете. Но ничто не помогало. Как только Коллингвуд закрывал глаза, его воображение рисовало ему все те же ужасные картины.

Он решительно не в состоянии был выносить одиночество. Однажды — это было в Ньюфаундленде — ему пришло в голову, что если при нем будет безотлучно находиться какой-нибудь человек, то ему будет легче. Воспользоваться для этой цели кем-нибудь из своих адъютантов адмирал считал неудобным. Тогда он решил пригласить к себе на службу частного секретаря.

В одно прекрасное утро в канадских газетах появилось следующее объявление:

«Герцог Эксмут Коллингвуд, командир английской эскадры в Атлантическом океане, приглашает к себе в частные секретари молодого человека благородного происхождения и хорошего воспитания, свободно говорящего по-английски и по-французски. Национальность безразлична».

Несколько дней спустя в Монреаль прибыл молодой человек лет тридцати, высокий, стройный и очень представительный. Он отрекомендовался Коллингвуду маркизом Фредериком де Тревьер и объяснил, что его семейство давно поселилось в Канаде и что его отец служил под началом знаменитого Монкольма, защитника Канады. Коллингвуд был человеком, легко поддающимся первому впечатлению. Наружность молодого человека ему понравилась. Черные как смоль волосы и такая же борода обрамляли тонкие, изящные черты лица молодого маркиза; глаза же его, по странной случайности, были светло-голубые. Документы молодого человека были все в порядке, и на них значилась виза канадского генерал-губернатора лорда Кольсона. Коллингвуд не стал больше ничего спрашивать и тут же договорился с маркизом, не скрывая своего полного удовольствия. Легкомысленный! Он не заметил, каким взглядом окинул его украдкой молодой секретарь, и как при этом голубые глаза его засверкали неумолимой ненавистью.

Адмиральские апартаменты на английских кораблях очень просторны: в них смело можно поместить до пятнадцати человек. Адмирал Коллингвуд отвел своему секретарю отдельную спальню, примыкавшую с одной стороны к небольшой гостиной, а с другой — к его рабочему кабинету. Кроме того, адмирал объявил своему секретарю, что обедать они будут вместе и что прислуге приказано относиться к нему

так же, как и к хозяину дома. Одним словом, маркиз должен был жить у адмирала на правах хорошего знакомого.

В первую же ночь молодой человек был разбужен громкими криками и стонами, доносившимися из спальни Коллингвуда. Впрочем, адмирал еще с вечера предупредил своего секретаря, что подвержен нервным припадкам и спит по ночам беспокойно.

— Если вы когда-нибудь услышите ночью мои крики, — сказал он, — то, пожалуйста, разбудите меня. Этим вы избавите меня от жестоких страданий, которые вредно сказываются на моем здоровье.

Поспешно набросив на себя халат, молодой человек побежал к адмиралу.

Несчастный метался на своей постели. Лицо его было искажено до неузнаваемости, а на посиневших губах выступила пена. Он делал странные движения руками, как будто отгонял от себя грозные призраки.

Остановившись на пороге спальни, Фредерик де Тревьер скрестил на груди руки; на губах его играла зловещая улыбка.

— Час возмездия пробил, — прошептал он. — Кара уже начинается...

Потом, тихо повернувшись, он вышел из комнаты.

На другой день Коллингвуд спросил его:

— Вы ничего не слышали ночью?

— Ничего, — отвечал Фредерик де Тревьер, твердо выдержав испытующий взгляд адмирала.

И так продолжалось из ночи в ночь. Лишь только с адмиралом начинался припадок, Фредерик де Тревьер на цыпочках приходил в его комнату и молча наслаждался видом его мучений.

Между тем адмирал Коллингвуд всей душой привязался к своему секретарю. Он почти не расставался с ним днем и по вечерам нарочно старался как можно дольше затянуть беседу, чтобы отдалить час сна.

Когда его вызвали в Лондон, он не пожелал расстаться со своим секретарем и предложил маркизу сопутствовать ему в поездке.

— Я ни разу еще не выезжал из Канады, — сказал маркиз, — и с удовольствием побываю в Англии, а в особенности во Франции.

В первый же день по прибытии в Лондон Коллингвуд должен был отправиться с официальными визитами, причем, разумеется, секретаря с собой он не взял. Пользуясь этим,

Фредерик де Тревьер тоже ушел из дома и с уверенностью, совершенно не свойственной человеку, в первый раз приехавшему в Лондон, углубился в лабиринт лондонских улиц.

Ни у кого не спрашивая дороги, прошел он через Вест-Энд, Сити, улицы Поль-Моль, Пиккадили, Оксфорд, Реджинт-Стрит, Стрэнд и спустился в Саутварк, ни разу не заплутавшись. До сих пор он шел очень быстро, но здесь замедлил шаги и направился вдоль берега Темзы, внимательно присматриваясь к кораблям, стоявшим на якоре в устье реки.

Долго, по-видимому, он не находил того, что искал, потому что временами у него прорывались жесты нетерпения.

— Неужели мне придется спуститься до самого Гревезенда? — бормотал он про себя.

Поравнявшись с Бамбетом, он остановился и, приставив ладони к глазам, стал смотреть вдаль.

Вдруг у него вырвалось радостное восклицание:

— Наконец-то!.. Это они. А я уже думал, что они забыли мой приказ.

Взгляд его не мог оторваться от большого трехмачтового корабля, окрашенного в зеленый цвет, — любимый цвет жителей Севера.

Своими огромными размерами корабль резко выделялся среди прочих судов.

В ту же минуту молодой человек обратил внимание на другой корабль, точь-в-точь такой же, как и предыдущий: та же осанка, тот же размер, та же зеленая окраска, напоминающая отблеск норландских глетчеров¹.

Корабль этот, распустив паруса, шел вверх по Темзе. Приблизившись к своему двойнику, он сделал поворот и стал на якорь рядом с ним. Маневр исполнен был с такой ловкостью, что матросы соседних кораблей прервали на миг свои занятия и криками выразили свое восхищение капитану и экипажу неизвестного зеленого корабля.

С новоприбывшего корабля на корабль-двойник перекинули мост, и матросы обоих экипажей смешались, радостно приветствуя друг друга. В это время молодой человек услышал изумленное восклицание таможенного надзирателя, который, скрестив руки на груди, расхаживал по набережной:

— Еще один!.. Да это целая эскадра!

Третий корабль, как две капли воды похожий на преды-

¹ Г л е т ч е р — ледник, естественные скопления масс льда на земной поверхности. Н о р л а н д с к и й — находящийся на Норландском плоскогорье (Норланде) на севере Швеции и в Финляндии, высотой от 200 до 800 метров.

душие, подходил со стороны Бамбета, идя с еще большей скоростью, так как ветер успел посвежеть.

— Странно! — пробормотал молодой человек. — В один час, почти в одну минуту... чего не сделаешь с такими моряками!

Новый корабль стал рядом с прежними двумя и был встречен такими же восторженными криками.

— Три брата! — воскликнул таможенный надзиратель, не перестававший наблюдать это любопытное зрелище.

Действительно, сходство между кораблями было поразительное. Очевидно было, что их строили по одному плану и на одной верфи.

Таможенные досмотрщики, немедленно отправившиеся на борта двух новоприбывших кораблей, вернулись обратно с одинаковой отметкой для обоих: «без груза». Такая же отметка была сделана и десять месяцев тому назад относительно первого корабля. Это обстоятельство возбудило уже много толков в трактирах Ламбета и Саутварка.

Молодой человек, постояв некоторое время в задумчивости, вдруг направился к тому месту, где стояли лодки, и уже хотел окликнуть одну из них, но потом, как бы одумавшись, прошептал про себя:

— Нет, лучше подожду до вечера. Не надо, чтобы кто-нибудь видел меня среди белого дня. Как знать?.. Осторожность никогда не мешает. Ведь тут речь идет о жизни и смерти.

Когда он вернулся домой, время обеда давно уже прошло. Лорд Коллингвуд, напрасно прождав своего секретаря, отобедал без него и уехал в парламент, оставив ему записку следующего содержания:

«Сегодня, между одиннадцатью и двенадцатью часами ночи, ко мне явится один человек. Если заседание затянется и я к тому времени не вернусь, то попросите этого человека подождать и — что очень важно — не спускайте с него глаз до моего возвращения. Если вам необходимо будет за чем-нибудь выйти, то передайте надзор Мак-Грегору. Это единственный из моих слуг, которому вы можете безусловно доверять».

Молодой человек наскоро пообедал и ушел опять, дав Мак-Грегору соответствующие инструкции. Вернулся он в одиннадцать часов, очень озабоченный и как будто раздосадованный чем-то.

Нетерпеливо снимая перчатки, он разорвал их, бросил на стол и пробормотал:

— Все трое ушли с утра и никто не знает, куда именно...

Какая небрежность!.. Не сообщить мне ни слова! По их милости я теперь лишен возможности воспользоваться удобным случаем.

Он закурил сигару и вышел на веранду, обставленную мраморными колоннами. Она шла вдоль первого этажа, придавая Эксмут-Гаузу внешний вид греческой постройки. Прямо перед домом катила свои черные глубокие воды Темза, а на противоположном левом берегу смутно выделялись на темном фоне звездного неба контуры домов Сити.

Городской шум затихал. Уличная жизнь мало-помалу замирала в этом большом человеческом улье, обитатели которого собирались ложиться спать, утомленные дневной суетой.

Фредерику де Тревьеру было не по себе. Он угадывал, что наступают решительные события, и вместе с тем его волновало предчувствие близкой и грозящей ему опасности.

Он стоял, задумчиво облокотясь на перила, и вздрогнул, когда часы пробили полночь. На веранде слышались шаги. Фредерик де Тревьер быстро обернулся. К нему подходил Мак-Грегор.

— Извините меня, сэр, что я нарушаю ваше уединение, — сказал, низко кланяясь, верный шотландец. — Но вот письмо, присланное с нарочным из Валиса. Я бы не стал вас беспокоить, если бы посланный не требовал немедленно ответа.

Коллингвуд питал к своему секретарю такое доверие, что уполномочил его распечатывать всю свою корреспонденцию.

Молодой человек вошел в гостиную, разорвал конверт и прочел:

«Лорда Коллингвуда покорнейше просят повременить с выдачей ста тысяч фунтов стерлингов, которые он должен вручить сегодня нашему уполномоченному. Причины очень важные. *Пеггам*».

Внизу стоял угрожающий постскриптум:

«Вы погибнете, если заплатите деньги. Час спустя после приезда моего гонца я буду сам в Эксмут-Гаузе».

По-видимому, Фредерик де Тревьер понял таинственный смысл этой записки, потому что вся кровь бросилась ему в лицо, и рука, державшая письмо, задрожала:

— Что прикажете отвечать, сэр? — спросил Мак-Грегор.

Молодому человеку с трудом удалось побороть свое волнение. Он понимал, что при этом шотландце, всей душой преданном своему господину, ни в коем случае нельзя выказывать своих истинных чувств. Но какой ответ мог он дать посланному, не переговорив с лордом Коллингвудом?

Быть может, адмирал еще до отъезда в парламент уплатил ту сумму, о которой шла речь? Впрочем, вероятнее всего, что сто тысяч фунтов стерлингов должны были быть переданы ожидаемому гонцу. Остановившись на этом соображении, Фредерик де Тревьер перестал колебаться и сказал Мак-Грегору:

— Скажите посланному, что он приехал вовремя.

Вернувшись на веранду, молодой человек затворил за собой дверь и только тогда дал волю охватившему его гневу.

— Сто тысяч фунтов стерлингов!.. Негодяй!..— бормотал он, в бешенстве сжимая кулаки.— Это плата за пролитую кровь!.. Гнусный Пеггам! Он будет сейчас здесь, а я лишен возможности что-нибудь предпринять.

Потом, через некоторое время, в течение которого он бежал по веранде из угла в угол; он продолжал уже более спокойным голосом:

— Навряд ли мне представится еще один такой удобный случай. Но все равно, самое лучшее, что я могу сделать в моем положении, это остаться на месте и ждать. Что-то говорит мне, что в эту ночь должны произойти решительные события.

Глава V ЗАГОВОР

Вошедший слуга вывел Фредерика де Тревьера из задумчивости.

— Сэр,— сказал Мак-Грегор,— пришел неизвестный человек, называющий себя Надодом и желающий видеть его светлость.

Сначала щеки секретаря побледнели, потом кровь прилила к ним и они покрылись густой краской. Молодой человек почувствовал, как в горле у него сразу пересохло; перед глазами пошли круги. Некоторое время он не мог выговорить ни слова. К счастью, темнота помогла ему скрыть свое замешательство. Сделав над собой огромное усилие, он сказал деланно-равнодушным тоном:

— Это, должно быть, тот самый человек, о котором мне говорил адмирал. Проводи его в библиотеку и оставайся при нем. Смотри за ним так, чтобы ни один его жест от тебя не укрылся. Таков приказ адмирала. Я потом приду и сменю тебя.

Едва Мак-Грегор успел выйти, как Фредерик де Тревьер бросился к перилам веранды и облокотился на них, подстав-

ляя свое пылающее лицо легкому дуновению веявшего с реки ветра.

Молодому человеку было от чего потерять голову.

Коллингвуд, Пеггам, Надод! Каждое из этих имен заставляло его сердце трепетать от ненависти. Коллингвуд, Пеггам, Надод! Три его злейших врага, мечь которым он поставил целью своей жизни.

Читатель, быть может, удивится и захочет узнать, какое отношение к трем вышеупомянутым именам имеет Фредерик де Тревьер, выходец из Канады. Ведь он никогда до сего времени не бывал в Европе, а следовательно, не имел возможности встретиться где бы то ни было раньше с обладателями этих имен. Возможно даже, что читателю не совсем ясна причина ненависти Фредерика де Тревиера к Коллингвуду, Пеггаму и Надоду?

Что ж, в таком случае, я должен сознаться, что ошибался, полагая, что читатель давно уже узнал в Фредерике де Тревиере сына покойного герцога Норландского — Фредерика Биорна.

После трагической смерти отца, сделавшись герцогом Норландским, Фредерик Биорн энергично принялся за дело отмщения убийцам. Корабли розольфской эскадры, под начальством его личным и его брата Эдмунда, старательно выслеживали «грабителей» и особенно адмирала Коллингвуда. Но адмирал всегда плавал в сопровождении целой эскадры и об открытом нападении на него нечего было помышлять. Тогда Фредерик избрал другой путь для своего мщения, и это явилось причиной того, что мы его видим секретарем адмирала Коллингвуда. Теперь счастливый случай привел его встретиться со всеми тремя злодеями сразу. Но что мог поделать он один? Ах, если бы у него под рукой были его товарищи.

Вдруг внимание молодого человека было привлечено какой-то тенью, мелькнувшей через улицу. Вглядевшись пристальнее, он заметил, что в подъезд дома, стоявшего против Эксмут-Гауза, пробрались три человека. Можно было подумать, что они собирались наблюдать за домом адмирала.

Заинтересованный этим, Фредерик де Тревьер притаился за колонной, продолжая наблюдать. Неожиданно одна из фигур выступила несколько вперед подъезда и, увидав ее громадные размеры, Фредерик едва не вскрикнул от изумления и радости.

— Гуттор! — прошептал он. — Это они! Сам Бог посылает их сюда.

И, желая скорее убедиться в том, что он не ошибается, молодой человек издал протяжный, резкий крик норвежской снеговой совы.

Не прошло и нескольких мгновений, как до него донесся ответный зов: «киу-уи-вуи».

Тогда, перегнувшись через балюстраду¹, секретарь повторил еще раз тот же крик.

Сейчас же один человек из стоявших напротив отделился от стены и перешел улицу.

— Кто здесь, в Лондоне, подражает крику северной птицы? — спросил он.

— Это я, Грундвиг, — отвечал молодой человек, — я — Фредерик Биорн.

— Герцог!.. Наш дорогой господин!.. Вы здесь?

— Да. Отойдите от дома. На той стороне есть глухой переулок. Мне нужно с вами переговорить.

Позвонив Мак-Грегору, Фредерик сказал ему, что пойдет узнать, кончилось ли заседание парламента, так как продолжительное отсутствие адмирала беспокоит его. Уходя, он еще раз напомним шотландцу, чтобы тот хорошенько следил за Надодом.

Проводив секретаря, Мак-Грегор долго качал головой.

— Да, странные происходят здесь вещи, — пробормотал он. — Смотри в оба, Мак-Грегор... Этот секретарь не внушает мне доверия.

Между тем, герцог Норландский в нескольких словах познакомил своих верных слуг со своим планом:

— Через несколько минут три злодея соберутся здесь, и тогда их очень легко будет захватить всех вместе. Для этого Грундвиг должен отправиться в Саутварк и привести с собой пятьдесят человек матросов, только без огнестрельного оружия, чтобы не возбудить подозрения полиции.

Сам Фредерик брался провести их тайно в отель, и, таким образом, можно было надеяться овладеть злодеями без кровопролития. А на рассвете следовало поднять якоря и идти в Розольфс, где над преступниками должно было свершиться правосудие.

— Но экипаж «Олафа» насчитывает всего пятьдесят человек, — возразил Грундвиг, — а так как забрать всех с корабля невозможно, следовательно, предложение это невыполнимо.

¹ Б а л ю с т р а д а — ограждение балконов, лестниц и т. п., состоящее из ряда столбиков (балюсин), соединенных сверху плитой, балкой, перилами.

Тогда герцог рассказал им о прибытии еще двух розольфских кораблей — «Гарольда» и «Дяди Магнуса», под начальством его брата Эдмунда.

— И ты передашь Эдмунду, чтобы он сам не съезжал на берег и чтобы вся эскадра была готова к отплытию, — сказал Фредерик.

Времени было мало. Наскоро рассказав герцогу свои приключения и то, как они собирались похитить Надода по выходе его от адмирала вместе со ста тысячами фунтов стерлингов, Грундвиг сказал:

— Берегитесь, ваша светлость, берегитесь, как бы Красноглазый не узнал вас. Ведь вы не хуже меня знаете, как он хитер и на что способен.

— Я ничем не рискую, милый мой Грундвиг, — отвечал Фредерик. — Я так удачно замаскирован, что нет никакой возможности меня узнать. Надод знал меня белокурый и без бороды, а теперь я брюнет и борода у меня, как у британского сапера.

— Вы не видали еще этого негодяя, ваша светлость?

— Нет, не видал. Я его оставил под надзором слуги адмирала.

— Как хорошо, что мы встретились с вами. Теперь мы можем вас предупредить. Негодяй совершенно изменил свою наружность. Вы знали Надода чудовищным уродом. Но доктор Петерсон, королевский хирург, сделал ему превосходный стеклянный глаз и выпрямил нос и челюсти. Все это он сам рассказал Биллю, когда пытался убедить его поступить к нему на службу. И, если бы он сам себя не выдал Биллю, мы бы его никогда не узнали.

Пять минут спустя Грундвиг и его два товарища исчезли в лондонском тумане. Они спешили в Саутварк, а Фредерик Биорн подозвал кэб¹ и поехал в Вестминстер, где заседала палата лордов.

Заседание еще продолжалось. Вильям Питт говорил, возражая ораторам оппозиции. Вокруг здания парламента, несмотря на позднюю ночь, стояла громадная толпа, дожидавшаяся конца прений.

Очевидно, адмирал Коллингвуд не мог скоро освободиться. Однако на посланную Фредериком записку он ответил, что вернется домой через четверть часа, так как окончательное голосование могло последовать не раньше завтрашнего дня.

Вернувшись домой, Фредерик де Тревьер прошел в биб-

¹ Кэб, или кеб — одноконный экипаж в Англии.

библиотеку, чтобы сменить Мак-Грегора. Он с волнением ожидал той минуты, когда увидит убийцу своего отца. Поднявшись навстречу молодому человеку, Надод приветствовал его низким поклоном, а тот ответил ему с видом холодного безразличия, с каким относятся к незнакомым людям. Но, желая лучше разглядеть наружность злодея, Фредерик поднял голову и, пристально глядя на него, сказал:

— Вы дожидаетесь адмирала Коллингвуда, и уже давно? Могу вас утешить, сударь, что он скоро вернется.

Услышав голос Фредерика, Надод невольно вздрогнул, но сейчас же овладел собою.

«Положительно, я где-то слышал этот голос и видел это лицо,— подумал он.— Но где?»

В свою очередь, молодой человек был удивлен переменой, происшедшей с Красноглазым. Куда девалось все его уродство? Перед ним сидел человек некрасивый, но с правильными чертами лица.

А в это время Мак-Грегор, стоя у стола, исподлобья поглядывал на обоих.

— Можешь идти,— сказал ему Фредерик.

Шотландец удалился, не произнеся ни слова, но при этом бросил на молодого человека взгляд, исполненный самой жгучей ненависти.

Этот взгляд не укрылся от Надода, который не преминул принять его к сведению.

Глава VI ДВА НЕГОДЯЯ

Мак-Грегор питал к своему барину, адмиралу Коллингвуду, самую преданную любовь, доходившую до какого-то обожания. Когда ему не было еще двадцати лет, старый лорд Эксмут приставил его дядькой к своему восьмилетнему младшему сыну Чарльзу, с которым Мак-Грегор с того времени был неразлучен. Говоря о своем барине, старый слуга нередко выражался следующим образом: «Когда мы были в Итонском коллегииуме», или: «Мы кончили вторыми морское училище».

Со своей стороны, молодой лорд, как истый англичанин, хотя и любил своего дядьку, но все-таки смотрел на него как на существо низшего порядка, в чем, впрочем, и сам Мак-Грегор был искренно убежден. Денежные затруднения своего барина дядька всегда принимал очень близко к сердцу и возненавидел всеми силами души старшего брата его за то,

что к тому должны были со временем перейти титул и богатства герцогов Эксмутских...

Знал ли Мак-Грегор об убийстве герцога Эксмута?.. Никто не мог этого сказать утвердительно, тем более что старый слуга никогда не говорил о смерти старшего брата при своем господине и даже избегал малейшего намека на это обстоятельство.

Но, во всяком случае, он скорее дал бы себя растерзать на мелкие куски, чем сказал бы хоть одно слово во вред адмиралу.

Впрочем, один факт, случившийся вскоре после перехода Эксмут-Гауза в собственность адмирала, свидетельствовал о том, что шотландец кое-что знал об этом преступлении.

Прежде чем поселиться в отеле, адмирал пожелал устранить все, что могло ему напоминать о брате. За переделками поручено было наблюдать Мак-Грегору.

По окончании всех работ адмирал, приехавший посмотреть отель, был поражен тем, что увидел. Снаружи ничто не бросалось в глаза, но стоило нажать рукой в том или другом месте старинную дубовую резьбу — и открывалась потайная дверь на какую-нибудь витую лестницу, которая вела сперва в верхний этаж, а оттуда в какое-нибудь подземелье. Каждая комната, каждый коридор, каждый закоулок были снабжены секретной дверью и секретной лестницей, через которые можно скрыться в один миг.

Но это было еще не все. Посредством особого тайного механизма можно было в любой момент запереть все двери, окна и коридоры отеля при помощи опускающихся железных заслонов. Этим способом все комнаты можно было изолировать одну от другой, и находившиеся в них люди попали бы в мышеловку. Вместе с тем дом был роскошно отделан с самым строгим комфортом.

Коллингвуд остался чрезвычайно доволен всем. Он понял, что старый слуга стремился всячески оградить его от покушений со стороны Биорнов. Но в таком случае Мак-Грегору должна была быть известна трагедия на Лафоденских островах? Адмирал решил проверить это и притворно равнодушным тоном спросил:

— К чему столько предосторожностей?

— Здешний квартал очень ненадежен, милорд, — отвечал шотландец. — И еще недавно «грабители», забравшись в дом лорда Лейчестера, вынесли из него все ценное до последней булавки и захватили в плен молодого сына лорда, отпустив его лишь за выкуп в сорок тысяч фунтов стерлингов.

— А! Так ты выдумал все это против «грабителей»?

— Против них и вообще против всех врагов вашей светлости.

— Какие же у меня еще враги? Разве ты еще кого-нибудь знаешь, Мак-Грегор?

— У человека в вашем положении, милорд, всегда много врагов,— отвечал слуга.— Но горе тому,— прибавил он с мрачным видом,— кто вздумает тронуть хоть один волос у вас на голове!

Таким образом, шотландец уклонился от прямого ответа, но зато сам воспользовался случаем, чтобы обратиться к своему лорду с просьбой, которая чрезвычайно удивила Коллингвуда.

— Милорд,— сказал Мак-Грегор,— у меня к вам есть очень большая просьба.

— Заранее исполню ее, если только смогу. В чем дело?

— Позвольте вас просить, милорд, чтобы секрет всего этого устройства знали только вы да я.

— Вижу, вижу, куда ты клонишь. Ты терпеть не можешь моего секретаря.

— Видите ли, милорд, ваш секретарь у нас в доме недавно, а Мак-Грегоры пятьсот лет служат герцогам Эксмутским, и я смотрю на себя как на вашу собственность, на вашу вещь. Для меня нет ни короля, ни отечества; для меня существует только герцог Эксмут, как для собаки ее хозяин.

— Я это знаю, мой честный Мак-Грегор,— сказал герцог, растроганный такой преданностью.

— Я не стану вам говорить, что ненавижу вашего секретаря и что он кажется мне подозрительным. Я вам скажу только, что ведь он не более чем наемный секретарь и не вечно будет служить у вас. Сегодня он, завтра кто-нибудь другой. Что же будет, если каждому секретарю вы будете сообщать тайну отеля? Тайна только тогда тайна, когда она известна одному человеку и уж самое большое двум; если же она известна троим или четверым, то перестает быть тайной.

— С этой точки зрения я нахожу, что ты совершенно прав,— сказал лорд после минутного размышления.— Даю тебе слово, что маркиз де Тревьер не узнает ничего о тайных приспособлениях в отеле.

Мак-Грегор возненавидел де Тревьера с первого же дня его поступления к Коллингвуду. Причин для ненависти было много. Во-первых, Мак-Грегор ревновал адмирала к молодому секретарю; во-вторых, ему порой казалось, что Фредерик кидает на лорда взгляды, исполненные ненависти. Наконец, однажды ночью шотландцу удалось подсмотреть, как

молодой человек с улыбкой смотрел на страдания адмирала. Все это заставило Мак-Грегора предположить, что Фредерик де Тревьер поступил к Коллингвуду неспроста, что он — шпион, действующий либо за собственный счет, либо подосланный другими. Во всяком случае, его господину грозила опасность.

Сначала он хотел рассказать все адмиралу, но потом раздумал, решив собрать побольше данных для изобличения коварного секретаря.

С этого времени Мак-Грегор сделался второй тенью Фредерика де Тревьера, подстерегая малейший его взгляд, малейший его жест и истолковывая их по-своему. Частые отлучки секретаря по прибытии в Лондон возбудили его подозрение. Шотландец заметил, что молодой человек знает столицу Англии как свои пять пальцев, хотя адмиралу говорил, будто ни разу в жизни в ней не был.

Однако, несмотря на всю бдительность, Мак-Грегор до сих пор еще не открыл ничего определенного.

Теперь понятно, почему шотландец взглянул с такой ненавистью на секретаря, когда тот велел ему уйти из библиотеки. Отношения между ними обоими были крайне натянуты, хотя Фредерик Биорн ничего и не подозревал.

Молодой человек едва успел обменяться с Надодом несколькими банальными фразами, как вошел лорд Коллингвуд, к великому удовольствию обоих собеседников, не знавших, о чем им говорить и как себя держать друг с другом.

Фредерик де Тревьер сейчас же ушел из библиотеки, и адмирал остался с Надодом наедине.

— Извините, что я заставил вас ждать, — сказал Коллингвуд. — Заседание палаты было очень бурное и затянулось... Мой секретарь говорил вам, какой у нас вышел досадный случай.

— У вас нет в наличии денег? — перебил его с тревогой в голосе Надод.

— Извините, Надод, — возразил удивленный адмирал. — Деньги здесь, вся сумма полностью.

И он указал ему на небольшую шкатулку черного дерева с перламутровой инкрустацией.

Надод перевел дух.

— Так за чем же дело стало? — спросил он.

— Вот прочитайте, — отвечал Коллингвуд, подавая ему письмо Пеггама.

Надод взял письмо и, прочитав его, побледнел... На лбу у него выступил холодный пот. Итак, все мечты его разлетелись прахом!..

Когда он поднял голову, то заметил, что Коллингвуд с любопытством глядит на него. Действительно, волнение бандита удивило адмирала.

Чтобы хоть немного оправиться, Надод стал перечитывать письмо Пеггама и вдруг ударил себя по лбу.

— Это письмо подложное! — вскричал он с обычной самоуверенностью. — Подпись сделана не рукой главы общества «Грабители морей».

— Вы вполне уверены в этом? — спросил лорд Коллингвуд.

— Совершенно уверен! Это подделка, и даже очень грубая.

— Боюсь, что вы ошибаетесь. Письмо, правда, написано на клочке бумаги, очевидно, наскоро, быть может, даже в темноте, но нет никаких данных для того, чтоб утверждать, что оно подложное.

— Поверьте, это чей-нибудь фокус. Ну посудите сами: какая опасность может грозить вам от того, что вы передадите эти деньги мне? Не все ли равно, через чьи руки пройдут они в кассу общества — через мои или через самого Пеггама?

— Это верно, но так как тут есть какое-то сомнение, я и воздержусь до поры, до времени.

— Стало быть, вы отказываетесь заплатить сто тысяч фунтов стерлингов? — гневно спросил Надод, вставая и выпрямляясь во весь рост.

— Не отказываюсь, а только откладываю уплату впредь до разъяснения дела. Впрочем, ждать придется недолго: Пеггам обещал явиться сюда сам через час после вашего прихода. Прошло уже больше часа и ему давно пора быть здесь.

— Вот вам и доказательство, что все это вздор и что Пеггам не придет. Выслушайте меня внимательно, Коллингвуд, и вы увидите, в какое положение вы себя поставите, если не заплатите мне денег. Я уверен, что вашей гибели желает какой-нибудь ваш тайный враг, который, конечно, и написал это письмо.

— Объясните. Я буду очень рад, если это дело выяснится.

— Сумма, которую я уполномочен от вас получить, имеет очень важное значение для «Грабителей». Я непременно должен иметь ее в руках, прежде чем взойдет солнце. Если я ее не получу, то общество, конечно, обойдется и без нее, но вам оно за это страшно отомстит.

— Я вас не понимаю.

— Удивляюсь, как вы это не понимаете! Чтобы вас на-

казать, нам стоит только переслать генерал-атторнею¹ кое-какие бумаги, которые докажут, что «Грабители» действуют иногда по указаниям некоторых пэров Англии...

— Негодяй!.. Ты смеешь!..

— Слушайте, Коллингвуд, давайте играть в открытую. Это будет выгодно и для вас, и для меня... Впрочем, для вас даже выгоднее, чем для меня.

— Говори.

— Во-первых, я бы вас попросил не говорить мне ты. Такое обращение означает или известную близость между людьми, или презрение. В близких отношениях с лордом Эксмутом я не имею чести состоять, хотя мы и убивали вместе, а презрение переносить я тоже ни от кого не желаю. Поэтому, встречая от вас презрение, я буду платить вам тем же.

— О! Как тяжело быть в зависимости от подобного негодяя!

— Вот уже два раза, Коллингвуд, вы называли меня негодяем, а, между тем, кто из нас двух больший негодяй — это еще вопрос. Правда, я убивал людей, но на моих руках нет крови брата, его жены и детей.

Надод стал рассказывать про свою молодость.

Коллингвуд внимательно слушал старого бандита, голос которого дышал дикой энергией.

— Так ты был дядькой молодого Биорна? — спросил он Надода.

— Я был к нему приставлен для надзора, и ребенок очень меня любил. Это не помешало мне возненавидеть его, и я решил сыграть с ним злую шутку. Случай мне благоприятствовал...

Коллингвуд с любопытством посмотрел на бандита.

Надод продолжал:

— Мне страстно хотелось видеть этого мальчишку голодным, плохо одетым, подвергнутому дурному обращению. Однажды, катаясь с ним в лодке по Розольфсскому фьорду, мы встретились с неизвестной яхтой. Притворившись, что я сирота-рыбак, без всяких средств к жизни, и что этот мальчик — мой братишка, я сочинил целую историю, растрогавшую незнакомцев. Они предложили мне взять на воспитание ребенка, и я согласился. Таким образом я похитил у герцога Норландского его старшего сына и наследника.

Адмирал вздрогнул и пролепетал:

¹ Генерал-атторней — член правительства, выступающий от имени государства в судебных делах.

— Сына герцога Норландского!

— Да, ваша светлость. Вы видите, между мной и Биорнами не было родства, тогда как вы утопили в море своего родного брата со всей семьей. Как бледно мое преступление в сравнении с вашим!.. И за свое преступление я понес варварское наказание: меня избили, изуродовали, и не мудрено, что я поклялся в непримиримой ненависти ко всему роду Биорнов. Год тому назад я убил Черного Герцога и одного из его сыновей, а сегодня ночью покончил в таверне «Висельник» счеты с Гуттором...

— Розольфским богатырем?

— Да, с ним, а также и с Грундвигом, его товарищем... Так вот, ваша светлость, клятву свою я сдержал и врагам отомстил, наружность моя исправлена благодаря искусству доктора Петерсона, следовательно, я могу теперь жить по-человечески. Двадцать с лишком лет я злодействовал, и не было дня, чтобы я не желал сделаться честным человеком. Не смейтесь надо мной, я говорю это совершенно серьезно. И вот, лорд Коллингвуд, для меня пробил, наконец, желанный час. Поэтому я говорю вам: давайте играть в открытую. Мое предложение такого рода...

— Пойдите минутку, Надод,— перебил его адмирал.— Ваш рассказ меня заинтересовал, и я с удовольствием готов выслушать вас, но скажите мне сначала, что случилось с молодым Биорном, которого вы уступили неизвестным людям?

— О, это такая романтическая история! Его взял к себе один богатый арматор, и он сделался знаменитым капитаном Ингольфом.

— Как! Тем самым, который отличился в шведско-русскую войну и которого я чуть было не повесил в Розольфсе?

— Вот именно. И в ту минуту, когда вы его арестовали, он сам собирался арестовать герцога Норландского и его сыновей, обвинявшихся в заговоре против короля.

— Стало быть, человек, которого я хотел повесить как пирата, как Капитана Вельзевула...

— Этот самый человек в настоящее время — герцог Норландский.

— Странная, странная история!.. Скажите, Надод, вы разве не боитесь, что он станет мстить вам за смерть отца и брата?

— Не думаю, милорд. Но посмотрите, какая прочная связь между моими и вашими преступлениями: разве вы, в свою очередь, не опасаетесь, что он станет вам мстить за сестру и племянников?

— Этого можно было бы опасаться, если бы он знал всю

правду о трагической катастрофе. Все Биорны поверили официальному сообщению о крушении корабля.

— А уверены ли вы, что не было свидетелей вашего преступления?

— Что значат слова одного-другого человека, когда сто свидетелей подтвердили на следствии факт крушения судна? Нет, я ничего не боюсь и в случае надобности сумею защититься... Однако, продолжайте, пожалуйста. В чем состоит предложение, которое вы собираетесь мне сделать?

Глава VII

НЕОЖИДАННЫЙ ПОСЕТИТЕЛЬ

— Я вам сказал, что желаю играть с вами в открытую, — продолжал Надод. — Выслушайте же меня хорошенько. Я хочу порвать с «Грабителями» и удалиться в Америку. Я уже взял билет на корабль, который отплывает завтра утром, по для этого вы должны отдать мне сто тысяч фунтов стерлингов, которые вы должны нашему обществу. Я уеду в Америку не для того, чтобы наживать себе состояние или работать на пользу «Грабителей»; там подобная деятельность опасна: старый судья Линч шутить не любит, и расправа у него бывает коротка. Нет, я хочу приехать в Америку богатым человеком и жить там в почете и уважении. Надеюсь, вы меня поняли, милорд? От вас одного зависит, чтобы бандит Надод перестал существовать и превратился в мистера Иогана Никольсена, — моя мать была урожденная Никольсен, — богатого плантатора из Нового Орлеана. Под этим именем я записался на корабле «Васп», который через несколько часов должен поднять якорь. За сто тысяч фунтов стерлингов, которые вы мне отдадите, вам будут возвращены те два документа, которые вы выдали Пеггаму. А ведь вы сами знаете, милорд: любого из этих документов достаточно, чтобы отправить вас на виселицу.

— Разве они у вас? — спросил Коллингвуд, в глазах которого вспыхнул мрачный огонь.

— Да, у меня... Но только вы, милорд, не замышляйте никакого обмана: все равно ничего не выйдет. Я все предусмотрел: западню, измену, убийство. Документы сейчас не при мне, поэтому вы напрасно будете пытаться овладеть ими. Но вы получите их через две минуты после того, как отдадите деньги. Надеюсь, что теперь вы не будете делать никаких возражений. Если я затяну беседу с вами, то лишь

для того, чтобы показать вам, что Пеггам не явится и что вы — жертва мистификации.

— А если я не соглашусь отдать деньги без новой записки от Пеггама?.. Что вы тогда сделаете?

— Клянусь памятью моей матери, что я вам жестоко отомщу! Если вы помешаете мне уехать из Англии, если через несколько часов бриг «Васп» уйдет без меня, унося мою последнюю надежду, то я в тот же день передам оба документа генерал-атторнею, который, разумеется, не замедлит дать делу законный ход. Я все сказал и жду вашего решения.

На этот раз Коллингвуд рассердился. Исповедь Красноглазого он выслушал с большим вниманием. Адмирал не сомневался, что бандит говорит искренно. И, наконец, что же необыкновенного было в желании Надода оставить ремесло, которое неминуемо привело бы его, в конце концов, на виселицу? Что касается самого Коллингвуда, то он ничем не рисковал, отдавая деньги Надоду. Для него важно было получить обратно компрометирующие его документы. После этого он не опасался уже гнева Пеггама.

Надод с тревогой ждал ответа Коллингвуда.

После некоторого размышления адмирал сказал:

— Я согласен передать деньги вам. Но знайте, Надод, что не ваши угрозы побуждают меня к этому. Я их не боюсь. Если бы вы донесли на меня в случае моего отказа, за меня заступились бы все «грабители» с самим Пеггамом во главе. Они помогли бы мне оправдаться. Мне бы стоило только сказать, что документы подделаны вами, и суд, не колеблясь, отдал бы предпочтение слову пэра Англии перед показанием бандита... Но ваш рассказ меня тронул и возбудил во мне сожаление к вам. Так как мои личные интересы несколько не идут вразрез с вашим желанием, то я согласен его исполнить и доставить вам средства для того, чтобы начать другую жизнь. Я дал слово уплатить деньги в день моего вступления в палату лордов, ранее чем пробьет полночь. Так как для всякой перемены в условиях договора требуется согласие обеих сторон, то я имею право оставить письмо Пеггама без внимания и вручить деньги тому лицу, которое передаст мне документы. Ступайте же за документами,несите их сюда. В обмен на них я выдам вам сто тысяч фунтов стерлингов двадцатью векселями Английского банка на предъявителя, по пяти тысяч стерлингов каждый.

Надод нерешительно встал.

— Вы сомневаетесь в моем слове? — спросил Коллингвуд, хмуря брови.

— Нет-нет, милорд,— смущенно отвечал бандит.— Через две минуты я возвращусь и буду к вашим услугам.— И он пошел к дверям. Но, едва открыв их, Надод с криком испуга отпрянул назад.

В дверях стоял тощий, небольшого роста старикашка. Глаза его гневно сверкали. Это был Пеггам, сам грозный Пеггам. Впрочем, он походил скорее на призрак, чем на живого человека.

— А! Это вы, Пеггам,— холодно произнес адмирал. Его спокойствие представляло резкий контраст с волнением Надода.— Могу вас поздравить с тем, что вы сильно опоздали. Входите же, мы только что говорили о вас.

— Так вы говорили обо мне? — насмешливо улыбаясь, заметил старикашка.— Что же вы говорили о старике Пеггаме? Наверное, честили всю эту старую скотину?..

— Мы выражались о вас гораздо сдержаннее, чем вы сами,— сказал Коллингвуд, раздосадованный внезапным появлением нотариуса.— Но на следующий раз я бы попросил вас не забывать, что у меня есть лакей для того, чтобы докладывать о посетителях.

— Оставьте ваши упреки! — желчно возразил старикашка.— Я узнал все, чего желал... Все средства хороши для изобличения предателей.— При этих словах он бросил на Надода один из тех грозных взглядов, перед которыми трепетали самые отчаянные «грабители».

Но Красноглазый уже успел оправиться от испуга и ответил на этот взгляд вызывающим жестом, от которого раздражительный старик пришел в неописуемую ярость. Бледное, пергаментное лицо его позеленело.

— Берегись! — прошипел он Надоду.— Я ведь сумел укротить и не таких, как ты... Бывали и посмелее тебя...

Надод нервно рассмеялся.

— Те, которых ты укрощал, были не моего закала.

Но в это время адмирал поднялся со своего места.

— Надеюсь, государи мои, что вы не намерены сводить сейчас свои личные счеты,— высокомерно произнес он.— Если я вам однажды поручил исполнить одно из тех гнусных дел, которые составляют вашу специальность, то это не значит, что вы имеете право забываться в моем присутствии!.. Так как вы встретились здесь оба, то не угодно ли вам прийти друг с другом к соглашению? Я приготовил сто тысяч фунтов стерлингов. Кому из вас прикажете их отдать?

— Душевно благодарен вашей светлости,— с едкой иронией произнес Пеггам,— за то, что вы напомнили мне разницу между соучастниками лафоденского дела: королевский

палач, вероятно, не признает между ними никакой разницы, но между пэром Англии и скромным нотариусом из Валлиса... Со своей стороны, я тоже буду помнить, что имею честь находиться в доме его светлости милорда Коллингвуда, милостью «грабителей» — герцога Эксмутского.

Адмирал Коллингвуд счел ниже своего достоинства отвечать на эту дерзость. Он понимал, что для него всего лучше отделаться от Пеггама как можно скорее. Поэтому, взяв приготовленные банковские билеты, он выложил их на стол и, не скрывая своего отвращения, повторил:

— Кому прикажете заплатить цену крови?

На бледном лице Пеггама появилась улыбка. Он хотел ответить, но вдруг насторожился весь, прислушиваясь к чему-то. Это продолжалось всего минуту. Потом лицо его приняло прежнее насмешливое выражение.

— Это не они. Они еще не успели вернуться, — прошептал он так тихо, что его никто не мог слышать.

Между тем Коллингвуд, казалось, потерял терпение.

— Что же вы не отвечаете? — воскликнул он. — Покончим скорее с этим делом.

— Вы уж очень торопитесь от нас отделаться, — каким-то странным тоном заметил Пеггам. — Через минуту вы будете совсем другого мнения... Заплатите деньги Надоду, как было условлено. Мы с ним потом сочтемся. А теперь получите документы, которые вы так неосторожно выдали за своей подписью. — И, обращаясь к Надоду, нотариус прибавил: — Я их взял у Дженкинса, которому ты поручил их беречь.

Несмотря на все свое самообладание, Надод был поражен такой неожиданной развязкой: а что если старик пронюхал про его замысел? Не грозит ли ему тогда гибель?..

И все же, повинуясь молчаливому приказанию Пеггама, он принял от адмирала пачку банковских билетов и тщательно уложил их в свой бумажник, как будто не собирался расставаться с ними.

В свою очередь, лорд Коллингвуд взял у Пеггама два документа, тщательно рассмотрел их и, убедившись в их подлинности, поднес их к свечке и с плохо скрываемой радостью смотрел, как огонь уничтожает бумагу.

«Наконец-то! — думал он, глядя на кучку темно-серого пепла. — Наконец-то уничтожена моя зависимость от этих негодяев».

До самой последней минуты адмирал не верил в то, что «Грабители» удовлетворятся назначенной за возврат документов суммой. Ведь они могли легко вытянуть из него в

несколько раз больше того, что получили. И он почувствовал, как нечто вроде благодарности шевельнулось в его сердце. Да, он был почти благодарен этим бандитам за их относительную честность.

— Вот мы и покончили наши счета,— сказал Коллингвуд голосом, который, против его воли, звучал значительно мягче, чем это ему хотелось.— И так как уже довольно поздно, мне кажется, пора нам разойтись и лечь спать.

— Навряд ли милорд будет спать сегодня в своей постели,— угрожающе проговорил Пеггам.

— Что вы хотите сказать? — воскликнул адмирал, на которого слова старого бандита произвели сильное впечатление.

— Я хочу сказать,— хладнокровно продолжал старикашка,— что вы благоразумно поступили, послушавшись моего предостережения. Если бы вы уплатили Надоду в полночь условленную сумму, вы бы оба погибли. Вам и теперь продолжает угрожать опасность, и я пришел сюда, чтобы спасти вас.

— Но в чем дело? Объяснитесь! — воскликнули в один голос Красноглазый и адмирал.

— Вы, вероятно, думаете, что я пришел только для того, чтобы помешать Надоду бежать в Америку с деньгами, принадлежащими обществу?

— Как!.. Вы это знаете!..— пролепетал Надод.

— Я все знаю. Никто и ничто не укроется от меня.— И с злобным хихиканьем, не сводя пристального взгляда с Надода, старик продолжал: — О, ради этого я бы не стал себя беспокоить. Корабль, на котором собирался уехать Надод, носит название «Васп». Это судно принадлежит нашему обществу. Капитану его я сказал: «В самую последнюю минуту на ваш корабль явится Надод под вымышленным именем. С ним будут деньги. Два с половиной миллиона франков. Вот вам записка. Когда вы выйдете в открытое море, вы передадите ее Надоду. Записка была подписана моим именем: «Пеггам». В ней было сказано: «По поручению общества закупите в Нью-Йорке четыре тысячи мест сахара и лично доставьте груз в Англию». Я не сомневался, что встречу беспрекословное повиновение. Как видите, милорд, наш корабль отправляется в Америку для закупки сахара, а между прочим, он доставит нам списки всех кораблей с богатым грузом. И эти корабли, поверьте, будут ограблены прежде, чем дойдут до Англии.

— Это сам дьявол в образе человека! — прошептал Надод.— Лучше бы мне никогда не иметь этих денег, чем навлечь на себя его гнев.

Но Пеггам уже говорил, обращаясь к лорду Коллингвуду:

— Как! Вы убили отца, брата и сестру Фредерика Биорна и могли хотя бы на минуту усомниться в том, что этот человек будет следовать за вами по пятам, подстерегая каждое ваше движение, каждый ваш вздох!.. Неужели вы могли подумать, что он хоть на минуту оставит мысль о мести!.. Вы были непростительно беспечны!.. Да, вы спали, а я в это время бодрствовал. И вот я пришел вам сказать, что сегодня три его лазутчика убили в таверне «Висельник» тридцать наших лучших ребят...

— Возможно ли это? — удивился адмирал.

— Спросите у Надода, он сам едва избежал той же участи.

— Правда, — сказал Надод. — Все это сделал один богатырь по имени Гуттор. Но не беспокойтесь, больше он уже никогда не будет вредить нам.

— Как ты наивен, мой верный Надод, — язвительно сказал Пеггам. — Право же, ты скоро уже будешь ни на что не годен, и мне придется заменить тебя кем-нибудь другим. Слушай, глупец!.. Не успел ты выйти из таверны, как три норландца уже пошли по твоим горячим следам, предварительно спрятав мистера Боба в ту самую яму, в которую он посадил было их. Я достал бедняжку оттуда еле живого.

— Но ведь это невозможно! — воскликнул Красноглазый. — Ведь я сам видел их мертвыми на дне ямы. Я даже выстрелил в этого богатыря, но никто из них не подал признаков жизни.

— Тебя провели, Надод. И это доказывает, что мы имеем дело с очень сильными людьми. Час спустя после бойни в трактире они уже стояли перед отелем милорда, собираясь похитить тебя с деньгами, как только ты выйдешь отсюда, и унести на один из своих кораблей. Следующим на очереди был адмирал Коллингвуд.

— Ну, что касается меня, — рассмеялся адмирал, — хотел бы я знать, кто это осмелится забраться ко мне в дом?

— Днем, пожалуй, никто, но ночью...

— Стало быть, вы утверждаете...

— Да, утверждаю, что, не будь меня, вас обоих похитили бы сегодня ночью.

Это категорическое заявление поколебало уверенность адмирала и внушило ему некоторое беспокойство. Он молча и вопросительно взглянул на нотариуса. Тот бесстрастно продолжал:

— Как только я узнал об угрожающей вам опасности, я

немедленно послал вам записку и, как видите, она достигла своей цели. Я не мог сразу прийти, так как мне необходимо было закончить некоторые дела.

— И, приехав только сегодня вечером из Чичестера, вы уже успели так много узнать?

— Нет, я около года живу инкогнито в Лондоне и слежу за действиями наших врагов. Я говорю: наших, потому что результатом моего письма явилось некоторое изменение в планах наших врагов; узнав, что я должен прийти в Эксмут-Гауз, они решили убить не двух, а целых трех зайцев одним ударом.

— Послушайте, Пеггам,— перебил его Коллингвуд,— но ведь это все совершенно неправдоподобно. Откуда, например, могли узнать наши враги содержание присланной вами записки?

— Узнали, милорд. И вот об этом-то я и хотел вас спросить. Как это могло случиться?

— Я отказываюсь понимать что бы то ни было, Пеггам. Уж не подозреваете ли вы мою прислугу?

— Не совсем так, но вы близки к разгадке, милорд... Прикажете позвать сюда Мак-Грегора.

— О, за него я ручаюсь как за самого себя,— проговорил адмирал, но все-таки протянул руку и позвонил в тэмбр.

Глава VIII БЕЗЫМЯННЫЙ ОСТРОВ

Прошло немного времени, и в библиотеку вошел Мак-Грегор.

— Что делает секретарь его светлости, герцога Эксмута? — спросил его Пеггам.

— А черт его знает, что он делает,— ворчливым тоном ответил шотландец.— Весь вечер он ходит взад и вперед по балкону и все время смотрит на улицу, как будто ждет кого-то, и при этом разговаривает сам с собой на непонятном мне языке. Я уже не раз говорил его светлости, что мне этот молодец не нравится и ему не следует доверять.

— Мак-Грегор,— строго остановил его герцог,— я тебе раз и навсегда запретил непочтительно отзываться о маркизе де Тревьер. Советую впредь этого не забывать... Это все, что вы хотели узнать, сударь?

— Да, милорд.

— Можешь идти, да не забудь, что я тебе приказал.

— Разве можно приказать сердцу, ваша светлость?

— Ну, ладно, сердце мы оставим в покое, а язык держи за зубами.

Верный шотландец вышел.

— Этот Мак-Грегор терпеть не может французов, — сказал Коллингвуд.

Пеггам, которому был известен весь заговор розольфсцев, несмотря на серьезность момента, не мог удержаться от смеха.

— Ха-ха-ха!.. Так, по-вашему, он француз! — восклицал он в промежутках между приступами смеха. — Так его фамилия де Тревьер!.. Ха-ха-ха!.. Славная история!..

— Что вы нашли тут смешного? — возмутился герцог. — Как смеете вы смеяться надо мной!..

— Сейчас, сейчас, милорд, не волнуйтесь только, и я вам все объясню. Хотя, вы правы, здесь меньше смешного, чем печального. Скажите, пожалуйста, можно ли у вас откуда-нибудь видеть балкон, но так, чтобы самому оставаться незамеченным.

— Можно.

— Не будете ли вы так добры, милорд, проводить нас туда?

Все еще недоумевая, Коллингвуд неохотно встал и пошел в сопровождении своих посетителей в угловой кабинет.

Взглянув в окно, они увидели секретаря герцога.

Он стоял, облокотясь на перила балкона.

— Это верный друг, Пеггам, что бы там не имел против него Мак-Грегор, — убежденно проговорил адмирал и тяжело вздохнул.

«И этот убийца невинных малюток способен на искреннее чувство? — подумал про себя Надод. — Или, быть может, это свойственное всем англичанам лицемерие...»

Старый нотариус по-прежнему насмешливо улыбался.

— Минутку терпения, милорд, — сказал он, — мы проделаем маленький опыт. — И, обратившись к Надоду, он спросил: — Ты, кажется, норландец и, наверное, умеешь подражать крику снеговой совы, не так ли?

— О, еще бы! Сама сова способна будет впасть в обман.

— Ну так вот, крикни разок, подражая сове, но только потише, чтобы казалось, что крик идет издалека. А вы, милорд, будьте внимательны.

Надод приставил к губам два пальца и тихо свистнул.

— Киу-уи-вуи! — пронесся в вечерней тишине дрожащий призыв.

Едва только раздался этот условный сигнал, как секретарь перевесился через балкон, вглядываясь в окружающую тьму, и ответил точно таким же криком.

Коллингвуд почувствовал, как мороз пробежал у него по коже.

— Боже! — воскликнул он. — Это розольфсский шпион! Но почему он не зарезал меня в то время, когда я спал? Ведь он мог это легко сделать в любую ночь.

— Эти люди, милорд, не убивают из-за угла. Они хотят взять вас живым и совершить над вами правосудие.

— Но кто же этот человек, так ловко вошедший ко мне в доверие? Его манеры и обхождение обнаруживают благородное происхождение. А смелость его замысла достойна удивления.

— Мне кажется, что я видел его где-то раньше, — заметил Надод.

— Как вы оба наивны! И что было бы с вами, если бы не старик Пеггам!.. Приготовьтесь же выслушать, милорд... Я не сомневаюсь, что мое сообщение поразит вас обоих.

— Не беспокойтесь, самое худшее я уже узнал: полгода я жил под одной кровлей с человеком, которому я доверял и который оказался шпионом.

— Нет, — возразил Пеггам, — вы ошибаетесь, он не шпион, это — сам Фредерик Биорн, герцог Норландский!

Коллингвуд и Надод не были бы поражены больше, если бы на них обрушился весь Эксмут-Гауз.

Надод первый обрел дар речи.

— Не может быть! — изумился он. — Я жил с ним на «Ральфе» и непременно бы узнал его. У капитана Ингольфа были светлые волосы, и он не носил бороды.

— Мой бедный Надод! Ты, должно быть, лишился последних остатков своей проницательности. Или, быть может, ты думаешь, что трудно изменить свою наружность, отрастив бороду и выкрасив волосы?

— Мне его лицо сразу показалось знакомым, когда я увидел его сегодня, — пробормотал Надод.

— Но как вам удалось узнать все это? — спросил Коллингвуд.

— Очень просто. Я знал, что герцог Норландский не оставит нас в покое, и отправил дюжину шпионов следить за ним, а потом и сам приехал в Лондон вместе со своим старшим клерком Ольдгамом. В продолжение года я неустанно следил за розольфсцами, и ни один их шаг от меня не укрылся. Сегодня, проследовав за богатырем Гуттором и его спутниками к дому милорда, я притаился в боковом переулке

и, таким образом, был свидетелем их заговора. Одним словом, если бы не ваш недостойный слуга, милорд, герцог Норландский со своими людьми, которых он ожидает с минуты на минуту, вошел бы в Эксмут-Гауз и сказал нам: «Сдавайтесь, или вы погибли!»

Коллингвуд вздрогнул, но сейчас же улыбнулся.

— Я тоже имею кое-что вам сообщить, когда вы кончите свой рассказ.

— О, я только хочу посвятить вас в те маленькие предосторожности, которые я заблаговременно принял, чтобы отвратить грозящую нам опасность. Я отправил немедленно в Саутварк лучшего скорохода во всей Англии. Он должен сообщить мне, когда выступят розольфсцы, и опередить их минут на двадцать, так что у нас будет время приготовиться к их приходу. Кроме того, я собрал двадцать пять самых отчаянных головорезов и поместил их поблизости от вашего дома. По первому моему зову они будут здесь. Мак-Грегора нужно предупредить, чтобы он покрепче запер входную дверь, как только в нее пройдут герцог Норландский и его люди. Таким образом они очутятся в мышеловке... Вот и все, что я могу сообщить, милорд. Теперь позвольте узнать, что вы мне хотели сказать?

— Смотрите на дверь, Пеггам,— сказал Коллингвуд и, протянув руку, он надавил на деревянную панель.

Раздался резкий металлический звук, и в тот же миг все окна и двери оказались закрытыми железными шторами.

— Великолепное изобретение! — вскричал Пеггам и встал для того, чтобы убедиться в прочности запоров.

Коллингвуд сделал опять движение рукой, и железных заслонов как не бывало.

— Я могу запереть таким образом весь дом,— пояснил он,— и, кроме того, каждую комнату в отдельности.

— А известна ли вашему секретарю тайна этого механизма?

— Нет, кроме меня и Мак-Грегора — никому.

— Теперь у нас все козыри в руках,— пробормотал старик.— А, господин северный герцог! Вы задумали тягаться со стариком Пеггамом... Посмотрим, чья возьмет! Не удастся ли мне теперь осуществить мечту всей моей жизни!.. С того времени, как я основал общество «Грабители морей», я сделал все, чтобы упрочить его могущество. Наше общество располагает в данное время шестнадцатью корсарскими кораблями, экипажи которых состоят из восьмисот прекрасных матросов, и сухопутными шайками, насчитывающими тысячу двести «джентльменов». За время своего существования

мы ограбили несколько сот купеческих кораблей и разрушили множество замков, завладев хранившимися в них сокровищами. Мы навели ужас на весь Лондон. Богатые коммерсанты, банкиры и арматоры охотно платят нам регулярную дань, чтобы избежать полного разорения. Даже вам, милорд Коллингвуд, мы помогли сделаться герцогом Эксмутским и за это получили от вас два документа... Вам очень не хотелось подписывать их, но старый Пеггам умеет добиваться того, чего хочет. Теперь мы с вами квиты. Бумаги вам возвращены... гм... и уничтожены.

— Охота вам перечислять ваши преступления! — недовольно заметил Коллингвуд.

— Что же тут такого? Эти преступления принесли нам много пользы. Благодаря им я мог создать надежное убежище на неизвестном острове, где живут жены и дети «грабителей», где у нас лечат раненых и больных и призывают слабых. На этом острове я — неограниченный властелин. Там у меня собраны несметные богатства: золото, серебро, драгоценные камни, роскошные ткани и произведения всевозможных искусств. Не было ничего невозможного для «Грабителей». И только один раз я потерпел неудачу...

— В чем именно? — спросил Коллингвуд.

— Три раза снаряжал я экспедиции, имевшие своей целью овладеть Розольфским замком, и ни одна из них не удалась. Желание овладеть старым поместьем Биорнов не дает мне покоя, отравляет каждую минуту моей жизни... Сорок поколений Биорнов, дружинников Роллана, скандинавских викингов, в течение десяти веков копили в этом замке сказочные сокровища. Корабли Биорнов бороздили моря во всех направлениях. В Розольфсе собраны китайские вазы и дорогие статуи времен династии Цзинь, превосходные японские вещи из бронзы и слоновой кости, сделанные три тысячи лет назад, индийские идола из чистого золота... Я сам видел...

— А разве вы были там?

— Да, к своему несчастью, и то, что я видел, привело меня в неистовый восторг. Я не могу забыть огромный бриллиант, который вдвое больше всех известных бриллиантов и изображает Аврору в виде молодой прекрасной девушки, лежащей на лotosовом листке. Индийское предание говорит, что эту фигурку гранили четыре поколения в течение двух веков. Это чудо искусства лежит на золотом блюде, изображающем морские волны... Да что! Разве можно описать словами все, что там собрано. Представьте себе погребальных

жуков времен Сезостриса, сделанных из цельных рубинов, скипетры и короны эфиопских царей первой расы, статуи лучших греческих мастеров, серебряные амфоры, золотые блюда и кубки ассирийских царей... Ни у одного короля нашего времени нет ничего подобного. Сам султан позавидовал бы этим неисчислимым богатствам. Все, что было лучшего, начиная с глубокой древности и кончая семнадцатым веком, нашло себе место в громадных залах Розольфского замка. С большим трудом удалось мне проникнуть туда под видом секретаря в свите одного пэра. Но с тех пор, как из Розольфского музея пропало несколько вещей, двери его были безжалостно закрыты для всех. Биорны нарочно распространили слух, что сокровища увезены из замка и скрыты в различных местах. Можете себе представить мою радость, милорд, когда сама судьба предает в мои руки Фредерика Биорна и когда у меня есть все основания надеяться, что розольфские сокровища станут моим достоянием и я смогу перевезти их на свой остров.

— А о каком же острове вы все время упоминаете? — любопытствовал Коллингвуд.

— О, это не имеет значения для вас, потому что вы все равно никогда не попадете туда. Этот остров не обозначен ни на одной географической карте и лежит в стороне от всех известных морских путей... Впрочем, я могу отчасти удовлетворить ваше любопытство: этот остров называется Безымянный. Название это я сам придумал. Нужно в течение трех лет служить верой и правдой нашему обществу, чтобы быть допущенным туда и пользоваться всеми преимуществами, которые дает звание гражданина острова. Получивший это звание год работает на суше и на море для пользы общества, а потом год отдыхает на острове. Остров дает своим гражданам все, что только может пожелать человек для своего счастья и наслаждения. Единственное условие ставится для принятого на остров — обзавестись семьей. Этим мы гарантируем себя от измены, так как за изменников отвечают их семьи. Надод, например, никогда не будет допущен на остров, потому что служит всего два года и, занимая важный пост начальника лондонского отдела, собрался бежать с принадлежащими нам деньгами.

— О, я вовсе и не добиваюсь чести прожить с вами всю жизнь, мистер Пеггам, — сказал бандит.

— Знаю, — возразил старик. — И, если бы ты сказал мне об этом прямо, я бы отдал тебе добровольно в награду за твою службу ту сумму, которую ты собирался похитить. Я и теперь готов обещать ее тебе с условием, что ты не уйдешь от

нас до окончания новой экспедиции против Розольфского замка, каков бы ни был ее исход.

— Конечно, я принимаю это условие! — воскликнул Надод, пораженный этим великодушием главы «Грабителей».

Глава IX В РУКАХ ЗЛОДЕЕВ

В этот вечер старик-нотариус предстал перед адмиралом Коллингвудом совсем в другом свете. Это уже не был маленький продувной старикашка, бандит и негодяй... Нет! Это был добрый и могущественный король, заботящийся о благе своих подданных...

Коллингвуд только что собирался высказать Пеггаму все свое восхищение им, когда дверь отворилась, и в комнату вошел Мак-Грегор в сопровождении скорохода.

— Что нового, Йоиль? — торопливо спросил нотариус.

— Шестьдесят человек, взятые с трех кораблей, стоящих в Саутварке, беглым шагом идут сюда. Я едва успел обогнать их на четверть часа.

— Кто ведет их?

— Эдмунд Биорн, которому не терпится поскорее увидеться со своим братом.

— Не заметил ли ты чего-нибудь особенно интересного?

— Нет, господин мой, ничего не заметил. Как только розольфсцы сошли с кораблей на землю, они разделились на два отряда и двинулись вдоль Темзы. Я побежал боковыми кварталами — там дорога прямее, — и потому опередил их.

— Хорошо. Ты помнишь мои приказания?

— Помню, господин.

— Можешь идти.

Гонец ушел.

— Господа, надо торопиться! — сказал Пеггам, обращаясь к Коллингвуду и Надоду. — Мы не должны терять ни одной минуты. Иди за мной, Надод, а вы, адмирал, постарайтесь задержать здесь своего секретаря, покуда мы не впустим в дом своих людей.

Войдя к адмиралу и не видя обоих посетителей, Фредерик Биорн заподозрил неладное. Но адмирал успокоил его, сказав, что посетители просили разрешения переговорить друг с другом наедине в соседней комнате, прежде чем дать ему окончательный ответ.

Молодой человек сидел как на горячих углях и почти

не слушал того, что говорил ему адмирал, иначе бы он заметил, что адмирал чем-то взволнован. Но успех сегодняшнего дня вскружил ему голову, и он утратил свою обычную осторожность и наблюдательность.

А тем временем отряд из двадцати пяти вооруженных «грабителей» тихо и незаметно вошел в Эксмут-Гауз.

Когда Грундвиг и его товарищи пришли в Саутварк, было уже около полуночи и на борту всех трех кораблей люди давно спали. К счастью, в распоряжении Билля, когда он съезжал на берег, оставалась лодка, дежурившая у пристани день и ночь; в противном случае им не удалось бы так легко добраться до корабля, на котором находился Эдмунд Биорн.

Выслушав их рассказ о приезде брата и о событиях последней ночи, Эдмунд не на шутку испугался и пожелал сам командовать отрядом, который должен был отправиться в Эксмут-Гауз. Он выбрал из своего экипажа шестьдесят человек и разделил их на два отряда: один — под начальством его самого и капитана Билля, а другой — под командой Грундвига и Гуттора. Это были самые сильные и храбрые из розольфсцев, еще недавно имевшие случай доказать свои боевые качества. Когда они шли на своем корабле в Англию, то подверглись нападению пиратов и после отчаянного абордажного боя¹ истребили их всех до одного, а корабль пустили ко дну.

Был второй час ночи, когда отряд выступил из Саутварка по направлению к Эксмут-Гаузу. Огромный город был погружен в глубокое молчание. Густой туман увеличивал ночную темноту, так что в двух шагах впереди не было ничего видно. И только Темза выступала как темная извилистая лента, и по краям ее мелькали красные и зеленые фонари кораблей, зажженные на основании правил о морском и речном судоходстве.

На улицах было пусто. Навстречу отряду попадались только собаки и изможденные голодом нищие и грязные бродяги. Погода была сырая и пасмурная. Тщетно старался Эдмунд подавить в себе страх и ободриться. Он не представлял себе, чтобы злодеи сами дали так легко захватить себя; по всей вероятности, они приняли надежные меры для своей безопасности. План старшего брата казался Эдмунду фантастическим и несбыточным; он боялся неудачи и даже почти предвидел ее. Но он ничего не сказал Гуттору и Грундвигу,

¹ А б о р д а ж н ы й б о й — бой с применением тактического приема, называемого абордаж, который представляет собой сцепление крючьями своего и неприятельского судов для рукопашного боя.

шагавшим рядом с ним, и постарался не поддаваться мрачным предчувствиям. Его размышления были прерваны голосом Грундвига, указавшего на блестящий фонарь Эксмут-Гауза.

— Господин мой, я полагаю, что мы должны обойти освещенную сторону отеля, чтобы не дать себя заметить раньше времени.

— Хорошо, — отвечал молодой человек. — Делай, как знаешь, мой добрый Грундвиг.

Верный слуга велел повернуть налево, и вся колонна, стараясь ступать как можно тише, направилась в тот переулок, где Грундвиг и Гуттор встретились с Фредериком Биорном. Дойдя до отеля, розольфсцы остановились и расположились в тени у стен, а Грундвиг подошел к балкону и подал условный сигнал, на который сейчас же слышался ответ. Вслед за тем дверь бокового подъезда бесшумно отворилась, и на крыльце показался Фредерик Биорн.

Братья крепко обнялись, и Фредерик тихо сказал на ухо Эдмунду:

— Скорее, скорее... Мне нужно человек двенадцать. Злодеи ничего не подозревают. Через пять минут они будут в наших руках.

— Я иду с тобой.

— Нет, милый Эдмунд, — возразил Фредерик, — возможно, что они будут защищаться, и тогда нам понадобится помощь главного отряда и нехорошо будет оставить его без командира.

— Как хочешь, брат, но я пойду и разделю с тобой опасность. Гуттор и Грундвиг с успехом смогут заменить меня.

— Пусть будет по-твоему, — неохотно согласился Фредерик. — Однако нам надо спешить, если мы хотим захватить наших врагов врасплох.

И, позвав Гуттора и Грундвига, он сказал им:

— Я возьму с собой только десять человек. Если мы благополучно доберемся до библиотеки, вы нам не понадобится. Но, если кто-нибудь из слуг адмирала заметит нас и поднимет тревогу, нам придется вступить в борьбу с ними, и тогда врывайтесь в отель, не опасаясь поднять шума. Все должно быть кончено прежде, чем сюда придут солдаты с ближайшего поста. Итак, вперед, друзья!

Сопровождаемый Эдмундом и десятью розольфсцами, Фредерик Биорн исчез в темном подъезде.

Гуттор и Грундвиг остались снаружи. Вытянув шеи, они напряженно прислушивались, но ковры, которыми были устланы все полы в Эксмут-Гаузе, заглушали шаги вошедших.

Вдруг Гуттору показалось, что открытая дверь подъезда слегка шевелится, как будто кто-нибудь изнутри пытается ее незаметно закрыть. Быстро просунув руку в подъезд, он пошарил за дверью и, нащупав там чье-то тело, схватил его и, несмотря на сопротивление, вытащил наружу.

Это оказался верный слуга лорда Коллингвуда Мак-Грегор, пытавшийся запереть двери и отрезать вошедших во главе с Фредериком Биорном розольфсцев от их товарищей на улице.

— Что ты здесь делаешь? — угрожающе спросил богатырь.

— А кто вы такие, чтобы я стал вам отвечать? — дерзко проговорил Мак-Грегор. — Проходите своей дорогой и прекратите эти нелепые шутки. С которых это пор честному слуге запрещается запира́ть двери дома своего господина? — И чтобы обмануть недоверие продолжавшего его держать гиганта, он добавил добродушным тоном: — Наверное, это повар, выходя, оставил дверь открытой... Этаким пьяница! Вечно шатается в неурочные часы.

— Ты мне кажешься, приятель, не столько честным слугой, сколько самым бессовестным лгуном, — сказал Гуттор, встряхивая шотландца.

— Берегись, ночной бродяга, — возразил Мак-Грегор. — Разве ты не знаешь, что я служу его светлости герцогу Эксмутскому?

— Наплевать мне на всех герцогов Англии! — вскричал гигант, взбешенный тем, что его называли бродягой. — Я сам служу герцогу Норландскому, а он не подчиняется даже королю.

— Не горячись, Гуттор, — остановил богатыря Грундвиг. — Разве ты забыл, что нам строго запрещено шуметь? К тому же возможно, что этот человек и не врет.

— А все-таки я его не выпущу, и пусть сам герцог решит его участь. Подумаешь, что за птица — слуга злодея Коллингвуда! Эй, вы! — обратился он к двум матросам, стоявшим к нему ближе всех. — Возьмите этого негодяя и стерегите хорошенько, чтобы не убежал.

— Не извольте беспокоиться, капитан, — отвечал один из матросов. — Мы вам представим его по первому требованию в самом лучшем виде, если только он будет держать себя спокойно.

Не успел матрос закончить свою шутку, как раздался громкий металлический лязг, и дверь подъезда оказалась закрыта широким железным заслоном, едва не задевшем Гуттора.

На этот раз нельзя было сомневаться в том, что дело нечисто.

— Измена! Измена! — закричал Грундвиг. — Наши господа попали в засаду!

От волнения он на минуту задохнулся, а Гуттор заревел, как бешеный зверь.

— Вперед! — крикнул он. — За мной!

И, разбежавшись, он всем телом бросился на металлический заслон. Сознание, что Фредерик и Эдмунд подвергаются страшной опасности, удесятило его необыкновенную силу. Раздался ужасный треск, и заслон, выбитый из амбразуры, с грохотом и звоном обрушился внутрь, увлекая в своем падении гиганта.

Впрочем, Гуттор сейчас же поднялся на ноги.

— Вперед! Вперед! — гремел он. — Горе тому, кто тронет хотя бы один волосок у них на голове!

Он бросился на лестницу, за ним все остальные розольфсы, за исключением двух матросов, оставшихся стеречь МакГрегора.

На верху лестницы их ожидало новое препятствие: железный заслон, подобный первому, заграждал путь во внутренние комнаты.

— Ура! Ура! Вперед! — прохрипел гигант, бешено бросаясь на препятствие.

И второй заслон, подобно первому, уступил его нечеловеческой силе. Гуттор ворвался в коридор, а за ним бросились его спутники.

Отыскивая в темноте дверь, он кричал:

— Огня! Ради Бога, огня!.. Скорее!..

— Сейчас, — воскликнул Грундвиг, — сейчас я дам огонь, я захватил с собой фонарь!

Наступила томительная тишина. Слышно было только, как бьются сердца нескольких десятков человек. Грундвиг высекал трут... Вдруг откуда-то до них донесся слабый крик:

— Грундвиг! Гуттор!.. Храбрецы мои!.. Помогите!..

Гуттор, с пеной у рта, кусал себе губы. Наконец фонарь зажгли и при свете его увидели справа дубовую дверь. От богатырского напора дверь сразу разлетелась вдребезги, и Гуттор очутился в квадратной комнате, имевшей три двери. Но — увы! — все эти двери были опять-таки закрыты железными заслонами...

Не тратя времени на размышление, Гуттор бросился на среднюю дверь, но на этот раз заслон устоял, и гигант тяжело упал на землю. Поднявшись, он стоял разбитый и обесси-

ленный, тяжело дыша и озираясь налитыми кровью глазами.

При виде того, что даже гигантская сила Гуттора не может им помочь, розольфсцы пришли в уныние.

Но богатырь так скоро не сдался. Мысль, что его господа находятся во власти бандитов, привела его в состояние бешенства и придала ему свежие силы: он вскочил на ноги, твердо решившись добиться цели или разбиться самому. Заслон приходился между двумя каменными косяками двери, выступы которых представляли очень удобную точку опоры. Гуттор уперся в них ногами и, закрыв глаза, напряг все свои мускулы. Кровь бросилась ему в лицо и, казалось, вот-вот брызнет сквозь кожу. Шея богатыря вздулась так, что готова была лопнуть, легкие работали, как кузнечные мехи.

Зрители, затаив дыхание, ожидали с минуты на минуту, что он, не выдержав страшного напряжения, свалится мертвым. Вдруг послышался легкий треск... Гуттор налег из последних сил. И вдруг заслон упал, а с ним вместе обрушилась и часть стены. Розольфсцы закричали от радости. Стоявшие ближе бросились к богатырю и помогли ему подняться. Гуттор чувствовал головокружение, губы его были покрыты пеной и кровью.

— Ничего, ничего, — бормотал он. — Обо мне не заботьтесь. Вперед! Вперед!

Все, теснясь, вбежали в библиотеку. Она была пуста. В глубине комнаты находилась единственная дверь, но и та была закрыта железным заслоном. Между тем Гуттор был совершенно изнурен и не способен на новое усилие.

Вдруг препятствие исчезло с быстротой молнии: заслон вдвинулся в стену. Произошло это благодаря тому, что один из матросов нечаянно нажал кнопку, приводящую в движение секретный механизм.

В одну минуту розольфсцы наводнили весь дом. Затем отовсюду слышались возгласы удивления. Нигде не было и следа герцога и его спутников; враги также исчезли.

Раз двадцать осмотрели стены, тщательно исследовали снизу доверху все помещение и паркет, но ничего не нашли.

Тогда Грундвиг решил, что под домом есть подземный ход, но отыскать его они не смогли, несмотря на все усилия. Попробовали допросить Мак-Грегора, но тот не мог или не пожелал дать никаких указаний.

— Я ничего не знаю, — говорил он. — Я бедный шотландец и всего лишь два дня тому назад нанялся к лорду. Делайте со мной, что хотите.

Гуттор предлагал разрушить весь отель до основания, и его насилу убедили, что этого никак нельзя сделать, потому что полиция не допустит.

Время шло, а розольфсцы все еще не уходили из отеля в тщетной надежде найти какой-нибудь след похищенных. Жаль было видеть этих храбрых и мужественных моряков, многие из которых плакали от сознания своего бессилия. Даже Гуттор и Грундвиг не скрывали своего отчаяния. Несчастный гигант бил себя в грудь, обвиняя себя в том, что не смог уберечь своих господ.

— Ах, если бы я пошел с ними, — восклицал он, — я бы не дал им попасть в руки злодеев!..

Грундвиг, несмотря на свое горе сохранивший еще присутствие духа, попробовал его успокоить.

— Нет, — говорил он, — тебе не за что себя упрекать. Ты сделал все, что только мог, для спасения своего господина. Ну же, Гуттор, ободрись. Нельзя так предаваться отчаянию. Ведь ты мужчина. Мы должны прежде всего думать о мести. Как только мы захватим злодеев в свои руки...

— О! — вскричал Гуттор, и глаза его вспыхнули мрачным огнем. — Если только они когда-нибудь попадутся мне в руки!.. Нет такой ужасной пытки, которой я не придумаю для них...

Глава X НАХОДКА

Между тем Билль продолжал поиски.

— Какие-нибудь следы должны были остаться, — упорно твердил он.

Вернувшись в сотый раз в библиотеку, он принялся обшаривать все углы. Посреди комнаты стоял стол, накрытый длинной скатертью. Ползая на четвереньках по полу, Билль нечаянно задел и сдернул со стола скатерть, и тогда на пол медленно слетел клочок бумаги, по-видимому, вырванный из записной книжки.

Билль поднял его и невольно вздрогнул: на бумажке было что-то написано, но так неразборчиво, что он ничего не понял. Одни буквы были непомерно велики, другие, наоборот, слишком малы. Несколько человек собрались вокруг него, но все их усилия разобрать что-либо были безуспешны.

Привлеченный шумом, Грундвиг подошел к ним и сказал:

— Дайте мне сюда бумажку, Билль, я посмотрю.

Едва взглянув на таинственные каракули, Грундвиг пришел в такое волнение, что не сразу мог заговорить.

— Что такое? Что такое? — посыпались на него со всех сторон вопросы.

— Слушайте! Слушайте! — произнес он дрожащим голосом. — Эта записка написана по-норвежски: стало быть, писал ее кто-то из наших, и писал наспех, украдкой.

— Да в чем дело? Читайте, читайте скорее! — слышались нетерпеливые голоса.

Грундвиг прочитал: «Мы живы. Нас перевезут на Безымянный остров навсегда. Надежда на вас».

— В конце стоит одна буква «Э», — прибавил Грундвиг. — Вероятно, писавший начал какое-то слово и не успел его закончить.

— Буква «Э», — повторил Билль. — Так ведь это означает Эдмунд! Это подпись брата герцога.

— Господи Боже мой! — вскричал Гуттор, не веря своим ушам. — Если они живы, мы спасем их!

— Да, да! Мы их спасем! — дружно закричали розольфсцы.

Но луч надежды, на миг показавшийся Грундвигу, опять потух.

— Каким же образом мы найдем этот остров? Ведь он известен только «грабителям».

— Безымянный остров!.. — произнес в раздумье капитан Билль. — Черт возьми! Где я слышал это название? От кого?

Уверенность, что герцог и его брат живы, мало-помалу привела Грундвига и его друзей в более спокойное состояние.

Тем временем в окна уже брезжило туманное, холодное лондонское утро. Разбившись на партии, чтобы не возбудить подозрения, норландцы покинули Эксмут-Гауз.

Гуттор, Грундвиг и Билль шли втроем по берегу Темзы. Вдруг они увидели отряд солдат, конвоировавший в Тоуэр какого-то человека. За арестованным валила густая толпа народа.

— Смерть убийце! В воду его! — раздавались крики.

Солдаты с трудом сдерживали толпу, готовую растерзать несчастного.

— В чем состоит его преступление? — спросил Билль у одного прохожего.

— Как! Вы разве не знаете? — удивился тот. — Сегодня ночью отряд солдат выдержал жаркую битву с сотней «грабителей» в таверне «Висельник». Победа осталась за храбрыми солдатами его величества — да сохранит его Господь! Они убили шестьдесят человек бандитов, потеряв тридцать

своих. Теперь они ведут в Тоуэр самого отчаянного бандита, известного под кличкой Красноглазый. Прежде чем его удалось схватить, он один убил двадцать солдат. Огромной железной полосой он крошил направо и налево... Дело его ясно.

Друзья пошли тише, желая посмотреть, кого это арестовали под видом Красноглазого. К сожалению, были уверены они, это не Надод.

Каково же было их удивление, когда в арестованном грабителе они узнали чудака Ольдгама! Клерк Пеггама шел в кандалах, бледный, как мертвец, и, отчаянно жестикулируя, уверял всех в своей невинности.

При виде этой комичной фигуры Билль невольно улыбнулся.

— Когда его будут судить, — сказал он, — мы непременно должны выступить свидетелями в его пользу. Хотя он и служил у негодяя Пеггама, но не способен обидеть мухи.

— Разумеется, Билль, — ответил Грундвиг, — мы должны постараться спасти его от виселицы. Наша честь требует этого, тем более что без нас он даже защититься как следует не сумеет. Ведь английские присяжные ужасно глупы.

Вдруг Билль остановился и хлопнул себя по лбу, как человек, решивший задачу, которая долго ему не давалась.

— Что это с тобой? — спросил Грундвиг. — Уж не нашел ли ты способ попасть на Безымянный остров?

— Нет, но зато я вспомнил, кто мне говорил о нем.

— Кто же это?

— Это клерк Ольдгам, которого сейчас повели в Тоуэр.

— О!.. — воскликнул Гуттор. — В таком случае этого человека нужно спасти во что бы то ни стало.

Глава XI

СУДЕБНАЯ ОШИБКА

Когда явившиеся в таверну «Висельник» солдаты не нашли там никого, кроме груды мертвых тел и забившегося под стол дрожащего от страха Ольдгама, начальнику отряда пришла в голову блестящая мысль. Он представил в своем докладе все происшествие в таверне как битву между солдатами и «грабителями», из которой солдаты вышли победителями, а Ольдгама — страшным атаманом бандитов Красноглазым.

Этот доклад произвел целую сенсацию в обществе. Население британской столицы, раздраженное участвовавшими за последнее время грабежами и убийствами, не без основания

приписывало их «грабителям» и негодовало на власти, которым не удалось еще поймать ни одного преступника из этой шайки.

Немудрено поэтому, что все — и полиция, и публика — чрезвычайно обрадовались поимке одного бандита, да еще из главных. Англичане пришли в восторг. Всюду восхвалялось мужество солдат и офицера, который ими командовал. В их пользу была устроена подписка, давшая солидную сумму.

Следствие, произведенное коронером на следующий день, подтвердило все обстоятельства дела, и мистер Ольдгам был передан уголовному суду лондонского Сити. Участь несчастного клерка Пеггама была предрешена заранее, и ничто, даже красноречие самого Демосфена, не в состоянии было бы спасти его. Через двадцать четыре часа после заключения в тюрьму ему было объявлено, что на следующее утро состоится суд. Правительство хотело действовать быстро и решительно и показать устрашающий пример «грабителям».

— Ваше дело ясно, — любезно предупредил Ольдгама один из тюремных чиновников. — Вы хорошо сделаете, если напишете своим родным, потому что послезавтра все будет кончено.

Но мистер Ольдгам не оценил этой любезности, так как твердо верил в свою непричастность к каким бы то ни было преступлениям.

Вечером заключенного посетил его тесть, мистер Фортескью. Он вошел важно, скрестив на груди руки, и с самым торжественным видом произнес:

— Я тебе предсказывал, Захария, что ты опозоришь обе наши семьи! На твоем челе я всегда видел неизгладимую печать роковой судьбы.

— Клянусь вам, что я являюсь жертвой судебной ошибки, — возразил несчастный клерк.

— Не лги! — строго остановил его почтенный мистер Фортескью. — Я все знаю.

— Если вы знаете все...

— Я читал геройский рапорт храбрых солдат его величества, которые сражались против разбойников, во главе которых был ты. Я даже внес свою лепту при общей подписке в пользу храбрецов, потому что я прежде всего англичанин, а потом уже твой тесть. Ничто из славы отечества мне не может быть чуждо... Впрочем, ты сам, как оказывается, защищался как лев. Я тобою доволен. Это придает некоторое величие твоим преступлениям.

— Но это ужасно!.. Уверяю вас, что ничего подобного не было! Я все время сидел под столом, куда происходила

битва между «грабителями» и какими-то неизвестными людьми, которых я не мог видеть, так как они находились в самой глубине залы. Что же касается королевских солдат, то они ни с кем не сражались и никого не убили, потому что пришли тогда, когда все уже было кончено.

— Довольно, Захария, довольно! — перебил с негодованием мистер Фортескью. — Не старайся разрушить эту почтенную легенду, бросающую новый луч славы на нашу доблестную армию. Горе тем народам, которые не умеют хранить своих преданий!

— Но, дорогой мой тесть, вы глубоко ошибаетесь! — протестовал Ольдгам. — Вы ошибаетесь, я должен заметить вам это, несмотря на все свое уважение к вам. Тут нет никакой славы, никакой легенды, никакого предания. Тут просто ошибка в личности и в имени, больше ничего.

— Захария, ты относишься ко мне непочтительно.

— Вам просто хочется проповедовать... Это у вас в крови... Вы так любите слушать самого себя.

— Захария!..

— Как! Вы решились заявить мне, что приняли участие в подписке в пользу тех людей, которые арестовали меня под столом, Фортескью, — заметьте это — и которые хотят меня повесить, чтобы самим прослыть героями... Это возмутительно!

— Захария!.. Змея, которую я отогрел на своей груди!..

— Убирайтесь вы с вашими змеями, легендами и преданиями, с вашими солдатами и подпиской. Я был глуп, потому что был слишком добр. Но мое терпение лопнуло, наконец. Я не могу...

— Негодяй! Неужели ты осмелишься поднять руку на отца своей жены?

— Нет, я не сделаю этого, только вы уходите, пожалуйста. Это будет гораздо лучше. Вы сами знаете, что мы и дома-то не можем пробыть вместе двух минут, не вцепившись друг другу в волосы.

— Бедная Бетси!.. Несчастливая Бетси!.. Какого отца я выбрал для твоих детей! — произнес Фортескью трагическим голосом, воздевая руки к небу. Потом прибавил плаксивым тоном: — Захария, мы не можем так расстаться!

— Ну, теперь за нежности... Сцена примирения... Знаю я все это, раз двадцать испытал... Впрочем, я на вас несколько не сержусь.

— Захария!

— Фортескью!

— Обними меня, Захария!

— Обними меня, Фортескью!

Тесть и зять крепко обнялись.

— Завтра я опять приду утешать тебя и ободрять, — объявил на прощание мистер Фортескью и величественно удалился из камеры.

Глава XII ПРОГУЛКА ПО ТЕМЗЕ

Как только ушел мистер Фортескью, в камеру вошел тюремщик Ольдгама и сообщил узнику, что его спрашивают десять солиситоров¹, предлагающих свои услуги для защиты его дела на суде.

— Я буду защищаться сам, — отвечал клерк Пеггама, знавший цену английским адвокатам.

— Это не в обычае, — возразил почтенный мистер Торнбрель, как звали тюремщика. — Не хотите ли вы поручить мне переговоры? Это не будет вам стоить ни одного пенса.

— Ну, если так, это другое дело. В таком случае, действуйте, как знаете.

Десять минут спустя тюремщик привел в камеру какого-то рыжего джентльмена на жердеобразных ногах и с головой хищной птицы, отрекомендовав его мистером Джошуа Ватерпуффом.

Ольдгам и адвокат просидели вместе часа два. О чем они беседовали — осталось тайной, но после ухода адвоката мистер Ольдгам сделался гораздо спокойнее. Он был бы еще спокойнее за свою судьбу, если бы знал содержание записки, полученной в это утро мистером Джошуа.

В записке значилось:

«Достопочтенный мистер Джошуа Ватерпуфф получит пять тысяч фунтов стерлингов, если ему удастся оправдать тоуэрского арестанта или устроить его побег.

«Грабители морей».

Мистер Джошуа был человек продувной, и покровители Ольдгама не могли сделать лучшего выбора. Это был постоянный адвокат всех столичных мошенников и злодеев, знавший отлично всех служащих в тюрьмах и имевший самые точные сведения о том, кого и за сколько можно подкупить.

Когда знаменитый адвокат вышел из тюрьмы, к нему подошел какой-то нищий и знаком пригласил следовать за со-

¹ С о л и с и т о р — адвокат.

бой. Бросив кругом быстрый взгляд и убедившись, что за ними никто не следит, мистер Джошуа свернул в глухой переулок и остановился.

Нищий не замедлил подойти и завязать разговор.

— Не правда ли, какая прекрасная погода, мистер Джошуа? Даже не по сезону.

— Действительно, — отвечал адвокат, — в Лондоне очень редко выдаются такие чудные дни.

— Не внушает ли вам это некоторого желания прокатиться по Темзе, мистер Джошуа? У меня наготове лодка с шестью гребцами... Превосходная лодка... Она сможет доставить вас, куда только вам заблагорассудится... Например, в Саутварк...

— В Саутварк?.. Да, там очень хорошо... Что же, я готов, благо, представляется удобный случай.

— Попробуйте, мистер Джошуа, вы не раскаетесь. Лодка стоит вот здесь, налево, в Сити, около моста.

Нищий пошел впереди, Джошуа Ватерпуфф следом за ним. Они скоро дошли до того места, где стояла небольшая изящная шлюпка. Нищий предложил адвокату войти в нее. Усаживаясь, мистер Джошуа повернулся к нищему спиной на несколько секунд, а когда обернулся, был очень удивлен: вместо грязного нищего в лодке сидел молодой, элегантный флотский офицер с капитанскими нашивками. Борода и парик были небрежно брошены на скамью.

— Кажется, я имею честь говорить с адвокатом мистером Джошуа Ватерпуффом? — спросил офицер.

— Совершенно верно, сэр.

— Пожалуйста, извините меня за это переодевание и вообще за странный способ знакомиться, но, так как я не знал вас в лицо, я боялся вместо вас обратиться к кому-нибудь из служащих при тюрьме. Подобная ошибка могла иметь для меня весьма прискорбные последствия.

— Я это понимаю. Одним неосторожным словом можно было все погубить, тогда как прогулка по Темзе...

— Осталась бы прогулкой по Темзе — и только, даже если бы вы оказались не мистером Джошуа Ватерпуффом, — с улыбкой договорил офицер.

— Предположим, что я не мистер Джошуа Ватерпуфф, — сказал, игриво улыбаясь, адвокат. — Что бы вы тогда сделали?

— Я бы выбросил вас в воду, проезжая под мостом, — ответил офицер, улыбаясь не менее игриво.

— Ах, черт возьми! — воскликнул адвокат. — Только вы, пожалуйста, не думайте, что ошиблись в моей личности: ошибки никакой нет.

— Но ведь я вам еще не сообщил ничего такого, чем бы вы могли злоупотребить,— возразил офицер.— Следовательно, вы ничем не рискуете... За весла, ребята! — прибавил он, обращаясь к гребцам.

«С этими людьми шутки плохи,— подумал Джошуа.— Вот никак не предполагал, что между «грабителями» есть офицеры флота».

Подгоняемая шестью парами весел, лодка быстро скользила по Темзе.

Офицер сел на скамейку рядом с адвокатом.

— Я вижу, мистер Джошуа, что запугать вас не так легко,— сказал он.

— Гм... Как вам сказать! В некоторых случаях, напротив, я бываю очень осторожен.

— В каких же это, например?

— Да вот хотя бы в данном случае. Ведь я не знаю даже, куда меня везут.

— Понимаю, к чему вы клоните, мистер Джошуа, но, к сожалению, не могу удовлетворить ваше любопытство.

— Ах, Бог мой, да я вовсе и не желаю ничего знать. Вы просили меня привести вам пример, вот я и привел его. В конце концов, человек я терпеливый и умею ждать, когда нужно. Часом раньше, часом позже, не все ли равно.

— И опять я принужден вас разочаровать, мистер Джошуа,— возразил офицер.— Вы ни через час, ни через полчаса, никогда не узнаете, куда вас везет эта лодка.

— Но ведь это низость! — возмутился адвокат, вскакивая на ноги и ожесточенно размахивая руками.— Это похищение!.. Это западня!.. Извольте меня сейчас же высадить на берег, иначе я начну против вас дело о незаконном лишении свободы.

— Помолчите, мистер Джошуа,— сказал офицер. И, вынув из-за пояса пистолет, он, как бы невзначай, направил дуло его на адвоката.

Почтенный солиситор, по-видимому, питал неизмеримое уважение к огнестрельному оружию, так как сейчас же успокоился и, усевшись на свое место, замолчал.

— Так-то лучше, сударь,— одобрительно заметил молодой человек, в котором читатель, наверно, узнал уже капитана Билля.— Вы становитесь благоразумны. Да, по правде сказать, оно и стоит того. Ради пяти тысяч фунтов стерлингов можно потерпеть немножко. А теперь я принужден буду завязать вам глаза, так как мы подъезжаем...

— Завязывайте, сэр,— жалобно простонал адвокат, побледнев, как мертвец.— Завязывайте, я всему покоряюсь.

— Подумайте, сударь,— ласково проговорил Билль,— если вам обещают пять тысяч фунтов стерлингов, значит, в ваших услугах нуждаются, поэтому вы можете быть совершенно спокойны за себя.

С этими словами он достал из кармана фуляровый платок и завязал им глаза мистеру Джошуа, который и не подумал оказать ни малейшего сопротивления.

— Я не злоупотреблю вашим терпением, сударь,— продолжал Билль.— Через пять минут повязка будет с вас снята.

И он громким голосом отдал команду гребцам:

— Легче, легче! Не ударьтесь бортом! Причаливайте!

Адвокат почувствовал, как лодка получила легкий толчок и остановилась. Где же они находились?

Джошуа рассчитал по времени, что дальше Саутварка они не уехали, но этим ограничивались его догадки.

Новый приказ, отданный капитаном, ясно показал ему, что лодка причалила к какому-то кораблю.

— Эриксон,— крикнул капитан,— бросьте нам веревку.

— Есть, капитан!

— Привяжите крепче это кресло.

— Есть, капитан!

«Очевидно, они не хотят, чтобы я видел и корабль,— подумал Джошуа,— и поднимают меня на борт со всеми почестями, на которые имеет право слепой».

Почтенный солиситор не ошибся.

Его усадили в приготовленное кресло и подняли на палубу. Там встретил его поднявшийся по трапу Билль и, взяв за руку, повел куда-то. Через несколько минут мистер Джошуа почувствовал у себя под ногами мягкий ковер. Дверь затворилась за ним, и повязка, как по волшебству, слетела с его глаз.

Глава XIII

ПЯТЬ ТЫСЯЧ ФУНТОВ СТЕРЛИНГОВ

Джошуа увидел, что находится в большом салоне, в котором, казалось, были собраны все богатства пяти частей света: кашемирские ковры, китайские и японские вазы, саксонский и севрский фарфор, венецианские зеркала в рамах из слоновой кости, разноцветный богемский хрусталь, гобелены, лионский бархат, русская кожа, редкие картины... Все это делало комнату похожей на какой-то музей редкостей.

Кроме адвоката и капитана Билля, в салоне сидели за

большим столом, заваленным книгами и морскими картами, два наших старых знакомца — Грундвиг и Гуттор.

Со времени исчезновения герцога Норландского и его брата, они признали начальником экспедиции Билля, несмотря на его крайнюю молодость — Биллю было всего двадцать два года, — но верные слуги Биорнов понимали, что его знания, ум и предприимчивость имеют перевес над их опытностью.

И им не пришлось раскаяться в своем решении.

Впрочем, Билль, со своей стороны, дал слово не предпринимать ничего важного без согласия своих старших друзей.

— Джентльмены, — сказал Билль, — имею честь представить вам достопочтенного Джошуа Ватерпуффа, одного из знаменитейших лондонских адвокатов, с которым вы пожелали познакомиться.

Гуттор и Грундвиг молча поклонились.

— Мистер Джошуа, — продолжал капитан, — позвольте представить вам двух моих лучших друзей, имена которых разрешите пока сохранить в тайне.

Адвокат кивнул в знак согласия головой и церемонно поклонился.

— Теперь разрешите объяснить вам, сударь, цель вашего вынужденного визита к нам, — сказал Билль, предлагая адвокату стул.

— Нет, почему же вынужденного? — с улыбкой запротестовал адвокат. — Ведь я получил сегодня утром ваше письмо и после этого был готов следовать за вами хоть на край света и перенести любые неприятности, которые вы бы пожелали причинить мне из предосторожности.

Друзья переглянулись с нескрываемым удивлением. К счастью, внимание Джошуа было отвлечено созерцанием чудес, наполнявших комнату, и он не заметил замешательства норландцев.

О каком это письме говорил адвокат? Не зная содержания письма, невозможно было продолжать разговор, иначе легко было попасть впросак и выдать себя.

Эта мысль пришла в голову сразу всем трем розольфсцам.

Бросив своим друзьям красноречивый взгляд, Билль ответил адвокату:

— Вы правы, но так как я вас знаю только понаслышке, то, прежде чем вступить с вами в деловой разговор, я хотел бы удостовериться в том, что вы подлинно являетесь тем, за кого себя выдаете. Ведь я совершенно случайно натолкнулся на вас и поверил вам просто на слово.

— Ваши сомнения легко рассеять, — возразил адвокат. — Вот письмо, которое я получил от вас.

И, вытащив из кармана письмо, он бросил его на стол. С трудом подавив волнение, Билль взял записку и, быстро пробежав ее глазами, передал своим товарищам.

— Прочтите,— сказал он.— Я и забыл сообщить вам содержание этого письма, посланного мною господину адвокату.

— Ну а теперь перейдем к делу,— продолжал он, когда Грундвиг и Гуттор ознакомились с запиской.— Нет сомнения, что перед нами действительно собственной персоной адвокат Джошуа Ватерпуфф... Сударь, можете ли вы завтра на суде оправдать несчастного Ольдгама? Доклад военного патруля — чистейшая выдумка от первого до последнего слова. Мы сами находились в то время в трактире «Висельник» и можем засвидетельствовать, что во время боя мистер Ольдгам сидел под столом ни жив ни мертв.

— Я-то знаю,— отвечал солиситор,— я с ним беседовал сегодня целых два часа и вынес убеждение, что он — совершенно безобидный и честный человек. Во всякое другое время этот процесс окончился бы среди взрывов всеобщего смеха. Но сейчас, когда умы всех возбуждены и выдумке патруля верят или, вернее, хотят верить, картина меняется. Слишком много лиц успело себя замешать в это дело, и оправдательный приговор поставил бы всех их в смешное положение. Поэтому я полагаю, что для мистера Ольдгама нет ни малейшей надежды. Он осужден заранее и бесповоротно. Из суда он выйдет прямо на эшафот.

Три друга вздрогнули.

— Понимает ли он свое положение?

— До сегодняшнего утра он ничего не признавал, но я ему разъяснил, и он стал плакать, как ребенок. Впрочем, мне удалось его успокоить, убедив его, что за него заступятся могущественные друзья.

— Теперь, сударь, я вам предложу второй вопрос. Можете ли вы устроить его побег и передать его с рук на руки одному из наших, который будет ждать его в лодке там, где вы укажете?

— И да, и нет. Я буду говорить откровенно... С самого утра я не переставал обдумывать способ спасти вашего товарища и пришел к выводу, что спасти его можно, если в мое распоряжение будет предоставлена достаточная сумма денег. В противном случае, ничего нельзя сделать.

— Мы вам предложили пять тысяч фунтов стерлингов, считая эту цифру вполне приличным гонораром за защиту на суде, но денежный вопрос затруднить нас не может. Мы хотим во что бы то ни стало спасти Ольдгама и за деньгами не постоим.

— В таком случае, его побег почти обеспечен, — отвечал Джошуа.

— Какую же сумму вы считаете необходимой для этой цели?

— Позвольте вам заметить, что это дело произведет громадный шум на всю Англию. Полиция перевернет небо и землю, чтобы открыть виновников побега, да открыть их будет и не трудно: первым делом схватятся за смотрителя Торнбулля, который отперет для узника дверь тюрьмы, и за адвоката Джошуа, который подкупит смотрителя. Оба они могут быть уверены, что их по головке не погладят, потому что, согласно специальному распоряжению, если какой-нибудь «грабитель» убежит из тюрьмы, вместо него будут повешены те, кто содействовал его побегу. Вы, конечно, понимаете, что мне и Торнбуллю придется бежать за границу, а для того, чтобы жить там прилично, нужны деньги.

— Потрудитесь же назначить сумму.

— Для смотрителя, я полагаю, достаточно будет ста тысяч франков, потому что, согласитесь, ведь он рискует не только местом, но и жизнью.

— Хорошо, мы согласны. А сколько потребуется вам?

— Я один из самых известных лондонских адвокатов. Определите сами, сколько я могу стоить.

— Нет уж, определяйте, пожалуйста, вы. У нас для этого нет никаких данных.

С минуту Билль сидел, глубоко задумавшись. Потом, обращаясь к адвокату, он сказал:

— Мистер Джошуа, если бы вам представился случай честно заработать еще четыре или пять миллионов и прибавить их к тому, который мы уже обязались вам выплатить, согласились бы вы воспользоваться этим случаем?

— Я был бы безумцем, если бы поступил иначе. Разумеется, представься мне подобный случай, я бы сейчас же схватил его за волосы.

Гуттор и Грундвиг поглядели на капитана с таким выражением, как будто хотели спросить его, не сошел ли он с ума.

Но Билль не обратил на них никакого внимания.

— Прекрасно, мистер Джошуа. Я хочу предложить вам именно такое дело, но прежде чем сообщить вам все подробности, я должен задать вам несколько вопросов, на которые попрошу вас отвечать с полной откровенностью.

— Даю вам слово быть откровенным.

— Хорошо. Скажите, пожалуйста, ведь вы, если не ошибаюсь, защищаете главным образом тех, которые, благодаря превратностям судьбы, попадают на скамью подсудимых?..

— Не бойтесь оскорбить меня. Скажем попросту: я — присяжный адвокат всех воров, мошенников, разбойников и убийц, обреченных на виселицу. Видите, я нисколько не стесняюсь! Я зарабатываю около полутора тысяч франков в год. Кроме того, в этом деле я тоже рискую жизнью. Следовательно, миллион франков не будет слишком дорогой ценою...

— Мы согласны, — сказал опять Билль, переглянувшись с товарищами.

Могли ли они скупиться, когда от спасения Ольдгама зависела судьба их господ? Если бы Джошуа запросил не один миллион, а два, то они все равно согласились бы. Но он не знал, какая причина побуждает их быть щедрыми, и удивился той легкости, с какою они согласились на его требования.

— Это еще не все, — продолжал, подумав с минуту, солиситор. — Вы должны будете дать нам убежище на своем корабле и перевезти нас во Францию.

— С удовольствием исполним ваше желание.

— Прежде чем уйти отсюда и приступить к делу, позвольте мне спросить вас еще об одной вещи.

— Сколько угодно.

— Не можете ли вы дать мне в помощники самого сильного матроса с вашего корабля? Он будет очень полезен для выполнения того плана, который я наметил.

— Извольте, с удовольствием, — отвечал Гуттор и кинул товарищам взгляд, означавший: «матросом буду я».

— Очень вам благодарен. Итак, я продолжаю. Случалось ли вам защищать кого-нибудь из членов общества «Грабители морей»? — спросил Билль.

— Никогда, никого!.. Ведь вы действуете... то есть, эти джентльмены действуют так дружно, что правосудие никак не может справиться с ними. Если и случалось властям иной раз словить кого-нибудь из «грабителей», то суд неизменно оправдывал подсудимых за недостатком улик... Несколько мелких дел, впрочем, было, и вел их почти всегда я.

— Но откуда же вы знаете, что вашими клиентами были члены преступного товарищества?

— Потому что гонорар за ведение этих дел каждый раз выплачивался мне через одного и того же человека, которого я имею основание считать одним из главарей общества.

— Как этого человека зовут?

— Не могу вам сказать.

— Почему?

— Это моя адвокатская тайна.

— Сколько вы за нее желаете?

— Я ее ни в каком случае не продам, а вам в особенности, потому что вы сами принадлежите к обществу. Ведь может случиться, что вы действуете из мести, или вам поручено произвести дознание о действиях этого человека.

— Вы ошибаетесь,— возразил Билль и прибавил наобум: — Пеггам никогда ничего во вред товариществу не делал и советы, которые вы ему давали, приносили нам только пользу.

— Ну вот видите!.. Я знал, что вам все известно. Вы хотели меня просто испытать, не способен ли я, выйдя от вас, донести обо всем генерал-атторнею.

Билль несколько минут молчал. Он узнал, что ему хотелось.

Джошуа был знаком с Пеггамом, который, конечно, не замедлит к нему прийти, чтобы посоветоваться насчет Ольдгама. Это вносило страшную путаницу во все его планы. Как теперь быть?

Глава XIV ДЕРЗКИЙ ПЛАН

И вдруг в уме Билля промелькнул необыкновенно простой и дерзкий план. Он задумал похитить Пеггама из квартиры солиситора.

Билль не сомневался, что бандит явится к адвокату один, так как он не любит действовать при свидетелях, и в сумерки, чтобы не попасть на глаза шпионам розольфсцев... А тогда все остальное с помощью богатыря Гуттора не представит особых затруднений.

Его размышления прервал адвокат.

— Вы мне не отвечаете,— сказал он.— Сознайтесь, что вам хотелось только испытать мою адвокатскую честность. О, теперь вы можете быть уверены, что солиситор Джошуа Ватерпуфф не выдаст доверенной ему тайны ни за какие миллионы. В этом честь нашей профессии, которая в противном случае не приносила бы нам никакого дохода, так как наши клиенты нередко вверяют нам не только все свое состояние, но и свое доброе имя. Секреты злодеев мы обязаны хранить так же свято, как и тайных честных людей.

— Ну да,— ответил Билль.— Я действительно хотел вас немного испытать, потому что вы для нас были... Впрочем, не будем об этом говорить. Я вижу, что вы человек, безусловно, честный, и в доказательство моего доверия к вам я сейчас выдам вам чек на миллион сто тысяч франков. Деньги вам

выплатит по первому требованию банкирская контора братьев Беринг. Это, как вам, конечно, известно, лучший банкирский дом в Сити.

Адвокат наклонил голову и улыбнулся. Перспектива получить гонорар вперед была ему, очевидно, как нельзя более по душе.

— Ну, а в случае успеха, — продолжал с лукавой улыбкой Билль в то время, как мистер Джошуа старательно прятал в бумажник драгоценный чек, — ваш гонорар будет удвоен.

Потом, видя полнейшее недоумение и растерянность на лицах Гуттора и Грундвига, Билль встал и попросил их следовать за собой.

— Извините, мистер Джошуа, если мы оставим вас одного минут на пять, — сказал он адвокату. — Мы должны обсудить одну незначительную подробность. Обещайте нам, что вы не будете открывать окон в каюте и стараться узнать, где вы находитесь.

— Даю вам слово.

Друзья вышли. В нескольких словах молодой человек сообщил Гуттору и Грундвигу свой смелый план, исполнение которого намеревался поручить Гуттору. Два человека, говорил он, могут вызвать подозрение у адвоката и, кроме того, они будут друг друга стеснять. Нужен один человек, сильный и ловкий.

Предложение Билля было принято с восторгом. Решено было, что Гуттор отправится к адвокату и дождетс там прихода нотариуса, а потом схватит его и доставит на борт «Олафа». Как это сделать — нельзя было предугадать заранее, оставалось положиться на опытность и благоразумие розольфского богатыря.

— Вот почему я и пообещал Джошуа удвоить его гонорар, — сказал в заключение Билль. — Ведь он, как-никак, будет невольно содействовать нашему плану.

— Пусть только Пеггам явится к адвокату, — сказал Гуттор. — Уж ему от меня не уйти.

Не прошло и пяти минут, как все трое вернулись в гостиную.

— Любезный мистер Джошуа, — обратился Билль к адвокату. — Мы долго искали для вас подходящего матроса, но не нашли. Ведь вам нужен человек не только сильный, но и толковый, а наши матросы хороши на море, на суше же неповоротливы и робки, если не выпьют водки; выпив же водки, они начинают бить стекла. Поэтому наш друг, Гуттор, решил оказать нам услугу и пойти с вами.

— Великолепно! — поддержал его адвокат. — Я только не

решался высказать свою мысль вслух, но уже давно решил про себя, что только ему следовало бы поручить похищение Ольдгама из тюрьмы.

— Стало быть, вы довольны?

— Вполне доволен.

— Когда же вы думаете отправиться?

— Да хоть сейчас, если вы ничего не имеете против. Лодка, которая нас отвезет, должна остаться около моста Сити и ждать там нашего возвращения. Может быть, мы вернемся поздно ночью...

— Это ничего не значит. Распоряжение уже сделано. Наконец, с вами будет Гуттор, следовательно, со стороны матросов нечего опасаться неповиновения. Кстати, вот что еще: быть может, к вам придет Пеггам. Пожалуйста, не говорите ему ничего о нас; пусть он думает, что вы спасаете пленника исключительно по его просьбе. Если он пожелает прибавить вам еще сотенку тысяч — принимайте не возражая... Наше общество разделено на две группы: на сухопутную, начальником которой является Пеггам, и на морскую; между обеими группами существует некоторое соперничество, и нам не хочется раздражать Пеггама. Мы им очень дорожим и не желали бы, чтобы он знал о нашем вмешательстве.

— Понимаю, — сказал адвокат. — И сделаю так, как вы того хотите.

Со стороны Билля это был очень ловкий прием. Теперь можно было рассчитывать, что Пеггам ничего не узнает, какой бы оборот ни приняло дело.

До сих пор обстоятельства складывались благоприятно для розольфсцев и все шло, как по маслу. Друзья были почти уверены в успехе. Наконец-то, после стольких дней глубокой скорби и тревоги они почувствовали, как надежда зарождается в них.

Доехав до Лондонского моста, Гуттор и Джошуа приказали старшему матросу дожидаться их с лодкой, а сами поспешно направились в Сити.

Глава XV В ЗАТРУДНЕНИИ

Все прохожие оглядывались на богатырский рост норландца. Случайно он встретился с проезжавшим мимо верхом на лошади гвардейцем и оказался выше того на целую голову. Собралась толпа и начала криками выражать свой восторг и удивление. Адвокату это не понравилось.

— Идите скорее,— сказал он своему спутнику.— Нам не следует обращать на себя так много внимания.

К счастью, адвокат жил очень недалеко от Тоуэра, где ему приходилось бывать по делам почти каждый день, поэтому они скоро избавились от назойливого любопытства сопровождавших их праздных гуляк.

Джошуа провел Гуттора в небольшую комнату рядом с кабинетом, в которую посторонняя публика не допускалась.

— Вот здесь вы будете ждать,— сказал он,— пока я пойду подготавливать побег вашего протеже. Вооружитесь терпением, потому что раньше ночи нам ничего нельзя будет предпринять: слишком уж вы бросаетесь в глаза с вашей фигурой. Если услышите звонок — не тревожьтесь. Посетителей впускает мой секретарь, и он знает, куда их провести. До свиданья!

Джошуа на минуту зашел к себе в кабинет, и Гуттор услышал голос секретаря, докладывавшего что-то своему патрону. Вдруг богатырь вздрогнул и насторожился.

— Скажите всем, кто будет меня спрашивать, что я сегодня очень занят и никого не принимаю,— говорил с нетерпением Джошуа.

— Как? Даже Пеггама? — переспросил секретарь.— Но ведь он сегодня должен зайти по известному вам делу.

— Пеггама можете пригласить в кабинет и посидеть с ним,— отвечал Джошуа более мягким голосом.— Попросите его дождаться меня... Кстати, любезный Перси, на нынешний день я вас попрошу обуздать свое любопытство и не заглядывать в соседнюю комнату: там у меня один гость, он очень устал с дороги и отдыхает. Не беспокойте его ни под каким предлогом.

— Слушаю, сэр,— отвечал клерк.— Ваше желание будет исполнено.

Затем Гуттор услышал шум удаляющихся шагов и стук входной двери.

Джошуа ушел.

Гуттор остался один.

Радость его, когда он узнал, что к адвокату придет Пеггам, была велика. Он был уверен, что овладеет бандитом. Правда, в квартире оставался клерк, но что значит один человек для Гуттора? Как только появится Пеггам, он свяжет его, заткнет ему рот, завернет в ковер и отнесет в лодку. Если же адвокат вернется раньше назначенного времени и вместе с клерком попытается оказать сопротивление Гуттору, то богатырь сумеет справиться с ними обоими. Словом, Гуттор не

признавал никаких препятствий, раз дело шло о том, чтобы спасти его молодых господ.

Но когда прошел первый момент возбуждения, он взглянул на все это дело гораздо трезвее и понял, что столь поспешно выработанный им план действий в сущности никуда не годится. Квартира Джошуа была расположена на Оксфорд-Стрит, одной из самых людных улиц лондонского Сити. Достаточно было адвокату или его клерку крикнуть из окна, чтобы сейчас же к ним на помощь сбегалась толпа, которая во всяком случае оказалась бы сильнее Гуттора, несмотря на всю его богатырскую силу. Таким образом, норландцу приходилось отказаться от своего смелого замысла.

Успех был обеспечен ему только в случае отсутствия адвоката и его клерка. Что же теперь делать? Не попробовать ли подкупить адвоката?

Об этом нечего было думать после того, как Джошуа утром изложил свой взгляд на сущность адвокатской практики. Очевидно, Джошуа считал Пеггама одним из своих клиентов и ни за какие миллионы не согласился бы предать его в руки врагов.

С другой стороны, быть может, все это было сказано с целью увеличить себе цену? Может быть, адвокат не устоит, если ему набавить еще один миллион? А если он откажется? Тогда все дело будет испорчено.

Несчастный Гуттор испытывал настоящее мучение. Он уже рассчитывал, что вот-вот освободит обоих Биорнов, — и вдруг все его планы рассыпались в прах! На беду, ему и посоветоваться было не с кем.

Неужели ему придется слышать за стеной голос Пеггама и не быть в состоянии ничего, решительно ничего предпринять? Нет, это было бы выше его сил. Он не выдержал бы тогда и наделал бы массу глупостей.

Время шло, а Гуттор ничего не мог придумать.

Машинально встал он со стула, на котором сидел, и подошел к двери кабинета. Ему внезапно захотелось взглянуть, что за человек секретарь мистера Ватерпуффа. После минутного колебания он отворил дверь, за которой оказалась толстая портьера; осторожно раздвинув ее, Гуттор увидел клерка. Тот сидел за столом и писал. Это был мужчина лет сорока, с первого взгляда — тип канцелярского чиновника вроде Ольдгама. Но при более внимательном взгляде лицо клерка поражало выражением крайней жестокости во всех чертах. Что-то холодное, хищное и злобное светилось в его кошачьих глазах с зеленым отливом, а рот с огромными, выдающимися

челюстями кривился в отвратительную улыбку... Но странно, в спокойном состоянии лицо клерка ничего не выражало, кроме беспечности и простоты, так что Джошуа, знавший мистера Перси только под этой маской, часто говаривал про него:

— О, что касается Перси, то ему, бедненькому, пороха не выдумать.

Глава XVI ПОХИЩЕНИЕ

Но в этом почтенный солиситор глубоко заблуждался.

Перси был вовсе не такой простак, каким он его считал. Джошуа даже и не догадывался, что его клерк был правою рукою Пеггама, который нарочно устроил ему это место, чтобы иметь своего человека при адвокате. Пеггам очень любил Перси и не имел от него никаких тайн. Вообще, давно замечено, что самые закоренелые злодеи чувствуют настоятельную потребность делиться с кем-нибудь своими злодеяниями, быть может, для того, чтобы хоть некоторую долю нравственной ответственности сложить на другого.

Перси исполнял в Лондоне должность начальника тайной полиции «Грабителей». В его обязанность входило следить за действиями полиции и немедленно доносить Пеггаму обо всех мерах, которые принимались против преступного общества. После всякого нового преступления высшая администрация рассылала строгие циркуляры; начинались обыски и выслеживания, и, в конце концов, кто-нибудь из «грабителей» непременно бы попадался, если бы не Перси. Имея в качестве клерка Джошуа доступ во все канцелярии, он всегда вовремя узнавал обо всех секретных распоряжениях и давал о них знать кому следует. Таким образом, Перси оказывался главным виновником той безнаказанности, которою пользовалась злодейская шайка.

Равным образом, когда кто-нибудь из «грабителей» попадался на незначительном проступке, например, на буйстве, драке или пьянстве, и его сажали в тюрьму, то дело его поручалось вести тому же самому Перси. И он старался, чтобы преступник был как можно скорее освобожден из тюрьмы, пока еще не почувствовал прилива откровенности и не проболтался в чем-нибудь товарищам по заключению или тюремному начальству.

Отношения между Пеггамом и Перси были какие-то странные. Пеггам любил Перси настолько, насколько был вообще

способен кого-нибудь любить, и смотрел на него как на сына. Перси, наоборот, не питал к нотариусу ни малейшей привязанности и смотрел на него исключительно как на человека, с помощью которого он может добиться собственного благополучия. Правда, Перси десять лет служил товариществу верой и правдой, не жалея ни времени, ни сил, но в то же время он постоянно думал о той минуте, когда ему выплатят хороший куш в награду за его услуги и он сможет распрощаться с этой шайкой. Пеггам обещал заплатить клерку по истечении десяти лет сто тысяч фунтов стерлингов за его труды на благо «общества». Эти десять лет уже прошли, и Перси потребовал от Пеггама условленную сумму. Но старый хитрец понимал, что, как только эта сумма будет выплачена, Перси сейчас же перестанет быть им полезным, между тем чичестерскому нотариусу не хотелось лишаться друга и незаменимого сотрудника. Поэтому начальник «Грабителей» настойчиво предлагал Перси заключить новый контракт по крайней мере еще лет на пять.

Но Перси стоял на своем и не шел ни на какие сделки.

— Вы сами эту сумму мне обещали, — говорил он. — И не можете утверждать, что она слишком велика. За десять лет своей службы я доставил вам более пятидесяти дел, которые принесли вам неисчислимые выгоды. Уже одно последнее дело, а именно операция с адмиралом Коллингвудом, доставило вам половину того, что я с вас требую. Можно даже считать, что за последнее дело вы получили дважды гонорар, так как благодаря мне вы узнали, что Надод собирается бежать с вашими деньгами в Америку.

— Я не о цифре говорю, — сказал Пеггам. — Мне только жаль с тобою расставаться. Ты мне разбиваешь сердце, Перси... Ведь я всегда любил тебя как сына...

— Уговор дороже денег, — холодно возразил клерк. — Вы дали обязательство и должны его исполнить... Что же касается того, что я будто бы разбиваю вам сердце, то это, позвольте вам сказать, одни глупости. Как могу я разбить вам то, чего у вас нет? Когда вас после смерти выпотрошат, то в груди у вас вместо сердца окажется мешок с деньгами. Но довольно о пустяках. Десять лет прошло. Я свою обязанность исполнил, исполняй же и ты свое слово, старик. Выкладывай деньги.

Грубый тон Перси несколько не оскорбил Пеггама. Очевидно, клерк вымещал на нотариусе все неудобство своего подчиненного положения у Джошуа и все те выговоры, на которые не скупился почтенный солиситор. Перси ни за что не стал бы служить у Джошуа, если бы не та громадная выгода, которую извлекали из этой службы «грабители».

— Но послушай, мой милый,— отвечал Пеггам,— подожди еще пять лет. Это уж будет последний срок, и тогда я выплачу тебе двойную сумму.

— Нет-нет, старик, довольно с меня!.. Уж ты лучше и не проси. Мне хочется наконец пожить как следует, в полное свое удовольствие. Годы мои уходят, я не могу больше ждать. Все, что я могу для тебя сделать...

— Что именно? — спросил старик с новой надеждой в голосе.

— Это подождать двадцать четыре часа.

Выражение печали и мрачной угрозы появилось на лице негодяя. Перси был единственным человеком, которого Пеггам любил, думая, что и тот ему платит взаимностью. Каково же было ему теперь убедиться в том, что этой взаимности нет и никогда не было!

— Ты все шутишь,— сказал он с нехорошей усмешкой.

— Нисколько. Я веду переговоры о покупке в графстве Варвик одного большого барского имения. Предварительное условие уже подписано, и не позднее четырех часов завтрашнего дня я должен иметь в своих руках сто тысяч фунтов стерлингов, в противном случае...

Клерк не договорил, но сделал угрожающий жест.

— Договаривай,— сказал нотариус.— Ты решился меня убить, не так ли?

— Нет, я до тебя пальцем не дотронусь, потому что вовсе не желаю за это попасть в руки палача. Но знай, что если завтра я не получу от тебя денег, то вынужден буду прибегнуть к различным способам для того, чтобы добыть их в другом месте.

— Могу узнать, какой это способ?

— Не способ, а способы. Их целых два. Какие они — я тебе не скажу. Это не твое дело.

С этими словами Перси и Пеггам расстались.

В тот день, когда Гуттор отправился к адвокату, Перси ожидал Пеггама, обещавшего принести ему решительный ответ. До прихода нотариуса оставалось всего полчаса.

Внимательно рассмотрев клерка через щелку портьеры, Гуттор пришел к заключению, что этого человека легко будет подкупить деньгами, и машинально поднес руку к боковому карману, где у него лежала книжка чеков на банкирский дом братьев Беринг. Собственно говоря, это не были чеки в том смысле, в каком мы их теперь понимаем. До теперешних чековых книжек тогда еще не додумались. Это были просто векселя или квитанции на предъявителя, каждая стоимостью в определенную сумму.

Гуттор решился уже войти в кабинет и заговорить с клерком, как вдруг по всему дому прозвучал громкий и резкий звонок.

«А что, если это Пеггам?» — подумал с ужасом богатырь.

— Здравствуй, Перси, — сказал вошедший разбитым старческим голосом.

— Здравствуй, Пеггам, — отозвался клерк. — Ты пришел раньше, чем обещал.

Гуттор почувствовал дрожь... Увы! Это действительно был Пеггам. Ах, если бы он успел раньше сговориться с клерком. Теперь же нечего было и думать о похищении.

— Боже, просвети меня! Боже, наставь меня, укажи, что мне делать! — в отчаянии взмолился богатырь. — Имею ли я право убивать ни в чем не повинного человека, чтобы овладеть злодеем?

Войти в комнату, схватить Пеггама и ударом кулака уложить клерка было бы для Гуттора самым легким делом. В эту решительную минуту он ясно представил себе Фредерика и Эдмунда Биорнов закованными в цепи и рванулсЯ было в кабинет.

Но вдруг богатырь услышал странные слова, поразившие и взволновавшие его. Он остановился и прислушался.

Пеггам нетерпеливым тоном возражал клерку:

— Ах, ты все о своем!.. Мне, право, некогда сегодня толковать об этом... И что ты беспокоишься? В конце концов, мы всегда с тобой сговоримся...

Участь клерка была решена: Гуттор убедился, что он — сообщник Пеггама, и уже собрался войти в кабинет, как вдруг до ушей его долетел ответ Перси.

— Напрасно ты, Пеггам, издеваешься надо мной, — говорил клерк. — Как бы тебе не пришлось раскаяться. Гляди, старик, вот часы: когда на них стрелка покажет пять минут после четырех — будет уже поздно.

— Что мне до твоих дел! У меня есть заботы и поважнее. Ты разве не знаешь, что полиция арестовала моего клерка Ольдгама, без которого мне трудно обойтись?

— Ну что ж такого! Джошуа устроит ему побег. Не ты ли сам писал сегодня об этом солиситору? Но это меня ни сколько не касается. Я хочу покончить наше дело, а чтобы ты не говорил, что я поступаю предательски, потрудись узнать способы, какими я надеюсь получить причитающуюся мне сумму, в случае, если ты откажешься уплатить мне ее сейчас. Вот мой первый способ: совет ольдерменов и лорд-мэр обещали пятьдесят тысяч фунтов тому, кто выдаст властям начальника «Грабителей», хотя бы доносчик и сам был соуча-

стником преступного товарищества. Это только половина нужной мне суммы. Суперинтендант полиции обещал двадцать пять тысяч, а разные лондонские корпорации в общей сложности еще тридцать тысяч. Таким образом, я могу получить на целых пять тысяч больше, чем мне обещано вами.

Пеггам бросился в кресло, откинулся на спинку его и громко захохотал.

— Ох, уморил!.. Так ты собрался на меня доносить? Нет, я в жизни своей не слыхал ничего смешнее. Ох, батюшки!..

Он разом прекратил хохот, нервно встал и, нахмутив брови, посмотрел на Перси злобно и угрожающе.

— Дурак! Жалкий дурак! — произнес он голосом, дрожавшим от гнева. — Ты забываешь, что я держу в своих руках честь нескольких десятков знатных фамилий Англии, что, как только ты раскроешь рот, на тебя наденут смирительную рубашку и посадят в Бедлам, где ты сгниешь. Ну, мой милый, каков же твой второй способ? — продолжал Пеггам, меняя грозный тон на иронический. — Интересно узнать. Если он так же остроумен, как и первый, то это делает честь твоему уму, твоей изобретательности.

Легко себе представить, с каким интересом слушал Гуттор беседу двух негодяев.

Перси позеленел. Лицо его приняло такое свирепое выражение, что всякий, кроме Пеггама, мог бы прийти в ужас.

— Ты молчишь, дурачок? — продолжал чичестерский нотариус. — Ну так, стало быть, наш разговор окончен. Вот мое последнее слово: ты будешь служить нам еще пять лет и получишь обещанную тебе плату, после чего можешь уходить на все четыре стороны. И знай: ничто в мире не заставит меня переменить это решение.

— Берегись, Пеггам! — вскричал Перси. — Берегись, не доводи меня до крайности! Выслушай меня, в свою очередь: между твоими врагами есть такие, которым мне стоит только шепнуть словечко... Возьмем, к примеру, лорда Винчестера, отец которого был найден зарезанным в своей постели, или леди Лонгсдэлл, чей муж погиб столь трагическим образом! Как ты полагаешь, если бы я их спросил: «Не хотите ли вы отомстить убийцам вашего отца или вашего мужа... за сто тысяч фунтов стерлингов я вам выдам их», — разве задумались бы они хоть на минуту?

— Это всё? — спросил Пеггам, все так же иронически улыбаясь.

— Нет, негодяй, не всё, потому что есть люди, которые с удовольствием заплатят и еще дороже.

Перси, сильно жестикулируя, встал между дверью и своим собеседником.

— Что же это? — насмешливо спросил атаман «грабителей». — Уж не собираешься ли ты мне помешать выйти отсюда?

— Неужели ты думаешь, старый злодей, — продолжал, не слушая его, Перси, — неужели ты думаешь, что если я явлюсь к Эрику Биорну и скажу ему: «Хотите отомстить за смерть вашей сестры Леоноры и ее детей, утопленных в море? Хотите освободить своих братьев из плена? Дайте мне двести тысяч соверенов, и я выдам вам виновника этих злодейств»...

Перси не договорил.

— Принимаю! — раздался вдруг за портьерой зычный голос.

Портьера раздвинулась, и в дверях появилась внушительная фигура Гуттора.

Из груди Пеггама вырвался хриплый крик ярости. Негодяй хотел бежать, но богатырь схватил его за горло и, обращаясь к Перси, который был поражен его появлением не менее нотариуса, сказал:

— Я даю вам двести тысяч фунтов стерлингов... Этот человек мой!

— Ваш... — пролепетал почти бессознательно Перси.

— Негодяй! — взревел Пеггам. — Ты мне дорого за это заплатишь!

Больше ему не дали произнести ни слова. Гуттор заткнул ему рот, завернул его в ковер и побежал вон из комнаты.

В дверях он обернулся и торопливо бросил клерку, растерянно стоявшему посреди кабинета:

— Ровно через полчаса я вернусь и заплачу вам условленную сумму.

Под покровом сгустившихся сумерек Гуттор благополучно добрался до своей лодки. Сняв с пленника ковер, он сунул его в люк под палубой и запер на замок.

Потом богатырь спокойно вернулся в квартиру Джошуа, который еще не приходил.

Глава XVII НА СВОБОДЕ

Гуттор застал Перси в самом мрачном настроении.

Полученная за предательство награда не радовала клерка. Он предвидел, что Пеггам раньше или позже окажется на свободе и тогда не остановится ни перед чем, чтобы жестоко

отомстить ему. Он даже не поручился бы, что ближайшую ночь проведет у себя в постели. Но что мог он предпринять сегодня? Контора братьев Беринг, несомненно, уже заперта, а завтра... Завтра, быть может, Пеггам примет меры, чтобы он не смог получить оттуда деньги по чеку и не покинул Англии.

— Вы будете отомщены,— сказал клерк Гуттору,— но я погиб.

— Погибли? — удивился богатырь.

— Ну конечно. Ведь вы похитили Пеггама для того, чтобы потребовать у него освобождения герцога Норландского и его брата в обмен на его собственную свободу.

— Это верно.

— Вот видите, значит, я прав, называя себя погибшим человеком. Как только злодей будет освобожден, он примется за меня, и тогда мне не избежать его мести.

— В таком случае бегите... Уезжайте немедленно из Англии, только не во Францию, а в Голландию. В Нидерландах вы легко разменяете наш чек.

Перси показалось, что этот совет дает ему новую надежду на спасение.

— Благодарю вас! — воскликнул он. — Вы мне подали превосходную мысль... Как это мне раньше не пришло самому в голову. О, сударь, если я спасу свою жизнь, я буду этим обязан исключительно вам. Я уеду сейчас же, как только вернется мой патрон.

Было уже очень поздно, когда пришел Джошуа. Он принес утешительные новости. Пять тысяч фунтов стерлингов сделали свое дело. Смотритель тюрьмы объявил, что готов закрыть глаза на все, что будет происходить в эту ночь. Но труднее всего было вывести Ольдгама незаметно из тюрьмы. Однако изобретательность знаменитого адвоката нашла выход и из этого положения. Он купил большую плетеную корзину и наполнил ее съестными припасами. Эти продукты Гуттор должен был отнести в тюрьму Ольдгаму, а на обратном пути, опорожнив корзину, унести в ней узника.

Все произошло так, как и было рассчитано. Явившись в камеру Ольдгама, Гуттор разложил перед ним все яства, а затем, прежде чем несчастный узник успел что-нибудь сообщить, он запихал его в корзину и взвалил на плечи.

Благополучно миновав тюремные ворота, богатырь направился со своей ношей к берегу Темзы. Ожидавшая их там лодка доставила похитителя и похищенного на борт «Олафа».

Нечего говорить, с каким восторгом и радостью они были встречены Грундвигом и Биллем.

Перевалило уже за полночь, когда через Саутварк прошел отряд человек в пятьдесят и остановился на берегу около сходни номер тридцать восемь.

— Эй!.. Бриг «Олаф»!.. Эй!.. — прозвучал в темноте чей-то громкий окрик и далеко разнесся над водой.

— Кто идет? — раздалось с корабля, темный силуэт которого слабо вырисовывался в тумане в нескольких десятках ярдов от берега.

— Биорн и Норланд! — отвечал первый голос.

От брига отделилась лодка. Послышался равномерный всплеск от ударов весел по воде.

— Причаливай! — крикнул дрогнувшим голосом Билль.

Спустя несколько секунд Грундвиг, Гуттор и молодой капитан покрывали поцелуями и слезами руки Фредерика и Эдмунда Биорнов, а те, в свою очередь, обнимали своих верных слуг и друзей.

Немного поодаль стоял небольшой человек и, скрестив на груди руки, молча наблюдал за происходившей сценой. Это был Пеггам, получивший свободу одновременно с Биорнами.

Когда лодка, увозившая герцога Норландского и его брата, отъехала от берега, человек, стоявший на берегу, крикнул:

— Берегись, Фредерик Биорн! Теперь между нами война не на жизнь, а на смерть!

Герцог презрительным молчанием ответил на этот вызов, но пылкий Гуттор не выдержал.

— Мы принимаем твой вызов, Пеггам! — ответил он. — И не успокоимся до тех пор, пока не разрушим твоего проклятого гнезда, а твоим телом не накормим рыб!..

Глава XVIII ЗАЖИВО ПОГРЕБЕННЫЙ

Прошло только два дня после описанных выше событий, а карающая рука зловещего Пеггама уже настигла изменника.

В одном из подземелий дома на Блекфрайярссе собралось четыреста или пятьсот «грабителей». Пеггам пригласил их сюда для суда над Перси. Посланные во все концы шпионы отыскивали несчастного клерка в одной из гостиниц в Глазго. Ночью, во время сна, его схватили и привезли в Лондон.

Напрасно валялся несчастный в ногах у своего бывшего друга и молил пощадить его, — нотариус был непреклонен. Его прежняя любовь к Перси уступила место жестокой ненависти. Он был приговорен к мучительной и медленной смерти, и приговор тут же был приведен в исполнение. Сначала

ему вырвали раскаленными добела щипцами язык, а потом зарыли в землю по самые плечи и оставили одного в грязном и вонючем подземелье. Там он должен был умереть от голода и жажды.

Несмотря на полученное жестокое увечье, несчастный клерк продолжал с упорством цепляться за свою жалкую жизнь. Он думал о тех миллионах, которых добивался всю жизнь и которые он успел спрятать в надежное место. Неужели он умрет теперь, когда его мечта сбылась и все наслаждения жизни открыты для него!.. Умереть, обладая пятью миллионами франков! О, это было бы слишком ужасно!

Перси прекрасно сознавал, что на этот раз его песенка спета. И все же где-то глубоко в его сердце таилась искра надежды. На что мог он надеяться? Он сам не знал этого. Но ведь случилось же так, что бандит, которому было поручено вырвать у него язык, оторвал всего только небольшой кусочек его. Благодаря этому кровотечение скоро остановилось, и рана уже почти затянулась. Нет, Перси не хотел умирать. Он останется жить и отомстит гнусному Пеггаму!.. Внезапное возбуждение заставило его на время позабыть о боли.

Когда Перси зарывали в яму, он инстинктивно прижал руки к груди. Это незначительное обстоятельство оказало ему огромную услугу. Если бы он держал руки опущенными вниз, он не смог бы теперь ими двигать. В таком же положении он сохранил около груди немного свободного места и, шевеля руками, понемногу увеличивал это свободное пространство. О, если бы ему удалось высвободить руки!.. Если бы ему удалось это!.. Делая отчаянные усилия, он чувствовал, что земля разрыхляется кругом и понемногу поддается.

Так прошло около часу, а может быть, и больше.

Вдруг до слуха Перси донесся смутный, отдаленный гул, как будто где-то что-то катилось. Гул приближался и становился слышнее. Казалось, он исходил из сточных труб, соединявших подземелье с другими клоаками Сити.

Обеспокоенный клерк прислушался, и когда он понял, что означает этот шум, лицо его покрылось холодным потом и волосы на голове встали дыбом.

Уже совсем близко был слышен тонкий писк и топот маленьких ног, как будто мчался отряд лилипутской кавалерии. Это были крысы подземных клоак Сити. И наконец с шумом, подобным водопаду, маленькие отвратительные животные ворвались в подземелье. Сперва они держались на некотором расстоянии от человеческой головы, но понемногу осмелели и стали приближаться ближе и даже обнюхивать ее.

В воздухе распространился сильный специфический за-

пах, свойственный всем грызунам. Несчастный клерк ощущал на своем лице прикосновение мягких шкурок. Ужас, отвращение, страх быть съеденным заживо охватили Перси. В темноте сверкали тысячи маленьких светящихся точек, слышалось шелканье острых зубов.

Перси напрягал последние силы, стараясь высвободить руки. Глаза его вышли из орбит, в висках стучало от страшного прилива крови... О, ужас, одна из крыс схватила его зубами за ухо... Несчастный не мог даже кричать. Но в этот момент земля уступила его усилиям и рассыпалась, освободив грудь и руки клерка. Испуганные крысы разбежались.

Вытянув вперед руки, Перси шарил впотьмах вокруг себя, отыскивая что-нибудь, что могло бы облегчить ему работу. О, радость! Ему под руку попала небольшая лопатка, которая недавно еще служила для того, чтобы похоронить его заживо. С ее помощью дело пошло быстрее. Держа лопату вертикально перед собой, он разрыхлял плотно утрамбованную землю. Вскоре уже он был в состоянии выбраться из ямы.

Преисполненный самой жгучей ненависти и горя жаждой мщения, Перси медленно поднимался по лестнице, ведущей из подземелья на первый этаж дома. В руке он крепко сжимал железную лопатку. Если бы Пеггам ночевал дома, он бы уже никогда больше не совершил ни одного преступления. Но, к счастью своему, злодей отсутствовал.

Обежав босиком весь дом и удостоверившись, что в нем нет ни одной живой души, Перси рискнул зажечь лампу. При свете ее увидел он царивший в доме беспорядок. На своих местах оставалась только мебель. Видно было, что хозяева поспешно собрали все вещи и выбрались отсюда.

— Должно быть, он уехал надолго, — решил Перси.

Он отправился в гостиную и, подойдя к одной из стен, открыл только ему известную потайную нишу и достал оттуда сверток пергамента. На свертке было написано: «Морская карта Безымянного острова».

— Вот оружие моей мести, — подумал он с кровожадной улыбкой.

Никогда, даже в минуты наибольшего откровения, не проговорился бы Пеггам своему клерку про этот исключительно важный документ, без которого немислимо было отыскать в Ледовитом океане таинственное убежище «Грабителей». Воспользовавшись тем, что нотариус однажды вышел на минуту, забыв свой портфель, Перси похитил у него эту карту. Для чего он это сделал? Неужели у него уже тогда явилось предчувствие, что этот документ ему впоследствии пригодится?

Старый Пеггам скорее пожертвовал бы всеми миллионами, чем секретом своего острова. Говорили, что остров этот — одно из величайших чудес мира.

Ни один мореплаватель не подходил к этому острову. Сама природа позаботилась уберечь его, скрыть от посторонних глаз.

Иногда Пеггам говорил:

— Этот остров по праву следовало бы назвать Невидимым, а не Безымянным.

Один раз Перси выразил свое удивление тому обстоятельству, что существует невидимый остров среди открытого моря. На это старик раздраженно ответил:

— А разве звезды видны днем? Они теряются в более сильном свете солнца. Я не говорю, что то же самое происходит с моим островом, но природа при помощи одного феномена позаботилась сделать так, что тысячи кораблей проходят мимо острова, не замечая его. Напротив, все они в ужасе бегут подальше от тех вод, и разве только безумец или самоубийца рискнет пойти на верную смерть в опасные водовороты, которые там клокочут.

Первое впечатление Перси было, что это бред сумасшедшего, но впоследствии из разговоров с капитанами, состоящими на службе у «Грабителей», он вынес убеждение, что невидимый остров все же существует и находится где-то среди туманов Севера. Теперь, обладая этой картой, Перси замыслил страшное дело, он решил отомстить Пеггаму, разрушив Безымянный остров, а самого его подвергнув тем же пыткам, каким был подвергнут он сам. Но для полного успеха задуманного предприятия нужно было заручиться содействием кого-нибудь из тех, кто уже бывал на Безымянном острове хотя бы один только раз. Тогда можно было бы явиться к герцогу Норландскому и сказать ему:

— Давайте соединим наши силы и нашу ненависть для мести общему нашему врагу. Я предоставляю вам возможность проникнуть в убежище подлеца Пеггама, чего вы никогда не достигли бы без моей помощи...

Нужный человек имелся у Перси под рукой. Это был трактирщик Боб, который прежде служил в товариществе «Грабителей» капитаном корабля, но был лишен этого звания за беспросыпное пьянство и получил в качестве вознаграждения за былые заслуги таверну «Висельник»... Но согласится ли Боб на измену Пеггаму? Можно было почти с уверенностью сказать, что нет.

Пока Перси стоял на первом этаже дома и обдумывал все эти вопросы, стукнула дверь, выходившая на улицу. Это воз-

вращался Пеггам. Осторожный старик, собиравшийся уехать из Англии на шести кораблях с шестьюстами бандитами, вдруг почувствовал странную тревогу и поспешно вернулся домой, чтобы узнать, умер ли Перси.

Узнав походку нотариуса, Перси засмеялся, он находился в состоянии какой-то экзальтации. «Сам дьявол или Бог посылает его сюда», — подумал он и с удовольствием взглянул на свои огромные мускулистые руки с костлявыми пальцами, похожими на крючья...

Затем, не погасив даже лампы, стоящей на камине, бывший клерк адвоката Джошуа спрятался в маленькой уборной, оставив дверь туда открытой.

Глава XIX

ВРАГИ

Еще поднимаясь по лестнице, Пеггам увидел в доме свет. Это чрезвычайно удивило его. «Неужто я забыл погасить лампу? — подумал он. — Да нет же, я хорошо знаю, что погасил ее перед тем, как уйти... Впрочем, я, может быть, и ошибаюсь, потому что дверь заперта на ключ. Я сам ее запер и, очевидно, ее никто после меня не отпирал. К тому же в доме все тихо и не слышно ни малейшего шороха. Но почему так странно на меня действует эта тишина? Неужели я начинаю бояться? Но чего же? Ах, какое ребячество!»

И все-таки он в нерешительности остановился и не поднимался по лестнице. Как будто какое-то подсознательное чутье сигнализировало ему об опасности.

Что же побудило его сойти с корабля и вернуться в свое покинутое жилище?

Хотелось ли ему полюбоваться на череп своего врага, обглоданный крысами, или послушать его предсмертные стоны?

Он продолжал стоять, не двигаясь и прислушиваясь к тишине, которая казалась ему томительной и угрожающей. Однако нужно было, в конце концов, на что-нибудь решиться. Положение становилось смешным. Чтобы рассеять охвативший его беспричинный страх, Пеггам крикнул громким, но слегка дрогнувшим голосом:

— Эй! Кто там есть?

Ответа не было.

Нотариус решительными шагами вошел по лестнице. Войдя в гостиную, он в изумлении остановился, увидав открытой нишу, которую Перси позабыл закрыть.

«Кто-то здесь был! — подумал он. — Об этой нише я до сих пор и понятия не имел. Очевидно, сюда приходил кто-нибудь из моих домашних, потому что посторонний человек не стал бы тут ничего прятать».

Он возвысил голос, стараясь сделать его твердым, несмотря на внутреннее волнение:

— Пусть тот, кто спрятался здесь в доме, немедленно покажется мне на глаза. Только с этим условием я прощу ему его дерзкую выходку. Прятаться от меня все равно бесполезно. Я обыщу весь дом, и тогда спрятавшийся пусть уж пеняет на самого себя: я поступлю с ним, как с простым вором.

Несмотря на эту угрозу, в доме продолжало царить полное безмолвие.

Тогда Пеггам почувствовал, как ужас забирается в его душу. Впервые в своей жизни бесстрашный старик ощутил, как дрожат его ноги и руки. Тщетно боролся он с охватившей его слабостью. Его нервы, обычно такие крепкие, не повиновались усилиям воли.

И все-таки было что-то такое в этом доме, в этой немой тишине, что разум его был бессилен объяснить, но инстинкт говорил: «Берегись! Берегись!» — и он верил своему инстинкту.

Он больше не сомневался: в доме была опасность, и нужно было отыскать ее и узнать, в чем она заключается.

Пеггам направился к уборной. Эта комната была так мала, что обыскать ее не представляло никакого затруднения.

Если бы кто-нибудь видел, какими робкими шагами крался нотариус Пеггам, тот ни за что не поверил бы, что этот человек приводил в трепет не только Англию, но и всю приморскую Европу. Старик, не входя в комнату, просунул в дверь голову и заглянул. Но этого было достаточно.

Кровь застыла у него в жилах, дыхание остановилось... Прямо перед ним, с искривленным от бешенства лицом и горящими глазами, стоял Перси. Пеггам невольно попятился назад, и Перси пошел на него, вытянув вперед свои длинные костлявые руки. Шаг за шагом отступал назад нотариус, и шаг за шагом наступал на него человек, с которым он поступил так жестоко.

Пеггам понимал, что его единственный шанс на спасение заключался в бегстве, но он боялся повернуться спиной к своему врагу. Нотариус имел все основания бояться, так как перед ним находилось полубезумное существо. Время от времени Перси открывал рот, как бы приглашая Пеггама полюбоваться на дело своих рук, или щелкал зубами, как голодный зверь при виде добычи.

Если бы атаман «грабителей» бросился бежать, он бы не-

пременно погиб, но он старался не поддаваться чувству страха. Он сообразил, что его противник, наверное, ослабел от потери крови и потому физически слабее его. Призвав на помощь всю свою энергию, Пеггам остановился и, прижавшись спиной к стене, приготовился к борьбе. Дорого бы дал он в эту минуту за то, чтобы иметь хоть какое-нибудь оружие... Но, к сожалению, он никогда не носил с собой даже ножа, так как не привык действовать сам, а только руководил другими.

Видя, что его противник готов принять бой, Перси с хриплым криком бросился на Пеггама, но тот ловко увернулся, и Перси едва не потерял равновесия.

В свою очередь, нотариус с проворством, непостижимым для его лет, схватил Перси за волосы и повалил на пол.

— Что, приятель, — вскричал он, наступая лежащему коленом на грудь, — разве старик Пеггам еще не в состоянии постоять за себя?

Но лицо Перси не выражало ни малейшего испуга. Глаза его по-прежнему горели безумием и ненавистью, и он лежал совершенно спокойно, не пытаясь сопротивляться.

Нотариус ошибочно понял эту неподвижность врага и самоуверенно продолжал:

— Ну вот, я ведь знал, что ты человек рассудительный. Всякая дальнейшая борьба бесполезна. Ты — в моих руках. Но я докажу тебе, что я вовсе не так зол, как ты думаешь.

Старый бандит вовсе не был уверен в том, что говорил, но в его положении лучше всего было идти на мировую.

— Ты видишь, — сказал он, — что мне ничего не стоит задушить тебя, как собаку.

И он попытался схватить своего противника за горло. Для этого ему пришлось выпустить руки Перси. Он сейчас же пожалел об этом, но было уже поздно. Длинные цепкие руки схватили нотариуса за волосы. Старик попытался восстановить свою прежнюю позицию. Теперь оба врага держали друг друга за волосы, и можно было с уверенностью сказать, что победа достанется более сильному из двух, то есть Перси. Несмотря на потерю крови, безумие, владевшее им, придавало ему силы. Пеггам это понял и затрепетал от страха за свою жизнь. Он даже не мог надеяться на чью-либо помощь, так как запретил своим подчиненным отлучаться с судна, и никто не знал, куда он ушел.

— А! — сказал он своему противнику. — Ты со мной поступил предательски. Ты воспользовался моим великодушием. Мне не следовало доверять тебе. Ну хорошо. Допустим, что наши шансы пока равны, но через несколько минут сюда

явятся мои люди, и тогда тебе придется плохо. Послушай, я готов признать свою вину: я поступил с тобой слишком жестоко, но разве ты не предал меня норландцам? Однако я согласен забыть все прошлое и отпустить тебя на все четыре стороны, но при условии, что ты уедешь куда-нибудь далеко и оставишь меня в покое. У тебя есть большой капитал, и ты сможешь спокойно жить... Сделай мне знак головой, что ты согласен, и я выпущу тебя сейчас же. Даю тебе в этом мое слово!

Но Перси по-прежнему оставался совершенно равнодушным к его словам, и только злобный горящий взор свидетельствовал о его чувствах.

— Что же ты молчишь? — продолжал нотариус, уже не скрывая своего ужаса. — Чего же ты еще хочешь? Мы оба виноваты друг перед другом. Я предлагаю справедливые условия... А, понимаю! Ты хочешь, чтобы я выплатил тебе обещанные сто тысяч?.. Но ведь я никогда и не отказывался платить, я только желал удержать тебя на службе еще пять лет... Ах, Перси, если бы ты знал, как я любил тебя!

Тон его был плаксивый и жалобный, но Перси по-прежнему не шевелился. Тогда старый крокодил понял, что окончательно погиб. Холодная, неумолимая решимость, которую он читал в глазах своего врага, лишила его последнего мужества, и он замолчал.

Вдруг он почувствовал, что Перси начинает медленно притягивать к себе его голову. На бледном, искаженном злобой лице горели дикие глаза. Распухший и окровавленный рот обнажал белые, острые и крепкие, как у волка, зубы. Из груди безумного вырывались какие-то странные звуки, похожие на змеиное шипение.

Пеггам попробовал было сопротивляться, но скоро понял, что это бесполезно. Его руки беспомощно опустились. Он отчаянно застонал в смертельной тоске. Зубы Перси с неистовой жадностью вонзились в горло нотариуса...

Глава XX ДРУГ ФРИЦ

Адмирал Коллингвуд и Красноглазый провели тревожную ночь на палубе готового к отплытию корабля. Они никак не могли понять, почему так долго не приходит Пеггам.

Узнав о готовившемся на него покушении, адмирал понял, что герцогу Норландскому известно про его преступление и что герцог никогда не простит ему убийства сестры. Поэтому

он охотно согласился помочь «Грабителям» навсегда отделаться от их общего опасного врага.

Отбросив всякую щепетильность, он вступил в общество «Грабителей» и выхлопотал себе продолжительный отпуск, чтобы непосредственно принять участие в пиратской экспедиции.

Экспедиция эта готовилась против Розольфсского замка. На лучших кораблях, принадлежащих обществу, были собраны самые смелые и преданные бандиты. Было решено плыть как можно скорее, чтобы прибыть в Розольфс раньше герцога Норландского. «Грабители» знали, что в замке оставалась ничтожная горсть воинов во главе с молодым Эриком Биорном. Овладев замком, злодеи рассчитывали устроить в нем засаду и таким образом захватить Фредерика и его брата.

Настало утро, взошло солнце. А между тем о Пеггаме не было ни слуху ни духу.

— Должно быть, старая лиса попалась в капкан, — высказал предположение Красноглазый. — Ничем другим я не могу объяснить его отсутствие.

— Придется отправиться на поиски, — отвечал Коллингвуд. — Я не могу дольше оставаться в состоянии этой томительной неизвестности. Мы должны спешить, если не хотим, чтобы норландцы успели в Розольфс раньше нас.

Надод отправил отряд в двадцать человек на поиски Пеггама, а сам с Коллингвудом пошел в Блекфрайярс.

Если бы адмирал и Красноглазый были внимательнее, они бы обратили внимание, проходя по набережной, на небольшую группу праздношатающихся, в центре которых стояли два цыгана с большим белым медведем на поводу. Но они были настолько погружены в свои собственные мысли, что не заметили даже того, как при виде их один из вожаков медведя отделился от своего товарища и, сделав тому знак, пустился за ними по пятам.

Дойдя до дома Пеггама, они были удивлены, найдя дверь открытой.

— Плохой признак, — сказал Надод.

— Сперва узнаем, что это значит, — отвечал Коллингвуд, входя в дом.

В доме была полнейшая тишина.

Надод и Коллингвуд окликнули Пеггама раз и другой. Никто не отвечал. В нижнем этаже они не заметили ничего подозрительного.

— Посмотрим наверху, — сказал адмирал.

Войдя в первую комнату, они невольно остановились: не смотря на дневной свет, на камине стояла зажженная лампа.

— Это плохой признак,— заметил Надод.— Должно быть, Пеггам после вчерашней казни опомнился и вернулся сюда.

— Вообще он очень неосторожен,— сказал Коллингвуд.— Ну разве можно оставлять врага позади себя, не удостоверившись в его смерти?

— Вот поэтому-то он, вероятно, и возвратился сюда,— продолжал Надод.— Разумеется, это он зажег лампу и потом позабыл ее погасить.

— Но чем же объяснить, все-таки, его отсутствие в данную минуту?

— Это верно, и я даже...— Он вздрогнул и не договорил.— Посмотрите! — воскликнул он.— Посмотрите вот сюда... около окна...— И он указал на кровавое пятно на паркете.

— Кровь! — прошептал адмирал в волнении.

— Очевидно, здесь происходила борьба,— обеспокоенно произнес Надод.— И я боюсь, что наш старик попал в скверную историю.

— И вот доказательство того, что вы правы,— сказал адмирал и, наклонившись, поднял с пола пучок рыжеватых с проседью волос.— Если я не ошибаюсь, эти волосы принадлежат Пеггаму.

— Что же в таком случае здесь произошло?! — воскликнул Надод.

— Сойдемте в подвал. Быть может, там мы найдем объяснение.

С замиранием сердца спустились злодеи в подземелье, где была совершена казнь над несчастным Перси.

Войдя в подвал, Надод пошатнулся и едва не выронил из рук лампы. Вырытая накануне яма была пуста: клерк Джошуа куда-то исчез.

— Не может быть, чтобы он выбрался отсюда сам! — пролепетал Надод.— Кто-то помог ему.

— Слишком много народу здесь было вчера,— заметил адмирал.— Разве не мог среди них затеряться изменник?

— Я ручаюсь головой за бывших вчера здесь,— возразил Красноглазый.

Лицо адмирала покрылось мертвенной бледностью.

— А между тем ясно, что предатель не мог убежать сам.

— Во всяком случае, теперь мы можем догадаться о том, что здесь произошло: вернувшись сюда ночью, Пеггам зажег лампу и едва успел сделать это, как на него напали те, что освободили Перси. Старик оказал сопротивление и был ранен. Но, судя по количеству крови, пролитой здесь, рана его была не опасна и он не умер... Следовательно, его унесли отсюда живым... Я уверен, что это дело рук норландцев.

При упоминании о его заклятых врагах по лицу адмирала пробежала тень тревоги.

— Скоро настанет наш черед, — пробормотал он.

— Я нахожу, что вы правы, — печально согласился Надод.

Наступило длительное и тягостное молчание. Адмирал первый нарушил его.

— По всей вероятности, все произошло именно так, как вы представили, — сказал он. — Меня удивляет только одно: ведь он же знает, что его ожидает. Как мог Пеггам отдаться в руки врагов живым?

— Как бы то ни было, — заметил Красноглазый, — нам необходимо позаботиться о нашей собственной безопасности, а для этого самое лучшее — уехать немедленно из Лондона, да, пожалуй, и из Англии...

Этот разговор происходил на верхнем этаже, куда оба злодея вернулись, удостоверившись в побеге Перси.

— Я не разделяю вашего мнения, — произнес задумчиво адмирал. — Вы ведь знаете Фредерика Биорна: от него нам нечего ждать пощады. Зачем же нам отказываться от нападения на Розольфс? Это можно сделать и без Пеггама. Если только вы уверены, что собранный вами отряд будет вам повиноваться...

— В этом я уверен, но прежде чем предпринять что-либо, я хотел бы подумать...

В эту минуту на нижнем этаже дома раздался легкий стук, как будто ветер хлопнул незапертою дверью, но ни Надод, ни Коллингвуд не слышали этого, поглощенные своим разговором.

— Как! Вы колеблетесь? — сказал Коллингвуд. — Неужели вы не чувствуете, до какой степени тяжело и невыносимо наше положение? Неужели вам не случалось ни разу задаваться вопросом: «А что со мною будет завтра?»? Быть в постоянном страхе, что тебя убьют, отравят или похитят... Не знаю, как вы на это смотрите, но мне надоело жить такой жизнью. Я не могу... Уж лучше смерть.

— Хорошо, пусть будет по-вашему. Мы отправимся в Розольфс, а так как кровь вызывает о крови, то до тех пор, пока норландцы не будут истреблены до последнего человека, мы не сложим оружия...

— В добрый час! — обрадовался адмирал. — Вот это называется быть мужчиной.

С этими словами он пошел было к дверям, но Надод остановил его жестом.

— Обождите еще одну минуту. Я велел своим людям прийти сюда, чтобы доложить мне о результатах поисков Пег-

гама. Они скоро будут здесь, я уверен в их аккуратности... Слышите? По лестнице кто-то поднимается... Наверное, это они.

В дверях показались два человека, смуглые и черноволосые, и остановились, низко и почтительно кланяясь.

— Кто вы такие? — испуганно воскликнул Надод.

— Что вам нужно? Как вы смели войти сюда без позволения? — спросил Коллингвуд.

— Ваше сиятельство, — отвечал один из цыган с таким ужасным акцентом, что адмирал с трудом понял его слова, — не извольте гневаться. Мы пришли сюда показать, как работает наш друг Фриц. Старый джентльмен хотел купить Фрица, чтобы забавлять экипаж...

— Кого купить, любезный? Какой такой друг Фриц? В Англии людей не покупают... Вот тебе полкроны и уходи отсюда, не мешай нам.

— Друг Фриц, ваше сиятельство, не человек. Мы сейчас покажем вашему сиятельству, кто такой друг Фриц.

Цыган потянул за веревку, которую держал в руках. Из-за двери показалась голова огромного белого медведя в наморднике.

— Ну, друг Фриц, поклонись джентльмену, — сказал вожак.

Медведь зарычал и начал кивать своей огромной головой направо и налево.

— Друг Фриц, поклонись теперь другому джентльмену, — продолжал вожак.

Медведь опять закивал головой.

— Друг Фриц у нас очень вежлив, ваше сиятельство, — заметил цыган.

Надод и Коллингвуд рассмеялись. Страх их успел совершенно рассеяться.

— Итак, наш Пеггам собирался купить этого ужасного зверя? — спросил Коллингвуд. — Скажите, вы этому верите, Надод?

— Вполне, — отвечал Красноглазый. — Старику иногда приходили в голову самые нелепые фантазии; я помню, он говорил мне однажды, что собрал на своем острове коллекцию всевозможных животных со всех концов света. Очень возможно, что он встретил этих цыган и медведь ему понравился. Зверь действительно великолепный...

— Именно так, ваше сиятельство, — подтвердил цыган. — Старый джентльмен видел работу друга Фрица, остался очень доволен и пожелал его купить. Ну, друг Фриц, потанцуй для джентльменов, покажи, какой ты мастер.

Медведь принялся танцевать на одном месте, оставаясь в дверях.

— Теперь, друг Фриц, потанцуй для другого джентльмена.

Медведь повторил представление.

Другой цыган стоял сзади на лестнице в ленивой позе, свойственной этому беспечному и беззаботному племени.

— Теперь друг Фриц проглотит голову своего хозяина, — сказал вожак, — а потом выпустит ее, как только хозяин ему прикажет. Это будет очень забавно.

Цыган стал снимать с медведя намордник.

— Не смей снимать! — взволновался Коллингвуд.

Но уже было поздно: в один миг с медведя был снят не только намордник, но и ошейник. Почувствовав себя на свободе, гражданин полярных стран громко зарычал от радости и несколько раз раскрыл свою огромную пасть, как бы вознаграждая себя за долгое пребывание в наморднике.

— Ну, друг Фриц, позабавь джентльмена, проглоти голову своего хозяина.

Цыган заставил медведя встать на колени и сунул свою голову ему в пасть. Голова поместилась там целиком. Вслед за тем из пасти медведя послышался глухой голос хозяина:

— Ну, друг Фриц, возврати голову твоему хозяину.

И он вынул из пасти свою голову, мокрую от слюны зверя.

Медведь занял свое прежнее место в дверях и начал тихонько приплясывать, топчась на одном месте и поматывая своей чудовищной головой.

— Ну, однако, довольно, — раздраженно сказал Коллингвуд. — Надевайте на медведя намордник и ошейник и уходите отсюда.

И адмирал бросил цыганам сверен.

Глава XXI НАДОД ВСПОМНИЛ

Стоя в стороне, Надод силился припомнить, где он раньше слышал эту кличку: друг Фриц. Она напосминала ему что-то знакомое, но дальше этого его память не шла. Время от времени он бросал недоверчивый взгляд на вожака, но ничего не мог прочесть на его бронзовом спокойном лице.

Цыгане, как видно, не собирались уходить.

Адмирал, теряя терпение, повторил свой приказ. Тогда вожак нехотя взял намордник и стал надевать его на друга Фрица, но медведь заартачился и глухо зарычал.

— Что это значит? — спросил адмирал, видя, что цыган собирается оставить медведя в покое.

— Друг Фриц не хочет намордника, а когда друг Фриц чего-нибудь не захочет, его трудно принудить.

— Так убирайтесь вы отсюда с вашим медведем! — набросился на них Коллингвуд. — Скорей!.. Живо!..

— Пойдем, друг Фриц, а то барин гневается, — сказал цыган, стараясь говорить самым нежным голосом. Но друг Фриц даже ухом не повел.

— Друг Фриц не хочет уходить, — плачевным тоном произнес цыган, — а когда друг Фриц чего-нибудь не хочет, его никак не заставишь.

— Убирайся к черту со своим другом, а не то я приму свои меры!..

— О, друг Фриц не боится никаких мер. Когда он заупрямится, то уж никого не слушает.

— Да ты что же? Смеешься что ли надо мной?..

— Я спрашивал друга Фрица, почему он не хочет уходить, и он ответил, что желает дожидаться старого джентльмена.

— Нет, это уж слишком!.. Уберетесь вы отсюда или нет? — закричал адмирал, подняв трость и подходя к цыгану.

— Если вы меня тронете, друг Фриц растерзает вас, — сказал цыган.

Решительный тон, каким были сказаны эти слова, подействовал на адмирала: Коллингвуд остановился.

— Прекрасно! — заревел он вне себя от ярости. — Оставайся тут со своим медведем хоть до скончания века, а мы уйдем. Пустите нас!

Адмирал направился к двери, Надод за ним.

Но медведь, сидя в дверях на задних лапах, злобно зарычал и щелкнул зубами.

— Уйми его и вели посторониться! — приказал Коллингвуд вожаку.

— Друг Фриц очень любит вас, — ответил цыган, — а кого друг Фриц любит, того не отпускает от себя.

— Стало быть, ты не хочешь нас выпустить? — возмутился Коллингвуд.

— Совсем нет, ваша светлость, но другу Фрицу хочется еще посидеть с вами.

— Наконец, всякому терпенью есть мера!.. Пропустишь ты нас или нет?..

— Вы не пройдете, — произнес цыган, и в голосе его прозвучала легкая нотка раздражения, которую адмирал в своем гневе не расслышал, но которая поразила Надода.

— Не пройдем?.. Это почему?.. — спросил адмирал, стараясь сдержать накипавшую в нем ярость.

— Потому что друг Фриц не хочет, — по-прежнему твердым тоном отвечал цыган.

— Постой же, негодяй!.. Я тебя научу, как смеяться над нами!..

И прежде чем Надод успел его остановить, адмирал поднял трость и ударил ею вожака по плечу.

Вся кровь бросилась в голову цыгану. Он хрипло зарычал и схватился за кинжал, торчавший за поясом. Лезвие сверкнуло в воздухе, но цыган вовремя спохватился и, бросив на адмирала презрительный взгляд, спрятал кинжал за пояс.

Товарищ его, неподвижно стоявший в стороне, тихо сказал по-норвежски:

— Отлично сделали, ваша светлость, что не замарали своих рук убийством этого негодяя.

Надод вздрогнул и побледнел. Норвежский язык был его родным, и он понял все. Сразу же ему вспомнился и друг Фриц, и место, где он его видел: это было в Розольфсе, куда он проник, чтобы подготовить неудавшееся нападение на замок. Там встретил он этого ручного медведя, всеобщего любимца.

Значит, они опять попали в руки своих непримиримых врагов. Он пошатнулся и упал бы, если бы адмирал его не поддержал.

— Пойдемте, — сказал Коллингвуд Красноглазому, не подозревая истинной причины его полубморочного состояния. — На воздухе вам станет легче.

Он не успел договорить. Надод с силой оттолкнул его и сказал:

— Взгляните!

Коллингвуд обернулся и застыл от ужаса: в трех шагах от него стоял человек, которого он раньше принял за настоящего цыгана. Это был герцог Норландский!

Глава XXII НА РОДИНУ

Розольфские корабли «Олаф», «Гаральд» и «Магнус» уже три недели тому назад покинули устье Темзы и на всех парусах шли по направлению к Розольфскому фиорду. Герцог Норландский и его моряки горели нетерпением увидеть родные места. Жители суровых северных стран отличаются осо-

бенной любовью к своей родине, как будто тяжелая борьба за существование привязывает их к ней сильней.

Норландские моряки и сам герцог с удовольствием покидали лондонскую роскошь, готовясь променять ее на бури Севера, на просторы снежных равнин, покрытых следами белых медведей и оленей.

Корабли шли уже вдоль северных берегов Норвегии, и при виде ее угрюмых скал и фьордов сердца матросов бились сильней, а лица сияли радостью. Еще три дня — и корабль «Олаф» во главе всей эскадры первым вступит в Розольфский фьорд.

Герцог и его брат также разделяли общее веселье. Им удалось сдержать свою клятву. Убийцы Леоноры и ее семьи, старого герцога и Олафа были в их руках. А так как Норландское герцогство было независимо и пользовалось правом самостоятельного суда, то Коллингвуда и Надода должны были судить там, где они совершили свои преступления.

В Норландии еще действовал старинный обычай, введенный Хаккином III Кривым. Этот обычай гласил: «Двадцать четыре обывателя из самых пожилых отцов семейств, под председательством герцога, произносят приговоры по всем уголовным делам. Исполнение приговора поручается, по жребию, одному из двадцати четырех самых младших обывателей, начиная с двадцатилетнего возраста, если кто-нибудь не вызовется сделать это добровольно».

Уже более двух веков не созывался совет старейшин. Честные и храбрые норландские моряки пользовались у себя дома полным гражданским миром, и в их среде не было места не только уголовным преступлениям, но даже и простым тяжбам. Все земли обрабатывались сообща, и урожай, приплод скота и прочие хозяйственные доходы делились между всеми членами общины поровну. Остаток от деления обыкновенно вносился в казну герцога, который никогда не пользовался им для себя, а употреблял его на нужды своих подданных. В случае какого-нибудь бедствия, — например, пожара, наводнения, — пострадавшие получали пособие от казны; казна же выдавала молодым новобрачным деньги на первоначальное обзаведение и принимала на себя расходы по устройству свадеб. Преступления были настолько редки, что, как мы уже говорили, верховный совет не собирался двести лет.

Фредерик Биорн предполагал воспользоваться этим старинным учреждением, чтобы вынести приговоры Коллингвуду и Надоду. Нужно было поскорее покончить с этими опасными злодеями. Но и после их казни Фредерик не мог быть спокоен, пока оставался в живых Пеггам.

С той самой ночи, когда нотариус попался в руки клерку мистера Джошуа, оба они точно в воду канули.

В самый разгар ожесточенной борьбы между Пеггамом и Перси выследивший их розольфсский лазутчик поспешно вернулся к своим и донес, что грозный атаман бандитов находится в Блекфрайярссе. Туда сейчас же бросился герцог со своими слугами Гуттором и Грундвигом, но опоздал: в доме уже не было никого. Только кровавое пятно, замеченное впоследствии Коллингвудом и Надодом, свидетельствовало о происходившей здесь борьбе.

Герцог Норландский велел своим лазутчикам осмотреть все больницы и частные лечебницы. Поиски не дали никаких результатов: Перси и Пеггам исчезли бесследно.

Казалось невозможным осветить тайну исчезновения главы «Грабителей». А между тем от ответа на этот вопрос зависел дальнейший образ действий Фредерика Биорна. Если Пеггам убит, то, следовательно, у герцога Норландского развязаны руки и он может спокойно заняться своими делами. Лишенное своего главы и вдохновителя общество «Грабителей» неминуемо должно было распасться, так как Пеггам никогда не имел помощников и предпочитал управлять всей организацией и вести дела общества единолично.

Глава XXIII ТАЙНА ПЕГГАМА

Кажется, во всем мире не было еще ни разу такой идеальной организации, как общество «Грабители морей». Ее конспирация была прямо поразительна. Так, например, дорогу на Безымянный остров знали кроме Пеггама еще только два капитана, да и те не решились бы ехать туда без него.

Это обстоятельство требует некоторого пояснения. К тому же нашим читателям пора подробно ознакомиться с таинственным островом, где должно разыгаться последнее действие нашего романа.

Лет за тридцать пять до описываемых происшествий, когда Пеггам только что получил от своего отца в наследство нотариальную контору в Чичестере, у берегов Англии разразилась страшнейшая буря. В одну из ночей на берег, близ Чичестера, была выброшена небольшая шхуна. Из семи человек ее экипажа спасся только один капитан. Он оказался, по жене, родственником Пеггаму, который и приютил его у себя в доме. Тогда капитан сообщил нотариусу, что он сделал одно совершенно невероятное открытие. Речь шла о каком-то ост-

рове, который был со всех сторон закрыт от взоров.

Описание острова казалось совершенно неправдоподобным. По словам капитана, этот остров, находившийся среди Ледовитого океана, отличался мягким, теплым климатом и имел роскошную тропическую растительность: дичь и плоды были там в таком изобилии, что капитан вместе со своим экипажем прожил на нем два года, катаясь как сыр в масле. В заключение капитан предложил Пеггаму составить компанию для эксплуатации этого чудесного острова.

Первое время нотариуса только забавляли эти рассказы; но потом, слушая, как капитан изо дня в день твердит одно и то же, он начал склоняться к мысли, что во всей этой истории есть доля правды. В конце концов родственники условились отправиться к таинственному острову в небольшой лодманской лодке, для управления которой достаточно было двух человек. Пеггам не хотел брать с собой никого по следующим причинам: во-первых, чтобы не показаться смешным в случае неудачи, а во-вторых, чтобы в случае успеха сохранить тайну.

Запасшись провиантом на полгода, нотариус и капитан отплыли из Лондона и через две недели прибыли в те воды, где, по словам капитана, лежала обетованная земля.

— Кажется, мы приближаемся, — сказал однажды вечером капитан, поглядев на морскую карту, где у него было отмечено положение острова.

— Может быть, но только я ничего не вижу, — отвечал недоверчиво нотариус.

— Да ведь я вам говорил, что остров невидим!.. Впрочем, наступает ночь, и я боюсь подъезжать ближе, чтобы не попасть в водоворот... Завтра, когда взойдет солнце, мы попробуем подъехать к острову.

— Только попробуем? — не без иронии заметил нотариус.

— Да, потому что приблизиться к острову можно лишь с опасностью для жизни. Но так как я уже раз был здесь, то надеюсь, что все обойдется благополучно.

Скоро наступила ночь, темная и безлунная. Пеггам провел ее без сна и, нужно сказать правду, чувствовал себя довольно жутко. Море было какое-то зловещее, вдали слышался странный гул, похожий на извержения отдаленных вулканов. По временам темные глубины моря освещались полосами фосфорического света, потом снова наступала непроглядная тьма. Лишь под утро нотариус слегка вздремнул, но вскоре же был разбужен своим товарищем.

— Помогите мне повернуть лодку, — кричал капитан, — иначе мы потонем!

Пеггам бросился к рулю. Лодка прыгала среди бушующих волн, как пробка; море сердито ревело, а между тем ветер был настолько слаб, что едва надувал паруса. Гул вдали не умолкал, и с той стороны, откуда он слышался, поднимался красноватый туман, похожий на огромную огненную завесу. Но это явление продолжалось недолго. Вскоре туман рассеялся, и лодка поспешила покинуть опасное место.

Когда Пеггам спросил капитана о причине его испуга, тот ответил:

— Я дал себя захватить врасплох. Мы неслись прямо на остров и едва не попали в водоворот... Но теперь опасность прошла... Можете спать спокойно.

Эта ночь тянулась нескончаемо долго. И сонное воображение нотариуса рисовало ему кипящую пучину, которая вот-вот должна была поглотить его вместе с лодкой.

Наконец стало светать.

— Ну, теперь мы поплывем к острову и постараемся попасть в течение, — сказал капитан. — Главное, не надо терять мужества.

Пеггаму оставалось молча сидеть и внимательно следить за действиями своего товарища.

Через полчаса нотариус закричал не своим голосом:

— Посмотрите! Посмотрите! Прямо на нас идет смерч! Поверните лодку, иначе он ее потопит!

Капитан улыбнулся.

— Успокойтесь. Этот смерч на нас не пойдет. Мы сами пройдем сквозь него.

— Но ведь это безумие!

— Это дорога к острову.

— Стало быть, ваш остров находится за этим колоссальным столбом воды?

— Нет, не за ним, а в самой середине его. Этот столб имеет около тридцати миль в окружности. Теперь вы понимаете, почему мой остров невидим?

Пеггам просто ушам не верил. Он стоял в лодке и таращил глаза на гигантский смерч.

— А как велика толщина этого водяного столба? — спросил он.

— Около ста метров. Я понимаю, для чего вы об этом спрашиваете: вам хочется знать, может ли лодка пробиться через такую массу воды.

— Вот именно.

— Я могу вам объяснить этот феномен, так как вполне изучил его во время своего пребывания на острове.

— Как вы называли свой остров?

— Никак.

— В таком случае, назовем его Безымянным.

— Прекрасно... Слушайте же меня. Возле самого острова существует подводный вулкан, находящийся в постоянном действии. Извержения вулкана расходятся под водой в виде короны, нагревают окружающую воду и доводят ее до состояния кипения. Образующийся при этом пар сдавливается верхним слоем воды, а вам, конечно, известна сила пара, находящегося под давлением. Чтобы выбиться из-под этого пресса, он подбрасывает водяной столб вверх, а вода падает обратно вниз, рассыпаясь мелкими брызгами. Впрочем, вы это сейчас сами увидите. Действием подводного вулкана объясняется и тропический климат острова, находящегося в центре извержения.

— Удивительно! — пролепетал нотариус. — Непостижимо!

— Вовсе уж не так непостижимо, как это кажется сначала. Я думаю, что большинство островов вулканического происхождения были прежде точно такими же... По крайней мере в тех случаях, когда извержение вулкана происходило в подобной форме. В сочинениях древних греков мы читаем, что многие мореплаватели того времени боялись вулканических извержений среди моря, считая эти подводные вулканы отдушинами ада.

— Я и не подозревал, что вы обладаете такими научными и литературными познаниями.

— О, ведь я учился в Кэмбридже, собираясь сделаться пастором, но потом променял это скучное ремесло на веселую жизнь моряка... Теперь мне осталось только объяснить вам способ, каким мы причалим к острову. Если бы уровень воды вокруг острова был везде одинаков, то к нему нельзя было бы подъехать, но этого нет и не может быть по причине вулканического происхождения острова. Поэтому около острова существует необычайно сильное течение, пробивающее в одном месте столб воды и пара. Отдавшись этому течению, можно и подойти к Безымянному острову, и уйти от него.

— Теперь для меня все ясно. Остается только приложить вашу прекрасную теорию на практике.

— Это нетрудно, но только вы должны мне помогать.

— С удовольствием. Говорите же, что нужно делать.

— Во-первых, возьмите веревку и привяжите себя к мачте, чтобы не упасть от сильного толчка, который получит лодка, вступив в течение. Затем, как только я подам команду, свертывайте немедленно последний парус... Смотрите, как я действую рулем: нужно помешать лодке опрокинуться, так как течение давит на нее справа... Ну вот. Через пять минут

мы пролетим через водяную стену с быстротой стрелы.

Пеггам молчал, устремив глаза на величественную водяную колонну, к которой они быстро приближались.

Вдруг капитан закричал громовым голосом:

— Парус долой!

Пеггам поспешил исполнить приказание. Последний парус упал, и лодка пошла вперед, отдавшись силе течения.

Больше Пеггам ничего не видел. Он почувствовал, что его как бы погрузили с головой в теплую воду. Но это было только мгновенное ощущение. Водяной столб был уже за ними.

У нотариуса вырвался невольный крик изумления: лодка вошла в канал, прорытый капитаном и его товарищами в первый их приезд к острову, и Пеггам увидел землю, покрытую густой растительностью. Было много цветов, и все необыкновенно крупные, но без запаха. На самом берегу росла кокосовая пальма, вероятно, выросшая из семени, занесенного сюда бурей откуда-нибудь с юга.

— Да здесь настоящий рай! — проговорил чичестерский нотариус. — Здесь можно развести растения и деревья всех видов, какие только встречаются во всем мире!

Мистер Пеггам никогда не был доволен своим общественным положением. Его давно грызло честолюбие и желание быть богатым и властвовать. По своему характеру это был настоящий тиран, и окружающим приходилось порядком терпеть от его выходок.

Несколько лет тому назад у него зародилась мысль воспользоваться для своих честолюбивых замыслов глухой враждой, раздиравшей почти все государства Европы и омрачившей конец восемнадцатого века непрерывными войнами.

Открытие Безымянного острова облекло в плоть и кровь его призрачные планы. На девственной почве нового острова положил он начало организации «Грабители морей», которая в течение сорока лет наводила своими злодеяниями ужас на всю приморскую Европу.

Пеггам был единственным главой этого общества, но предпочитал делать вид, будто подчиняется какому-то верховному тайному совету. Свою хитрость он простирали до того, что сам иногда критиковал распоряжения этого мифического совета и грозил «подать в отставку», но «грабители» обыкновенно упрасивали его остаться. И никто, даже сам Надод, не подозревал, что хитрый нотариус просто играет добровольную роль и что никакого совета в действительности не существует и всю власть в организации осуществляет один Пеггам.

Таков был способ, при помощи которого чичестерский нотариус поддерживал свою власть. Другой способ, обеспечивав-

ший ему преданность всех бандитов, заключался, как мы уже знаем, в том, что он предоставлял «грабителям» и их семьям убежище на своем острове. Не было такой роскоши и таких наслаждений, которые были бы недоступны населению Безымянного острова.

Вследствие этого бандиты всячески старались отличиться, чтобы только попасть на сказочный остров, и лезли из кожи вон, чтобы угодить Пеггаму.

Как подойти к острову, знал только один атаман «грабителей». Лишь только корабль приближался к водяной стене, Пеггам сейчас же запирает капитана в каюте и сам берет за руль. Так же поступал он и при отъезде с острова.

Такая организация сообщала преступному товариществу огромную силу, но, с другой стороны, в случае исчезновения или смерти Пеггама оно было обречено на распад. К тому же живущие на острове не могли бы его покинуть и им пришлось бы довольствоваться местными ресурсами, которые хотя и были значительны, но, при неизбежном размножении населения острова, оказались бы, в конце концов, недостаточными.

Это обстоятельство заставляло Пеггама не раз серьезно задумываться. Прежде он рассчитывал принять какие-нибудь меры, когда сам состарится, но по мере приближения старости властолюбивый нотариус все крепче и крепче держался за свою власть и все ревнивее оберегал ее от всякого соперничества. Своему любимцу Перси он многое доверял, но ни об острове, ни о тайнственном правлении товарищества «Грабителей» не сказал ничего. Быть может, Пеггам в конце концов решился бы сделать Перси своим помощником и назначить его своим преемником на случай смерти, но клерк мистера Джошуа пожелал избрать другой путь.

Ежегодно нотариус проводил на острове от восьми до десяти месяцев, отдыхая и предаваясь наслаждениям. В то же время он обдумывал и готовил будущие экспедиции. Возвращаясь в Лондон, он принимал от своих шпионов самые подробные доклады и потом давал инструкции и распоряжения начальникам отделов, предоставляя им возможно больше свободы и инициативы в действиях.

В Чичестере он ежегодно появлялся не более чем на один месяц. Конторою управлял его родной брат вместе с почтенным Ольдгамом. В первое время такое отношение к своему прямому делу казалось публике крайне странным, но когда клиенты убедились, что Пеггам необыкновенно выгодно помещает их деньги и платит огромные проценты, то все примирилось с чудачествами и странностями нотариуса, и в его

конторе сосредоточились чуть ли не все капиталы графства Валлийского.

Таковы были происхождение и организация удивительного товарищества «Грабителей».

Пеггам был человек необыкновенно даровитый, он надеялся бы чудес, если бы его деятельность была направлена на добро, а не на зло.

Первым делом он позаботился обеспечить себе исключительное право на обладание островом. Накануне прибытия в Лондон он хладнокровно и без малейшего колебания подошел к задремавшему у руля капитану и, приподняв его за ноги, сбросил в воду.

Теперь нотариус безраздельно владел тайной чудесного острова.

Глава XXIV БИЛЛЬ НАХОДИТ СОЮЗНИКА

Герцогу Норландскому не хотелось уезжать из Лондона, не получив достоверных сведений об участии Пеггама. Грундвиг, волнуемый дурными предчувствиями, не одобрял медлительности герцога и настаивал на скорейшем отъезде домой.

— Подожди еще сутки, — возражал ему герцог. — Нам необходимо собрать справки о Пеггаме, ведь в Розольфсе мы не сможем этого сделать.

— Как знать! — сквозь зубы пробормотал верный слуга. — Там-то мы, быть может, и узнаем о нем скорее всего.

Вслух он не решался высказать своих соображений, чувствуя всю их необоснованность, но в душе был уверен, что им не миновать беды.

— Знаешь, Грундвиг, это у тебя какая-то мания, — говорил герцог. — Ну для чего нам так торопиться с возвращением в Розольфс? Мне и самому хочется поскорее казнить злодеев, но если мы не оградим себя со стороны Пеггама, то навлечем на себя гибель. Впрочем, я, так и быть, даю тебе слово, что если и завтра мои розыски не приведут ни к чему, то мы уедем во всяком случае.

Настойчивость Грундвига принесла свои плоды. На следующий день розольфсская эскадра вышла из Лондона, а через две недели уже вступила в норландские воды.

Вечером того дня, когда показался Розольфский мыс, Грундвиг стоял, опираясь на борт «Олафа», и с чувством глубокого умиления смотрел на родные берега. Вместе с тем его

сердце по-прежнему сжималось от дурного предчувствия, и он шептал про себя:

— Нет, право, какая-то беда носится в воздухе. Да сохранит Бог герцога и его семью! Да отвратит он от них погибель!

Уезжая из Лондона, герцог Норландский оставил там своего доверенного человека в лице капитана Билля и снабдил его самыми широкими полномочиями для розысков Пеггама и Перси.

Разумеется, от него никто не ожидал, чтобы он захватил в свои руки главаря «Грабителей» — это было не по силам одному человеку, но ему было поручено, если только он разыщет бывшего клерка мистера Джошуа, вступить с ним в переговоры и привлечь его на сторону норландцев.

Герцог мог дать Биллю лишь самые неясные указания относительно того, как действовать, но тем не менее молодой человек с радостью принял возложенное на него поручение. Он успел войти во вкус той тревожной жизни, полной приключений и опасностей, которую он вел в Лондоне.

Из всех розольфсцев Пеггам меньше всех знал именно Билля, и это обстоятельство, по мнению молодого человека, позволяло ему действовать решительнее кого-либо другого. Прежде всего он принялся за розыски Перси, который один мог указать местонахождение Безымянного острова.

На другой же день после отплытия эскадры Билль тщательно осмотрел все ночлежные дома, больницы и лечебницы. Не найдя там ничего, он отправился в Скотланд-Ярд и попросил позволения просмотреть список жертв несчастных случаев и убийств, происшедших за последнее время. Здесь он наткнулся на следующую отметку: «Эдуард Перси, клерк мистера Джошуа Ватерпуффа, солиситора, взят бригадиром Шау на улице в припадке сумасшествия и отведен в Бедлам».

Эта удача привела Билля в восторг, но его радость омрачилась, когда он вспомнил, что Перси назван в отметке сумасшедшим.

«Неужели он и вправду сошел с ума?.. — подумал молодой человек. — Тогда я от него ничего не добьюсь!..»

Он отправился к бригадиру Шау, и полицейский надзиратель рассказал ему, что встретил несчастного Перси на улице в состоянии безумия, в растерзанной одежде, и что Перси кричал что-то дикое и бессвязное и махал руками. Тогда Билль, не теряя времени, отправился в Бедлам и спросил, не может ли он видеть сумасшедшего Эдуарда Перси.

— Этот человек совсем не сумасшедший, — ответил ему чиновник, к которому он обратился. — Он тогда был просто в горячке, вызванной страшным увечьем, нанесенным ему разбой-

никами: они отрезали у него язык. Теперь рана зажила, и он скоро выпишется из больницы... Не угодно ли вам подождать в приемной, мы сейчас позовем его.

— Я буду вам очень благодарен,— отвечал Билль.

Он не успел присесть, как чиновник вернулся и объявил:

— Вот ваш Перси.

Билль встал навстречу клерку и увидел солидного и прекрасно одетого человека. Действительно, наружность Перси изменилась к лучшему. Искусный парикмахер остриг ему бороду и волосы, и одет он был изящно и по моде. В руке бывший клерк держал дощечку слоновой кости и карандаш, с помощью которых объяснялся.

Билль и Перси поклонились друг другу.

— Сэр,— сказал Билль,— меня послал к вам герцог Норландский, только что сам уехавший из Лондона. Он поручил мне сделать вам одно предложение, для вас небезынтересное...

При этих словах лицо Перси немного покрылось багровым румянцем. Не отвечая письменно, Перси указал своему собеседнику на дверь и жестами показал, что вне дома им будет удобнее говорить.

Они вышли. У подъезда стоял роскошный экипаж. Немой знаком пригласил Билля садиться, потом сел сам. Чистокровные рысаки дружно взяли с места и понесли.

«Говорите скорей, без лишних слов,— написал на дощечке Перси.— Расскажите мне все, что знаете, потому что герцогу Норландскому грозит опасность».

Встревоженный Билль рассказал ему все, что знал сам и что знает читатель из предыдущих глав.

Тем временем карета остановилась у прекрасного особняка, и клерк ввел Билля в богатый салон.

«Я весь к вашим услугам,— написал он.— Вам нечего больше прибавить к своему рассказу?»

— Ничего. Я только повторяю, что герцог чрезвычайно дорожит союзом с вами.

«Я ваш союзник,— скользнул карандаш по дощечке.— И тем охотнее, что своим увечьем обязан Пеггаму».

— Не может быть!

«Да! — ответил карандаш.— Кроме того, он меня зарыл живого в землю и оставил на съедение крысам. Я спасся только каким-то чудом и теперь жажду отомстить ему».

— Стало быть, Пеггам жив?

«Жив,— начертил карандаш.— Он был в моей власти, но я его не убил. Я находился как будто в бреду. Помню только, что я вцепился зубами в его шею или щеку, а потом убежал,

охваченный безумием. На другой день я очнулся в Бедламе. Вызвав к себе своего слугу, который считал меня погибшим, я послал его в Блекфрайярс узнать, что стало с Пеггамом. Он принес известие, что в доме не было найдено никакого трупа и что корабль «Север» вышел накануне вечером в море. Из этого я заключил, что наш общий враг жив, так как на этом корабле находилось шестьсот «грабителей» из числа самых отчаянных, а самый корабль предназначался для решительной экспедиции против Розольфского замка».

— Боже мой! Неужели это правда?

«Сущая правда. Пеггам хотел воспользоваться отсутствием герцога Норландского и нанести решительный удар неприступному гнезду Биорнов. Это ему, наверно, удалось, потому что если розольфская эскадра, как вы говорите, вышла только вчера, то Пеггам, стало быть, опередил ее на целую неделю. Должен вам сказать, что главная цель Пеггама — овладеть драгоценными коллекциями, хранящимися в замке. Поэтому вы можете быть уверены, что он ничего истреблять не будет, но заберет решительно все», — написал Перси.

— Боже мой! Как бы этому помешать?.. Но нет, это невозможно!.. Шутка ли, на целую неделю!.. А что будет с Эриком, с младшим братом герцога?

«Пеггам никогда никого не щадит. Это не человек, а зверь. Правда, он говорил мне, бывало, нежные слова, но они предназначались в уплату за десятилетнюю службу».

— Какой удар будет для герцога, когда он вернется домой!

«Его можно предупредить и тем смягчить удар. Вдобавок его может утешить надежда на скорую месть, так как у меня есть карта Безымянного острова, которую я вам передам. Я знаю, одного пропойцу, служившего капитаном у «Грабителей» и бывавшего не раз на Безымянном острове. Этот человек соглашается нам помочь, причем ставит два условия: во-первых, чтобы ему было уплачено за труд двадцать тысяч стерлингов, а во-вторых, чтобы Пеггаму не давали пощады ни в коем случае».

— Можете смело соглашаться на все его условия.

«Я знал, что вы не будете возражать, и заранее дал согласие».

— Теперь мы должны подумать, как предупредить герцога, — сказал Билль.

«Нет ничего легче, — написал Перси. — Мы найдем самое быстроходное судно во всем Лондоне и поручим его Бобу

Торненсу. На этого человека можно вполне положиться, когда он не пьет. Итак, идите, а завтра утром будьте готовы к отъезду».

Глава XXV

ГИБЕЛЬ БЕЗЫМЯННОГО ОСТРОВА

После солнечного заката эскадра герцога Норландского бросила якорь у входа в Розольфский фьорд. Ветер совершенно упал, и паруса бессильно повисли. Несмотря на все нетерпение поскорее достигнуть дома, розольфцам приходилось ждать попутного ветра.

Коллингвуд и Надод были заперты в одной из кают «Олафа». Пленников зорко стерегли день и ночь, так что всякая возможность бегства была для них отрезана. Несколько раз они заявляли о своем желании поговорить с герцогом, но он упорно отказывался сойти к ним. Вечером того дня, когда корабли стали на якорь в фьорде, они снова передали Фредерику Биорну, что хотят что-то сообщить ему. Герцог послал к ним Грундвига, но они ответили, что будут говорить только с самим герцогом.

Тогда Фредерик спустился к узникам.

— Я пришел,— сказал он сурово,— но если вы рассчитываете обратиться к моему милосердию,— это будет напрасно.

— Мы и не помышляем об этом,— ответил Коллингвуд.— Я бы счел ниже своего достоинства умолять о своей жизни пирата, которого я едва не вздернул на виселице.

— Что же, вы желали меня видеть только для того, чтобы оскорбить?

— Вы ошибаетесь, мы хотели предупредить вас и сделали бы это уже давно, если бы вы сами не отказывались нас выслушать. А теперь, по всей вероятности, уже слишком поздно. Слушайте! По возвращении домой вы найдете ваш замок разграбленным, а молодого Эрика и всех его слуг убитыми.

— Как вы смеете шутить со мной!— закричал герцог.

— Это не шутка. В день нашего отъезда из Лондона мы заметили из окна каюты, как корабль «Север», принадлежащий «Грабителям», на всех парусах выходил из устья Темзы. Мы еще раньше знали о готовящейся экспедиции против Розольфа и потому сейчас же догадались, куда идет корабль. Мы вызывали вас, чтобы сказать вам об этом, так как считаем, что уже довольно пролито крови с обеих сто-

рон. Но вы не пожелали удостоить нас своим вниманием... Пусть же эта новая кровь падет на вашу голову!

Гуттор и Грундвиг были ошеломлены этим известием, но они не потерялись, а, собрав все свое мужество, принялись за дело.

Решено было идти в Розольфс немедленно, на веслах.

Прошло очень немного времени, и в ночной тишине раздался мерный всплеск весел отъезжающих лодок.

На каждом корабле было оставлено только по пять человек для охраны под командой Гаттора, бывшего начальника стражи при старом герцоге. Старый воин расхаживал по палубе, сожалея, что ему не придется участвовать в битве. Он знал, что тремстам норландцам предстоит сразиться с шестью сотнями бандитов, и этого было для него достаточно, чтобы позавидовать товарищам.

Храбрый Гаттор не знал, что бандиты опередили норландцев на неделю и что от замка, по всей вероятности, остались одни развалины.

Ночь была очень темная, как все безлунные ночи в Северном море. Тишину ее нарушали только отдаленный плеск волн да перекличка вахтенных. С берега, хотя он был недалеко, не доносилось ни малейшего звука.

Гаттору надоело ходить взад и вперед; он облокотился о борт и стал глядеть в темное море. Вдруг ему показалось, что у входа в фиорд движутся какие-то точки, числом пять или шесть. Тогда он подозвал к себе остальных четырех матросов, оставшихся на корабле, и спросил их, что они думают об этих точках.

— Не может быть, чтобы это были наши лодки, — сказал он. — Они не могли так рано вернуться.

— Разумеется, не могли, — согласился один из матросов, — потому что по времени они едва успели туда доехать.

Точки между тем продолжали двигаться, незаметно приближаясь к кораблям.

Розольфсцами овладела паника. Они были суеверны и верили в то, что призраки, или души погибших в плаваньи моряков, блуждают по морям и топят корабли.

— Призраки!.. Это призраки! — закричали матросы.

Розольфский мыс считался местом, которое особенно охотно посещали призраки.

И в то время как испуганные матросы в страхе жались около Гаттора, лодки бандитов, — это были они, — пристали к кораблю. В мгновение ока «грабители» были на палубе «Олафа», и четыре матроса разом пали под их ударами. За ними упал и Гаттор, заколотый кинжалом.

— К нам! К нам! Помогите! — закричали тогда из своей каюты Коллингвуд и Надод, догадавшись о том, что произошло.

Под дружным напором нескольких человек запертая дверь распахнулась, и узники получили свободу.

— Кого мы должны благодарить? — спросил Коллингвуд.

— Пеггам никогда не покидает своих друзей, — отозвался голос человека, предводительствовавшего бандитами. — А теперь, друзья, подложите огня в крюйт-камеру.

Взвод бандитов под начальством десятника, захватив с собой фонарь, спустился в трюм, куда сейчас же был пропущен зажженный фитиль. Сделав это, взвод вернулся наверх.

— Эй, вы! — крикнул главарь шайки, обращаясь к товарищам, хлопотавшим на остальных кораблях. — Кончили вы?

— Кончили! — отозвались те.

— Так по лодкам и отчаливайте скорее, если не хотите взлететь на воздух... Как жаль, что нет ветра, а то бы мы могли взять эти корабли с собой.

«Грабители» не заставили себя ждать и, покинув корабли, поспешно отъехали в сторону.

Раздался взрыв, розольфские корабли с ужасным треском один за другим взлетели на воздух.

Герцог Норландский со своими людьми уже подплывал к Розольфсу, когда до них донеслись раскаты взрывов.

— Они взорвали наши корабли! — закричал герцог, не помня себя от горя. — О, негодяи, негодяи!..

И он в отчаянии упал на дно лодки.

Итак, герцогство лишилось своего флота. В каком же положении находился замок? Наверное, Пеггам не пощадил и его. Удалось ли ему найти золото, хранящееся в подвалах замка? Гуттор и Грундвиг боялись даже подумать об этом. Если бы это случилось, Биорны были бы разорены, от всего богатства, накопленного веками, у них оставалось бы лишь несколько миллионов в банкирской конторе Беринг. Для Биорнов это равнялось нищете... А что случилось с Эриком?

Сделав над собой усилие, Фредерик Биорн поднялся на ноги и оглянулся кругом.

В глазах его сверкали молнии. Его подданные никогда не видали его в таком гневе, но старые матросы с «Ральфа» узнали в нем своего бывшего капитана.

— Да здравствует Капитан Вельзевул! — невольно приветствовали они его, как один человек.

— В замок! — крикнул Фредерик Биорн суровым голо-

сом.— Клянусь, что ни один из бандитов не уйдет от моего мщения!

В замке разорение было велико, но не в такой степени, как этого боялся Грундвиг. Подвалы оказались нетронутыми, и заповедные сокровища Биорнов, таким образом, уцелели. Пеггам потратил слишком много времени на расхищение коллекций розольфского музея, а тем временем подошли норландцы, и бандиты вынуждены были бежать, так как, несмотря на свое численное превосходство, они не решились бы вступить в бой с такими храбрыми и ожесточенными противниками.

На замок бандиты напали ночью, Эрик в это время был на охоте. Привратник впустил бандитов, думая, что это вернулись охотники, а когда заметил ошибку, сейчас же поднял тревогу и дал знать в горы. Тем временем бандиты рассыпались по замку и принялись за грабеж. Эрик, получив страшное известие, немедленно созвал всех своих вассалов и во главе ста пятидесяти всадников помчался в замок. За седлом у каждого всадника было посажено по одному пастуху. Таким образом, бандитам предстояло сразиться с тремя сотнями розольфцев. Боясь быть осажденными в замке, они поспешно бросились на свой корабль и ушли прочь. Остальное читателям уже известно.

Радость Фредерика Биорна, узнавшего, что его брат жив, была лучшей наградой за все пережитые волнения.

— А теперь — за мщение! — воскликнул он.

Тон его был такой уверенный, что все ободрились. Герцог решил ехать немедленно в Христианию, а оттуда в Лондон на наемном корабле. В Лондоне он намеревался сейчас же составить себе новый флот и с ним преследовать бандитов.

Вдруг воин, взошедший на башню, радостно сообщил: — Корабль в фиорде! Судно под норландским флагом!

То был капитан Билль с Перси и Бобом Торненсом... Их задержал в дороге встречный ветер, а потом штиль.

Прибытие их было встречено с большой радостью.

В тот же вечер шхуна вышла в Лондон, увозя сто двадцать человек норландцев и пятьдесят миллионов денег. Герцог Фредерик задумал серьезную экспедицию против «Грабителей». Он на время снова превратился в грозного Капитана Вельзевула.

*

Самый большой из новых кораблей, снаряженных Фредериком Биорном в Лондоне, был назван «Ральфом». Это имя, начертанное золотыми буквами на черной доске, долж-

но было напомнить всем старым матросам то время, когда они жили среди беспрестанных битв.

Через две недели после отплытия из Лондона «Ральф» в сопровождении одиннадцати других кораблей приблизился к Безымянному острову. Боб Торненс показал себя искусным моряком и блистательно подвел эскадру к берегам острова. В полной тишине была произведена высадка на берег. Жители острова ничего не подозревали. Они были слишком уверены в своей безопасности на этом острове.

Тогда Капитан Вельзевул обнажил шпагу.

— Вперед, ребята! — скомандовал он. — И помните: пощады никому!

Началось ужасное кровопролитие.

Жестокая бойня продолжалась всю ночь. А когда настало утро, ни одного человека из населявших Безымянный остров не осталось в живых.

Среди убитых оказался и нотариус Пеггам.

Так погиб этот человек, в течение сорока лет сеявший кругом себя смерть и разорение, а вместе с ним погибло и преступное общество «Грабители морей».

Содержание

БЕРЕГ ЧЕРНОГО ДЕРЕВА И СЛОНОВОЙ КОСТИ

Часть первая

Последнее невольничье судно

Шхуна «Оса»	5
Братья Ронтонаки и К ^о	11
Пассажиры «Осы»	14
В открытом море.— Главный штаб «Осы»	18
Битва «Осы» с «Доблестным». — Прибытие на мыс Негро	25

Часть вторая

Торговля неграми

Бенгела	40
Король Гобби.— Тревога	46
Река мертвецов.— Корвет	54
Погоня.— Рабы	60

Часть третья

На берегах Конго

Гобби возвращается в свое королевство.— Барте и Гиллуа на службе	67
Суд короля Гобби.— Странное посещение	73
Незнакомец	76
Момту-Самбу.— План побега	78
Побег и погоня	83

Часть четвертая

Леса Конго

Верхний Конго.— Ночь тревоги	93
Борьба.— Страшный пир	100
Бегемоты.— Приготовление к отъезду	108

Часть пятая

Болото Конго и банкроты

Постройка пироги.— Прогулка по девственному лесу	115
Двенадцать дней плавания.— Берега Банкоры	118
Праздник.— Озеро Уффа	123

Часть шестая

Разбойники Центральной Африки

Путь к Мукангаму и экватору.— Исчезновение Буаны	131
Тревожная ночь.— Месть Уале	137
Король Рембоко.— Прибытие к ассирам	142
Габон.— Прощание с Лаеннеком	149
Либревиль.— Возвращение во Францию	155
Эпилог	160

КОРСАР ИНГОЛЬФ

Часть первая

Пираты Мальстрема

Глава I. Таинственный корабль	167
Глава II. Корсар Ингольф	169

Глава III. На краю гибели	171
Глава IV. Неожиданные спасители	174
Глава V. Надод узнает своих врагов	176
Глава VI. Неприятельская эскадра	180
Глава VII. Биорны	182
Глава VIII. Пропавшие без вести	185
Глава IX. Крик белой совы	187
Глава X. Два шпиона	191
Глава XI. История Надода	194
Глава XII. «Грабители морей»	196
Глава XIII. Преступный заговор	199
Глава XIV. Англичане!	202
Глава XV. Ингольф принимает решение	204
Глава XVI. В плену	207
Глава XVII. Побег	209
Глава XVIII. Призрак	212
Глава XIX. Грундвиг действует	215
Глава XX. Башня Сигурда	217
Глава XXI. Надод заговорил	220
Глава XXII. В осаде	222
Глава XXIII. Герб Биорнов	224
Глава XXIV. О дяде Магнусе	227
Глава XXV. «Друг Пеггама»	230
Глава XXVI. Лемминги	234
Глава XXVII. Месть Красноглазого	237

Часть вторая

Свободное море

Глава I. «Дядя Магнус»	240
Глава II. Тайнственная угроза	243
Глава III. Выстрел ночью	247
Глава IV. Тайна мулата	252
Глава V. Человек за бортом	257
Глава VI. Двойная мина	262
Глава VII. Бухта Надежды	269
Глава VIII. Эдуард Пакингтон	271
Глава IX. Густапс и Иорник	275
Глава X. Ночное покушение	276
Глава XI. Немой говорит	278
Глава XII. Гуттор воскресает	282
Глава XIII. Ледяная стена	287
Глава XIV. Дядя Магнус найден	291
Глава XV. Последний в роду	293

ГРАБИТЕЛИ МОРЕЙ

Глава I. Таверна «Висельник»	299
Глава II. В ловушке	307
Глава III. По горячим следам	312
Глава IV. Секретарь адмирала	318
Глава V. Заговор	325
Глава VI. Два негодяя	329
Глава VII. Неожиданный посетитель	336
Глава VIII. Безымянный остров	342
Глава IX. В руках злодеев	348
Глава X. Находка	354
Глава XI. Судебная ошибка	356

Глава XII. Прогулка по Темзе	359
Глава XIII. Пять тысяч фунтов стерлингов	362
Глава XIV. Дерзкий план	367
Глава XV. В затруднении	369
Глава XVI. Похищение	372
Глава XVII. На свободе	377
Глава XVIII. Заживо погребенный	379
Глава XIX. Враги	383
Глава XX. Друг Фриц	386
Глава XXI. Надод вспомнил	391
Глава XXII. На родину	393
Глава XXIII. Тайна Пеггама	395
Глава XXIV. Билль находит союзника	401
Глава XXV. Гибель Безымянного острова	405

Литературно-художественное издание

Луи Жаколио

**БЕРЕГ ЧЕРНОГО ДЕРЕВА
И СЛОНОВОЙ КОСТИ**

КОРСАР ИНГОЛЬФ

ГРАБИТЕЛИ МОРЕЙ

(Библиотека приключений)

Ответственный редактор Г. Пантелеева
Корректоры Н. Андрианова,
И. Тетерина

Сдано в набор 04.01.93. Подписано в печать 21.05.93. Формат 84×108^{1/32}.
Бумага газетная. Печать высокая. Усл. печ. л. 21,84.
Тираж 200 000 экз. Заказ № 425. Цена свободная.

АО «Звезда».
614600, г. Пермь, ГСП-131, ул. Дружбы, 34.

Жаколио Луи

Ж 12 Берег черного дерева и слоновой кости. Корсар Ингольф. Грабители морей: Романы/Пер. с франц. Оформл. А. Филиппова. — Пермь: «КАПИК», 1993. — 412 с. (Библиотека приключений.)

В 1994 году издательство «КАПИК»
выпустит следующие книги:

серия «*Дамский роман*»

Томас Гарди
ТЭСС ИЗ РОДА Д'ЭРБЕРВИЛЛЕЙ

Жорж Санд
МОПРА. ИНДИАНА

Эрих Мария Ремарк
ТРИ ТОВАРИЩА

Решад Гюнтекин
ПТИЧКА ПЕВЧАЯ

Эмиль Золя
НАНА

Ги де Мопассан
ЖИЗНЬ. МИЛЫЙ ДРУГ

Эптон Синклер
СИЛЬВИЯ. ЗАМУЖЕСТВО СИЛЬВИИ

Франсуаза Саган
*ЗДРАВСТВУЙ, ГРУСТЬ!
НЕМНОГО СОЛНЦА В ХОЛОДНОЙ ВОДЕ.
ЛЮБИТЕ ЛИ ВЫ БРАМСА?..*

серия «Библиотека приключений»

Вальтер Скотт
ПИРАТ

Эмилио Сальгари
ВЛАДЫКО МОРЕЙ. В ДЕБРЯХ БОРНЕО

Фредерик Марриэт
*МОРСКОЙ ОФИЦЕР ФРАНК МИЛЬДМЕЙ.
КОРОЛЕВСКАЯ СОБСТВЕННОСТЬ*

Фредерик Марриэт
*ПРИКЛЮЧЕНИЯ ЯКОВА ВЕРНОГО.
ИАФЕТ В ПОИСКАХ ОТЦА*

Густав Эмар
ТВЕРДАЯ РУКА. ГАМБУСИНО

Эмилио Сальгари
*НА ДАЛЬНОМ ЗАПАДЕ.
ОХОТНИЦА ЗА СКАЛЬПАМИ.
СМЕРТЕЛЬНЫЕ ВРАГИ*

Вальтер Скотт
АЙВЕНГО

Фенимор Купер
*«МОРСКАЯ ВОЛШЕБНИЦА»,
или БОРОЗДЯЩИЙ ОКЕАН*

Издательство «КАПИК»
планирует выпустить юмористическую серию

«Человечество смеется»

в 12 томах.

В 1994 году выйдут в свет первые книги:

Ярослав Гашек
*ПОХОЖДЕНИЯ БРАВОГО СОЛДАТА
ШВЕЙКА*

Илья Ильф, Евгений Петров
*ЗОЛОТОЙ ТЕЛЕНОК.
ДВЕНАДЦАТЬ СТУЛЬЕВ*

Джером Клапка Джером
ТРОЕ В ОДНОЙ ЛОДКЕ, НЕ СЧИТАЯ СОБАКИ

Джозеф Хеллер
ПОПРАВКА-22

БИБЛИОТЕКА ПРИКЛЮЧЕНИЙ